

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера)
Российской академии наук

На правах рукописи

Янковская Аглая Алексеевна

**Историко-этнографические сюжеты в средневековых арабских
источниках по малайско-индонезийскому региону**

Специальность 07.00.07
– Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д. и. н. Елена Владимировна Ревуненкова

Санкт-Петербург
2016

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Ближний Восток и Юго-Восточная Азия в средние века.....	16
Глава II. Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону.....	26
§1. Текстологические и литературные особенности источников.....	27
§2. Обзор текстов и сведения об авторах.....	41
«Известия о Китае и об Индии» (IX в.) и дополнение к ним Абу Зейда Хасана ас-Сирафи (X в.).....	41
Ибн Хордадбех (IX в.).....	44
Ал-Йа'куби (IX в.).....	45
Ибн ал-Факих (X в.).....	46
Ибн Руста (X в.).....	47
Ал-Мас'уди (X в.).....	48
Абу Дулаф (X в.).....	50
Сухраб / Ибн Серапион (X в.).....	52
«Путешествия Синдбада» (X в.).....	52
Бузург ибн Шахрияр (X в.).....	53
«Сокращение диковинок и чудес» (X в.).....	54
Ал-Бируни (XI в.).....	55
Ал-Марвази (XII в.).....	57
Ал-Хараки (XII в.).....	57
Ал-Идриси (XII в.).....	57
Йакут (XIII в.).....	59
Ал-Казвини (XIII в.).....	61
Ибн Саид ал-Гарнати (XIII в.).....	62
Абу-л-Фида (XIV в.).....	63
Ад-Димашки (XIV вв.).....	64
Глава III. География малайского мира в средневековой арабской литературе.....	71
§1. Природа и полезные ископаемые.....	73
§2. Животный мир.....	76
§3. Растительный мир, пряности и благовония.....	81

§4. Топонимика	87
Острова Махарādжи.....	87
Зāбāдж.....	89
Срибуза / Серйра.....	93
Джāба.....	95
Джāўа.....	97
Мул Джāўа.....	100
Малāйур / Малāйў.....	102
Калāх.....	102
Қāқула.....	106
Рāмнй / Лāмурй.....	109
Салāхит.....	111
Фансўр.....	112
Бālўс.....	113
Нийāн.....	114
Тийўма.....	115
Мā'ит.....	115
Барғайил.....	116
Харандж/Харладж.....	117
Бинтан.....	118
Каримата.....	118
Глава IV. Историко-этнографические сюжеты в средневековых арабских свидетельствах о малайском мире	124
Глава V. «Путешествие» Ибн Баттуты как историко-этнографический источник по малайско-индонезийскому региону	140
Заключение	158
Библиография	162
Приложение	178

Введение

Арабские путешественники посещали порты Малайского архипелага и Малаккского полуострова с первых веков ислама, и их присутствие оставило заметный след в его истории и культуре. Расширение арабского мореплавания и торговли в Индийском океане и контактов с его восточными берегами способствовали накоплению в средневековой арабской литературе знаний о регионе. Для периода, небогатого на письменные свидетельства, арабские тексты содержат значительный объем сведений и служат ценными источниками по истории, географии и этнографии малайского мира, без обращения к которым вряд ли возможно изучение его истории и культуры в этот период. Дошедшие до нас свидетельства содержат сведения о таких средневековых государственных образованиях, как Шривиджайя и торговые города-государства Северной Суматры и Малаккского пролива. Эти тексты отражают процессы исламизации малайского мира и развития международной морской торговли в бассейне Индийского океана, а также длительную историю контактов между двумя регионами – Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией. Отношения со странами арабского мира продолжают играть немаловажную роль в политической и культурной жизни современных Индонезии и Малайзии, что делает настоящее исследование ценным для изучения не только прошлого, но и настоящего.

Представленная диссертация выполнена в рамках одного из традиционных направлений исторической науки – этнографического источниковедения. В нашей стране существует опыт перевода, издания и изучения средневековых арабских текстов в качестве историко-этнографического источника по Африке южнее Сахары. Подобная работа была проделана сотрудниками Института этнографии АН СССР (позже Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) Л.Е. Куббелем, В.В. Матвеевым и др. (Древние и средневековые источники...1960-2002 (1-4)). Эти материалы в большой степени легли в основу книги В.В. Матвеева (Матвеев 1993). Арабские источники по Юго-Восточной Азии и их историко-этнографическое содержание до сих пор не становились предметом специального исследования в российской науке. Из западных работ можно назвать лишь два обобщающих труда, охватывающих этот вопрос, – это классическая работа французского арабиста Г. Феррана (*Relations... 1913-14 (I-II)*) и книга Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979), остающаяся на сегодняшний день важнейшим исследованием в своей области.

Ни та, ни другая работа не содержат полного свода известных арабских свидетельств о регионе, поскольку некоторые тексты представлены в них не полностью или в пересказе, так что исследователи средневековой истории малайского мира часто вынуждены обращаться к публикациям и переводам каждого источника в отдельности. Таким образом, необходимые ма-

териалы, включая как сами тексты, так и комментарии их исследователей, остаются разбросанными по многочисленным изданиям. На русском языке также не существует сборника средневековых арабских источников ни по малайско-индонезийскому региону, ни по Юго-Восточной или Восточной Азии. Далеко не все из интересующих нас сочинений опубликованы в переводе на русский; многие из них доступны лишь в западноевропейских переводах, нередко весьма фрагментарных.

Недостаточно изученным остается также фактологическое содержание арабских описаний региона. Внимание обращавшихся к ним исследователей направлено, преимущественно, на вопросы исторической географии и топонимики Юго-Восточной Азии, а также на факты политической и экономической истории. Существует множество статей, посвященных проблемам средневековой арабской топонимики малайского мира. Однако сообщения арабских авторов о регионе содержат также богатый материал этнографического характера, который часто оставляют без внимания. Между тем, этот материал представляет большой интерес и открывает широкое поле для интерпретации.

Научная актуальность представленной работы обусловлена необходимостью как можно более полного освоения того материала по истории и этнографии малайского мира, который содержит средневековая арабская литература. Рассматриваемые тексты не только служат источником исторических сведений о регионе, но отражают также и представления арабов о нравах и обычаях населявших его народов. Этнографический дискурс в арабской культуре средневековья остается малоизученным и лишь в последнее время начинает привлекать все больше внимания исследователей. Вопрос о месте малайских народов в арабской картине мира до сих пор не становился предметом специального рассмотрения. Таким образом, настоящая работа представляется актуальной для изучения истории и культуры не только малайско-индонезийского ареала, но, в определенной степени, и Ближнего Востока.

Диссертация предполагает введение в научный оборот некоторых малоизвестных текстов, а также мало используемых с этой точки зрения фрагментов широко известных произведений. Несмотря на то, что ни одно исследование по средневековой истории и исторической географии малайско-индонезийского региона не обходится без обращения к арабским источникам, значительный объем содержащихся в них материалов часто остается вне поля зрения. В отечественной науке обобщающих работ о значении арабских свидетельств о малайском мире до сих пор не было, а охватывающих эту тему зарубежных исследований не так много. Представленная диссертация ставит своей целью в определенной степени заполнить этот пробел в изучении историко-культурных связей между двумя регионами.

Объектом настоящего исследования выступает корпус средневековых арабских текстов преимущественно географического содержания, служащий источником сведений о Малайском архипелаге и Малаккском полуострове. **Предметом** его являются те историко-культурные реалии малайского мира, которые описывают арабские авторы, а также этнографические представления средневековых арабов о народах региона. **Хронологические рамки** работы охватывают период с IX по XIV в., но, поскольку некоторые явления средневековья сохранялись и в последующие эпохи, автор по возможности обращается и к более поздним источникам.

Целью работы служит выявление и интерпретация историко-этнографического материала, содержащегося в арабских описаниях малайско-индонезийского региона. В связи с этим можно выделить следующие **задачи**:

- Определить историко-экономический, социальный и культурный контекст проникновения сведений о регионе в арабскую литературу рассматриваемого периода;
- Систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении тексты, отобрать актуальные для данного исследования фрагменты и при необходимости выполнить их переводы;
- Выделить и прокомментировать представленные в них историко-этнографические сюжеты на основе соотнесения их с другими письменными и этнографическими источниками;
- Выявить закономерности и характерные черты в арабских описаниях малайского мира и его народов.

Методологической основой представленной работы является комплексный подход к изучению средневековых арабских текстов, включающий применение методов историко-сопоставительного анализа этнографического и географического материала и использование разработанных в международной науке практических и теоретических принципов работы с источниками.

Научная новизна работы заключается во введении в научный оборот малоизвестных и малоизученных средневековых арабских текстов, имеющих отношение к малайско-индонезийскому региону. Многие из них впервые представлены в переводе на русский язык и интерпретированы с этнографической точки зрения. Представленное исследование может стать шагом к созданию свода средневековых арабских источников по истории и этнографии Малайского архипелага и Малаккского полуострова и внести, таким образом, свой вклад в существующую источниковедческую базу фундаментальных исследований. В работе также впервые ставится проблема места малайских народов в средневековом арабском этнографическом дискурсе, открывающая широкое поле для дальнейшего изучения.

Представленные в работе переводы извлечений из текстов IX-XIV в. выполнены автором преимущественно на основе авторитетных изданий арабских текстов сочинений. В случаях,

когда арабский текст оказался недоступен, отрывки воспроизводятся по западноевропейским переводам источников; лишь в нескольких случаях используются изданные прежде переводы на русский язык. Переводы фрагментов арабских текстов, в том или ином объеме содержащих сведения о малайском мире, помещены в приложение; их содержание, а также отдельные сюжеты прокомментированы в основной части работы. Таким образом, в настоящей работе свидетельства средневековых арабских авторов о малайско-индонезийском регионе, разбросанные по библиотекам мира, собраны вместе и переведены на русский язык. Тем самым в научное обращение в нашей стране вводится новый и малоизвестный материал, который может служить в качестве источниковедческой базы для исследований самого разнообразного характера.

Для полноты осмысления этого материала необходимо иметь представление также и о жанровых особенностях рассматриваемых текстов. Арабские свидетельства о малайско-индонезийском регионе представлены произведениями различных жанров, однако большая их часть относится к категории описательной географии. Классические традиции арабской географической литературы подробно исследованы такими выдающимися отечественными арабистами, как И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд и Т. А. Шумовский (Крачковский 2004; Бартольд 2002; Шумовский 1957, 1985, 1994). Важнейшими особенностями произведений этого жанра являются компилятивность и опосредованность описаний, т. е. переписка последующими авторами сведений из сочинений предшественников. Это относится не только к конкретным реалиям, обычаям или событиям, но и к рассказам мифологического и легендарного характера, которые в изобилии встречаются в произведениях средневековой географической литературы.

Подчеркивая эту особенность арабских источников применительно к Северной Африке, В. В. Матвеев отмечал необходимость сопоставления известий различных авторов и оценки достоверности их свидетельств (Матвеев 1993: 26-27). Это положение в полной мере относится и к сведениям о малайско-индонезийском регионе, тем более, что в ряде случаев речь идет об одних и тех же арабских текстах – В.В. Матвеев обращается к сочинениям Ибн Хордадбега, ал-Йа‘куби, ал-Мас‘уди и др., которые составляют источниковедческую базу и настоящей диссертации. Поэтому, при всей значимости сведений, сообщаемых арабскими географами, для получения более надежной картины их свидетельства следует, по возможности, сопоставлять с сообщениями других источников – письменных и этнографических, в том числе и относящихся к иным традициям (малайским, китайским, европейским).

Теоретическая значимость диссертации обоснована тем, что в ней были собраны, переведены и систематизированы средневековые арабские тексты, составляющие источниковедческую базу для исследований истории и культуры малайско-индонезийского региона и вносящие вклад в расширение знаний о контактах между Ближним Востоком и Юго-Восточной

Азией в средние века. Историко-этнографическое содержание текстов было проанализировано с применением методов источниковедения и привлечением широкого круга письменных и этнографических источников. На основе проделанного анализа были сделаны выводы о закономерностях в арабских описаниях региона, соотношении в них фактов и художественного вымысла, а также представлениях средневековых арабов о культуре малайских народов.

Работа представляет **практическую значимость** для востоковедов, этнографов и историков средних веков. Материалы, представленные в диссертации, а также само диссертационное исследование способны дополнить имеющиеся в учебных пособиях сведения о древней и средневековой истории, культуре и быте малайско-индонезийского региона, а также арабском восприятии культуры других народов. Работа может расширить источниковедческую базу, лежащую в основе лекционных курсов по зарубежной этнографии и истории стран Юго-Восточной Азии и арабского мира в высших учебных заведениях, и представляет собой готовый материал для курса лекций на соответствующую тему.

Основные положения, выносимые на защиту.

1) Арабские источники IX–XIV вв. содержат значительный объем историко-этнографических материалов по малайско-индонезийскому региону. Большая часть информации в них восходит к IX–X вв.

2) Представления средневековых арабов о малайских народах формировались на основе как свидетельств путешественников, так и универсальных культурных стереотипов. Если в классическую эпоху население региона смешивали с другими группами, то к концу рассматриваемого периода происходит выделение их в отдельную этническую общность.

3) Единственным оригинальным арабским свидетельством после XI в. являются сообщения Ибн Баттуты. Тем не менее, ряд фактов указывает на то, что часть сведений в них могла быть заимствована из других источников.

Обоснованность научных выводов обеспечивается тем, что в основе исследования лежат принципы историзма, объективности и системности научного подхода. В работе применены методики источниковедения, а именно определение полноты, достоверности и новизны данных, содержащихся в источниках – как опубликованных, так и не опубликованных ранее на русском языке.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были изложены в виде научных докладов на различных российских и международных конференциях в 2010—2015 гг.:

«Актуальные проблемы теории и истории искусства» (Исторический факультет СПбГУ, декабрь 2010 г.), Маклаевские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, апрель 2011, 2012, 2013 и

2014 г.), Радловские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, февраль 2012 г.), «Письменные памятники Востока. Проблемы интерпретации и перевода» (ИВ РАН, Москва, октябрь 2013 и 2015 г.), Конференция начинающих арабистов (ИВР РАН, Санкт-Петербург, май 2014 г.), «The Authors, Editors and Audiences of Medieval Middle Eastern Texts» (Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge, сентябрь 2014 г.).

Теоретические положения и выводы диссертационной работы апробированы в научных публикациях по теме исследования (Ибн Баттута на Суматре и Малаккском полуострове 2014; Янковская 2011, 2012, 2013, 2014, 2015).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложения. В первой главе прослеживается развитие контактов между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией, т. е. исторический контекст появления в арабской литературе сообщений о малайском мире. Вторую главу составляют обзор источников и характеристика их литературных и текстологических особенностей. Для каждого текста приводятся краткие сведения об авторе и история публикаций, а также место сообщений о Юго-Восточной Азии в структуре произведения. В третьей главе рассматриваются средневековые арабские представления о топонимике и физической географии региона, а в четвертой выделяются и, по возможности, интерпретируются содержащиеся в текстах историко-этнографические сюжеты. Пятая глава посвящена сообщениям Ибн Баттуты, которые выделяются среди свидетельств других авторов как характером изложения, так и значительным объемом этнографического материала.

Степень изученности темы.

Авторы многочисленных исследований по истории Малайского архипелага и Малаккского полуострова в VII-XVI вв. часто опираются на сообщения арабских географов. И в то же время, исследователи средневековых арабских текстов всегда стремились интерпретировать встречавшиеся им описания Юго-Восточной Азии. Некоторые из них уделяли особое внимание сведениям о малайском мире. Так, в 1847 г. французским востоковедом Э. Дюлорье был издан текст и перевод посвященных Малайскому архипелагу отрывков из «Путешествия» Ибн Баттуты (Description... 1847).

Тем не менее, обобщающих исследований, посвященных арабским источникам по малайско-индонезийскому региону, не так много. Одной из первых работ был двухтомный труд британского востоковеда Г. Юла, вышедший в 1866 г. (Yule 1866) и переизданный впоследствии в четырех томах (Yule 1913-16). Он представлял собой собрание средневековых свидетельств о Китае и Юго-Восточной Азии. Внимание автора занимали, в первую очередь, сообщения европейских путешественников, однако он посвятил также отдельную главу путешествию Ибн Баттуты по Бенгалии и Китаю (Yule 1916 (4): 1-166). Помимо этого, в книге Г. Юла

есть краткий обзор арабских источников по Дальнему Востоку в домонгольский период, включая сочинения Абу Зейда, Ибн Хордадбега, ал-Мас‘уди, Абу Дулафа, ал-Идриси, Абу-л-Фиды и др. (Yule 1913 (1): 124-145)

Важным шагом в изучении арабских свидетельств о малайском мире было появление в 1913-14 гг. работы крупнейшего французского арабиста Г. Феррана (*Relations de voyages...* (I-II) 1913-14), которая не утратила своей актуальности и по сей день. В двухтомном издании были собраны фрагменты всех известных на тот момент текстов с VIII по XVIII в., посвященных Дальнему Востоку – Китаю, Индокитаю и Индонезии. Выдержки из 39 сочинений – 33 арабских, 5 персидских и одного турецкого – были переведены Г. Ферраном и расположены в хронологическом порядке. Большая часть рассмотренных им произведений относится к географической литературе, однако среди них есть и труды по истории, философии и ботанике. Г. Феррану также принадлежит ряд статей, посвященных проблемам идентификации отдельных топонимов (Ferrand 1907 (2), 1918, 1932). Исследователь планировал издание третьего тома «*Relations de voyages...*», где были бы рассмотрены спорные вопросы, связанные с исторической топонимикой региона, однако, к сожалению, эта работа так и не была завершена.

Если Г. Ферран отбирал арабские источники по более обширному, чем малайский мир, региону, то позже появились исследования по исторической географии отдельных его частей. В 1956 г. вышла статья Дж. Р. Тиббетса, посвященная сообщениям арабских географов о Малаккском полуострове¹ (Tibbetts 1956), а в 1961 г. – книга П. Уитли (Wheatley 1961). Последняя охватила не только арабские, но также китайские, индийские и европейские источники, став еще одним шагом в изучении вопроса. Обзор арабских описаний полуострова в работе П. Уитли (Wheatley 1961: 210-251) был во многом основан на рукописи еще не изданной на тот момент книги Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979: VII). Однако, используя собранные Дж. Р. Тиббетсом тексты, П. Уитли зачастую расходится с ним в интерпретации географических названий. Книга Дж. Р. Тиббетса увидела свет позже, только в 1979 г., и стала наиболее авторитетным исследованием в своей области.

Помимо упомянутых работ, существует множество статей, посвященных различным вопросам исторической географии Юго-Восточной Азии. Многие из них затрагивают проблемы идентификации тех или иных топонимов, встречающихся в арабских текстах. В частности, можно назвать статьи Т. Ямамото (Yamamoto 1936), С. К. Фатими (Fatimi 1960), М. Лаффана (Laffan 2009) и многих других. Без обращения к арабским источникам редко обходятся многочисленные исследования по средневековой истории малайского мира, а также истории арабского мореплавания и торговых связей в бассейне Индийского океана. Кроме того, с проблемой

---

¹ Обзор арабских источников по Юго-Восточной Азии в целом исследователь также приводит в своей статье 1957 г., посвященной истории проникновения арабов в регион (Tibbetts 1957: 13-25).

интерпретации рассказов о Малайском архипелаге неизбежно сталкиваются исследователи и переводчики отдельных произведений арабской географической литературы. Таким образом, интересующей нас проблематики в той или иной степени касаются исследователи самых разных областей истории и культуры Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Но немногие из них обращались к изучению всего корпуса арабских свидетельств о малайском мире.

На сегодняшний день важнейшим исследованием арабских источников по малайско-индонезийскому региону остается книга Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979). Строго говоря, ее можно назвать первой и единственной, ведь ни до, ни после Дж. Р. Тиббетса никто не делал предметом изучения всю совокупность средневековых арабских текстов о Юго-Восточной Азии. Только работа Г. Феррана охватывает этот вопрос, однако обозначенная в ней область исследования несколько шире. Многие исследователи черпали сведения о регионе из арабской литературы, многие подвергали анализу отдельные сообщения арабских географов. Однако никто из них, насколько известно, не делал попыток обобщения всего материала, который содержится в арабских источниках и относится к Юго-Восточной Азии или, в частности, к малайско-индонезийскому региону.

Дж. Р. Тиббетс впервые выделил арабские свидетельства о Юго-Восточной Азии, оставив сообщения об Индии и Китае за рамками исследования. Географически выбранная им область охватывает все пункты между Андаманскими островами, Чампой и Камбоджей, но не включает Бирму (Там же: IX). Дж. Р. Тиббетс обратился к тем же текстам, что и Г. Ферран, добавив то небольшое, что было издано позднее. Отобранные им фрагменты были, по мере возможности, расположены в хронологическом порядке. Если многие исследователи, работавшие с тем же материалом, зачастую не подвергали сами источники какой-либо критической оценке, то Дж. Р. Тиббетс стремился рассмотреть каждый из них в контексте общей арабской географической и литературной традиции, учитывая подлинность текста, время его создания и наличие в нем заимствований из более ранних работ.

Исследователь делит арабские источники по Юго-Восточной Азии на две основные группы – классические тексты, созданные в период с 850 по 1350 г., и мореходные руководства XV-XVI вв. Этому делению соответствуют и два основных раздела его книги. В первой части исследования были собраны, переведены и расположены в хронологическом порядке отрывки из арабской географической литературы до середины XIV в. Дж. Р. Тиббетс прослеживает историю каждого текста, определяя источники заимствования рассказов, повторяющихся от произведения к произведению. Он также отдельно рассматривает топонимы, которые принято помещать в Юго-Восточной Азии. Для каждого из них исследователь приводит параллели из неарабских источников и взгляды других ученых на проблему его идентификации.

Дж. Р. Тиббетс выделяет пять категорий арабской литературы, в которых можно найти упоминания о Юго-Восточной Азии:

- a) Рассказы путешественников
- b) Географические трактаты
- c) Разделы в исторических трудах
- d) Медицинские работы
- e) Мореходные руководства (Там же: 3).

К первой группе он относит произведения типа *'аджā'иб* и *ахбār*, а также «Путешествие» Ибн Баттуты и «Записку» Абу Дулафа. Географическая литература представлена математической географией, восходящей к греческому наследию, и описательными трудами по образцу *китāб ал-масāлик ўа-л-мамāлик* Ибн Хордадбега. Среди историков, включавших в свои работы разделы по географии, Дж. Р. Тиббетс выделяет ал-Мас'уди, остальные же, по мнению исследователя, лишь копировали современных им географов. Медицинские трактаты, большая часть сведений из которых собрана в трудах Ибн ал-Байтара, касаются Юго-Восточной Азии лишь постольку, поскольку оттуда происходят различные лекарственные средства. Последняя группа источников – морские справочники, напротив, содержат обширную информацию о регионе, однако относятся к очень позднему периоду. Эти лоции и сообщения путешественников представляют собой, по мнению Дж. Р. Тиббетса, две наиболее важные группы арабских источников по Юго-Восточной Азии. Исследователь называет их первичными, все же остальные тексты, по его мнению, вторичны и восходят исключительно к источникам типа (a) – рассказам путешественников. (Там же: 4-5)

Важное место в работе Дж. Р. Тиббетса занимает вопрос о том, какое представление имели арабы средневековья о Юго-Восточной Азии – как разрозненные точки на карте складывались в их сознании в единое целое и какое место отводилось региону в общей картине мира. По мнению исследователя, в арабской географической литературе существовало три различных концепции топографии Юго-Восточной Азии:

- a) Птолемеевская концепция, восходящая ко II в. н. э.;
- b) Классическая арабская концепция (VIII-X вв.);
- c) Современная концепция, получившая развитие в поздних трудах по навигации.

Вторая концепция является уникальной для арабской литературной традиции и охватывает период, для которого арабские тексты остаются единственным источником (Там же: 17). Для географов-математиков представление о мире и Юго-Восточной Азии в частности основывалось на таблицах координат, составленных еще Птолемеем. Что касается авторов работ по описательной географии, то они опирались на более или менее современные им рассказы о путешествиях

или труды предшественников. Но вряд ли для них существовало какое-то общее представление о регионе, ведь в таких рассказах фигурируют лишь отдельные географические пункты или цепочки пунктов вдоль определенного маршрута (Там же: 66). Впоследствии, начиная с XII в., делались попытки соотнести две концепции – математическую и описательную, что внесло еще больший хаос в представления арабских географов о малайском мире (Там же: 4-5).

Понимание тем или иным арабским автором географии Юго-Восточной Азии было напрямую связано с его представлением о карте мира и Индийского океана в частности. Поэтому Дж. Р. Тиббетс указывает на необходимость изучения географических текстов без отрыва от развития арабской картографии. В своей работе он прослеживает историю изменения арабской карты мира и ее юго-восточного сектора, помещая концепцию каждого автора в контекст общей арабской географической традиции. Отдельно от классических трудов, созданных до сер. XIV в., Дж. Р. Тиббетс рассматривает более позднюю концепцию географии Юго-Восточной Азии, нашедшую отражение в мореходных руководствах XV-XVI вв.

В книге Дж. Р. Тиббетса собраны отрывки из сочинений 32 арабских авторов, так или иначе связанные с Юго-Восточной Азией. Однако некоторые тексты приводятся не полностью. Исследователь зачастую опускает менее важные, на его взгляд, фрагменты, ограничиваясь лишь кратким пересказом. Он также избегает повторения сюжетов, заимствованных из более ранних источников, заменяя их отсылкой к изначальному тексту. Если последнее оправдано и говорит о проделанной Дж. Р. Тиббетсом работе по сличению сообщений арабских авторов, то оценка важности отдельных рассказов не может не быть субъективной. Хотя книга Дж. Р. Тиббетса и содержит перевод большей части известных текстов, ее нельзя считать полным собранием арабских источников по Юго-Восточной Азии. Но, так или иначе, эта работа остается важнейшей в изучении вопроса.

Исследователи средневековой истории и культуры малайско-индонезийского региона нередко сталкиваются с необходимостью обращения к арабскому материалу. На русском языке не было издано хрестоматии или сборника с необходимыми текстами, как это было сделано в случае с арабскими источниками по истории и этнографии Африки (Древние и средневековые источники... 1960, 1965, 1985, 2002 (1-4)). Книга Дж. Р. Тиббетса малодоступна, а сообщения о Юго-Восточной Азии в ней представлены не полностью. В двухтомной работе Г. Феррана они не отделены от пассажей о Китае, что усложняет поиск нужных отрывков. Остается обратиться к каждому источнику в отдельности.

Библиографический указатель И. Ю. Перской отсылает нас к некоторым изданиям Абу Зейда, Бузурга ибн Шахрияра, Ибн Баттуты, ал-Идриси, Ахмада ибн Маджида и Сулеймана ал-Махри, а это далеко не полный список (Перская 1974: 67-71). Из более чем тридцати произведе-

дений, содержащих упоминания о Юго-Восточной Азии, на русский язык переведены лишь немногие. Можно назвать «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра (Бузург ибн Шахрияр 1959), «Книгу путей и стран» Ибн Хордадбеха (Ибн Хордадбех 1986) и «Книгу стран» ал-Йа'куби (Ал-Йа'куби 2011). Также изданы работы по навигации в переводе Т. А. Шумовского – «Махрийская опора» Сулеймана ал-Махри (частично) (Шумовский 1994), «Книга польз» (Ибн Маджид 1985) и три лоции Ахмада ибн Маджида (Шумовский 1957).

Сочинения многих авторов – Ибн ал-Факиха, ал-Мас'уди, ал-Казвини и других – переведены на русский язык лишь частично. Отрывки из них можно найти в сборниках источников по истории отдельных регионов – тропической Африки (Древние и средневековые источники... 1960, 1965, 1985, 2002 (1-4)), Золотой Орды (Тизенгаузен 1884), Туркмении (Материалы по истории... 1939). Из «Золотых копей» ал-Мас'уди издана история Аббасидского халифата (Ал-Мас'уди 2002), а из двух «Записок» Абу Дулафа – вторая (Вторая записка... 1960) (о путешествии в Китай говорится в «Первой записке»). До сих пор нет русского перевода полного текста «Путешествия» Ибн Батуты, хотя в разное время публиковались отдельные фрагменты, посвященные Золотой Орде (Путешествие шейха Ибн-Батуты... 1841) и Средней Азии (Ибрагимов 1988).

Таким образом, большая часть сообщений арабских авторов о Юго-Восточной Азии на русском языке не опубликована. Как правило, они доступны в английских или французских переводах. Арабский текст источников есть в изданиях XIX-начала XX вв., подготовленных первыми исследователями рукописей. Более поздние издания и переиздания средневековой литературы в арабских странах обычно основываются на этих текстах, опубликованных европейскими востоковедами.

В работах по истории Юго-Восточной Азии цитаты из арабских географических трудов часто используют в качестве иллюстраций к соответствующему периоду в малайской истории, причем одни и те же отрывки нередко кочуют из одной книги в другую. Русский текст таких фрагментов чаще всего восходит к английским или французским переводам. Публикация русского перевода арабских источников по Юго-Восточной Азии в одном издании могла бы облегчить работу исследователей истории и культуры региона. Она ускорила бы поиск необходимых материалов и позволила бы избежать двойного перевода – с арабского на западноевропейские языки, а с них – на русский, что в некоторых случаях приводит к искажению смысла. Кроме того, фактологическое содержание этих текстов требует дальнейшего анализа.

Как правило, сообщения арабских авторов становятся предметом исследований и дискуссий по исторической географии Юго-Восточной Азии. Ученые стремятся идентифицировать встречающиеся в них топонимы, определить их место на современной карте и соотнести с го-

родами и странами региона, известными из других источников. Историков интересуют имена правителей, упоминания о войнах, восстаниях, посольствах, политическом строе и религии, а также сообщения о товарах и морских путях, т. е. данные по экономической географии и истории торговли. Между тем, арабские источники по малайско-индонезийскому региону содержат также сведения этнографического характера – это описания построек, костюмов и трапез, быта и нравов, праздников и придворного этикета, упоминания о семейно-брачных отношениях, рассказы об обычаях и легендах. Все это представляет собой богатый материал, до сих пор не до конца изученный. Однако подобным сведениям часто придают второстепенное значение. Изучение арабских свидетельств о Юго-Восточной Азии в качестве не только исторического, но и этнографического источника могло бы внести вклад в изучение истории и культуры региона.

Таким образом, можно говорить о необходимости создания свода переводов арабских источников по малайско-индонезийскому региону, с одной стороны, и изучения содержащихся в них историко-этнографических сюжетов, с другой. Далеко не все интересующие нас тексты переведены на русский язык, а их переводы на западноевропейские языки не всегда доступны. В работе Дж. Р. Тиббетса некоторые отрывки приводятся не полностью, что, в конечном итоге, вынуждает нас обращаться к другим изданиям соответствующих сочинений. Нередко опущенными оказываются именно этнографические сюжеты, как это происходит, например, с рассказом об испытании огнем у Ибн Русты. Между тем, такие сведения представляют не меньшую ценность, чем сообщения о торговле или факты политической истории.

Настоящая работа не претендует на полный охват средневековых арабских свидетельств о малайском мире. Напротив, некоторые из рассмотренных Г. Ферраном и Дж. Р. Тиббетсом текстов были вынесены за рамки исследования. Позднесредневековые морские лоции, в частности, составляют особую группу источников и заслуживают стать темой отдельной работы. Также, по сравнению с книгой Дж. Р. Тиббетса, была сужена географическая область исследования – в работу не вошли сообщения арабских авторов о материковой Юго-Восточной Азии кроме Малаккского полуострова, а также об Андаманских и Никобарских островах. Но, в то же время, оставшиеся тексты были переведены в более полном объеме, а их содержание, по возможности, проинтерпретировано. Также, по сравнению с работами Дж. Р. Тиббетса и многих других ученых, был смещен фокус исследования – основное внимание было уделено встречающимся в арабских источниках историко-этнографическим сюжетам, а не исторической географии Юго-Восточной Азии, т. е. был рассмотрен не только комплекс географических представлений средневековых арабов о регионе, но и их этнографическая составляющая.

Глава I.

Ближний Восток и Юго-Восточная Азия в средние века

Появление в арабской литературе сведений о малайско-индонезийском регионе обусловлено длительной историей контактов между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией. Изначально торговые отношения со временем переросли в культурное взаимодействие и привели к распространению ислама на Малайском архипелаге и Малаккском полуострове. Существуют различные мнения о первенстве арабских или персидских мореплавателей в установлении контактов с Юго-Восточной Азией¹ (а также гипотезы об арабском, персидском или индийском происхождении малайско-индонезийского ислама (Денисова 2002: 86; Fauzi, Mohammad, Kayadibi 2011: 4; Nāmid 1982)). Но, так или иначе, накопленные этими народами знания о регионе попадали в арабскую географическую литературу.

Малайский архипелаг лежал на пути ближневосточных купцов в Китай, у его берегов пересекались важнейшие морские пути, соединявшие берега Аравии с Дальним Востоком. Первые письменные свидетельства присутствия арабов в Юго-Восточной Азии относятся к VII в. и содержатся в китайских источниках. Династийные хроники упоминают мусульманскую колонию арабских купцов, существовавшую в 674 г. на побережье Суматры² (Groeneveldt 1876: 14). Кроме того, китайский путешественник И Цзин, посетивший в 671 г. суматранскую империю Шривиджайя, сообщает о ее торговых связях с Ближним Востоком (Uka Tjandrasmita 1961: 93; Денисова 2002: 88). Однако есть достаточно оснований полагать, что первые контакты арабов и персов с малайским миром имели место задолго до этого. В китайском порту Гуанчжоу колония выходцев с Ближнего Востока существовала уже в первой половине VII в. (Там же), а значит Юго-Восточной Азии, расположенной на пути в Китай, они должны были достичь несколько ранее.

Скорее всего, торговые связи между западными и восточными берегами Индийского океана были установлены еще до ислама. Существует мнение, что персидские экспедиции в Китай восходят к Сасанидскому периоду (Hourani 1995: 46-47), что подтверждается, в частно-

---

¹ Китайские источники упоминают персов раньше, чем арабов (Tibbetts 1957: 7-8). Однако в виду смешанного характера населения портов Персидского залива и Красного моря, откуда совершались торговые экспедиции, сложно определить, какой из народов играл ведущую роль в дальневосточной торговле. Для настоящего исследования этот вопрос не имеет принципиального значения, поскольку средневековая географическая литература на арабском языке создавалась авторами различного происхождения – как арабами, так и персами.

² К 674 г. относится сообщение хроники династии Тан о яванской правительнице Симо и арабском принце, которую многие исследователи трактуют как свидетельство существования арабской колонии на западном побережье Суматры. Дж. Р. Тиббетс, однако, подвергает сомнению эту интерпретацию и высказывает предположение, что рассказ относится к более позднему времени (Tibbetts 1957: 35, 37-38).

сти, археологическими находками сасанидского происхождения, обнаруженными в дельте Меконга и датируемыми V в.¹ (Lamb 1964: 12). Плавания на восток продолжались и под властью халифов, а после VIII в. торговля с Китаем и Юго-Восточной Азией перешла в руки арабов (Hourani 1995: 61; Вельгус 1978: 58-59; Tibbetts 1957: 9, 11, 31).

Свидетельства ранних контактов между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией очень скудны. Тем не менее, ряд исследователей возводит установление этих связей к гораздо более раннему периоду и приписывает его выходцам из Южной Аравии. Если не считать основанных на лингвистических данных предположений о плаваниях индонезийцев к берегам Аравии в V-IV тыс. до н. э. (Денисова 2002: 87), а также слабо подкрепленной гипотезы о тождестве библейской страны Офир с Малайей или Суматрой (Об этом см.: Tibbetts 1956 (2): 186), то первые контакты арабов с малайским миром возводят к периоду незадолго до начала нашей эры (Mohammad Redzuan Othman 2009: 83; Tibbetts 1956: 182). По мнению некоторых исследователей, около начала христианской эры была основана арабская колония на западном побережье Суматры (Шумовский 1986: 102). Дж. Р. Тиббетс, однако, не находит убедительных доказательств присутствия арабов к востоку от Индии до середины I тысячелетия н. э. и высказывает предположение, что непосредственные контакты между Аравией и Юго-Восточной Азией были установлены только в VI-VII вв. н. э. (Tibbetts 1956 (2): 204-205, 207)

Несомненно, торговые связи соединяли Юго-Восточную Азию с Ближним Востоком и до этого (так, гвоздика с Молуккских островов была известна римлянам уже в начале I тыс. н. э. (Laffan 2005: 5)), однако полный путь, скорее всего, проходили лишь товары, перекупавшиеся и перегружавшиеся с одного корабля на другой². До какого-то времени знакомство арабов с малайским миром оставалось опосредованным и ограничивалось, вероятно, отдельными контактами в индийских портах. Развитие международной морской торговли в Индийском океане и расширение сферы арабского мореплавания открыли новые возможности для культурного взаимодействия. VII-VIII вв. ознаменовались подъемом торговых отношений халифата с Дальним Востоком. Источники говорят об оживленном судоходстве в Индийском океане в период господства Омейядского (660-749), а затем и Аббасидского (750-870) халифатов на западе и китайской династии Тан (618-907) на востоке. В течение VII-VIII вв. в Китай прибыло несколько арабских посольств – в 651 г., 711, 712 и 798 гг. (Шумовский 1986: 124; Tibbetts 1957: 1) Росло население колонии в Гуанчжоу, так что в 758 г. арабы и персы смогли захватить и разграбить

¹ Помимо этих находок, свидетельства непосредственных контактов иранцев с Китаем довольно скудны, а сообщения письменных источников могут быть истолкованы по-разному. Ван Гунву, в частности, не находит в китайских хрониках достоверных указаний на существование морских связей между Китаем и Персией до VII в. (Wang Gungwu 1958: 124-126). Многие исследователи склоняются к мнению, что сасанидские торговцы почти не плавали к востоку от Цейлона, где ими закупались китайские товары (Whitehouse, Williamson 1973: 45-46).

² Как и в последующие эпохи, купцы чаще всего специализировались на определенном участке торгового пути и зависели от посредников, поставлявших им товары из более отдаленных областей (Hall 2004: 217, 235).

этот город. В 879 г. там вспыхнуло восстание против иностранных купцов, в результате чего маршруты арабских судов на какое-то время сократились до Малаккского пролива. Однако уже к началу правления династии Сун (960-1279) торговые отношения Китая с Ближним Востоком были восстановлены – источники этого периода неоднократно упоминают арабов как наиболее многочисленных и богатейших иностранных купцов в китайских портах (Tibbetts 1957: 2).

В эпоху Аббасидского халифата торговля с Дальним Востоком велась, в первую очередь, через Персидский залив, откуда товары поступали в Басру и Багдад. Археологические находки на иранском побережье залива, где располагались Сираф, Киш и Старый Хурмуз, содержат значительный объем китайской керамики, датируемой начиная с кон. VIII в. (Whitehouse, Williamson 1973: 49; Whitehouse 1985). В VIII-X вв. в роли центра китайской торговли выступал Сираф, однако во второй половине X в. город был разрушен землетрясением, и торговля переместилась оттуда в Оман (Tibbetts 1957: 11-12). С падением Аббасидов и возвышением Каира возросло значение портов Красного моря. Важнейшее место среди них занял Аден, став главной пристанью для кораблей из Китая. Основным рынком для поступающих туда дальневосточных товаров был фатимидский, а затем и мамлюкский Египет.

Несмотря на отдельные конфликты и пиратство, арабское мореплавание в Индийском океане не было связано с военными действиями и носило преимущественно мирный характер (Шумовский 1986: 71; al-Hassan, Hill 1992: 124). Это, а также ряд технических характеристик отличали его от судоходства в акватории Средиземного моря и Атлантики¹. Отличительной чертой судоходства в Индийском океане была его зависимость от муссонов, открытых народами индоокеанской акватории еще до Гиппала (Hourani 1995: 24-27). Именно знание муссонов сделало возможными дальние плавания из Аравии к берегам Индии, Китая и Юго-Восточной Азии. Великий торговый тракт пролегал из Красного моря и Персидского залива к Индии и Цейлону, пересекал Бенгальский залив и, минуя Архипелаг, шел дальше в Китай. С апреля по октябрь в индоокеанской акватории дул юго-западный муссон, а оставшиеся полгода – северо-восточный. Корабли, прибывавшие в малайские воды с запада с летним муссоном, как правило, не успевали достичь Китая до того, как поднимался встречный ветер. Они вынуждены были зимовать в портах Малаккского пролива либо, продав и закупив товары, плыть назад с северо-восточным муссоном. И наоборот, суда из Китая достигали малайских портов зимой и отбыва-

---

¹ Арабский торговый флот состоял из парусных судов, широких относительно своей длины, что позволяло им перевозить максимальное количество груза. Корабли и лодки обшивались вгладь, а не внакрой, как это было принято в Северной Европе. Доски скреплялись канатами, тогда как в средиземноморье для этого использовались железные гвозди. И, наконец, важнейшим элементом мусульманских судов был косой латинский парус, позволявший им двигаться намного ближе к ветру, чем кораблям с прямой оснасткой (al-Hassan, Hill 1992: 123-124). Именно в Индийском океане были выработаны основные приемы и технические достижения арабского судоходства, которые с выходом халифата к Средиземному морю попали на Запад.

ли летом с попутным ветром (Dunn 1986: 251). Так Малаккский пролив становился местом встречи кораблей с востока и запада.

Малайский архипелаг привлекал ближневосточных торговцев, с одной стороны, своим географическим положением – на пути в Китай, а с другой – как источник собственного ценного товара, в первую очередь, пряностей и благовоний. На экспорт шли камфара, корица, гвоздика, перец, амбра, мускус, мускатный орех, а также ценные породы дерева, медь и олово. По мнению Дж. Р. Тиббетса, китайская торговля долго оставалась приоритетной, тогда как продукты Архипелага сами по себе стали интересовать арабских купцов лишь с XII в. (Tibbetts 1957: 4, 18). Знакомство арабов с регионом ограничивалось, в основном, его западной частью – Суматрой и Малаккским полуостровом, где пересекались торговые пути и куда стекались товары с восточных островов Архипелага. Первые свидетельства присутствия арабов на Яве относятся к достаточно позднему периоду – после XI в. (Там же: 33-36).

На протяжении значительной части средневековья важнейшим государственным образованием западной части Архипелага была буддийская империя Шривиджайя с центром на Восточной Суматре¹. В VII-VIII вв. она установила контроль над основными портами Суматры и Малаккского полуострова, после чего в течение нескольких веков контролировала Малаккский и Зондский проливы и владела торговой монополией в регионе. Расположенные на торговых путях вассальные города-государства существовали не столько за счет торговой деятельности, сколько за счет налогов и пошлин, взимаемых с иностранных купцов, и служили источником процветания Шривиджайи. В IX-X вв. – период активизации арабских торговых экспедиций в Юго-Восточную Азию, совпадающий с подъемом и упадком Аббасидов – империя переживала расцвет, нашедший отражение в свидетельствах многих арабских авторов. Рассказы о богатстве Шривиджайи встречаются повсеместно в источниках этого времени и цитирующих их позднейших текстах, так что отголоски ее могущества сохраняются в арабской литературе вплоть до позднего средневековья.

Постепенный распад Шривиджайи начался после XI в. Ослабевавшая под натиском яванских империй Маджапахит и Сингасари, а также тайской державы Сукотаи, к XIV в. она практически потеряла контроль над проливами и вассальными княжествами. Сложившаяся к концу XIII в. политическая обстановка способствовала усилению бывших вассалов Шривиджайи – торговых городов-государств, расположенных на северном побережье Суматры и вдоль Ма-

---

¹ Шривиджайя – это название для островной империи было установлено в 1918 г. Ж. Седесом, который соотнес Ши-ли-фо-ши китайских источников со Срибузой арабских текстов и государством, оставившим эпиграфические памятники в западной части Архипелага (Cœdès 1918). С тех пор в науке не угасают дискуссии, посвященные многочисленным проблемам изучения этого государственного образования – его политическому устройству, происхождению его правителей – династии Шайлендров, местоположению его столицы, причинам и времени его упадка и скудости археологических свидетельств на Суматре в противовес монументальным памятникам на Яве (См.: Cœdès 1968; Wolters 1967, 1979; Захаров 2006: 57-102; Jordaan, Colless 2009; Захаров 2012 (2): 70-99 и др.).

лаккского пролива и игравших важнейшую роль перевалочных пунктов. Монгольские завоевания на севере привели к сокращению сухопутных торговых путей и повышению роли морской торговли, что вызвало экономический подъем этих портов, занимавших ключевое положение на пути в Китай. С упадком Шривиджайи они получили возможность укрепить свои позиции, и шагом к независимости для многих из них стало принятие ислама. По мнению Д. Дж. Е. Холла, распространение ислама во многом способствовало дальнейшему политическому раздроблению империи (Холл 1958: 62). В XIII в. ислам стал официальной религией в таких княжествах Северной Суматры, как Перлак, Педир, Ару и Самудра-Пасай (Денисова 2002 (II): 255).

О султанате Самудра-Пасай, долго считавшемся первым мусульманским государством в регионе, известно больше благодаря первым малайским историческим хроникам. Хронисты приписывают официальное принятие ислама султанатом правителю Мерах Силу, известному под именем Малик ас-Салих (ум. 1297 г.), хотя и существуют упоминания о его мусульманских предшественниках (Там же: 256-257). При этом султаны укрепились политические и экономические связи государства с Индией, Китаем, Персией и Аравией. В 1294 г. Малик ас-Салих заключил династический брак с дочерью правителя Перлака, что привело к объединению двух мусульманских государств под властью его сына Малика аз-Захира (ум. 1326). Малик аз-Захир продолжил дело отца и прославился своей активной завоевательной политикой и борьбой за распространение ислама. Расцвет султаната продолжался до середины XIV в. При дворе султанов Самудры изучались труды мусульманских философов и велись теологические споры, а на малайский язык переводилась арабская и персидская литература.

XV в. ознаменовался возвышением Малаккского султаната. «С эпохой Малакки связывают складывание малайской мусульманской государственности, создание малайского мусульманского права, возникновение малайской классической литературы, развитие малайского языка и превращение его в язык межостровного общения...» (Там же: 265). С исламом на Архипелаг попало множество рукописей Корана, на малайский язык переводились сочинения ближневосточных богословов, правоведов и историков. Малакка превратилась в очаг дальнейшего распространения ислама в регионе, откуда новая религия проникла на Яву, Калимантан, Молуккские острова, Сулавеси и Филиппины. Малаккский султанат занял большую часть полуострова и полностью контролировал пролив, что сделало Малакку богатейшим морским портом.

После официального принятия ислама туда устремились индийские, персидские и арабские купцы из Пасая, а в 1509 г. в городе проживало уже более 4 тыс. иностранных торговцев (Там же: 269). По словам Т. Пиреша, «много богатых маврских купцов перешли из Пасая в Малакку. Здесь были персы, бенгальцы, арабы. В то время большинство купцов принадлежало

к этим трем нациям. Они были очень богаты и привезли с собой своих мулл... Торговля стала быстро расти благодаря этим богатым маврам» (Цит. по: Берзин 1982: 188-189). Об активных торговых, религиозных и политических связях Малакки и Пасая с Ближним Востоком свидетельствуют и малайские хроники (Denisova 2011: 293-295).

Начало европейских колониальных захватов положило конец как Малаккскому султанату, так и арабской монополии на торговлю в Индийском океане. Однако культурные связи малайского мира с Ближним Востоком не были прерваны. Распространение ислама на Архипелаге продолжилось и в колониальный период, тогда как результаты насильственной христианизации были незначительны. Общины выходцев из Аравии и Персии все еще проживали в портах Юго-Восточной Азии, пополняясь новыми переселенцами, в то время как все больше малайцев стали посещать арабские страны, отправляясь в хадж.

История распространения ислама в малайском мире, ставшая темой многочисленных исследований, тесно связана с историей колонизации региона выходцами с Ближнего Востока. Процесс постепенного проникновения арабо-мусульманской культуры на Архипелаг начался еще в VII – VIII вв. и проявился в официальном принятии ислама рядом малайских княжеств в XIII в. Именно портовые города-государства, привлекавшие иноземных мусульманских купцов, стали центрами распространения новой религии. Длительное присутствие в малайских портах мусульманских общин способствовало знакомству местных жителей с исламом и подготовило почву для их дальнейшего обращения.

Колонизация малайского мира выходцами с Ближнего Востока была вызвана, в первую очередь, торговыми интересами. Но были и те, кто переселялся туда, спасаясь от религиозных преследований в халифате, или же под влиянием событий в Гуанчжоу, когда после 879 г. на Суматру и Малаккский полуостров бежали мусульманские купцы из Китая. Мусульманские переселенцы – арабы, персы, индийцы – селились в портах Юго-Восточной Азии, создавая фактории вдоль основных морских путей. Они устраивали склады для товаров и якорные стоянки, где корабли ожидали попутного муссона. Население колоний было отчасти временным, отчасти постоянным: кто-то задерживался ненадолго – дождаться муссона или продать и закупить товары, а кто-то оставался, действуя в качестве агентов купцов на родине. Один и тот же торговец мог чередовать оседлый образ жизни с передвижениями и заводить семьи в нескольких портах, где он вел дела (Hall 2004: 245-246). Дети от браков переселенцев с местными женщинами становились мусульманами, население колоний постепенно росло, и для организации жизни в таких поселениях вскоре потребовались знатоки мусульманского права и служители культа, также прибывавшие с Ближнего Востока. Все эти обстоятельства способствовали постепенному знакомству малайцев с арабо-мусульманской культурой. Однако целенаправленной миссионер-

ской работы в колониях, скорее всего, почти не велось (Tibbetts 1957: 44), и деятельность арабских колонистов достаточно долго ограничивалась торговлей.

Со временем мусульманские общины, состоявшие из иноземных и местных купцов, приобретали все большее влияние. С увеличением товарооборота, ростом числа городов и их благосостояния повышалась и роль средних городских слоев, занятых в ремесле и торговле. По мнению С. В. Кулланды, именно эти слои населения городов-государств Нусантары, имевшие низкий статус в традиционном индуистско-буддийском обществе, оказались наиболее восприимчивы к исламу: «Эта религия, возникшая в торговом оазисе, получавшем основные доходы от караванной торговли, не знала ни пиетета перед земледелием, ни презрения к торговле, столь характерных для аграрных обществ. Напротив, мусульманское право явно благоволило к горожанам» (Кулланда 1995: 15). Кроме того, ислам вовлекал местных купцов в развитую систему международной мусульманской торговли, открывая перед ними ближневосточные и африканские рынки. Обращение в ислам правящих элит портовых княжеств привлекало арабских и других мусульманских торговцев, заставляя их делать выбор в пользу таких гаваней, и способствовало росту доходов правителя (Hall 2004: 247).

В конечном итоге происходившие в обществе социально-экономические изменения и постоянное присутствие в Юго-Восточной Азии выходцев с Ближнего Востока привели к появлению в регионе первых мусульманских государств. С исламом на Малайский архипелаг пришли арабский язык и арабо-мусульманская культура Ближнего Востока. Результатом этого влияния стало большое количество арабских заимствований в малайском языке, а также появление малайской мусульманской литературы и историографии на *джави* – малайском языке в арабской графике. Знакомство с арабскими и персидскими произведениями способствовало формированию новых литературных жанров – *хикайатов*, исторических хроник (*седжарах*), *шаирав* и др. (Брагинский 1983: 100-103, 239, 246-247) Появились мусульманские жития местных святых и легенды об обращении в ислам домусульманских божеств и культурных героев. Элементы арабо-мусульманской культуры проникли не только в литературу и искусство, но и в повседневную жизнь малайцев. Но культурное влияние шло и в обратном направлении. Так, обычай жевания бетеля распространился в средние века вплоть до Йемена, Мекки и Хиджаза (Maçoudi 1863: 84).

Важно отметить, что приведенные выше соображения о жизни ранних арабских колоний в малайском мире являются предположением, основанным на аналогиях с тем, что известно о современных им поселениях в Китае или на Цейлоне, а также более поздних арабских общинах в Малакке. Письменные источники содержат немного указаний на существование арабских поселений в Юго-Восточной Азии – самое раннее из них относится к концу X в., да и после-

дующие свидетельства являются скорее косвенными (Tibbetts 1957: 38-40). Тем не менее, присутствие арабов в регионе уже с первых веков ислама представляется очевидным, и большинство исследователей приходит к выводу о существовании арабских колоний в крупнейших малайских торговых портах. Арабское поселение в Калāхе, а возможно, и других портах Юго-Восточной Азии неизбежно должно было возникнуть после изгнания иностранных купцов из Гуанчжоу в IX в. (Там же: 38), но не исключено, что арабы или персы селились там и до этого. В качестве косвенных свидетельств существования мусульманских поселений на Яве можно рассматривать затонувшие корабли 930-990 гг., обнаруженные у ее западного побережья и содержащие ближневосточные керамику, стекло, молитвенные четки и другие предметы (Hall 2010: 23). Начиная с XIII в. поток арабских переселенцев в Юго-Восточную Азию возрастает (Wade 2009: 234), что было связано с монгольскими завоеваниями и социально-экономической нестабильностью у них на родине (Hall 2004: 234).

Стоит остановиться на социальном составе выходцев с Ближнего Востока, посещавших Юго-Восточную Азию и оседавших на ее берегах. То, какие цели они преследовали, и что интересовало их в первую очередь, во многом определяло характер сведений о регионе, попадавших в литературу. Разумеется, часть информации попадала туда попутно, в качестве дополнительных наблюдений путешественников. Однако не случайно есть ряд сюжетов, занимающих центральное место в их рассказах о Юго-Восточной Азии. Визиты арабов и персов в малайские воды не были связаны с войной или политикой. За исключением редких посольств, бывавших на Архипелаге чаще проездом, а также тех, кто бежал от репрессий в халифате или Китае, ближневосточные гости не руководствовались политическими причинами.

Первые арабы, достигшие берегов Юго-Восточной Азии, были купцами. Да и в дальнейшем, на протяжении всего средневековья, большинство выходцев с Ближнего Востока, посещавших Архипелаг, было задействовано в торговле. Торговые экспедиции к восточным берегам Индийского океана были сопряжены с немалыми рисками. Корабли часто терпели крушения и шли на дно вместе с грузом, а также страдали от нападений пиратов. Но все же находилось немало тех, кто был готов рискнуть жизнью или сбережениями ради дальнейшей прибыли. Одно успешное плавание могло значительно поправить дела – нередки были случаи, когда купцы беспрецедентно богатели на дальневосточной торговле¹. В Юго-Восточную Азию они отправлялись за определенными видами товаров. Нужно было знать, чем славится та или иная местность, на что есть спрос и каковы цены, что закупить, а что везти с собой для продажи. Интересовали купцов и маршруты – каким путем отправиться, сколько времени займет плавание, в какие порты зайти, где перегрузить товары с одного корабля на другой и где дожидаться смены

---

¹ Ср. свидетельства об ибадитских купцах VIII в., торговавших с Китаем (Tibbetts 1957: 13), или известную историю о купце Исхаке ибн Йахуди (Бузург ибн Шахрияр 1959: 77-79).

муссона. Немаловажной была и обстановка в странах, лежавших на пути их судов: где идет война или промышленяют пираты, какой правитель взимает с купцов большие пошлины, а какой благоволит к чужестранцам. Все это передавалось устно в торговой среде, и лишь малая часть сведений попала в дошедшую до нас литературу.

Торговые экспедиции были бы невозможны без участия профессиональных мореходов. Они вели суда с купцами и их товарами к берегам Юго-Восточной Азии и обратно, используя и совершенствуя опыт поколений мореплавателей. Навыки и технологии передавались устно и постигались на практике, но были также и специальные морские руководства. Для ведения корабля по курсу требовалось знакомство с астрономией и математической географией, а также знание акватории Индийского океана. Для моряков профессиональный интерес представляли такие сведения, как высота звезд в различных точках Юго-Восточной Азии, широта и долгота тех или иных пунктов, особенности береговой линии и ветров, господствующих в малайских водах в разное время года. Профессия морехода передавалась от отца к сыну; большинство моряков были родом из Южной Аравии, портов Красного моря и Персидского залива. Они, как и торговцы, были частыми гостями в малайских портах.

Помимо купцов и мореплавателей, с Ближнего Востока в Юго-Восточную Азию прибывали мусульманские законоведы и служители культа. Потребность в их услугах возникла с ростом первых колоний, где их знания нужны были для организации жизни и поддержания порядка в мусульманской общине. Появление в регионе мусульманских государств привело к увеличению спроса на образованных мусульман. Молодые султанаты, где только начинали утверждаться мусульманские порядки, нуждались в знатоках Корана, сунны и шариата, законооведах и богословах, судьях, учителях, писцах и переводчиках. Мусульманские правители малайских княжеств окружали себя факихами и улемами, что добавляло престижа их власти. Образованные арабы пользовались почетом, их приглашали ко двору и нередко щедро одаривали.

На Ближнем Востоке находилось немало тех, кто, получив образование в крупных богословских центрах, был готов отправиться на периферию мусульманского мира, где велики были шансы снискать милость правителей и подняться куда выше по карьерной лестнице, чем это было возможно на родине. Такие переселенцы могли стать кади или имамами в мечетях. Наиболее распространенным в малайском мире стал шафиитский толк суннитского ислама, что привлекало правоведов этого мазхаба. Ибн Баттута встретил при дворе султана Самудры факихов, чьи имена говорят об их ближневосточном, в частности, иранском происхождении. Да и

сам он путешествовал как факих и еще до визита на Суматру был кади в Дели и на Мальдивских островах¹.

Многовековое арабское присутствие в Юго-Восточной Азии не только оставило след в истории и культуре Нусантары, но также способствовало расширению кругозора арабов, не покидавших Ближнего Востока. Путешественники приносили сведения о дальних странах в порты Южной Аравии и Персидского залива. Там торговцы и моряки делились опытом, и их рассказы передавались из уст в уста, искажаясь и обрастая фантастическими деталями. Случалось, что кто-то из слушателей записывал их, и так сведения о Юго-Восточной Азии попадали в литературу. Географы собирали такие рассказы, как записывая их со слов очевидцев и пересказчиков, так и копируя чужие записи. Таким собирательством занимались, в частности, Абу Зейд, Бузург ибн Шахрияр и ал-Мас'уди. Одни и те же рассказы часто кочевали из одного сочинения в другое, однако у истоков длинных цепочек заимствований всегда стояли сообщения путешественников.

Сами путешественники, вероятно, были в большинстве своем неграмотны, или же не имели склонности записывать увиденное. По крайней мере, до нас не дошло ни одного арабского описания Юго-Восточной Азии, составленного непосредственным очевидцем. Даже Ибн Баттута, образованный факих, диктовал свое «Путешествие» секретарю, вносившему существенную редакторскую правку. Некоторые тексты сохранили имена арабских путешественников на Восток – лишь немногих из бесчисленного множества безымянных купцов, моряков и искателей милостей чужеземных правителей, побывавших в Юго-Восточной Азии в период средневековья. Именно им мы обязаны тем сведениям о малайском мире, которые можно найти в средневековой арабской литературе. Скорее всего, большая часть информации о регионе ходила в устной форме и так и не была записана, а из того, что было, до нас дошли лишь крупинцы. Поэтому вряд ли можно сегодня судить о том, что действительно было известно средневековым арабам о малайском мире. Можно говорить лишь о тех знаниях, какими располагал определенный социальный слой – ближневосточные ученые и литераторы, а также образованная читающая публика, которой адресовались их сочинения.

---

¹ Подробнее о миграции образованных мусульман позднего средневековья на периферию исламского мира см. статью Р.Е. Данна (Dunn 1993).

Глава II.

Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону

Средневековая арабская литература, наряду с другими внешними источниками – индийскими, китайскими, европейскими, составляет источниковедческую базу для исследований по истории малайского мира. Эти тексты освещают важнейший период в истории региона, охватывающий расцвет и упадок Шривиджайи, распространение ислама и появление первых мусульманских государств, возвышение и закат Маджапахита и Малаккского султаната. На арабские источники приходится значительный объем сведений, поскольку европейские путешественники стали посещать Юго-Восточную Азию начиная с XIII в., а китайцы достигли Малайского архипелага позже арабов и персов и стали активно плавать в восточных водах только после X в. (Groeneveldt 1876: 1-2; Вельгус 1978: 5). Индийские источники – «Рамаяна» и буддийские трактаты первых веков н. э. (Берзин 1995: 28), напротив, относятся к очень раннему времени. Для средневекового периода индийские свидетельства представлены лишь немногочисленными надписями.

Из китайских источников стоит упомянуть путешествия монахов Фа Сяня (V в.) и И Цзина (VII в.), описания заморских стран в династийных хрониках и сочинения спутников адмирала Чжэн Хэ – Ма Хуаня, Фэй Синя, Гун Чжэня, сопровождавших его в морских экспедициях 1405-1433 гг. Среди европейских средневековых источников по истории малайского мира – сообщения Марко Поло (1254-1324), Джованни Монтекорвино (1246-1328), Журдена де Северака (ок. 1280-1330), Одорико Порденоне (ок. 1286-1331), Джованни Мариньолли (р. до 1290) и Никколо Конти (1395-1469). Немаловажную роль играют также внутренние источники, такие, как «Нагаракертагама» (XIV в.) или ранние малайские хроники XIV-XV вв. – «Повесть о раджах Пасая» («Хикайят раджа-раджа Пасай») и «Малайские родословия» («Седжарах Мелайю»). Таким образом, большая часть неарабских письменных свидетельств об островной Юго-Восточной Азии относится к эпохе позднего средневековья. Для более раннего периода, предшествующего активизации контактов с Европой и Китаем и развитию в малайском мире собственной исторической традиции, сообщения арабских авторов остаются важнейшим, а зачастую и единственным источником сведений по истории региона. Тем более, что именно к этому периоду – до X в. включительно – относится большая часть оригинальной информации о регионе в арабских текстах.

§1. Текстологические и литературные особенности источников

Арабская, а точнее, арабоязычная литература содержит обширный пласт сведений о малайском мире. Упоминания о регионе можно встретить в более чем 30 средневековых арабских текстах различного содержания – художественных произведениях, географических, исторических и медицинских трудах и трактатах по навигации. Хронологически они охватывают период с IX по XVI в., т. е. с появления в арабской литературе первых свидетельств о Юго-Восточной Азии до начала колониальной эры. К середине IX в. относятся самые ранние из дошедших до нас текстов, однако содержащиеся в них сведения, скорее всего, восходят к более раннему периоду.

Весь корпус арабских источников по малайско-индонезийскому региону можно классифицировать по двум основным признакам – хронологически и с точки зрения жанровых особенностей. И та, и другая классификации сопряжены с рядом сложностей и достаточно условны, поскольку ни точная датировка рассматриваемых текстов, ни четкое разграничение жанров средневековой арабской литературы часто не представляются возможными. Подробный обзор основных источников будет сделан ниже в этой главе в формально хронологическом порядке – в соответствии с датами создания сочинений или, если таковые не установлены, годами жизни их авторов. Этот способ упорядочивания материала, использованный Г. Ферраном и Дж. Р. Тиббетсом, сохранен за отсутствием лучшего. Тем не менее, он достаточно бесполезен при обращении к средневековым арабским сочинениям как к историческому источнику, поскольку отдельные сообщения далеко не всегда совпадают по времени с самим текстом.

Большая часть рассматриваемых работ представляет собой компиляции, основанные как на устных, так и на письменных источниках. Авторы, писавшие о малайском мире, как правило, сами не путешествовали на восток дальше Индии. Информацию они собирали в портах Персидского залива и заимствовали из трудов предшественников и современников. Среди письменных источников, на которые опирались географы, были как близкие им по времени арабские тексты, так и греческие и индийские источники, датируемые не позднее первых веков н. э. (Tibbetts 1979: 2). В арабской литературе рассказы о Юго-Восточной Азии зачастую повторяют друг друга, а обширные цитаты из более ранних работ приводятся без ссылок на первоисточник. Поэтому время создания текста (в том случае, если оно известно, и эта датировка верна) далеко не всегда позволяет датировать содержащиеся в нем сведения. Ведь в одном и том же произведении современные его автору данные могут соседствовать с информацией двух-трехсотлетней давности.

Пролить свет на проблему датировки арабских сообщений о малайском мире позволяет работа по оценке подлинности текстов и прослеживанию цепочек заимствований, впервые проделанная для этого материала Дж. Р. Тиббетсом. Однако не часто существует возможность установить первоисточник того или иного сообщения, ведь до нас дошла лишь небольшая часть арабской географической литературы средневековья. Многие работы, на которые ссылаются более поздние авторы, безвозвратно утеряны или же сохранились в сокращенной версии. В лучшем случае, об их существовании известно из библиографических указателей или упоминаний цитирующих их потомков и современников. Но многие заимствования в тексте более поздних трудов так и остаются неопознанными, т. к. содержащие те же сообщения произведения просто не сохранились.

Большая часть текстов отстоит во времени от описываемых событий и реалий, так что «исследователю постоянно приходится учитывать степень достоверности событий, о которых сообщают источники. Никогда невозможно утверждать, что мы имеем дело с фактом, установленным совершенно точно и во всех его деталях, так как не существует критерия проверки его истинности. Можно только говорить о большем или меньшем приближении к подлинному положению вещей, что достигается сопоставлением известий различных авторов на одну и ту же тему, а также установлением некоторых дополнительных обстоятельств, в том числе биографических сведений об авторе. Последние показывают, насколько основательными могли быть его известия, выявляют источники и их характер и достоверность» (Матвеев 1993: 26-27).

Следует учитывать также и то, что цитатами и искажениями арабские тексты обязаны не только своим авторам, но и многочисленным редакторам и переписчикам. В процессе работы те могли сверять несколько рукописей одного сочинения, выбирая одно из разночтений по собственному усмотрению, а могли и редактировать текст, сокращая его или, напротив, дополняя сведениями из других источников. Известно немало сокращенных версий крупных географических трудов, созданных несколькими столетиями позже оригинала. Большинство произведений арабской географической литературы дошло до нас в одной или нескольких полных или неполных рукописях, датированных позднее времени их создания. Пройдя многочисленные этапы переписки, эти тексты обогащались не только вставками и искажениями, но и просто ошибками. Чаще всего от ошибок переписчика страдали незнакомые ему неарабские названия, что создает значительные сложности при их интерпретации. Многие термины и топонимы Юго-Восточной Азии предстают в арабских текстах неогласованными, а то и искаженными до неузнаваемости – с неверно проставленными точками и огласовками, или вовсе бывают заменены другими, знакомыми переписчику словами. Следует добавить, что эти названия подвергались искажению с самого момента своей записи неприспособленным для них арабским шрифтом,

тем более что запись эта велась со слов малограмотных моряков и путешественников, запомнивших иноземные слова на слух.

Сведения о малайско-индонезийском регионе можно встретить в арабских сочинениях самого разного характера – фантастических рассказах, сборниках занимательных историй, записках путешественников, географических и исторических трудах, трактатах по медицине, астрономии, ботанике, зоологии и навигации. Однако не всегда можно с уверенностью определить жанр того или иного произведения, а также провести границу между художественной и научной литературой. Зачастую оказывается, что рассказы о приключениях основаны на реальных фактах, а научные трактаты передают фантастические сведения.

Рассматриваемые тексты относят к различным литературным жанрам. Одно из самых ранних сочинений – «Известия о Китае и об Индии» – написано в историческом жанре *ахбār*, а «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра представляют собой сборник морских рассказов. Популяризаторами-адибами были Ибн ал-Факих и ал-Мас‘уди, а труды Ибн Хордадбега и ал-Йа‘куби принадлежат к жанру административно-географических справочников типа *ал-масāлик ѱ-л-мамāлик*. Математической география представлена трудами Сухраба, ал-Идриси и Ибн Саида, а получивший распространение в XIII в. жанр энциклопедий – космографиями ал-Казвини и ад-Димашки, а также капитальным «Словарем стран» Йакута. Описания своих путешествий оставили нам Абу Дулаф и Ибн Баттута, причем сочинение последнего является образцом позднесредневекового жанра *рихла*.

Дж. Р. Тиббетс выделяет пять типов сочинений, содержащих упоминания о Юго-Восточной Азии – сообщения путешественников, географические трактаты, разделы в исторических трудах, медицинские работы и мореходные руководства (Tibbetts 1979: 3). Из них медицинская и историческая литература представляют наименьший интерес, т. к. географические сведения в них в большинстве случаев заимствованы из источников других типов. Перечни лекарственных средств в медицинских трудах, как правило, содержат лишь названия местностей в Юго-Восточной Азии, откуда происходят те или иные растения. Что касается историков, то из них только ал-Мас‘уди, по оценкам самого Дж. Р. Тиббетса, приводит оригинальные сведения (Там же: 5). Краткие упоминания о регионе есть также в трудах персидских историков позднего средневековья – Вассафа, Рашид ад-Дина и Абд ар-Раззака (Там же: 13), однако эти персоязычные тексты не будут рассматриваться в данном исследовании. Строго говоря, они не относятся к арабским источникам, хотя и принадлежат к общей ближневосточной географической традиции. К выделенным Дж. Р. Тиббетсом типам арабских источников по Юго-Восточной Азии следует также добавить работы по зоологии (ал-Марвази) и астрономии (ал-Бируни и ал-Хараки).

Отдельную группу источников составляют морские справочники-лоции, уделяющие немало внимания акватории Индийского океана. Дошедшие до нас сочинения этого типа датируются концом XV – началом XVI в. и представлены работами двух авторов – Ахмада ибн Маджида и Сулеймана ал-Махри («Махрийская опора» последнего известна также в турецком переводе Сиди Али Челеби, выполненном в середине XVI в.). «Книга пользы» Ахмада ибн Маджида, в частности, представляет собой крупнейший свод арабских достижений в навигации XV в. Подобные морские справочники, по всей видимости, создавались и в предшествующие века – по меньшей мере, с начала XII в. Как правило, они включают как сведения по общей теории навигации, так и описания отдельных маршрутов, в том числе и вдоль берегов Юго-Восточной Азии. Эти лоции содержат перечни широт и направлений по компасу, сведения о глубинах, течениях и особенностях береговой линии – т. е. сугубо топографическую информацию, и лишь в редких случаях упоминают о политическом строе, населении или продуктах описываемых стран.

Таким образом, тексты этого типа представляют меньший интерес в качестве источников по истории и этнографии региона. Топонимика в них близка к современной и заметно расходится с прочей средневековой арабской литературой, что, с одной стороны, позволяет проще идентифицировать географические названия, но, в то же время, проливает мало света на сообщения других источников. В виду вышеперечисленных особенностей – принадлежности морских справочников к очень позднему периоду и небольшого числа содержащихся в них историко-этнографических сведений – эти тексты останутся за рамками настоящей работы. Лоции Ахмада ибн Маджида и Сулеймана ал-Махри представляют собой особый тип специальной литературы, отличной от классической арабской географической традиции, и их описания малайско-индонезийского региона заслуживают стать темой отдельного исследования.

Оставшиеся тексты, содержащие сведения о Юго-Восточной Азии, Дж. Р. Тиббетс делит на две группы – рассказы путешественников и географические труды. К сообщениям путешественников исследователь относит «Известия о Китае и об Индии» и сочинение Абу Зейда ас-Сирафи, сказания о Синдбаде мореходе из «Тысячи и одной ночи», «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра, «Первую записку» Абу Дулафа и «Путешествие» Ибн Баттуты. Это тексты различные по характеру – некоторые из них по форме напоминают путевые записки, а некоторые представляют собой беллетризованные рассказы о чудесах и приключениях. Если одни описывают действительно имевшие место путешествия на Восток, то другие – в частности, рассказы о Синдбаде, передают вымышленные, хоть и основанные на реальных фактах, рассказы о плаваниях к берегам Юго-Восточной Азии.

Довольно сложно провести границу между двумя выделенными Дж. Р. Тиббетсом группами текстов – сообщениями путешественников и географическими трактатами. Так, большинство рассказов путешественников дошли до нас в пересказе географов-компиляторов, в трудах которых они соседствуют с пассажами, передающими сведения из неуказанных источников. Описание путешествия Абу Дулафа, в частности, долго было известно лишь из цитат, разбросанных по трудам географов, а не как самостоятельное произведение. Более того, многие рассказы, приписываемые путешественникам, имеют вид не итинерариев, а повествования, выполненного в традициях описательной географии, и по форме мало отличаются от прочих сообщений книжных географов. Маршрут путешественника часто играет роль скорее композиционного обрамления – возможно, поэтому эти маршруты бывает сложно проследить на карте. Рассказ Ибн Баттуты – единственное последовательное описание отдельно взятого путешествия, не входящее в состав других работ, однако и в нем встречаются отступления, по характеру изложения схожие с пассажами из описательных трактатов. Учитывая, что рассказы путешественников часто неотделимы от географических трудов и, в конечном итоге, лежат в основе всех сведений о Юго-Восточной Азии в арабской литературе, представляется спорным выделение их в отдельную группу источников. Скорее, можно говорить о характере повествования, отличающем те или иные географические работы или их фрагменты.

Таким образом, большую часть арабских текстов, содержащих сведения о регионе, можно отнести к категории географической литературы – в том смысле, как ее понимал И. Ю. Крачковский, т. е. как совокупности различных литературных жанров, в какой-либо мере связанных с географией (Крачковский 2004: 9). Географическая наука как отдельная область знаний оформилась в арабской традиции не сразу, и зачастую сложно провести грань между географическими произведениями и сочинениями других жанров. Так, сказания о Синдбаде имеют ярко выраженный сказочный характер, принадлежат, в то же время, и к географической литературе; фольклорный элемент присутствует и в «Чудесах Индии». Также нет четкой дифференциации между географией и историей: исторические работы нередко содержат географический материал, а географические труды – исторические рассказы. Ал-Мас‘уди, в частности, выступал и как географ, и как историк. Его «Золотые копи» – исторический трактат, содержащий отдельные главы географического характера – являют собой яркий пример невозможности разграничить исторические и географические тексты (Там же: 172). Сочинения типа *ахбār*, к которым относятся «Известия о Китае и об Индии», и вовсе являются историческим жанром, с тем лишь различием, что в «Известиях» материал объединен по географическому признаку.

Средневековую арабскую географию традиционно делят на математическую и описательную. Математическая или астрономическая география развивалась под сильным влиянием

греческого наследия, в первую очередь птолемеевских идей в их обработке ал-Хорезми. Работы авторов этого направления содержат мало информации о Юго-Восточной Азии. Они также дают немного данных по истории или этнографии, а приводимые в них координаты островов и портов региона часто оказываются бесполезны при определении их места на карте. Описательная география, к которой примыкают и рассказы о путешествиях, более характерна для арабской традиции (Там же: 16-17). Большую часть средневековых арабских источников по малайско-индонезийскому региону можно отнести именно к этому направлению. Описательные труды, в отличие от работ по математической географии, содержат значительный объем историко-этнографических сведений. В сочинениях географов позднего средневековья нередки примеры соотнесения двух географических концепций, математической и описательной, и смешения данных, заимствованных из трудов обоих типов.

Арабская географическая литература средневековья обладает рядом черт, которые нельзя не учитывать при обращении к ней как к источнику. Среди них – компилятивность (характерная и для других жанров средневековой арабской и не только арабской литературы) и отсутствие четкой грани между фактами и вымыслом¹. Присутствие в географических трудах сюжетов фантастического характера связано как с их фольклорным происхождением, так и с отсутствием четкого разграничения между художественной и нехудожественной литературой. Если сказания о Синдбаде носят ярко выраженный сказочный характер, а таблицы координат в астрономических трудах – научный, то прочие географические работы содержат элементы обоих направлений. В научные сочинения часто проникают стихи, легенды и отдельные фольклорные элементы. И в то же время, ценный материал по истории и географии можно почерпнуть из беллетризованных произведений адабного типа. Сочинения в жанре адаб, как правило, содержали сведения из разных областей знания и были предназначены для просвещения образованной читающей публики. Важно учитывать, что целью авторов таких текстов было не только и не столько сообщение достоверных сведений, сколько развлечение читателей, питавших интерес к рассказам о диковинках и необычных происшествиях. К популяризациям, пользовавшимся успехом в мусульманском мире, относятся многочисленные космографии и энциклопедии. Занимательным чтением, не претендовавшим на полную достоверность, были и сборники морских рассказов, и многие описания путешествий.

Компилятивный характер подавляющего большинства арабских источников по малайско-индонезийскому региону имеет непосредственное отношение к проблеме датировки содержащегося в них материала, которая, в свою очередь, затрагивает вопрос об авторстве арабских

---

¹ Концепции правды и вымысла в средневековой арабской литературе находят отражение в трудах арабских филологов-теоретиков IX-XIII вв. Кудама ибн Джа'фар, в частности, различает три категории – правда, не вызывающая сомнений, сомнительная правда (букв. «знание, вызывающее сомнение») и «несомненная небылица» (Демидчик 2004: 37).

географических произведений. Распространенной практикой среди исследователей является обозначение источника по имени автора, а не названию произведения – например: «Ал-Мас‘уди сообщает...». Этому автору могут по умолчанию приписывать большую часть текста – кроме тех сообщений, где он ссылается на другие источники. Однако такой подход отражает, скорее, современное представление об авторстве, отличное от его средневекового понимания. Многие сочинения остаются анонимными (встречаются также и псевдоэпиграфы), и даже в тех случаях, когда автор известен, далеко не весь текст принадлежит ему.

Большая часть произведений арабской географической литературы представляет собой своды сведений, заимствованных из разных источников – как письменных, так и устных – и по-новому скомпонованных. Географы цитируют и пересказывают друг друга, то ссылаясь, то не ссылаясь на предшественников, отчего их работы превращаются в компиляции компиляций. Нередко одни и те же пассажи веками кочуют из одного сочинения в другое, и в некоторых поздних трудах сведения, относящиеся к первому тысячелетию н. э., перемежаются с современным автору материалом. Ярким примером такого метода служит словарь Йакута – крупнейший свод географических знаний своего времени, основанный исключительно на заимствованиях. Путем компиляции создавались не только сами географические трактаты, но и всевозможные сокращения, выборки, извлечения и дополнения к уже существующим трудам. Многие авторы располагали и оригинальными сведениями – как собственными наблюдениями, так и рассказами купцов и мореплавателей, но не упускали возможности дополнить их данными из других источников.

Можно выделить три основных способа создания географических текстов – описание собственных наблюдений, запись устных рассказов с чужих слов и копирование фрагментов из письменных источников. В своих работах географы могли сочетать все эти методы. Полученный текст в дальнейшем подвергался сокращениям и дополнениям, цитировался в других произведениях, а также искажался в процессе переписки. Таким образом, дошедший до нас письменный источник следует рассматривать не как произведение какого-либо одного автора, а скорее как коллективную работу, вклад в создание которой внесли многочисленные соавторы – рассказчики, редакторы и переписчики, часто не знакомые друг с другом и жившие в разные эпохи.

В англоязычной литературе для характеристики этого явления существует такое понятие, как «рассеянное» или «распределенное» авторство (*distributed authorship*), включающее в себя всевозможные схемы распределения авторских функций между несколькими участниками творческого процесса. Различные аспекты этой проблемы, характерной для средневековой литературы в целом, рассмотрены на западноевропейском материале (См.: *Modes of Authorship...*

2012). Примечательно, что тема «распределенного авторства» средневековых текстов привлекает все большее внимание исследователей в последние годы, что связано с распространением информационных технологий и появлением новых типов соавторства. Пересмотр средневековых моделей, таким образом, тесно связан с осмыслением позднейших явлений и самого понятия авторства в целом. В этом свете, тем более интересным представляется то, какие формы коллективное авторство принимает в средневековой литературе Ближнего Востока и в случае с рассматриваемым нами географическим материалом в частности.

У истоков географических текстов всегда стоят путешественники. Они могли и сами вести путевые заметки, но чаще становились информантами для ученых-географов или собирателей занимательных историй. Во втором случае они выступают авторами отдельных сообщений, инкорпорированных в географические работы, и нам не всегда известны их имена. Были и те, кто, как Ибн Баттута, диктовал свои воспоминания литературным редакторам. И редакторы, и авторы собственных записок, по-видимому, не считали зазорным обращение к дополнительным источникам – заимствования встречаются в рассказах многих путешественников, вынуждая исследователей сомневаться в достоверности их свидетельств.

На непосредственное знакомство с малайско-индонезийским регионом претендуют лишь три арабских автора – ал-Мас‘уди и Абу Дулаф, жившие в X в., и путешественник XIV в. Ибн Баттута. Г. Ферран считал подлинными отчетами о путешествиях лишь два текста – записки Абу Дулафа и рассказ т. н. купца Сулеймана, вошедший в «Сказания о Китае и об Индии» (Ferrand 1913 (I): 1), однако авторство последнего впоследствии было подвергнуто серьезной критике. Что касается ал-Мас‘уди, то его знакомство с Малайским архипелагом вызывает сильное недоверие у исследователей, поскольку упоминается лишь вскользь и не находит никакого подтверждения в его описании региона. Вопрос о реальности путешествия Абу Дулафа с его трудновосстановимым маршрутом также остается открытым, однако его записки содержат ряд оригинальных сведений. Рассказ Ибн Баттуты находит подтверждение в других источниках и с наибольшей долей вероятности основан на личном опыте. Тем не менее, некоторые сообщения путешественника, а также путаница в хронологии и топонимике заставляют исследователей сомневаться в достоверности и его сообщений. Скорее всего, можно говорить о двух арабских авторах, посетивших малайско-индонезийский регион и оставивших описания своих путешествий – Абу Дулафе и Ибн Баттуте. Последний, возможно, является и вовсе единственным, поскольку путешествие Абу Дулафа вызывает сильное недоверие.

Большинство арабских путешественников в Юго-Восточную Азию остаются неизвестными, хотя некоторые авторы и упоминают своих информантов. Часто, прежде чем быть записанным, сообщение передавалось в устной форме от одного рассказчика к другому, и первоначаль-

чальный нарратив, таким образом, отстоял во времени от своей письменной фиксации. Однажды записанный, рассказ цитировался и пересказывался поколениями книжных географов, чья задача состояла в сборе и упорядочивании всей доступной им информации – как старой, так и новой. Так устаревший материал оказывался рядом с современными автору свидетельствами, а противоречащие друг другу сообщения – на одной странице.

Склонность арабских географов к компилятивным методам была связана с нехваткой оригинального материала, с одной стороны, и стремлением к полноте описания – с другой. Не все они были путешественниками, далеко не все бывали в восточных морях и совсем немногие добирались до Восточной и Юго-Восточной Азии. Лишенные личного опыта странствий, они стремились дать как можно более полное описание известного мира и вынуждены были черпать сведения о восточных странах из тех источников, какие были в их распоряжении. В случае с такими отдаленными областями, как Малайский архипелаг, круг этих источников часто был ограничен, а их содержимое – устаревшим.

Широкое распространение компилятивных методов в средневековой арабской литературе обусловлено также терпимым отношением к плагиату. Заимствование фрагментов чужого текста было обычным явлением, связанным с представлением о знании как об общем, никому не принадлежащем достоянии, сохранение и накопление которого одобрялось. «Метод компилирования получил широкое распространение. Включение в свою книгу чужого сочинения, по частям или целиком, в тех же самых выражениях, никак не возбранялось, и даже, наоборот (по крайней мере, в отдельных областях), поощрялось и предписывалось. Добросовестные авторы при этом указывали свой источник и границы каждой цитаты, а менее аккуратные обходились без этого либо же старались затушевать заимствование» (Халидов 1982: 257-258). И если одни географы подходили к своим источникам критически, то другие просто сводили вместе данные из всех доступных им текстов. Зачастую эти сведения противоречат друг другу, создавая путаницу при их интерпретации.

Отношение к заимствованиям тесно связано с пониманием категорий старого и нового, традиционного и оригинального, индивидуального и коллективного в средневековой культуре. Согласно теории заимствования, существовавшей в арабской филологии применительно к поэзии, его целью было усовершенствование традиции, и в этом отношении оно почти не отличалось от изобретения. «...Арабская теория "заимствования" удивляет стороннего наблюдателя необычным уравнением в правах "изобретателя" мотива с его последователями. Она не охраняет "изобретателя" от посягательств последователей, хотя понятие оригинальности и своеобразное представление об авторском праве было основаниями, на которых, собственно, и выросла эта теория» (Куделин 1994: 234). Эти замечания в некоторой мере справедливы и для географи-

ческой литературы – в первую очередь, тех ее произведений, которые содержат выраженный художественный элемент. Неявное разграничение между индивидуально-авторским и коллективным и их перетекание из одного в другое (Там же: 248) стоят у истоков проблемы заимствований и их выявления.

Расплывчатое представление об авторстве в классических арабских текстах связано также и с не до конца оформившимся понятием книги как цельного произведения, обладающего рядом отличительных черт и неотделимого от своего писателя. В первые века ислама передача научных знаний сочетала в себе и письменную, и устную традиции. Помимо книг в современном понимании этого слова существовали и другие виды письменных работ – всевозможные записи, делавшиеся как учителями при подготовке к лекциям, так и их учениками. С. Гюнтер выделяет три типа текстов: (а) «настоящие» книги – монографии или авторские компиляции, (б) «авторские работы» – своды материалов или записи лекций, которые могли быть впоследствии отредактированы и изданы учениками, и (с) «личные заметки», принадлежавшие учителям и ученикам (Günther 2005: 78-79). Одни и те же сообщения могли неоднократно перерабатываться разными людьми, а блоки информации компоноваться в текстах в различных комбинациях. Примечательно, что именно записи лекций и своды письменных материалов, составленные в первые три века ислама, служат основным источником заимствований для компиляторов последующей эпохи (Там же: 78)

Таким образом, можно говорить об определенном «соавторстве» тех, кто вольно или невольно вносил вклад в дошедшие до нас тексты – информантов¹, чьи свидетельства фиксировались географами; путешественников, оставивших собственные заметки или диктовавших их секретарям; географов-компиляторов, составлявших одну работу из нескольких; редакторов, создававших сочинения под диктовку, дополнявших их материалами из других источников и делавших всевозможные выборки и сокращения; и переписчиков, искажавших текст описками, исправлявших его на свое усмотрение, менявших заглавия, переставлявших местами параграфы и добавлявших вступления и заключения. Тем не менее, авторство географических текстов традиционно приписывают кому-то одному – в одних случаях путешественнику-информанту, а в других – редактору-компилятору.

В случаях с анонимными сочинениями исследователи ищут автора или в самом тексте, или в упоминаниях других источников. Нередки явления псевдоэпиграфии, которая проистекает не только из ошибочных выводов исследователей, но может также исходить от переписчиков, редакторов и даже самих авторов. О последней возможности можно узнать из рассуждений

---

¹ Под информантом в данном случае понимается любое лицо, участвовавшее в передаче устной традиции и ставшее источником информации для последующего пересказчика. Между тем, С. Гюнтер предлагает обозначать так лишь тех, кто непосредственно контактировал с составителем письменного текста. Для прочих звеньев цепочки передатчиков он предлагает термин *гарант* (Günther 2005: 85).

ал-Мас‘уди в его «Книге указания и пересмотра»¹. Ссылаясь на ал-Джахиза (ум. 868/869), ал-Мас‘уди пишет о том, что более ранние авторы пользовались таким авторитетом, что потомки могли приписывать им свои собственные мысли и сочинения в стремлении быть услышанными. Примечательно, что самому ал-Мас‘уди впоследствии приписывали анонимное сочинение конца X в. «Сокращение диковинок и чудес». О схожих тенденциях упоминает² и представитель неарабского средневекового мира – Аделард Батский, писавший в XII в. и, между прочим, знакомый с арабскими научными трудами, ряд которых он перевел на латынь.

Эти замечания, хоть и имеют в виду естественные науки, справедливы и для средневековой научной литературы в целом. В средневековых арабских трудах, таким образом, мы можем наблюдать двойственное отношение к авторству. С одной стороны, признанные авторитеты почитались настолько, что их активно цитировали, а позднейшие авторы даже могли приписывать им свои работы или отдельные утверждения. С другой стороны, авторитетные тексты часто подвергались довольно вольному обращению – обширные их фрагменты включались в другие сочинения безо всяких ссылок, что в современном представлении подпадает под определение плагиата. Т. е. заимствования, в различных случаях, могли затушевываться или же, наоборот, акцентироваться и даже фальсифицироваться. Как можно видеть, различия между средневековой и современной концепциями авторства нельзя не учитывать при работе с арабскими источниками. Для полноценного анализа конкретного сообщения недостаточно знать его формального автора, важно проследить также возможные источники именно этого пассажа.

Ярким примером «рассеянного» авторства служат «Известия о Китае и об Индии». Сочинение основано на свидетельствах путешественников, чьи имена, за редким исключением, не упоминаются – случай, не характерный для жанра *ахбār*. Текст состоит из двух частей, скомпилированных в разное время, но объединенных под общим заглавием (скорее всего, добавленным позднейшим переписчиком). Первая часть анонимна, а вторая, составленная в качестве до-

---

¹ «...Свойством многих людей является прославление предшественников и превознесение книг предков, хвала прошлого и хула существующего, хотя в книгах новых авторов бывает то, что полезнее и благотворнее. Абу Осман ‘Амр ибн Бахр ал-Джахиз рассказывал, что он сочинял книгу со многими идеями, хорошо расположенную, и выпускал под своим собственным именем, но не видал, чтобы уши к ней склонялись или стремления направлялись в ее сторону. Тогда он сочинял менее удовлетворительную по достоинству и менее полезную, и затем приписывал ее ‘Абдаллаху ибн ал-Мукаффа или Сахлю ибн Харуну или кому-нибудь другому из предшествующих, имена которых вознеслись среди писателей, и люди устремлялись их читать и торопились переписывать не почему-либо иному, как потому, что они принадлежат предшествующим, и потому, что людьми этой эпохи владеет зависть к своим современникам и ревность к достоинствам, которые тем присущи и которые они стремятся обнаружить» (Цит. по: Крачковский 2004: 180-181).

² «В нашем поколении укоренился недостаток, заставляющий его с порога отвергать все, что очевидно происходит от современников. Вследствие этого, когда мне в голову приходит идея, которую я хочу придать гласности, я приписываю ее кому-нибудь другому. Я объявляю, что «это сказал такой-то, а вовсе не я», а для того, чтобы уже совершенно поверили всему, что я утверждаю, я говорю: «Это изобрел такой-то, а вовсе не я». Будет плохо, если подумают, будто я, невежда, извлек мои идеи из глубины собственного разума. Дабы избежать такого неудобства, я делаю вид, будто обнаружил их, изучая арабов. Получается, что я отстаиваю не свое дело, а дело арабов» (Цит. по: Ле Гофф, Трюон 2008: 111-112).

полнения к ней, принадлежит Абу Зейду. Последний выступает одновременно и редактором-переписчиком работы предшественника, и автором своего собственного текста. Но и в своем сочинении он – компилятор, использующий другие источники. Грань между автором и редактором оказывается, таким образом, довольно размытой¹. Первая часть «Известий», в свою очередь, является компиляцией, вобравшей в себя сообщения множества информантов. Значение одного из них – купца Сулеймана, было настолько преувеличено исследователями, что ему долгое время приписывали авторство всего сочинения. То есть до роли автора был возведен информант, чей рассказ, вероятнее всего, был поведен в устной форме и включен в текст наряду с другими, анонимными, свидетельствами.

Схожим образом – из рассказов путешественников – скомпилированы и «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра. Но, в отличие от «Известий», где сообщения часто не разграничены, оно действительно является сборником рассказов – от самых коротких до длинных, занимающих несколько страниц. Сочинение представляет собой обрамленное повествование: составитель обращается к читателю от первого лица и передает рассказы купцов и мореходов – как в третьем, так и в первом лице. Рассказы могли быть записаны со слов информантов, а могли и существовать в письменной форме до составления сборника. В отличие от Абу Зейда, Бузург ибн Шахрияр приводит имена рассказчиков, а иногда и цепочки передатчиков. Примечательно, что по мере удаления нарратива от рассказчика-очевидца нарастает и число фантастических элементов (Kowalska 1987-88: 400). Таким образом, Бузург ибн Шахрияр выступает и как автор собственного текста, и как редактор «Чудес Индии». Но свой вклад в создание сочинения вносят также и авторы оригинальных сообщений, и их пересказчики.

Типичным для арабской описательной географии примером обращения с источниками служит «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега, ставшая образцом и источником заимствований для последующих трудов. Ибн Хордадбех использует как устные, так и письменные источники – рукописи и архивные документы. Он упоминает некоторые из них – например, знаменитого Саллама ат-Тарджумана или «Книгу стран» ал-Джахиза (всего двенадцать имен (Ибн Хордадбех 1986: 34)). Однако в большинстве случаев Ибн Хордадбех ссылается просто на «некого человека, достойного доверия» или «одного ученого», либо «жителей Йемена», «мудрецов» и т. п., или же использует формулировки «говорят», «как утверждается». Источники заимствования, в результате, выявляются исследователями лишь путем сопоставления сочинения с другими

---

¹И авторы, и редакторы могли быть компиляторами, и ответ на вопрос, кем именно считать составителя того или иного сочинения, не всегда представляется очевидным. С. Гюнтер предлагает следующий критерий отличия автора от редактора: «'Писатель' считается 'редактором'... в том случае, если установлено, что он опирался, во всех или в большинстве случаев, на одного и того же исследователя (или 'непосредственного гаранта'), в то время как последний определяется в биографической литературе как 'автор' книги на соответствующую тему» (Günther 2005: 88).

текстами. «Книга путей и стран», таким образом, имеет основного автора-компилятора и множество других – авторов и информантов, чьи сообщения включены в текст. Помимо этого, есть еще позднейший редактор сочинения – составитель сокращенной версии, в которой оно дошло до наших дней. Схожая ситуация характерна для большей части арабских географических работ, интересующих нас как источники по малайско-индонезийскому региону. Авторство Ибн Хордадбеха не вызывает сомнений, но имеет свою специфику. Т. Заде предлагает рассматривать географа не как «одионого автора, а скорее как авторский голос, который черпал сведения из личных бесед с различными государственными чиновниками и своих обширных познаний в области поэзии и чудес и использовал эти знания для заверения... корпуса географических материалов, значительно предшествующих ему по времени» (Zadeh 2013: 32-33).

По несколько иной схеме составлено «Путешествие» Ибн Баттуты. Путешественник, повсеместно фигурирующий как его автор, не писал этого сочинения. Ибн Баттута не был ни географом, ни литератором, и неизвестно, делал ли он какие-либо заметки во время странствий. «Путешествие» было надиктовано Ибн Джузайфу ал-Калби, который свел отдельные рассказы в цельное повествование и написал введение и заключение, т. е. формально он является редактором сочинения. Однако роль Ибн Джузайфа этим далеко не ограничивается, поскольку он также включает в текст обширные цитаты из других источников, т. е. действует скорее как компилятор-составитель. Установлено, что значительные фрагменты «Путешествия» Ибн Баттуты были заимствованы из Ибн Джубайра (1145-1217) (Mattock 1981; Netton 1984: 132; 1991: 21) и ал-'Абдари (ум. 1291) (Elad 1987), да и многие другие главы, в том числе путешествие в Булгар (Janicsek 1929) и описание Делийского султаната (Trausch 2010), заставляют исследователей сомневаться в авторстве Ибн Баттуты. Исследователи выявляют все новые источники, использованные Ибн Баттутой (или Ибн Джузайфом?), что ставит под сомнение аутентичность «Путешествия». Р. Элгер, в частности, и вовсе называет Ибн Баттуту «величайшим лжецом в истории литературы», предполагая, что тот мог сфабриковать свой итинерарий в соавторстве с Ибн Джузайфом, не выезжая за пределы западной части арабского мира (Elger 2010). Это мнение, однако, пока не получило широкого распространения и, в целом, в науке сохраняется представление об Ибн Баттуте как об очевидце описываемых событий.

Обнаруженный в «Путешествии» плагиат чаще всего приписывают Ибн Джузайфу. Роль последнего, таким образом, не соответствует роли редактора в ее современном понимании. «Путешествие», которое, как утверждается, было записано со слов Ибн Баттуты, по сути, представляет собой компиляцию различных материалов – совсем как большинство арабских географических текстов. Ибн Джузай выступает в нем скорее соавтором-составителем, чем просто редактором. Тем не менее, о его вкладе иногда забывают, когда речь заходит о критике

отдельных сообщений путешественника. Ибн Баттута является «титულным» автором сочинения, хотя он и не написал ни слова. Между тем, работа Ибн Джузайя была схожа с проделанной Бузургом ибн Шахрияром – она заключалась в записи и обработке устных рассказов, с тем лишь различием, что у Ибн Джузайя был всего один информант. Возведение Ибн Баттуты в авторы, в таком случае, равносильно приписыванию первой части «Известий о Китае и об Индии» купцу Сулейману.

Как можно видеть, вопрос об авторстве арабских географических работ остается неясным. Следует ли считать автором путешественника, сообщающего оригинальные сведения, но чей вклад в создание дошедшего до нас письменного текста весьма ограничен? Или книжного компилятора, ответственного за структуру сочинения и его литературный стиль, но часто имеющего смутное представление о предмете? Приведенные примеры показывают, что не существует единого принципа решения этой проблемы, и выбор «автора» среди нескольких человек, внесших вклад в создание текста, остается в определенной степени интуитивным. В ряде случаев следует говорить скорее об авторстве отдельных фрагментов текста, чем всего сочинения в целом. К сожалению, определение этого авторства далеко не всегда представляется возможным, и остается довольствоваться допущением, что рассматриваемое свидетельство принадлежит основному автору или современному ему информанту. Однако всегда существует возможность, что сообщение восходит к более раннему неизвестному нам источнику.

Какой-либо универсальной методики работы с арабской географической литературой пока не разработано, но, так или иначе, к ней применимы все основные принципы источниковедческого анализа классических арабских текстов средневековья. По своим методам арабская описательная география почти ничем не отличалась от исторической науки своей эпохи, ведь и историки, и географы писали о вещах, отстоявших от них во времени или пространстве – часто в равной степени непреодолимых для средневекового исследователя. И те, и другие опирались преимущественно на вторичные источники – тексты и беседы с информантами, а не эмпирический опыт. Схожи и способы обозначения заимствований в работах по истории и географии – от неопределенных формул «говорят» или «он сказал» и ссылок на «лицо, заслуживающее доверие» или «жителей такой-то области» до цепочек передатчиков иснадного типа и непосредственных указаний на сочинения других авторов. Критический анализ арабских источников, таким образом, должен быть направлен на выявление заимствований и прослеживание их истоков.

Методологические принципы и категории такого анализа рассматривает в своей статье С. Гюнтер (Günther 2005). Как и другие исследователи средневековой мусульманской историографии, он уделяет основное внимание изучению иснадов, однако в случае с географическими

текстами такая работа нечасто приносит плоды. Если арабские историки позволяли себе меньшую точность в передаче иснадов, чем передатчики хадисов, то географы и вовсе не всегда считали нужным перечислять своих информантов. Лишь немногие и самые ранние из текстов, рассматриваемых в настоящей работе, содержат ссылки на устную традицию. Цепочки передатчиков в них обычно не содержат больше двух-трех имен, а имена эти не всегда известны из других источников. И поскольку ссылки на письменные работы также не служат обязательным элементом арабской географической литературы, то основным и зачастую единственным способом выявления заимствований остается простое сличение дошедших до нас текстов. В настоящей работе критический анализ источников будет проводиться по возможности, но основное внимание будет уделено их фактологическому содержанию.

§2. Обзор текстов и сведения об авторах

Ниже рассматриваются некоторые средневековые арабские тексты, содержащие сведения о малайско-индонезийском регионе. Для каждого источника приводятся общие сведения о сочинении и его авторе, краткий обзор публикаций текста и его переводов, а также описание места сообщений о малайском мире в структуре произведения.

«Известия о Китае и об Индии» (IX в.) и дополнение к ним Абу Зейда Хасана ас-Сирафи (X в.)

«Известия о Китае и об Индии» и дополнение к ним Абу Зейда ас-Сирафи дошли до нас в одной единственной рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже. Составленное в первой половине X в., сочинение представляет собой свод разнообразных сведений о дальних странах, основанных на рассказах путешественников. В качестве рассказчиков выступают, в частности, некий плававший на Восток купец Сулейман, чьи сообщения относят к 851 г., и курейшит Ибн Вахб, совершивший путешествие в Китай около 870 г. Текст произведения состоит из двух частей – анонимного сочинения IX в., часто приписываемого купцу Сулейману, и дополнения к нему, составленного Абу Зейдом ас-Сирафи около 916 г. Первая часть не озаглавлена и фигурирует в литературе под различными названиями, как, например, книга или путешествие купца Сулеймана, а также «Известия о Китае и об Индии» («Ахбār ас-Ѕйн ўа л-Хинд») – заглавием, данным ей Ж. Соваже (Aḥbār... 1948: XVIII-XIX). Это сочинение, датированное 851 г., является одним из самых ранних дошедших до нас арабских источников по малайско-индонезийскому региону.

Парижская рукопись представляет собой копию, выполненную в конце XII в. в Сирии (Aḥbār... 1948: XV; Ancient Accounts... 1733: V). В XVII в. рукопись попала во Францию, а в 1718 г. была переведена на французский аббатом Ренодо (Anciennes relations... 1718). В 1733 г. этот перевод вышел на английском языке (Ancient Accounts... 1733). В 1811 г. Л.-М. Лангле был издан арабский текст сочинения (Relations de voyages... 1811), остававшийся незамеченным до своего переиздания в 1845 г. М. Рено (Relations de voyages... 1845 (I-II)). Двухтомное издание М. Рено, снабженное французским переводом, предисловием и комментариями, не утратило своего значения и по сей день. В 1922 г. новый перевод сочинения был выполнен Г. Ферраном (Voyage... 1922), а в 1948 г. вышел сводный арабский текст «Известий о Китае и об Индии» с переводом Ж. Соваже, который первым отделил их от дополнений Абу Зейда, ссылаясь на то, что два текста различны не только по времени создания, но и по своему характеру (Aḥbār... 1948). Русского перевода сочинения до сих пор не существует, если не считать небольшого отрывка, посвященного Африке (Древние и средневековые источники... 1960 (1): 93-95). Английского перевода «Известий», сделанного непосредственно с арабского текста, до недавних пор также не было, однако в 2014 г. он был выполнен Т. Макинтош-Смитом (Two Arabic Travel Books 2014).

Единственная дошедшая до нас рукопись сочинения озаглавлена «Силсилат ат-Таўāрīх» («Цепь историй»). Это название, как и не соответствующее содержанию предисловие, по всей видимости, позднего происхождения (Крачковский 2004: 142; Relations de voyages... 1845 (I): XII). Из-за отсутствия в рукописи первых листов текст IX в. остается не озаглавленным. Тем не менее, его завершает приписка о том, что здесь заканчивается «Первая книга», а следующее за ним дополнение Абу Зейда озаглавлено «Вторая книга известий о Китае и об Индии» («Ал-китāб ас-сāни мин аḥбār ас-Сйн ўа л-Хинд») (Relations de voyages... 1845 (II): 60). Т. е. «Аḥбār ас-Сйн ўа л-Хинд», вероятно, было изначальным названием сочинения (Relations de voyages... 1845 (I): XII). Абу Зейд указывает дату создания «Первой книги» – 851 г. (Relations de voyages... 1845 (II): 61), однако не исключено, что содержащиеся в ней сведения восходят к более раннему периоду (Tibbetts 1979: 6). М. Рено и Г. Ферран приписывают авторство купцу Сулейману (Relations de voyages... 1845 (I): XIV; Voyage... 1922: 13), вслед за ними эту точку зрения принимает и И. Ю. Крачковский (Крачковский 2004: 141-142). Однако уже Г. Юл подвергает авторство Сулеймана критике (Yule 1913 (I): 126), а позже и П. Пельо заключает, что этот купец – лишь один из рассказчиков, на которых ссылается автор текста (Pelliot 1922: 401-402). К выводу об анонимности «Известий о Китае и об Индии» приходит также Ж. Соваже (Aḥbār... 1948: XIX-XXI).

В тексте сочинения купец Сулейман упоминается лишь однажды (Aḥbār... 1948: 7). Рассказы со ссылкой на это имя можно найти также у Ибн ал-Факиха (Крачковский 2004: 142), однако ни Абу Зейд, ни ал-Мас‘уди, ни цитирующие «Известия» ал-Бируни и ал-Марвази не упоминают о Сулеймане. По всей видимости, «Известия о Китае и об Индии» представляют собой анонимное сочинение, скомпилированное в сер. IX в. на основе устных рассказов, а возможно, и более ранних письменных источников. По своей форме оно принадлежит к распространенному в арабской литературе той эпохи жанру *ахбār*. Произведения этого типа представляли собой своды историй, слабо связанных между собой, но объединенных определенной тематикой, не обязательно географической. Каждое сообщение предварялось ссылкой на рассказчика, чей авторитет подкреплял его достоверность, однако «Известия о Китае и об Индии», по неизвестным причинам, почти лишены подобных отсылок.

Вторая часть «Известий о Китае и об Индии», написанная Абу Зейдом Хасаном ас-Сирафи более чем полвека спустя, была призвана дополнить первую новыми сведениями. Время создания дополнения Абу Зейда не указано, не известны и годы жизни автора. Единственная дата, позволяющая датировать текст хотя бы приблизительно, это 916 г. – в этом году в Басре с Абу Зейдом встречался ал-Мас‘уди. Путешественник упоминает человека по имени Абу Зейд Мухаммад ибн Йазид (хотя имя автора дополнения к «Известиям» – Хасан). Со слов ал-Мас‘уди известно, что Абу Зейд, человек умный и образованный, был двоюродным братом правителя Сирафа, перебравшимся в Басру (*Relations de voyages...1845* (I): XVII). По мнению И. Ю. Крачковского, Абу Зейд не был ни ученым, ни путешественником, а просто любителем и собирателем морских рассказов (Крачковский 2004: 142).

Первая часть сочинения, ранее приписываемая Сулейману, содержит последовательное описание морей и стран вдоль пути из Персидского залива в Китай. Индийский и Тихий океаны на этом отрезке представлены в виде последовательности морей, из которых упомянуты четыре (последующие авторы насчитывают семь (Tibbetts 1979: 72)). Два из них локализируются в малайско-индонезийском регионе – это море Харканда (или Харканд) между Мальдивами и островом Рāmнī (Суматра) и море Салāхитā между Рāmнī и Сāнфом (Чампа). Описание Рāmнī можно найти в секции, следующей за рассказом о Цейлоне и посвященной перечислению островов моря Харканда. Далее источник описывает путь кораблей через Малаккский пролив с остановками в Калāхе на побережье Малаккского полуострова и острове Тиоман (Тийūма). Помимо этого, в тексте есть также краткое упоминание о вулкане в районе Зāбаджа. В дополнении к «Известиям», написанном Абу Зейдом, стране Зāбадж (вероятно, Шривиджайя) посвящена целая глава. Она содержит рассказ о ее правителе, Махарāдже, и его атаке на Кхмерское царство. Этот рас-

сказ почти слово в слово приводит ал-Мас'уди, цитирующий Абу Зейда в своих «Золотых копиях».

Несмотря на краткость сообщаемых сведений, «Известия о Китае и об Индии» представляют собой ценный источник по истории малайского мира, неоднократно цитируемый арабскими авторами вплоть до XVI в. Помимо общего описания островов вдоль маршрута, текст содержит детали, касающиеся их природы, а также быта и нравов населяющих их народов. Автор «в своих рассказах не ограничивается сухим маршрутом... с указанием расстояний в днях пути, а иногда и фарсах; он дает живое описание берегов, островов, различных портов и городов с их жителями, продуктами и предметами торговли» (Крачковский 2004: 141).

Ибн Хордадбех (IX в.)

«Kitāb al-masālik ŷa-l-mamālik» («Книга путей и стран») ибн Хордадбега (ок. 820-912) – одно из первых произведений арабской описательной географии. Оно открывает собой ряд административно-географических справочников типа *ал-масāлик ŷа-л-мамāлик*, составляющих отдельный жанр. Де Гуге выделяет две редакции сочинения – первую (846-847 г.) и вторую, дополненную (885-886 г.)¹ (Kitāb al-masālik... 1889: XX). Но, так или иначе, дошедшие до нас списки содержат сокращенную версию несохранившегося полного труда, поскольку цитирующие Ибн Хордадбега авторы приводят более развернутые сообщения. «Книга путей и стран» оказала заметное влияние на последующую географическую литературу. Многие географы не только опираются на собранные Ибн Хордадбехом сведения, но и заимствуют в своих работах его систему описания. Среди цитирующих «Книгу путей и стран» авторов – Ибн ал-Факих, Ибн Руста, ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси, Ибн Хаукал, ал-Бируни, ал-Идриси и др.

Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах Ибн Хордадбех, сын наместника Табаристана, происходил из знатной иранской семьи, был близок ко двору халифа и в течение жизни занимал различные административные посты. Ему принадлежит около десяти не дошедших до нас произведений различных жанров. Считается, что «Книга путей и стран» была написана в период, когда Ибн Хордадбех занимал должность начальника почты провинции Джибал. При ее составлении он опирался на архивные документы из канцелярий, книги и рукописи из халифской библиотеки, а также устные рассказы. Сочинение содержит описание основных маршрутов и стран как на территории халифата, так и за его пределами. Часть сообщаемых сведений относится к более раннему периоду – концу VIII-началу IX в. Материалы по Индии, в частности, восходят к описанию миссии, посланной туда везиром Йахьей ибн Халидом ал-Бармаки (ум. 805) (Zadeh 2013: 32).

¹ Точку зрения де Гуге о двух этапах составления «Книги путей и стран» Ибн Хордадбехом, достаточно долго бытовавшую в науке, оспаривает в своей статье Т. Заде (Zadeh 2013).

До нас дошли два относительно полных списка и один фрагмент «Книги путей и стран», которые хранятся в библиотеках Парижа, Оксфорда и Вены (Ибн Хордадбех 1986: 17). Текст оксфордской рукописи, содержащей краткую редакцию сочинения, был впервые издан и переведен в 1865 г. французским востоковедом Б. де Мейнаром (*Le livre... 1865*). Важным событием стал выход в 1889 г. текста и французского перевода «Книги путей и стран», подготовленных голландским арабистом М. Я. де Гье (*Kitâb al-masâlik... 1889*). В основу этого издания, составившего VI том серии “*Bibliotheca geographorum arabicorum*”, легла более полная и ранняя рукопись, найденная в Египте и датируемая тремя веками позднее авторского экземпляра. Работа де Гье не утратила своего значения и по сей день. С изданного им арабского текста выполнен русский перевод сочинения Ибн Хордадбега, вышедший в 1986 г. (Ибн Хордадбех 1986)

Первый раздел «Книги путей и стран» содержит сведения о форме и характере Земли, подробное описание южной Месопотамии и списки царей и их титулов. Основную часть составляют дорожники – перечисление маршрутов, расстояний между областями, названий государств, их правителей, сумм налоговых поступлений и т. п. Несмотря на общую сухость описания, сочинение содержит самые разнообразные сведения о торговле, природе и обычаях разных стран, а также рассказы о чудесах и диковинках. Сведения о Юго-Восточной Азии, помимо упоминания ее правителей в списке титулов в начале сочинения, можно найти в главах, посвященных пути из Персидского залива в Китай. Ибн Хордадбех описывает путь от Цейлона к Андаманским и Никобарским островам, затем к Калāху на малаккском побережье и к островам Джāба, Шалāхит, Мāйит и Тийūма. Этот маршрут имеет сходство с описанным в «Известиях о Китае и об Индии», однако Тийūма в нем остается слева, и ему предшествует остановка на Мāйите. Географ также упоминает Рāmī и Зāбадж, которые помещает за Цейлоном.

Ал-Йа‘куби (IX в.)

Еще один образец административно-географического справочника – «Книга стран» («*Kitāb al-buldān*») ал-Йа‘куби. Ахмад ибн Абу Йа‘куб ибн Джа‘фар ибн Вахб ибн Вадих ал-Катиб ал-‘Аббаси ал-Йа‘куби (ум. 897) был историком и географом. Ему принадлежит также «История» в двух томах и еще несколько исторических и географических трактатов, большая часть которых утеряна. Ал-Йа‘куби родился в Багдаде и много путешествовал – служил в Армении и Хорасане, совершил поездки в Индию, Палестину и Магриб, а конец жизни провел в Египте. Там в 889-891 г. было окончено его самое известное произведение – «Книга стран».

Сочинение дошло до нас не полностью и известно в двух рукописях. Первая из них была вывезена из Египта профессором Санкт-Петербургского Университета А. Д. Мухлинским и хранится в Мюнхене. Первое издание полного текста «Книги стран», подготовленное голланд-

ским арабистом Т. В. Я. Йейнболлом, вышло в 1861 г. (Specimen... 1861) В 1892 г. полный текст сочинения был издан М. Я. де Гуге, войдя в VII том серии “Bibliotheca geographorum arabicorum” (Kitâb al-a‘lâk... 1892), а в 1937 г. Г. Вьетом был выполнен французский перевод книги (Wiet 1937). Полный перевод «Книги стран» на русский язык вышел в 2011 г. (Ал-Йа‘куби 2011). Вторая известная рукопись сочинения, открытая еще в XIX в. и принадлежавшая немецкому арабисту Ф. Керну, хранится в Прусской государственной библиотеке в Берлине и остается неизученной.

«Книга стран» не сводится к перечню маршрутов, станций и налогов, но содержит также сведения о полезных ископаемых, природе и этнографический материал. Расстояния в ней указаны менее точно, чем у Ибн Хордадбега – в днях пути, кроме того, в книге почти нет рассказов о чудесах. Ал-Йа‘куби сравнительно редко цитирует других авторов, придавая первостепенное значение собственным наблюдениям и расспросам информантов. Оставив в стороне космологические положения и греческую систему климатов, он принимает деление известного мира на четверти, соответствующие сторонам света. Третий, северный, сектор, согласно этой системе описания, включает юго-восточную Месопотамию, восточную Аравию, Индию и Китай. Но, к сожалению, часть третьей книги в рукописи утрачена, из-за чего текст обрывается на рассказе о Басре и описание Индии в нем отсутствует. Эта лакуна отчасти компенсируется фрагментами, извлеченными де Гуге из сочинений позднейших авторов, цитирующих ал-Йа‘куби. Отрывки представлены в качестве входивших в третью четверть «Книги стран» или другие, не названные, сочинения ал-Йа‘куби.

Таким образом, из-за пропуска в тексте сведения о Юго-Восточной Азии в «Книге стран» не сохранились. Отдельные упоминания о ней (а точнее, о происходивших оттуда амбре и алоэ) можно найти в обнаруженном де Гуге фрагменте из ан-Нувайри. Кроме того, в другом труде ал-Йа‘куби – «Истории» – есть небольшой пассаж, посвященный морям региона.

Ибн ал-Факих (нач. X в.)

Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак ал-Хамадани по прозвищу Ибн ал-Факих известен как автор труда под названием «Китāб ал-булдāн» («Книга стран») или «Китāб ахбār ал-булдāн» («Книга известий о странах») – большого географического свода, дошедшего до нас в сокращенной версии. О самом географе почти ничего не известно, сохранилось лишь название еще одного его сочинения, посвященного поэтам. «Книга стран», составленная около 902-903 гг., относится к отличному от административно-географических справочников жанру, более близкому к художественной литературе. Отмечают большое влияние на нее произведений ал-Джахиза. По словам ал-Мукаддаси, оригинал труда Ибн ал-Факиха составлял около 5 томов

(Крачковский 2004: 156). Около 1022 г. сочинение было сокращено неким ‘Али аш-Шайзари и в этой версии дошло до нас в трех рукописях. В 1885 г. сокращенная редакция «Книги стран» была издана М. Я. де Гуге, составив V том серии “Bibliotheca geographorum arabicorum” (Compendium libri Kitâb al-boldân... 1885). В 20-х гг. в Мешхеде была найдена рукопись, датируемая примерно XIII в. и содержащая, в том числе, более полную версию второй части труда Ибн ал-Факиха, посвященной областям к востоку от Ирака. Полный текст Мешхедской редакции сочинения остается неопубликованным, хотя отдельные главы из него в разное время издавались на русском языке (Материалы... 1939; Ибн ал-Факих 1979).

«Книга стран» представляет собой своего рода географическую хрестоматию, предназначенную для развлечения образованной публики. Это занимательное чтение, уделяющее много внимания различным диковинкам и основанное в большей степени на письменных, чем на устных источниках. Сочинение Ибн ал-Факиха была широко известно и использовалось позднейшими авторами. В частности, значительные извлечения оттуда приводит Йакут. Для «Книги стран» характерно отсутствие четкого плана или системы описания. Она являет собой антологию разнообразных материалов – рассказов, анекдотов, стихов, в той или иной мере связанных с географическими названиями. В пассажах, посвященных Юго-Восточной Азии, Ибн ал-Факих цитирует «Известия о Китае и об Индии» и книгу Ибн Хордадбега, но приводит также и сообщения, отсутствующие в этих работах. Дж. Р. Тиббетс высказывает предположение, что Ибн ал-Факих имел доступ к более ранней копии «Ахбār ас-Сйн ўа л-Хинд», или же оба автора используют один и тот же источник (Tibbetts 1979: 8).

Ибн Руста (X в.)

Абу ‘Али Ахмад ибн Омар ибн Руста – автор большой энциклопедии «Книга драгоценных ожерелий» («Kitâb al-a‘lâq an-naфйса»), из которой сохранился лишь седьмой том, посвященный астрономии и географии. О самом Ибн Русте почти ничего не известно, кроме того, что он был родом из Исфахана, а в 903 г. совершил хадж. Текст седьмого тома его труда, написанного около 903-913 гг., дошел до нас в единственной рукописи, на основе которой был издан в 1892 г. М. Я. де Гуге. Вместе с «Книгой стран» ал-Йа‘куби он составляет VII том серии “Bibliotheca geographorum arabicorum” (Kitâb al-a‘lâk... 1892). «Книга драгоценных ожерелий» основана почти полностью на письменных источниках. И. Ю. Крачковский относит сочинение Ибн Русты к популярной литературе, предназначенной для секретарей-*катибов* (Крачковский 2004: 160).

За введением, содержащим сведения астрономического характера, следует раздел, посвященный чудесам природы и архитектуры, а за ним – собственно географическая часть. По-

следняя включает описание Мекки и Медины, морей и рек, семи климатов и отдельных стран, причем сначала описываются мусульманские страны, а затем – все прочие. В главах о Юго-Восточной Азии Ибн Руста цитирует Ибн Хордадбега и «Известия о Китае и об Индии», а также приводит рассказы, схожие с сообщениями Ибн ал-Факиха. Дж. Р. Тиббеттс полагает, что этот материал восходит к несохранившейся полной версии «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега (Tibbetts 1979: 8).

Ал-Мас‘уди (X в.)

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ал-Мас‘уди (ум. 956) – крупнейший арабский историк, географ и путешественник. Араб по происхождению, он возводил свой род к одному из сподвижников пророка Мухаммада. Ал-Мас‘уди родился в конце IX в. в Багдаде и много путешествовал, а на склоне лет обосновался в Египте. Его странствия охватывают земли от Северной Африки до Индии, предполагают также, что он мог побывать в Китае и на Малайском архипелаге, но это не находит достаточного подтверждения. К сожалению, большая часть сочинений ал-Мас‘уди, включая обширный исторический труд «Ахбār аз-замāн» («Известия времени») в тридцати томах, а также «Китāб аўсаṭ» («Средняя книга»), не сохранились и известны только в отрывках. До нас дошли лишь два его произведения – это «Мурūdж аз-захаб ўа ма‘āдин ал-джаўахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов») и «Китāб ат-танбїх ўа-л-ишрāф» («Книга указания и пересмотра»). Первое является извлечением из «Известий времени», а второе – кратким пересказом многочисленных несохранившихся сочинений ал-Мас‘уди.

«Золотые копи и россыпи самоцветов» – крупнейшее из сохранившихся произведений автора. Выделяют три авторские редакции сочинения – в 943, 947 и 956 гг., из которых сохранилась лишь версия 947 г. (Ал-Мас‘уди 2002: 30) Этот сокращенный труд представляет собой своего рода историко-географическую энциклопедию. Повествование носит беллетризованный характер, и ал-Мас‘уди выступает в нем не столько как ученый, сколько как литератор, популяризатор знаний. И. Ю. Крачковский отмечает его близость к Ибн ал-Факиху, но признает за ал-Мас‘уди более серьезный уклон (Крачковский 2004:176). Литературный стиль «Золотых копей» побуждает многих исследователей причислять их скорее к адабным сводам, чем к историческим хроникам (Ал-Мас‘уди 2002: 35). Это занимательное чтение, составленное на основе устных рассказов, собственных наблюдений автора и различных сочинений по истории и географии, причем ал-Мас‘уди редко называет свои источники. Сочинение носит в целом исторический характер, но содержит отдельные главы, посвященные географии. Первая, меньшая, часть включает географический и этнографический разделы и домусульманскую историю народов, а

вторая – историю от Мухаммада до Аббасидского халифата. Географический материал, таким образом, сконцентрирован в начале произведения.

«Золотые копи» ал-Мас‘уди неоднократно переписывались, и многие списки сохранились до наших дней. В частности, пять из них хранятся в Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге. Сочинение было введено в научный оборот в конце XVIII в., после чего издавались отдельные его отрывки (Ал-Мас‘уди 2002: 35-37). Первая попытка перевода «Золотых копей» на английский язык была сделана в 1841 г. А. Шпренгером, однако опубликован был лишь один, первый, том (*El-Mas‘udī’s historical encyclopedia...* 1841). Полностью текст сочинения, снабженный параллельным французским переводом, был издан в 1861-1877 гг. Б. де Мейнаром и П. де Куртеем (*Maçoudi 1861-1877*). Впоследствии, в том числе в Фесе и Мосуле, были обнаружены многочисленные рукописи «Золотых копей», неизвестные издателям этого девяти-томника (*Древние и средневековые источники...* 1960 (Т. 1): 220). Арабский текст сочинения неоднократно публиковался в Египте, а в 60-70-х гг. XX в. Ш. Пелла был издан отредактированный арабский текст и французский перевод «Золотых копей», снабженный двумя томами откомментированного указателя (Ал-Мас‘уди 2002: 39; *Mas‘udi 1979*). В 1989 г. вышел английский перевод отрывков, посвященных династии Аббасидов, выполненный П. Лунде и К. Стоун (*Masudi 1989*). Русское издание значительной части сочинения, также посвященной истории Аббасидов, появилось в 2002 г. Перевод был выполнен Д. В. Микульским на основе арабского текста, опубликованного в 30-х гг. XX в. Мухйи-д-Дином ‘Абд ал-Хамидом, но сверен также и с изданием Б. де Мейнара и П. де Куртея (Ал-Мас‘уди 2002: 35, 43).

Большую часть сведений о Юго-Восточной Азии можно найти в первом томе издания Б. де Мейнара и П. де Куртея (*Maçoudi 1861 (Т. I)*). Географический раздел «Золотых копей» содержит описание мира по системе семи климатов, перечисление морей и рек с краткой характеристикой соседних стран и описанием известных арабам народов. Как и многие другие авторы, ал-Мас‘уди делит Индийский океан на семь морей, из которых Юго-Восточную Азию омывают моря Харканда, Калāха, Карданджа и Çанфа. Зāбадж автор помещает между Индией и Китаем, но относит к Индии. Как и Абу Зейд, ал-Мас‘уди упоминает о сокращении арабского судоходства до Малаккского полуострова, вызванном событиями в Китае. Рассказ о походе Махраджа на Кхмер почти слово в слово повторяет сообщение Абу Зейда, с которым ал-Мас‘уди встречался в Басре около 916 г. Предположение о том, что ал-Мас‘уди побывал на Малайском архипелаге, основывается на одном единственном утверждении во вступлении к «Золотым копиям» (*Maçoudi 1861 (Т. I): 5*). Однако последующее изложение никак этого не подтверждает. Большая часть сведений о Юго-Восточной Азии восходит к другим источникам – «Известиям о Китае и об Индии» и труду Абу Зейда, другим не указанным ал-Мас‘уди письменным текстам,

а также, вероятно, к устным рассказам моряков и торговцев, собранным им в портах Персидского залива. Само описание региона в «Золотых копиях» мало напоминает рассказ очевидца, большие сомнения путешествие ал-Мас‘уди на Малайский архипелаг вызывает у Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979: 1).

«Книга указания и пересмотра» не добавляет ничего нового к тем сведениям о Юго-Восточной Азии, которые ал-Мас‘уди приводит в «Золотых копиях». Это сочинение было написано в год смерти историка и географа и подводит итог его многочисленным произведениям. Оно являет собой краткий пересказ сведений из различных, в большинстве своем не сохранившихся, трудов ал-Мас‘уди. Арабский текст «Книги указания и пересмотра» опубликован в 1894 г. М. Я. де Гье в VIII томе “*Bibliotheca geographorum arabicorum*” (Kitâb at-tanbîh... 1894), а в 1897 г. был издан французский перевод Б. Карра де Во (Maçoudi 1897).

Абу Дулаф (X в.)

Абу Дулаф – один из немногих известных нам арабских путешественников (наряду с ал-Мас‘уди и Ибн Баттутой), претендующих на непосредственное знакомство с Юго-Восточной Азией. Однако реальность его путешествия вызывает у многих исследователей сомнения. Абу Дулаф Мис‘ар ибн ал-Мухалхил ал-Хазраджи ал-Йанбу‘и известен в первую очередь как поэт и литератор. До нас дошло несколько отрывков его произведений и одна касыда. Нисбы Абу Дулафа указывают на арабское происхождение, годы жизни его неизвестны. Как придворный литератор, Абу Дулаф состоял на службе у саманидского правителя Насра II ибн Ахмада (914-942) в Бухаре. Около 942 г., вместе с возвращавшимся домой китайским посольством, он совершил путешествие через Центральную Азию в Китай, после чего направился морским путем в Индию. Вернувшись на Ближний Восток, Абу Дулаф путешествовал по Ирану и бывал при дворе буидского везира Исма‘ила ибн ‘Аббада ас-Сахиба (ум. 995).

Фрагменты описания его путешествий сохранились в трудах Йакута и ал-Казвини. Из них наиболее полный текст описания Юго-Восточной Азии содержится в «Географическом словаре» Йакута (*Jakut’s geographisches Wörterbuch* 1868: 452-454). Довольно долго исследователи располагали лишь этими отрывками произведения Абу Дулафа, но с открытием в 20-х гг. XX в. Мешхедской рукописи получили доступ к полной его редакции. Сочинение состоит из двух самостоятельных частей – *рисāла* (записок, посланий), первой и второй, предназначенных для двух покровителей Абу Дулафа, чьи имена не установлены. Первая записка содержит описание путешествия в Китай и обратно, а вторая – сведения об Иране, Азербайджане и Армении. В 1939 г. немецким арабистом А. Рор-Зауером были изданы перевод и исследование «Первой записки» Абу Дулафа (Rohr-Sauer 1939). «Вторая записка» была изучена и опубликована В.

Минорским (Abu-Dulaf... 1955), а в 1960 г. вышло ее русское издание, подготовленное П. Г. Булгаковым и А. Б. Халидовым (Вторая записка... 1960).

Описание Юго-Восточной Азии, которую Абу Дулаф предположительно посетил на обратном пути из Китая, содержится в «Первой записке». Многие исследователи, в том числе В. В. Бартольд и В. Минорский, ставили под сомнение не только сам факт путешествия Абу Дулафа в Китай, но и его авторство. Сочинение представлялось им компилятивным сводом распространенных представлений о восточных странах, только приписанным Абу Дулафу (Крачковский 2004: 188). Однако А. Рор-Зауер подверг критике отрицательные выводы о достоверности путешествия Дулафа в Китай, подтвердив его историческими данными. Он также высказал предположение, что «Первая записка» была составлена Абу Дулафом по памяти по прошествии времени после поездки, без соблюдения хронологической последовательности, и дополнена услышанными рассказами без строгого разграничения (Там же: 189). По мнению И. Ю. Крачковского, путешествие Абу Дулафа в Индию и Китай «представляет, несомненно, реальный факт» (Там же: 188). Но, так или иначе, обратный путь путешественника из Китая остается неясным. Дж. Р. Тиббетс склоняется к мнению, что Абу Дулаф не бывал в Юго-Восточной Азии, а его рассказ основан на сведениях, собранных во время пребывания в Китае (Tibbetts 1979: 10, 75).

Сообщения Абу Дулафа – первое из известных нам описаний региона в арабской литературе, составленное в форме путевых заметок. Тем не менее, оно содержит мало бытовых деталей или подробностей путешествия. Изложение следует традициям описательной географии, а маршрут выступает скорее в роли композиционного обрамления. Маршрут этот запутан и вызывает много вопросов, что характерно, впрочем, и для описания сухопутного путешествия Абу Дулафа через Центральную Азию. Путь через Юго-Восточную Азию выглядит следующим образом: Калāх – Страна Перца – Страна Камфары – Джāджулā (или Гāгулā – по-видимому, Қāқулā других арабских источников). В Стране Камфары (возможно, Суматра (Tibbetts 1979: 75)) путешественник помещает города Қамрūн, Қмāрийāн и Сāймūr, однако не утверждает, что посетил их. Страной Перца арабы называли Южную Индию – можно предположить, что речь идет о конечном пункте путешествия Абу Дулафа, по пути к которому он посетил прочие местности в Юго-Восточной Азии (хотя Сāймūr к ним не относится и также расположен в Индии). Или же, как это представляется многим исследователям, рассказ о путешествии был скомпилирован на основе других источников. Так или иначе, сообщения Абу Дулафа содержат оригинальные сведения, не встречающиеся в арабских текстах до него. Помимо прочего, путешественник приводит множество этнографических деталей, касающихся одежды, пищи, религии и обычаев.

Сухраб / Ибн Серапион (X в.)

Имя Сухраб, возможно, является псевдонимом (Крачковский 2004: 97). Так называет себя автор сочинения под названием «Китāб ‘аджāиб ал-ақālīm ас-саб‘а» («Книга чудес семи климатов»), датируемого 902-945 гг. Оно дошло до нас в единственной рукописи 1309 г., хранящейся в Британском музее. В 1930 г. текст сочинения был издан Х. фон Мжиком (*Das Kitāb...* 1930). «Книга чудес семи климатов» написана под сильным влиянием «Картины земли» («Китāб с̄урат ал-ард») ал-Хорезми и продолжает греческую традицию математической географии. Она состоит из таблиц, содержащих перечень городов с разделением по климатам, названия морей, рек, гор, островов, а также долготы и широты. Сведения о Юго-Восточной Азии в труде Сухраба сводятся к сообщению о камфаре и восходят к медицинскому труду Исхака ибн Имрана (ум. 907 г.) (Tibbetts 1957: 17).

«Путешествия Синдбада» (X в.)

Местом действия знаменитого цикла о Синдбаде мореходе, возникшего в Багдаде не позднее X в. и позже вошедшего в состав «Тысячи и одной ночи», служат Индия и Малайский архипелаг. Сказание о семи морских путешествиях багдадского купца Синдбада, несмотря на ярко выраженный фольклорный характер, содержит долю географических сведений. Исследователи отмечают близость этого свода к таким сборникам морских рассказов, как «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра, а также к «Известиям о Китае и об Индии» (Крачковский 2004: 143; Tibbetts 1979: 10). Сказания о Синдбаде в значительной степени восходят к традиционному морскому фольклору и изобилуют фантастическими деталями. Но, при всей сказочности сюжета, они упоминают те же топонимы, что и современные им географические сочинения, и могут служить источником по истории островной Юго-Восточной Азии.

Свод «Тысячи и одной ночи» формировался на протяжении семи веков – самый ранний ее список относится к 879 г., а самый поздний датируют 1450-1536 гг. (Simon 2000: 108) Не все рукописи содержат цикл о Синдбаде, а их тексты изобилуют разночтениями. «Путешествия Синдбада» существуют в двух основных версиях, известных как “А” и “В”. Предполагают, что первый вариант древнее второго – язык в нем проще, а истории содержат меньше деталей. Также две версии сильно расходятся в передаче седьмого путешествия и концовки шестого (Simon 2000: 108-109). Вариант “А” не так широко известен, в то время как текст “В” служит основой для многочисленных изданий и переводов. Английский перевод Р. Ф. Бертон, использованный в настоящей работе (*A plain and literal translation...* 1885 (6)), восходит к версии “В”, однако нас интересуют первые пять путешествий Синдбада, разночтения в которых не столь значительны.

Первое путешествие повествует о стране царя Михрджāна (или Маджрāна), где Синдбад встречает морских коней. Большинство исследователей отождествляет царя Михрджāна (или Маджрāна) с Махарāджей (хотя Р. Ф. Бертон предлагает интерпретировать его имя как сочетание персидс. *михр* («солнце») и *джāн* («жизнь»), видя в этом рассказе отголоски персидского господства в Южной Аравии). Синдбад находит пристанище при дворе царя, путешествует по его островным владениям и становится чиновником в порту и посредником между правителем и людьми. Последнее вполне отражает практику существования в малайских портах должности представителя иноземных купцов, о которой известно из более поздних источников. Второе путешествие Синдбада содержит рассказ об острове, богатом камфарой и населенном змеями, слонами, носорогами и буйволами, что, возможно, соотносится с Суматрой. Третье и четвертое путешествия упоминают топонимы, связанные с малайским миром, в описаниях обратного пути Синдбада в Басру. Пятое путешествие, напротив, не дает топонимов, но содержит рассказы о безымянных островах пряностей, где растут корица, гвоздика, перец и алоэ.

Неизвестный автор цикла о Синдбаде, скорее всего, не плывал из Басры в Индию или Цейлон, а пользовался рассказами ходивших туда моряков и, возможно, письменными источниками. Среди вероятных источников заимствований – «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега и «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра (Simon 2000: 112, 116). Также примечательно, что «Путешествия Синдбада» совсем не упоминают Китай – это обстоятельство свидетельствует о формировании цикла в период приостановки контактов с ним после событий 879 г. (Там же: 113).

Бузург ибн Шахрияр (X в.)

«Китāб ‘аджā’иб ал-Хинд» («Книга чудес Индии») Бузурга ибн Шахрияра создавалась во второй половине X в. в одном из приморских городов халифата. Она представляет собой свод рассказов моряков и купцов о странах восточных морей – не только Индии, но и Китае, Малайском архипелаге и Восточной Африке. Об авторе сочинения – Бузурге ибн Шахрияре ан-Нахуде ар-Рамхурмузи – ничего неизвестно, кроме того, что он был капитаном родом из Рам Хурмуза в Персидском заливе. Изложение ведется от первого лица, однако в тексте фигурируют и другие рассказчики – многочисленные капитаны, лоцманы и купцы, ходившие на восток. «Книга чудес Индии» принадлежит к жанру морских рассказов и основана преимущественно на устных источниках – Бузург ибн Шахрияр ссылается на путешественников, с чьих слов приводит то или иное сообщение, но не на труды географов и не на личный опыт. Сам он, по всей вероятности, не совершал дальних плаваний. Из 136 рассказов, составляющих сборник, 29 поддаются датировке. Из них большая часть относится к периоду между 900 и 953 гг. 18 рассказов

приходятся на время правления халифа ал-Муктадира-биллаха (908-932), три – на VIII-IX вв., и лишь один датируется 999 г. (Freeman-Grenville 1982: 64), смещая предположительное время составления свода на вторую половину X в.

Сочинение дошло до нас уникальным списке XIII в., хранящемся в Стамбуле. В 1878 г. на основе копии этой рукописи, сделанной по заказу французского востоковеда Ш. Шефера, был издан первый перевод сочинения на французский язык, выполненный Л. М. Девиком (*Les merveilles de l'Inde* 1878). Арабский текст «Книги чудес Индии» был опубликован в 1883-1886 гг. по инициативе М. Я. де Гюе. Это издание, подготовленное голландским ученым П. Ван дер Литом, было снабжено переработанным постраничным переводом Л. М. Девика и научными комментариями П. Ван дер Лита и М. Я. де Гюе (*Livre des merveilles...* 1883-1886). В 1928 в Лондоне вышел английский перевод сочинения, сделанный с французского перевода Л. М. Девика (*Buzurg ibn Shahriyar* 1928). Русское издание «Чудес Индии» в переводе Р. Л. Эрлих и под редакцией И. Ю. Крачковского увидело свет в 1959-1960 гг. (*Бузург ибн Шахрияр* 1959). Перевод был выполнен на основе арабского текста, изданного П. Ван дер Литом.

«Книга чудес Индии» содержит рассказы разной величины и самого разнообразного содержания. Они повествуют о путешествиях, кораблекрушениях, флоре и фауне заморских стран, сказочных богатствах, чудесах и диковинках, быте и нравах разных народов. Автор нередко подходит к рассказам информантов критически и оговаривает, если те вызывают у него сомнения. Тем не менее, сочинение изобилует фантастическими сюжетами, и факты переплетаются в нем с фольклорным материалом и художественным вымыслом. «Книга чудес Индии» – в первую очередь литературное произведение, предназначавшееся для развлечения читателей. Но оно содержит также и множество историко-географических сведений, а встречающиеся в нем топонимы поддаются идентификации. Рассказы о дальних плаваниях, собранные в этом своде, отражают морские связи халифата со странами бассейна Индийского океана в VIII-X вв. Далеко не все они связаны с Индией, и совсем немногие – с Китаем. Напротив, немаловажное место в сочинении занимает малайско-индонезийский регион – т. н. Страна Золота. Местом действия рассказов купцов и капитанов нередко становятся берега Суматры и Малаккского полуострова.

«Сокращение диковинок и чудес» (кон. X в.)

Сочинение под названием «Муҳтасар ал-‘аджā’иб ўа-л-ғарā’иб» («Сокращение диковинок и чудес») или «Китāб ахбār аз-замāн ўа ‘аджā’иб ал-булдāн» («Книга сообщений времени и диковинок стран») в разное время приписывалось таким авторам, как ал-Мас‘уди и Ибрахим ибн Васиф Шах. Однако их авторство вызывает большие сомнения (Крачковский 2004: 182,

184). Сочинение известно в многочисленных рукописях, хранящихся в Национальной Библиотеке в Париже. В 1897 г. они были исследованы бароном Карра де Во, который выполнил их перевод на французский язык (L'Abbrégé... 1897). Время создания сочинения неизвестно, однако имеющиеся в нем даты относятся не позже чем к X в. (Крачковский 2004: 184).

«Сокращение диковинок и чудес» представляет собой компиляцию трех источников – «Чудес Индии» Бузурга ибн Шахрияра, «Золотых копей» ал-Мас‘уди и книги «Легенды Египта». В тексте встречаются также цитаты из Ибн Хордадбеха (Tibbetts 1979: 9). Сочинение состоит из двух неравных частей, вторая и большая из которых посвящена легендарной истории древнего Египта. Что касается первого раздела, то в нем говорится о создании мира и чудесах древних народов, в т. ч. приводятся и легенды об Индийском море. Сведения о Юго-Восточной Азии содержатся в этом разделе и восходят к ал-Мас‘уди и Бузургу ибн Шахрияру. Дж. Р. Тиббетс высказывает предположение, что через «Мухтасар ал-‘аджā’иб» материал из «Чудес Индии» попал в сочинения ал-Казвини и позднейших географов (Там же). В топографии Юго-Восточной Азии автор «Сокращения» следует ал-Мас‘уди, но приводит также ряд рассказов о мифологических островах.

Ал-Бируни (XI в.)

Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни (973-1048) был широким энциклопедистом и одним из самых выдающихся ученых арабского средневековья. Его научное наследие огромно и включает труды по математике, физике, астрономии, астрологии, минералогии, географии, истории и даже поэзии. Из более чем ста сочинений ал-Бируни до нас дошло около двух десятков. Ученый родился в Хорезме, путешествовал в прикаспийские области и жил при дворе хорезмшаха Абу-л-‘Аббаса (1009-117). После захвата Хорезма Махмудом Газневи (998-1030) ал-Бируни последовал за ним в Газну, предполагают также, что вместе с войсками завоевателя он побывал в северо-западной Индии. При всей широте научных интересов, центральное место в работах ал-Бируни занимали естественные науки, и в области географии его интересовала в первую очередь ее математическая и астрономическая составляющая.

Самый известный труд ученого – это «Индия» или «История Индии», написанная около 1030 г. В. Розен оценивал ее как «памятник, единственный в своем роде, и равного ему нет во всей древней и средневековой научной литературе Запада и Востока» (Цит. по: Крачковский 2004: 244). Полное название сочинения – «Тахрйр mā ли-л-Хинд мин мақāла мақбūла фй-л-‘ақл аў марзūла» («Разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых рассудком или отвергаемых»). Арабский текст и английский перевод «Индии» были впервые опубликованы Э. Захау в 1887-1888 г. (Alberuni's India 1887-1888) Издание было подготовлено на основе рукопи-

си 1159 г., принадлежавшей Ш. Шеферу и восходящей к авторскому автографу, а также двух позднейших списков с нее из библиотек Парижа и Стамбула. Второе полное издание арабского текста сочинения, вышедшее в 1958 г. в Хайдарабаде (Al-Bīrūnī 1958), воспроизводит публикацию без привлечения каких-либо новых рукописей. В 1963 г. в Ташкенте был издан полный русский перевод «Индии», выполненный А. Б. Халидовым и Ю. Н. Завадовским с текста, изданного Э. Захау (Бируни 1995).

«Индия» ал-Бируни посвящена в первую очередь духовной культуре индийцев, но содержит также и географические сведения. Большая часть их сосредоточена в XVIII главе, «содержащей различные сведения об их стране, реках, море и некоторых расстояниях между их областями и границами» (Бируни 1995: 195). Эту главу впоследствии цитируют ал-Идриси и Рашид ад-Дин (Там же: 50). Упоминание о Юго-Восточной Азии в ней можно найти в сообщении об островах Индийского океана. Ал-Бируни делит их на три группы – восточные, западные и средние. Если восточные острова – Зāбādǰ – можно отождествить с Малайским архипелагом, а Дйб – с Мальдивами, то местоположение островов Рамм, Қмайр и Ўāқўāқ, помещаемых в средней части океана, остается неясным. По мнению Дж. Р. Тиббетса, в своем описании островов Юго-Восточной Азии ал-Бируни мог опираться на индийские источники (об этом свидетельствуют, в частности, некоторые санскритские топонимы) (Tibbetts 1957: 22).

Еще одно сочинение ал-Бируни, содержащее упоминания о регионе, – это «Китāб ат-тафхйм ли аўā’или сина’ат» («Книга обучения началам искусства астрологии»), созданная в Газне в 1029 г. Вопреки названию, она представляет собой не столько учебник по астрологии, сколько комплексную энциклопедию, охватывающую также астрономию, геометрию и географию. Сохранилось значительное число списков этой работы. Текст рукописи, хранящейся в Британском музее, был издан в 1934 г. Р. Райтом и снабжен параллельным переводом, основанным на персидской версии сочинения (The book of instruction... 1934). Некоторые списки находятся также в Берлине. Третья часть книги, посвященная астрономии, содержит множество географических сведений, в том числе разделы о широтах и долготах, распределении морей, климатах и экваторе. Изложенная ал-Бируни теория морей оригинальна и опирается не только на греческую традицию, но и на сведения, накопленные в арабской географической литературе. Эта теория надолго закрепилась в арабской географии, ее слово в слово приводят Йакут и Абул-Фида как лучшее из известного им о распределении морей на поверхности земли.

Краткие сведения о Юго-Восточной Азии содержит также такой известный труд ал-Бируни, как «Ал-Қāнўн ал-Мас’удй фй-л-хай’а ўа н-нуджўм» («Мас’удовские таблицы по астрономии и звездам»). Написанная около 1030 г. и посвященная преемнику Махмуда Газневи, она содержит перечень распределенных по климатам городов с указанием долгот и широт. Со-

чинение издано на русском языке (Бируни 1973-1976). Описание Юго-Восточной Азии в «Ал-Қанўне» ограничивается перечислением координат отдельных местностей. К юго-востоку от Цейлона и на границе между Индией и Китаем ал-Бируни помещает Қамрўн (125°, 10°). Также он упоминает Ламрї (127°, 9°), Калāх (130°, 8°) и Канканд – царство обезьян – чуть к северу от последнего (130°, 10°). К юго-востоку от них и к югу от экватора находится Срибуза (140°, 1°S) (Tibbetts 1979: 83).

Ал-Марвази (XII в.)

Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази был врачом при дворе сельджукского султана Малик-шаха (1072-1092) и его преемников. Ему принадлежит зоологический труд под названием «Табā'и' ал-хайаўāн» («Природа животных»). Время создания его неизвестно, как и годы жизни автора, однако в тексте упоминаются события второй половины XI в., а последняя фигурирующая в нем дата относится к 1120 г. (Крачковский 2004: 270). Книга включает географический раздел, содержащий ценные сведения об Индии и Китае. Долгое время «Природа животных» была известна лишь в неполной рукописи Британского музея и цитатах позднейших авторов, однако в 1937 г. в Индии был найден более полный ее список. В 1942 г. текст и английский перевод отдельных глав, посвященных Индии, тюркам и Китаю, были изданы В. Ф. Минорским (Minorsky 1942). В том, что касается Юго-Восточной Азии, ал-Марвази цитирует утерянную работу ал-Джайхани, сообщения которого восходят, в свою очередь, к Ибн Хордадбеку (Tibbetts 1979: 11).

Ал-Хараки (XII в.)

Хивинец ал-Хараки (Ум. 1138) – автор астрономического сочинения «Мунтахā-л-идрāк фї тақāсїм ал-афлāк» («Предел постижения относительно разделения небесных сфер»), написанного около 1132 г. и заключающего в себе попытку соотнесения математической и описательной географии (Крачковский 2004: 311-312). Книга состоит из трех частей, вторая из которых содержит географические сведения. В описании Юго-Восточной Азии ал-Хараки повторяет ал-Бируни.

Ал-Идриси (XII в.)

Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абдаллах ибн Идрис (1100-1165), также известный как аш-Шариф ал-Идриси, вошел в историю как автор важнейшего географического трактата средневековья. Из всех арабских географов он был более всего известен в Европе. Ученый происходил из эмирского рода Идрисидов, родился в Сеуте и учился в Кордове. Ал-

Идриси много путешествовал по Испании и Марокко, а также побывал во Франции, Англии и Малой Азии. С 1138 г. почти до самой смерти он находился в Палермо при дворе сицилийского короля Рожера II (1130-1154), а впоследствии и его преемника. Сохранились отрывки из стихов ал-Идриси и его книга по фармакогнозии, известны также названия нескольких не дошедших до нас сочинений. Однако важнейшим трудом географа является т. н. «Книга Рожера».

Полное название сочинения – «Нузхат ал-муштāқ фй-хтирāқ ал-āфāқ» («Развлечение истомленного в странствии по областям»). Оно было составлено в Палермо и посвящено Рожеру II, благодаря чему стало известно также как «Китāб ар-Руджāрй» или «Китāб ар-Руджār» («Книга Рожера»). Работа над книгой, инициированная самим сицилийским королем, продолжалась 15 лет и была завершена в 1154 г., незадолго до смерти правителя. «Книга Рожера» стала одним из первых арабских сочинений, изданных в Европе – в 1592 г. ее сокращенная редакция была напечатана в типографии Медичи в Риме, а 1619 г. в Париже был издан ее первый латинский перевод (Крачковский 2004: 287). Сохранилось около десяти рукописей сочинения, которые хранятся в Оксфорде, Париже, Стамбуле, Лондоне, Петербурге, Каире и Софии. В 1836-1840 гг. вышел полный французский перевод книги в двух томах, выполненный П.А. Жобером (*Géographie d'Edrisi 1836-1840*). После этого начиная со второй половины XIX в. публиковались отрывки из труда ал-Идриси, посвященные отдельным странам. Главы, посвященные Юго-Восточной Азии, не были изданы, однако некоторые из них вошли в публикацию, посвященную Индии (Ahmad Maqbul 1954-1960). Полное издание арабского текста «Книги Рожера» появилось только во второй половине XX в. (Al-Idrīsī 1970-1984).

Сочинение ал-Идриси стало попыткой сближения астрономической и описательной географических традиций. Оно является также ценным памятником арабской картографии, хотя исследователи и отмечают отразившийся в нем регресс в этой области (Крачковский 2004: 294). Составленные ал-Идриси карты почти лишены широт и долгот, а деление земли на климаты и части условно и не имеет под собой астрономического принципа. Но даже при том, что «Книга Рожера» не внесла значительного вклада в развитие науки, она остается важнейшим географическим трактатом средневековья благодаря собранному в ней фактическому материалу. Источниками ал-Идриси послужили как личные наблюдения (в отношении знакомых ему Испании, Италии и Марокко), так и труды предшественников и устные сообщения. Определенная доля сведений восходит к рассказам купцов, путешественников и паломников, поскольку в ходе работы над книгой в разные страны посылались люди для сбора и уточнения данных. Среди письменных источников ал-Идриси указывает ал-Джайхани, Ибн Хордадбега, ал-Йа'куби, ал-Мас'уди, Кудаму ибн Джа'фара, Ибн Хаукала и др.

Трактат содержит последовательное описание земли по семи климатам – широтным зонам, расположенным параллельно экватору. Каждый климат ал-Идриси разбивает на 10 поперечных частей с запада на восток. Сообщается географическое и политическое положение стран, их достопримечательности, сведения о городах, торговле, населении и обычаях. Описание каждой части привязано к карте. Всего сочинение содержит 70 карт, а также одну большую общую карту мира. Ал-Идриси принадлежит первая подробная арабская карта Юго-Восточной Азии, составленная под влиянием птолемеевской традиции. Индийский океан он изображает длинным и узким, а Африканское побережье продлевает на восток, сближая его с Китаем. В этой части океана, по диагонали между африканским и китайским берегами, географ помещает крупный остров Қумр (отождествляемый с Мадагаскаром). Вокруг него на карте расположены многочисленные острова, в том числе Серендїб, Рāнадж (т. е. Зāбадж), Срибуза, Дїбаджāt, Рāмї, Джāба, Салāхит, Харандж, Тийūма, Мā'ит, Калāх, Бинамāн, Қамрўн и пр.

Если описание западных стран в сочинении ал-Идриси оригинально и содержит ценные сведения, то сообщения о незнакомом ему востоке – Индии, Китае и Юго-Восточной – Азии восходят преимущественно к ал-Джайхани и Ибн Хордадбеку. Эти свидетельства не добавляют ничего нового в том, что касается географии региона, но зачастую содержат более полный текст цитируемых источников, а также ряд этнографических деталей. Интересно сообщение о торговых связях между Малайским архипелагом и Восточной Африкой. Однако сложно сказать, связано ли оно со сближением Зāбаджа и африканского побережья на карте ал-Идриси, или же отражает действительно имевшие место торговые отношения жителей Малайского архипелага с Восточной Африкой и Мадагаскаром (Денисова 2012: 30).

Йакут (XIII в.)

Йакут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (1179-1229) был филологом и лексикографом, однако известен он в первую очередь как автор крупнейшего географического свода средневековья. Его обширное компилятивное сочинение – «Словарь стран» («Му'джам ал-булдāн») – вообрало в себя сведения, накопленные поколениями арабских географов, и служит важнейшим историческим источником. Йакут был рабом-греком и происходил из Малой Азии. Свою нисбу ал-Хамави он получил по имени хозяина – сирийского купца родом из Хама, который купил его ребенком в Багдаде, дал хорошее образование и сделал своим торговым агентом. Йакут неоднократно сопровождал хозяина в поездках к берегам Персидского залива, а также занимался перепиской книг. После смерти сирийца около 1200 г. он получил свободу и занялся в Багдаде книготорговлей и литературной деятельностью. Йакуту принадлежат сочинения по истории, генеалогии и филологии, сохранился его биографический словарь литераторов. В 1213 г. он от-

правляется в странствия по Сирии, Египту, Ирану и Средней Азии, а в 1220 г. вынужден бежать от монгольского нашествия в Мосул. После этого Йакут совершает поездку в Египет и Сирию и умирает в Алеппо в 1229 г.

«Словарь стран» (или «Алфавитный перечень стран») был задуман в 1218 г. в Мерве с его богатейшими библиотекам, а его черновая версия была составлена в Мосуле в 1224 г. В 1228 г. Йакут занимался доработкой словаря в Алеппо, однако смерть помешала завершению этой работы. Сочинение представляет собой крупнейший свод арабских географических знаний домонгольского периода, объединяющий сведения по астрономической и описательной географии, и почти полностью состоит из цитат. Йакут привлекает огромный объем письменных источников, среди которых работы большей части географов предшествующего периода. Сообщения путешественников он нередко приводит полностью (в частности, «Словарь стран» содержит текст записок Абу Дулафа). Рукописи сочинения хранятся в Оксфорде, Копенгагене, Петербурге, Париже, Берлине и Лондоне. Европейская наука познакомилась с ним достаточно поздно – только во второй половине XIX в. В 1866-1873 гг. вышло шеститомное издание труда Йакута, подготовленное Ф. Вюстенфельдом (*Jakut's geographisches...* 1866-1873), а в 1906 г. оно было перепечатано в Каире Ахмедом Амином аш-Шинкити (Крачковский 2004: 333).

Географический свод Йакута состоит из нескольких вводных глав и основной части. За предисловием, в котором автор указывает свои источники, следует пять вводных глав, посвященных форме земли, климатам, разъяснению географических терминов, налогам и небольшому экскурсу в историю. Основная часть сочинения составлена в форме словаря. Названия стран, городов и народов в ней расположены в алфавитном порядке. Каждый топоним сопровождается статьей, содержащая самые разнообразные сведения и цитаты. Статьи неравны по объему и занимают от одной строчки до 10-15 страниц. Йакут стремится объяснить происхождение и этимологию названия каждой местности, указывает ее широту и долготу. Нередко он дает описание стран и городов и приводит сведения по их истории, связанные с ними легенды и предания, цитаты из Корана и хадисов, рассказы о диковинках, обычаях и нравах, а также биографии живших там ученых, поэтов и писателей. В своем труде Йакут не ограничивается мусульманскими странами и касается также местностей в Восточной и Юго-Восточной Азии. В частности, он первым упоминает топоним Джәўа, а также смешивает Калāх со словом *қал'а*. Концепция Индийского океана в его сочинении восходит к ал-Бируни и ал-Мас'уди, но расходится с ал-Идриси (Tibbetts 1979: 90).

Помимо «Словаря стран», известно еще два географических произведения Йакута. Одно из них озаглавлено «Китāб ал-муштарик ўад'ан ўа-л-муфтариқ сұқ'ан» («Книга об именах, общих по форме, отличающихся по обозначаемой местности») и представляет собой словарь

географических омонимов. Это сочинение является извлечением из большого словаря Йакута и было составлено два года спустя после него. Географический материал в нем предельно сжат, а многие сведения опущены. «Книга об именах» была опубликована 1846 г. Ф. Вюстенфельдом (Jakut's Moschtarik 1846). Еще один дошедший до нас географический труд Йакута – это «Марāсид ал-иттїлā‘ ‘алā асмā’ ал-амкина ўа-л-биқā‘» («Места наблюдения над именами мест и долин»). Он также являет собой извлечение из основного словаря, выполненное в XIV в. Вопрос об авторстве этого сочинения остается спорным (Крачковский 2004: 341). Текст «Марāсид ал-иттїлā‘» был издан в 6 томах Т. Г. Йейнболлом (Lexicon geographicum 1852-1864).

Ал-Казвини (XIII в.)

Абу Йахйа Закарийа ибн Мухаммад ибн Махмуд ал-Казвини (1203-1283) – знаменитый арабский космограф-популяризатор. Ему принадлежит крупнейшее произведение в этом жанре, получившее широкое распространение на мусульманском востоке. О самом ал-Казвини известно немного. Араб по происхождению, он родился в г. Казвине в персидском Ираке, какое-то время жил в Дамаске и бывал в Мосуле. При халифе ал-Муста‘сима (1213-1258) ал-Казвини был кади в Васите и Хилле в Ираке, о его жизни после взятия Багдада монголами и падения Аббасидов почти ничего не известно. Ал-Казвини принадлежит два тесно связанных между собой компилятивных труда, которые условно называют «Космографией» и «Географией». Единственное полное издание текста обоих сочинений было выполнено в середине XIX в. Ф. Вюстенфельдом (Al-Cazwini's Kosmographie 1848-1849). Труды ал-Казвини дошли до нас в многочисленных списках, хранящихся в Дамаске, Каире, Париже, Берлине, Лейпциге, Вене, Гамбурге, Дрездене, Кракове, Санкт-Петербурге и Лейдене. Многие рукописи иллюстрированы и содержат карты.

«Космография» не ограничивается небесной сферой и помимо астрономии охватывает также географию, геологию, минералогию, ботанику, зоологию и этнографию. Полное название сочинения – «‘Аджā’иб ал-махлўкат ўа ғарāиб ал-маўджўдат» («Чудеса сотворенного и диковинки существующего»). Оно сохранилось в многочисленных редакциях разной степени полноты, известны также его персидские и турецкие обработки. Древнейшая из известных рукописей хранится в Мюнхене и датируется 1280 г. Изданная Ф. Вюстенфельдом версия основывается на поздней обработке текста ал-Казвини (Крачковский 2004: 361). Сочинение состоит из двух частей, вторая из которых содержит географические сведения. Первая часть посвящена миру небесному и толкует о светилах, ангелах, хронологии и календаре. Вторая часть описывает мир земной и содержит сведения о четырех стихиях, ветрах, климатах, морях, реках и горах, мине-

ралах, животных и растениях, а также человеке – его анатомии, моральных свойствах и различных племенах.

«География» ал-Казвини известна в двух редакциях, выполненных в 1263 и 1275 г. и озаглавленных «‘Аджда’иб ал-булдāн» («Чудеса стран») и «Асар ал-билād ўа ахбār ал-ибād» («Достопамятности стран и сообщения о рабах Аллаха»). Сочинение состоит из семи глав, соответствующих климатам. Внутри каждой главы топонимы расположены в алфавитном порядке, подобно словарю Йакута. Рассказы о местностях содержат географическую справку, описание достопримечательностей, сведения о знаменитых уроженцах. Географический материал в «Географии» нередко повторяет «Космографию». Сведения о Юго-Восточной Азии у ал-Казвини компилятивны и восходят к другим авторам, в том числе к «Чудесам Индии» Бузурга ибн Шахрияра. Кроме того, «Космография», как и «Словарь стран» Йакута, содержит извлечения из Абу Дулафа.

Ибн Саид ал-Гарнати (XIV в.)

Абу-л-Хасан Али ибн Саид ал-Гарнати, известный также под именем Ибн Саид ал-Магриби (1214-1274/1286), родился в окрестностях Гранады, учился в Севилье и большую часть жизни провел в путешествиях. В 1240 г. он отправился в хадж, после чего странствовал по странам Ближнего Востока и Северной Африки. Умер он по разным версиям в Дамаске в 1274 г. либо в Тунисе в 1286 г. (Крачковский 2004: 354). Ибн Саид был писателем и поэтом, а также автором многочисленных работ по истории. Сохранилось два его сочинения географического содержания, которые некоторые исследователи считают извлечениями из одного труда (Там же: 355). «Китāб джагрāфийā фй-л-ақālīm ас-саб‘а» («Книга географии о семи климатах») сохранилась в сокращении 1321-1323 гг., вопрос о редакциях сочинения остается нерешенным. Система описания и значительная часть материала в этой работе восходят к ал-Идриси. Ибн Саид также делит землю на семь климатов по 10 частей, а для каждого пункта указывает долготу и широту. Второе географическое сочинение автора, «Китāб басṭ ал-ард фй тўлихā ўа-л-‘рд» («Книга распространения земли по долготе и широте ее»), вместо климатов делит мир на семь отрезков-регионов. Ни один из географических трудов Ибн Саида полностью не издан. Французский перевод некоторых отрывков можно найти в работе Г. Феррана (*Relations de voyages...* 1913 (I): 337-338, 341-345, 349).

Оба сочинения Ибн Саида носят компилятивный характер, а среди использованных им источников фигурирует, в частности, ал-Мас‘уди. Тем не менее, они содержат богатый материал и служат одним из важнейших арабских источников по Юго-Восточной Азии. По предположению Дж. Р. Тиббетса, часть сведений о регионе основана на рассказах торговцев из Хурмуза,

которых Ибн Саид встречал при дворе Хулагу (1217-1265) (Tibbetts 1979: 92). Данное Ибн Саидом описание Юго-Восточной Азии стало образцом для последующих авторов, и цитаты из него можно найти у ад-Димашки, Абу-л-Фиды и Ибн Ийаса (Tibbetts 1979: 11-12). Однако это описание крайне запутано и содержит новый материал наряду со старым. Ибн Саид повсеместно приводит долготы и широты различных пунктов. Его концепция Индийского океана демонстрирует сходство с ал-Идриси. Как и этот автор, Ибн Саид помещает в восточной части океана остров Қумр, смешивая его с другими топонимами, образованными от корня *қмр* – Қмāром, Қāmрӯном и пр. Он также продлевает берег Китая на юг за пределы экватора и отождествляет Зāбадж с Занджем¹, вслед за ним смещая к западу и остров Серйру. На Джāёе Ибн Саид помещает Калāх, Фансӯр, Лāmрй и новый топоним – Малāйур, не встречающийся в других текстах.

Абу-л-Фида (XIV в.)

Абу-л-Фида Исмаил ибн Али ибн Махмуд ибн ал-Мансур Мухаммад ибн Таки ад-Дин Умар ибн Шаханшах ибн Аййуб (1273-1331) был известен также под эмирским титулом ал-Малик ал-Му'аййад или почетным прозвищем Имад ад-Дин. Абу-л-Фида принадлежал к знатному роду Аййубидов, родился в Дамаске и участвовал в войнах с крестоносцами. С 1310 г. и до конца жизни он был эмиром сирийского города Хамы (до него городом правил его отец). Абу-л-Фида занимал высокое положение среди сирийских наместников и пользовался покровительством мамлюкского султана ал-Малика ан-Насира Мухаммада ибн Калауна (1293-1294, 1299-1309, 1309-1341), которого неоднократно сопровождал в хадж. Дальних путешествий он не совершал и бывал лишь в сопредельных с Сирией странах – Палестине, Аравии, Египте, Малой Азии и верхней Месопотамии. Абу-л-Фида был хорошо образован, покровительствовал поэтам и сам занимался литературной деятельностью. Ему принадлежат сочинения на религиозные и литературные темы, сохранилось несколько образцов его стихов. Однако известен он в первую очередь как историк и географ, благодаря двум сохранившимся своим трудам - всемирной истории, охватывающей период до 1329 г., и географическому сочинению «Тақўйм ал-булдāн» («Упорядочение стран»). Этот описательный труд, дополненный также таблицами с математическими данными, был закончен в 1321 г. и впоследствии дорабатывался. Он представляет собой компиляцию, сводящую в систему данные более ранних работ и основанную преимущественно на письменных источниках. Среди авторов, работы которых использовал Абу-л-Фида - ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Идриси, Йакут, Ибн Саид, ал-Бируни и пр.

Сочинение состоит из двух отделов – введения общего характера и основной части. Последняя содержит 28 разделов, посвященных различным областям. Каждый из них распадается

---

¹ Зандж – арабское название Восточной Африки.

ется на две части – общее описание области (включая ее границы, политическое устройство, маршруты, этнический состав населения, обычаи, памятники древности) и таблицу, содержащую названия городов с уточнением орфографии, их описание и координаты по широте и долготе. Собранный в таблицах материал восходит к ал-Бируни, ал-Идриси и Ибн Саиду, однако Абу-л-Фида стал первым, кто применил систему таблиц в географии. По свидетельству самого географа, он позаимствовал эту систему у врача XII в. Йахьи ибн Джазли (ум. 1100), который, в свою очередь, составил свои таблицы по образцу астрономических. Само заглавие труда Абу-л-Фиды было выбрано в подражание сочинению этого автора – «Тақўйм ал-абдāн» («Упорядочение телес»). Один из 28 разделов «Упорядочения стран» посвящен островам Восточного моря и содержит сведения о малайско-индонезийском регионе. Однако, как и в случае с ад-Димашки, сообщения Абу-л-Фиды о незнакомых ему восточных странах отличаются неточностью.

«Упорядочения стран» пользовалось популярностью и широко цитировалось другими авторами, известны также его поздние сокращения. В 1840 г. текст сочинения был полностью издан М. Рено и бароном де Слэном на основе рукописей из Парижа и Лейдена (*Géographie d'Aboulféda* 1840). Частичный перевод труда Абу-л-Фиды, подготовленный М. Рено, вышел в 1848 г. (*Géographie d'Aboulféda* 1848) Первый том этого издания составило введение общего характера, которое переросло в отдельную работу и стало важнейшим обзором арабской географической литературы, не утратившим своего значения и по сей день (Reinaud 1848). В 1883 г. начатый М. Рено перевод был завершён С. Гюйаром (*Géographie d'Aboulféda* 1883).

Ад-Димашки (XIII-XIV вв.)

Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ибрахим ибн Абу Талиб Ансари ас-Суфи ад-Димашки (1256-1327) был космографом и последователем ал-Казвини. Ученый родился и жил в Дамаске, был имамом в местечке Рабва в его окрестностях, а закончил жизнь отшельником в Палестине. Ад-Димашки принадлежит несколько трудов, среди которых – «Нуҳбат ад-дахр фй ‘аджā ал-барр ўа-л-бахр» («Выборка времени о диковинках суши и моря»). Это компилятивное сочинение является ярким образцом жанра космографий, а система описания в нем имеет сходство с трудами ал-Казвини. Из своих источников ад-Димашки называет ал-Балхи, Ибн Хаукала, Кудаму ибн Джа‘фара, ал-Идриси, ал-Мас‘уди, Ибн ал-Асира и др. Полное издание текста сочинения было выполнено в 1866 г. датским ученым М. А. Ф. Мереном (*Cosmographie... 1866*). Публикация была подготовлена на основе четырех рукописей, хранившихся в Копенгагене, Париже, Лейдене и Петербурге. В 1874 г. этим же исследователем был издан французский перевод труда ад-Димашки (*Manuel de la cosmographie du moyen age* 1874).

«Выборка времени о диковинках суши и моря» содержит сведения по описательной географии. В тексте встречаются также указания долгот и широт, однако в целом данные по математической географии в нем редки. Сочинение состоит из девяти глав, посвященных форме земли, семи климатам, минералам, морям и рекам, описанию стран. В шестой главе говорится о южном океане – Индийском, а седьмая содержит описание восточной части суши (включая страны Дальнего Востока, Индию, Персию и Западную Азию). Если в отношении знакомых ему районов ад-Димашки приводит немало данных, отсутствующих у других авторов, то его сведения об отдаленных областях представляют меньшую ценность. Г. Ферран довольно низко оценивает сообщения космографа о странах индоокеанской акватории (*Relations de voyages...* 1914 (II): 363-393). Описание Юго-Восточной Азии в работе ад-Димашки содержит материал, заимствованный у ал-Идриси и Ибн Саида.

***

Выше был сделан обзор некоторых арабских авторов, чьи сочинения содержат материалы по Юго-Восточной Азии. Этот список не претендует на полноту, поскольку часть текстов остались недоступными, а часть (в т. ч. персоязычные труды и работы поздних навигаторов) были оставлены за рамками исследования. Кроме того, обширный корпус арабской географической литературы еще не до конца изучен и, скорее всего, содержит и другие, пока не известные нам, свидетельства о регионе.

Хронологически рассмотренные источники можно расположить следующим образом:

Век	Автор	Сочинения	Время создания	Предполагаемые источники (для свидетельств о Юго-Восточной Азии)
IX	-	«Известия о Китае и об Индии»	Ок. 851 г.	Устные свидетельства купцов и путешественников, письменные источники (?)
	Ибн Хордадбех	«Книга путей и стран»	846-847 гг.; 885-886 гг. (?)	Устные сообщения, книги и архивные документы (с кон. VIII в.)
	Ал-Йа'куби	«Книга стран» «История»	889-891 гг. Ок. 872 г.	Устные сообщения, реже письменные источники
	Ибн ал-Факих	«Книга стран»	Ок. 902-903 гг.	«Известия о Китае и об Индии» (IX в.), Ибн Хордадбех (IX в.)
	Ибн Руста	«Книга драгоценных ожерелий»	Ок. 903-913 гг.	«Известия о Китае и об Индии» (IX в.), Ибн Хордадбех (IX в.), Ибн ал-Факих (X в.) (?)

X	Абу Зейд	«Вторая книга известий о Китае и об Индии»	Ок. 916 г.	Устные и письменные источники (с кон. VIII в.)
	Ал-Мас'уди	«Золотые копи и россыпи самоцветов»	947 г.	«Известия о Китае и об Индии» (IX в.), Абу Зейд (X в.), устные сообщения, личные наблюдения (?)
		«Книга указания и пересмотра»	956 г.	
	Абу Дулаф	«Первая записка»	После 942 г.	Личные наблюдения (?), китайские источники(?)
	Ибн Серапион (Сухраб)	«Книга чудес семи климатов»	902-945 гг.	Ал-Хорезми (IX в.), Исхак ибн Имран (IX в.)
	-	«Путешествия Синдбада»	Не позднее X в.	Устные сообщения, фольклор, Ибн Хордадбех (IX в.), Бузург ибн Шахрияр (X в.) (?)
	Бузург ибн Шахрияр	«Чудеса Индии»	Вторая половина X в.	Устные рассказы купцов и моряков, письменные источники (?)
-	«Сокращение диковинок и чудес»	Не позднее X в.	Бузург ибн Шахрияр (X в.), Ал-Мас'уди (X в.)	
XI	Ал-Бируни	«Индия»	Ок. 1030 г. 1029 г.	«Известия о Китае и об Индии» (IX в.), индийские источники (?)
		«Книга обучения началам искусства астрологии»		
XII	Ал-Марвази	«Природа животных»	Ок. 1120 г.	«Известия о Китае и об Индии» (IX в.), Ибн Хордадбех (IX в.) – через ал-Джайхани
	Ал-Хараки	«Предел постижения относительно разделения небесных сфер»	Ок. 1132 г.	Ал-Бируни (XI в.)
	Ал-Идриси	«Развлечение истомленного в странствии по областям» («Книга Рожера»)	1154 г.	Ибн Хордадбех (IX в.) – через ал-Джайхани, Ал-Бируни (XI в.), Ал-Йа'куби (IX в.)
XIII	Йакут	«Словарь стран»	1224-1228 гг.	Ибн ал-Факих (X в.), Ал-Мас'уди (X в.), Абу Дулаф (X в.), Ал-Бируни (XI в.)
	Ал-Казвини	«Чудеса сотворенного и диковинки существующего» («Космография»)	Ок. 1280 г. 1263 и 1275 гг.	Ибн Хордадбех (IX в.), Ибн ал-Факих (X в.), Бузург ибн Шахрияр (X в.), Абу Дулаф (X в.), Ибн Саид (XIII в.)
		«Чудеса стран» («География»)		
Ибн Саид	«Книга географии о семи климатах»	Втор. пол. XIII в.	Ал-Мас'уди (X в.), Ал-Идриси (XII в.), устные сообщения торговцев из Хурмуза (?)	
	Абу-л-Фида	«Упорядочение стран»	1321 г.	Ал-Бируни (XI в.), ал-Мухаллаби (X в.), Ал-Идриси (XII в.)

XIV				в.), Йакут (XIII в.), Ибн Саид (XIII в.), ал-Фарис (X в.)
	Ад-Димашки	«Выборка времени о диковинках суши и моря» («Космография»)	Ок. 1325 г.	Ал-Идриси (XII в.), Ибн Саид (XIII в.), ал-Казвини (XIII в.)
	Ибн Баттута	«Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» («Путешествие»)	1356 г.	Личные наблюдения (?)

Как можно видеть из таблицы, большая часть информации о Юго-Восточной Азии в рассматриваемых источниках восходит к более раннему времени, чем сами тексты. Время создания сочинений, таким образом, позволяет лишь очертить верхнюю границу для датировки интересующих нас сообщений.

Закрывающее список «Путешествие» Ибн Баттуты занимает в нем особое место и будет рассмотрено в отдельной главе. Одно из последних средневековых арабских свидетельств о регионе, оно выделяется среди прочих как характером изложения, так и обилием историко-этнографического материала. Малайские главы «Путешествия» претендуют на оригинальность и не содержат заимствований из предшествующих работ – по крайней мере, тех, которые нам известны. В результате, оно оказывается в какой-то мере оторванным от других источников XIV в., продолжающих восходящую к X в. классическую традицию.

Представленный обзор показывает, что тексты IX-X вв. составляют основную базу материалов, используемых авторами последующей эпохи. В первую очередь, это «Известия о Китае и об Индии», «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега и «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра, сюжеты из которых тиражировались поколениями географов. На IX-X вв. приходится период расцвета Аббасидского халифата и активизации его дальневосточной торговли, которая велась, главным образом, через порты Персидского залива. Именно в этих портах – Сирафе и других – были собраны и записаны устные рассказы путешественников, послужившие основой для первых арабских описаний Китая и Юго-Восточной Азии. Тенденция к письменной фиксации сведений, до того передававшихся в устной форме, характерна для арабской литературы первых веков ислама в целом. Из рассмотренных источников ближе всего к устной традиции стоят «Известия о Китае и об Индии» и «Чудеса Индии», основанные, преимущественно, на сообщениях купцов и мореходов. Возможно, к устным рассказам путешественников восходят и отголоски знаний о Малайском архипелаге, дошедшие до нас в чисто художественном произведении – цикле о Синдбаде мореходе, составленном также не позднее X в.

К IX-X вв. относятся и такие компилятивные географические труды, как «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега и «Золотые копи» ал-Мас‘уди, ставшие классическими и послужившие источниками заимствований для многих поздних географов. Составленные на основе как устных, так и письменных источников (по большей части, до нас не дошедших), они содержат своды географических представлений своей эпохи. К сожалению, оба текста сохранились лишь в сокращенных версиях, а также фрагментах, цитируемых последующими авторами. Не дошла до нас и часть третьего раздела «Книги стран» ал-Йа‘куби, вероятно, содержащая ценные сведения о Юго-Восточной Азии. Из прочих источников рассматриваемого периода Ибн ал-Факих и Ибн Руста во многом повторяют «Известия о Китае и об Индии» и работу Ибн Хордадбега, а «Сокращение диковинок и чудес» – ал-Мас‘уди и «Чудеса Индии». Особое место занимает еще одно свидетельство X в. – путешествие Абу Дулафа, возможно, побывавшего в Юго-Восточной Азии. «Первая записка» путешественника содержит оригинальное описание региона, однако существует вероятность, что оно было составлено с использованием китайских источников.

Таким образом, основной объем оригинальных материалов по малайско-индонезийскому региону в арабской литературе приходится на тексты IX-X вв. Начиная с XI в., географы все меньше опираются на сообщения информантов, и все больше – на письменные источники предшествующих веков. Исследователи рассматривают это как свидетельство приостановки непосредственных контактов между двумя регионами в XII-XIII вв., связанной с нестабильностью на Ближнем Востоке и увеличением присутствия китайских торговцев в Юго-Восточной Азии (Hall 1981: 23). Однако сама специфика рассматриваемых текстов и контекст их создания представляются достаточным объяснением отсутствия в них актуальной информации о малайском мире. Обилие свидетельств о восточных странах в сочинениях аббасидского периода могло быть связано с близостью оживленных торговых портов Персидского залива к столице халифата и центрам литературной жизни. С перемещением дальневосточной торговли в Аден и Красное море, а политических и культурных столиц арабского мира – в Египет и Магриб, эта связь, вероятно, была нарушена.

Свою роль сыграл также и господствовавший в исламской философии и науке постклассического периода энциклопедизм с его тягой к «собираанию знаний», их синтезу и ретрансляции (Якубович 2015). По-видимому, именно этим стремлением руководствовались компиляторы, сводившие вместе разнородный материал из всех доступных им источников. Подвергая их критике за плагиат, важно помнить, что до изобретения печатного слова единственным способом сохранения текста была его переписка, и только благодаря заимствованиям некоторые свидетельства ранних авторов дошли до наших дней. Поскольку многие географические работы сохранились лишь в сокращениях, цитируемые в позднейших трудах фрагменты

часто служат ценным источником для восстановления более полного текста отдельных сообщений.

Для XI в. единственным значительным арабским источником по Юго-Восточной Азии выступают сочинения ал-Бируни, который демонстрирует слабое знакомство с регионом и, возможно, приводит в его описании извлечения из индийских работ. Авторы XII в. – ал-Марвази, ал-Хараки – пересказывают устаревшие описания региона и не приводят практически никаких новых сведений. В середине столетия важнейший для истории средневековой географии труд ал-Идриси дает нам первую подробную арабскую карту Юго-Восточной Азии, составленную под сильным влиянием птолемеевской концепции Индийского океана. Что касается описательной части, то, хотя в работе над другими частями «Книги Рожера» ал-Идриси опирался на сообщения информантов, пассажи о Малайском архипелаге в значительной мере повторяют все того же Ибн Хордадбега. Через труд ал-Идриси свидетельства IX-X вв. попадают в работы цитирующих его авторов последующих веков – Ибн Саида, Абу-л-Фиды и ад-Димашки.

XIII в. представлен крупными энциклопедическими трудами – «Словарем стран» Йакута и «Космографией» ал-Казвини. Оба автора компилируют материал из географических работ предшествующего периода и, в частности, приводят фрагменты записок Абу Дулафа. Писавший в том же веке Ибн Саид заимствует свои представления об островах Индийского океана у ал-Идриси, но приводит также и оригинальную концепцию географии Суматры, в которой старые топонимы сведены с новыми. Описания Юго-Восточной Азии, составленные Ибн Саидом и ал-Идриси, воспроизводят авторы XIV в. – ад-Димашки и Абу-л-Фида. Через ал-Идриси они заимствуют материал источников IX-X вв. и, таким образом, передают свидетельства почти 500-летней давности. Можно заключить, что начиная с ал-Идриси, арабские описания региона содержат очень немного новой информации, и даже в тех случаях, когда новые сведения в них присутствуют, сложно сказать, происходят ли они из современных автору источников или же из неизвестных нам текстов IX-X вв.

Тем не менее, вряд ли стоит считать скудость знаний поздних арабских географов о Юго-Восточной Азии свидетельством упадка арабской торговли и прекращения непосредственных контактов с Китаем и Малайским архипелагом. Китайские источники никак не отражают этот спад (Tibbetts 1957: 32). Эпиграфические памятники указывают на постоянное присутствие выходцев с Ближнего Востока в Юго-Восточной Азии, а с XIII в. начинается исламизация портовых княжеств региона, протекавшая не без участия арабов и персов. Скорее всего, можно говорить лишь о некотором сокращении товарооборота по сравнению с IX-X вв. и его постепенном восстановлении к XIV в., когда мамлюкский Египет стал новым крупным рынком для сбыта дальневосточных товаров. Арабские и персидские купцы не прекращали селиться и вести

дела в малайских портах, а корабли из Красного моря и Персидского залива – посещать Архипелаг. Знания о берегах Юго-Восточной Азии продолжали накапливаться в среде мореплавателей Южной Аравии, о чем свидетельствует достаточно высокий их уровень, нашедший отражение в лоциях XV-XVI вв. Ахмад ибн Маджид упоминает своих предшественников – кормчих и составителей мореходных руководств, ходивших на восток еще в XI-XII вв. (Шумовский 1986: 41-42) Информация о маршрутах вдоль островов Малайского архипелага могла передаваться как устно, так и письменно, постепенно складываясь в новую географическую концепцию региона, отличную от построений последователей ал-Идриси.

После X в. два комплекса арабских представлений о малайско-индонезийском регионе, по-видимому, развивались параллельно – практические знания южноаравийских и персидских капитанов и книжная традиция, формировавшаяся вдали от берегов Индийского океана. Помимо Ибн Баттуты и ал-Бируни, возможно побывавшего в Индии, авторы рассмотренных текстов XI-XIV вв., насколько известно, не выезжали за пределы Ближнего Востока и Северной Африки. Из них лишь Йакут бывал в портах Персидского залива, однако он, по всей видимости, не занимался там расспросами путешественников. Ибн Саид мог встречаться с ходившими на восток купцами при дворе Хулагу, но это является лишь предположением. Большая часть описаний Юго-Восточной Азии в географических текстах означенного периода составлялась в библиотеках Сирии, Ирака и Магриба почти без обращения к устным свидетельствам и не может, таким образом, отражать действительный уровень арабских знаний своего времени.

Важно отметить также, что после «Известий о Китае и об Индии» и «Чудес Индии» ни одно географическое сочинение не делает интересующий нас регион своим основным предметом. После X в. сведения о Юго-Восточной Азии встречаются лишь в комплексных трудах, для авторов которых регион не представлял специального интереса, а посвященные ему разделы заполнялись ради полноты описания известного мира и с использованием материалов из устаревших письменных источников. Арабская географическая работа постклассического периода, непосредственно посвященная восточным берегам Индийского океана – если бы таковая существовала – возможно, могла бы представить совсем иную картину знакомства арабов с Малайским архипелагом.

Глава III.

География малайского мира в средневековой арабской литературе

Немногие из рассмотренных источников содержат карты Юго-Восточной Азии, не все они дают координаты ее портов по широте и долготе. Большинство арабских авторов придерживается описательного стиля повествования, перечисляя местности одну за другой по принципу смежности. Переходы между рассказами часто выглядят как «За этим островом находится...» или «К этой стране примыкает...». В случае описания морских путей или конкретных путешествий приводятся топонимы вдоль определенного маршрута, в порядке их посещения. В рассказах о чудесах или интересных происшествиях страны и моря выступают не как цель повествования, а в качестве фона, на котором разворачиваются события. Также сведения о географических объектах приводятся попутно в сообщениях о происхождении тех или иных пряностей и благовоний.

Размеры островов и расстояния между пунктами указываются в *фарсах*¹, *замах*², милях³ или днях пути. Последние мало проясняют картину, поскольку время в пути зависело не только от типа судна, но и от погодных условий. Взаиморасположение островов передается как «по правую...» или «по левую сторону», что, как правило, соответствует южному (право) и северному (лево) направлениям (Tibbetts 1979: 18). Одни и те же топонимы нередко обозначают различные типы географических объектов – моря, страны, острова или города, причем островами называют места, таковыми не являющиеся. Слово *джазйра* (араб. «остров» или «полуостров») могло обозначать морской порт, т. е. любую местность, которой арабы достигали по морю, а также район или государство (Там же; Andaya 2001: 322-323). Что касается морей, то распространенной практикой было обозначение их по названиям стран, которые они омывают.

Некоторые авторы приводят последовательность морей, омывающих берега Юго-Восточной Азии, с запада на восток. Так, ал-Йа'куби называет три моря: «Четвертое море называется Калāх-бār, и в нем мало воды. Пятое море называется Салāхит. Это большое море со множеством чудес. Шестое море называется Казрандж. Там часто идут дожди». Ал-Мас'уди также перечисляет моря с четвертого по шестое, но в иной последовательности: «За морем Харканда находится море Калāха, оно же море Калāха и островов, за ним – море Карданджа, а затем – море Санфа». Как и ал-Йа'куби, он отмечает, что в море Калāха или Калāх-бār мало воды,

¹ *Фарсах* – мера длины, равная около 6 км (Хинц 1970: 72).

² *Зам* – мера длины, равная примерно 1/8 суток или трем часам пути по морю (Бузург ибн Шахрияр 1959: 127).

³ Арабская миля (*мйл*) составляла около 2 км (1/3 *фарсаха*) (Хинц 1970: 71).

а в море Кардандж много дождей – вероятно, свидетельства этих авторов восходят к общему источнику.

Арабские топонимы, относящиеся к малайско-индонезийскому региону, часто совпадают с именами и титулами правителей и названиями пряностей. Написание географических названий, как и других неарабских терминов и имен, составляет отдельную сложность. Помимо невозможности передачи некоторых малайских звуков в арабской графике, интерпретация таких слов осложняется также ошибками и вольной редактурой переписчиков. Отсюда периодически возникающая путаница между Занджем и З̣абаджем, а также такие различия в написании, как Срибуза и Серйра, *фанджаб* и *қанджаб*. Смешение топонимики Малайского архипелага с индийской или африканской встречается в арабских текстах повсеместно. В последнем случае это связано не только с отождествлением разных топонимов из-за их созвучия, но и с унаследованной арабами от Птолемея концепцией Индийского океана и представлением о сближении берегов Китая и Восточной Африки. Значительную путаницу создает смешение таких топонимов, как Қм̄р (Кхмер), Қумр (Мадагаскар) и Қамрӯн (Ассам), а также местонахождение островов Ўқўақ, которые отождествляют то с Японией, то с островами у восточноафриканского побережья, то с некоторыми островами Малайского архипелага.

Возникающая неразбериха объясняется не столько недостаточным знанием арабами малайско-индонезийского региона, сколько компилятивными методами, свойственными арабским авторам. Сложно представить, чтобы ходившие на восток моряки могли спутать острова, расположенные в разных частях океана, хотя, конечно, большинству из них был знаком лишь небольшой участок акватории. Не выезжавшие с Ближнего Востока географы-книжники, писавшие о Юго-Восточной Азии, имели гораздо более слабое представление о регионе. Они сводили вместе сведения из доступных им источников, то объединяя рассказы о разных местностях в один по причине созвучия их названий, то описывая одно и то же место под различными топонимами. Более того, компилируя материал из текстов разного времени, географы помещали современные им названия бок о бок с топонимами, вышедшими из употребления несколькими веками ранее. В малайском мире гибли и возникали государства, возвышались и приходили в упадок города, однако их названия, раз попав в арабскую географическую литературу, вплоть до позднего средневековья передавались поколениями авторов, которые безуспешно пытались соотнести их с более поздними топонимами. Ярким примером этой тенденции служит описание Юго-Восточной Азии, данное Ибн Саидом и содержащее новый материал наряду со старым.

§1. Природа и полезные ископаемые

Арабы достигали Юго-Восточной Азии по морю и, как правило, ограничивали свое знакомство с ней прибрежной зоной. Неудивительно, что значительное место в арабских описаниях региона занимают рассказы о морях и особенностях береговой линии. Малайские воды предстают в них коварными и опасными для судоходства, испещренными множеством островов и гор. «Иногда в этом море видят белые облака, которые накрывают своей тенью корабли. Они испускают длинный тонкий язык, так что тот присасывается к поверхности моря. Морская вода вскипает, и это подобно шторму. Если буря настигает корабль, то проглатывает его. Затем тучи поднимаются вверх и проливаются дождем, содержащим морской сор. Не знаю, образуются ли эти облака из моря, и как это происходит. В каждом из этих морей дует ветер, который поднимает волны и бушует до тех пор, пока [море] не вскипит, как в котле, и не выбросит свое содержимое на острова, которые там есть. Оно губит корабли и выбрасывает [на берег] больших, а то и просто огромных мертвых рыб. Случается, [море] выбрасывает большие валуны и [обломки] скал, подобно тому, как лук выпускает стрелу», – говорится в «Известиях о Китае и об Индии».

Аналогичное сообщение приводит и ал-Мас‘уди: «Несколько капитанов рассказывали мне, что в море [Харканда] им случалось видеть небольшие белые облака, из которых выходил длинный белый язык и тянулся к поверхности моря. Когда он достигал ее, вода вскипала и поднималась страшная буря, уничтожавшая все на своем пути, а после шел зловонный дождь из морских нечистот». Интересно, что схожий сюжет можно найти также «В чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра, однако здесь он носит фантастический характер:

«Говорят, что в море водятся огромные, страшные драконы; называются они таннинами. В разгаре зимы, когда облака проходят над самой водой, таннин вылезает из моря и заползает в тучу, ибо он не выносит жара морской воды, которая в это время года кипит, как в котле. Таннин сидит неподвижно, охваченный холодом облака; ветры, дующие над водой, поднимают тучу вверх, и таннин подымается вместе с ней. Туча подымается и движется по небу из одного края в другой... Разные люди, часто плававшие по морю, купцы и капитаны, говорили мне, будто не раз они видели таннина, пролетавшего в облаке над их головами. Он лежал весь черный, вытянувшись в туче, а если облако рассеивалось, спускался на нижний слой и удерживался там. Часто кончик его хвоста свешивался наружу, но, почувствовав холод воздуха, таннин отодвигался вглубь, уносился в облаке и скрывался от взоров» (Бузург ибн Шахрияр 1959: 43).

Таким образом, один и тот же сюжет присутствует в географических текстах в различных формах, демонстрируя разные степени перехода от свидетельств очевидцев к художественному вымыслу (Об этом см.: Kowalska, 1987-88). Бузург ибн Шахрияр повествует также об

опасностях, подстерегающих моряков у острова Мā'ит: «Корабли никогда не прибывают туда целыми; они приходят к острову в определенное время года, которое совпадает с периодом сильных бурь. Увидев берег, путешественники бросаются в море, держась за куски дерева и другие плавучие предметы; волны швыряют их из стороны в сторону и, наконец, выбрасывают на берег. Что до корабля, то имей он хоть сто якорей, буря все равно сорвет его с места и выкинет на сушу; судно при этом разбивается, и товары рассыпаются по берегу. Тогда путешественники берут свое имущество, а для возвращения строят новый корабль. Все, что привозится в эту страну, обвертывается в кожи и крепко зашивается, чтобы товары не испортились от воды, когда судно разобьется».

А вот что пишет Ибн ал-Факих о море Ҷанджā: «Это самое опасное из всех морей. Плыть по нему недолго. На горе живет народ охотников, у которых есть окно на дне моря. Моряки, когда видят Китай, спрашивают охотников о ветре, и те сообщают им о волнении на море или затишье. Ведь если в том море бушует ветер, то мало кому [удаётся] спастись».

Об особенностях моря Калāха сообщает Мас'уди: «В этом море мало воды, и, как все мелкие моря, оно опасно, и в нем часто происходят крушения. Там много островов и перешейков (*ас-Ҷарāир*, ед. ч. *ас-Ҷурр*) – так моряки называют то, что находится между двумя заливами, если там пролегает их путь). В этом море есть разные удивительные острова и горы». Ему вторит ал-Йа'куби, по словам которого в море Калāх-бār мало воды и «иногда ветер дует так сильно, что корабли разбиваются». Оба автора также сходятся в том, что в море Кардандж часто идут дожди. О погодных условиях в Индийском океане сообщает и «МухтаҶар ал-'аджā'иб»: «Через море [Харканда] лежит путь в страну Махарāджи. В тех местах часто облачно днем и ночью, и дождь идет непрерывно, и не видно ни рыб, ни животных».

Распространенным сюжетом в арабских свидетельствах о малайском мире является рассказ о большом вулкане, встречающийся во многих текстах. Впервые он появляется в «Известиях о Китае и об Индии»: «Говорят, что поблизости от Зāбаджа есть гора, которую называют огненной горой и к которой невозможно приблизиться. Днем из нее исходит дым, а ночью – пламя. А у подножия ее бьют два пресных источника – холодный и горячий». О невысоком вулкане сообщает также Ибн Хордадбех: «На Джāбе находится небольшая гора, на вершине которой пылает огонь площадью около ста локтей, но в высоту не превышающий копья. Днем [на горе виден] дым, а ночью — огонь».

Развернутый рассказ о вулкане приводит ал-Мас'уди – и в «Золотых копиях», и в «Книге указания и пересмотра»: «Большой вулкан в царстве Махрāджа, правителя Зāбаджа и других островов в Китайском море... Вулкан находится в горах в крайних пределах подвластных [Махрāджу] островов. Днем он черен, затмеваемый светом солнца, а ночью – красного цвета.

Пламя поднимается ввысь до самых облаков, и извержение сопровождается сильнейшим грохотом и раскатами грома. Иногда оттуда исходит странный и внушающий ужас звук, который слышен на большом расстоянии. Он предвещает смерть одного из их правителей... Эти [горы] относятся к величайшим вулканам земли».

Ряд авторов сообщают об Острове Вулкана: ал-Идриси помещает его рядом с Зāбаджем, а Ибн Саид – к востоку от островов Каримата. По свидетельству ад-Димашки, на оконечности острова Махарāджи «расположен большой вулкан, который извергает пепел, подобный камням, в сопровождении раскатов грома и вспышек света. Из-за близости огня в радиусе *фарсаха* нет ни жилья, ни дорог. Этот вулкан крупнейший в мире, и нет ему подобных. Место, где он находится, называется Остров Вулкана, и по отношению к остальному острову он то же, что стопа по отношению к ноге». Сообщения о большом вулкане, расположенном на острове, указывают на его возможное тождество с Кракатау (Laffan 2009: 24-25). Однако за арабскими описаниями огненных гор может скрываться и любой другой из многочисленных вулканов Малайского архипелага – в первую очередь, Суматры.

Важное место в арабских описаниях региона занимают также упоминания о полезных ископаемых. В первую очередь, это металлы – золото, серебро и олово. Лишь Ибн ал-Факих упоминает о красном гранате, добываемом на Рāмнī. Частым сюжетом являются рассказы о богатстве Махарāджи и обилии у него золота. Об этом пишут, в частности, Ибн Хордадбех, Абу Зейд, ал-Мас‘уди и Ибн ал-Факих. Последний утверждает даже, что золото в стране Махарāджи «выращивают, как растение», и урожай его составляет двести *маннов* в день. Ту же цифру, в качестве ежедневного дохода Махарāджи, приводит Ибн Хордадбех. Ал-Мас‘уди упоминает месторождения золота на Рāмни, в окрестностях Калāха и Серйры¹, а также в труднодоступных районах, расположенных между землями Калāха и народа *ал-фанджаб*. По свидетельству «Известий о Китае и об Индии» много золота у жителей Нийāна, а Бузург ибн Шахрияр пишет о золоте на Мā’ите. О том, что на островах Махарāджи добывают превосходное золото, сообщает также Ибн Саид.

Гораздо реже встречаются в арабских текстах упоминания о серебре. Схожие сообщения о серебряных горах можно найти в «Известиях о Китае и об Индии» и у Ибн Хордадбега. Последний пишет лишь, что в море есть гора, «глина которой [превращается] в серебро под воздействием огня», тогда как «Известия о Китае и об Индии» содержат более развернутый рассказ: «За островами [Андāмāн] находятся горы, которые лежат в стороне от [основного] маршрута. Говорят, что там есть месторождения серебра, и они не населены. Не каждому ко-

---

¹ Это свидетельство (об идентификации топонимов Рāмни, Калāх, Серйра и др. см. далее в главе) соотносится с существованием золотодобычи в землях Минангкабау, западном Ачехе и на Малаккском полуострове (McKinnon 1980: 108-109).

раблю, который туда направляется, удается достичь [этих гор]. Направление к ним указывает гора, которая называется Хушнāмī¹. Мимо проходил один корабль, [моряки] увидели эту гору и направились к ней. Когда они высадились поблизости, чтобы нарубить дров, и разожгли костер, то полилось серебро, и они поняли, что там было месторождение. [Моряки] погрузили [на корабль] столько серебра, сколько хотели. Но когда они вышли в море, поднялся сильный шторм, и они выбросили [за борт] все, что взяли оттуда. Впоследствии люди снарядили экспедицию к этой горе, но не смогли найти ее». Ал-Мас‘уди помещает серебряные рудники там же, где и месторождения золота – в окрестностях Калāха и Серйры и между Калāхом и *ал-фанджаб*.

Чаще других полезных ископаемых, добываемых в Юго-Восточной Азии, арабские географы упоминают олово. Об оловянных рудниках в районе Калāха и особом олове *ал-қал‘и* пишут очень многие авторы. «Я видел [в Калāхе] оловянный рудник, какого нет нигде в мире, кроме как в Қал‘а (его крепости). В этой крепости куют мечи *ал-қал‘и*, а это исконные индийские мечи. Во всем мире нет такого оловянного рудника, как в Калāхе», – сообщает Абу Дулаф. Упоминания об олове *ал-қал‘и* или *ал-қалāхи* можно встретить также у Абу Зейда, Ибн Хордадбега, Йакута и Ибн Саида. По свидетельству ал-Идриси, на острове Калāх «есть богатое месторождение олова. Металл очень чист и светел, но торговцы подмешивают к нему [другие металлы] после добычи из рудника и развозят его по всему миру». Оловянные рудники Калāха упоминают также ал-Мас‘уди, «Путешествия Синдбада», «Мухтасар ал-‘аджā‘иб», ал-Бируни, ал-Хараки и Абу-л-Фида.

§2. Животный мир

Яркое отражение в арабских свидетельствах о малайско-индонезийском регионе находит его богатая фауна. Среди наиболее распространенных сюжетов – рассказы о различных видах обезьян. Особое внимание уделяет им Бузург ибн Шахрияр:

«С Мухаммадом ибн Бāбишāдом я говорил об обезьянах и о том, что про них рассказывают. Он сообщил мне много интересного из этих рассказов и, между прочим, передал следующее:

В области Сāнфйна, в долине Лāмрй и долине Қāқула водятся обезьяны необыкновенной величины. Каждый отряд этих животных имеет начальника, который превосходит всех остальных крепостью телосложения. Обезьяны часто выходят из своих лесных чащ на проезжие

---

¹ Название Хушнāмī не встречается в других источниках. Возможно, эти горы следует искать на перешейке Кра или побережье Бирмы (Tibbetts 1979: 25).

дороги; они бьют путешественников и не дают им проходу, пока не получат какое-либо домашнее животное – овцу или корову – или еще какую-нибудь пищу.

Мухаммад ибн Бāбишād сказал мне, будто путешественники, проезжавшие в этих местах с караванами, рассказывали ему о своих встречах с отрядами обезьян. Звери эти мешали им продвигаться, нападали на них со всех сторон, дрались, разрывали на них платья и раздирали меха. Все это происходило в безводных пустынях. Когда люди наконец давали что-нибудь обезьянам, те оставляли их в покое, но не пропускали к воде. Большинство путешественников умирало от жажды, и только немногим удавалось добраться до другого источника».

Бузург ибн Шахрияр упоминает также «хвостатых людоедов», живущих в области между Лāмрй и Фансӯром и в заливе Лӯлӯ-Бйленк. Со слов того же Мухаммада ибн Бāбишāда приводит он и такой рассказ:

«У одной серйрской жительницы я видел человекоподобного зверя, только лицо у него было черное, как у зинджа, да и руки и ноги длиннее человеческих; кроме того, у него был длинный хвост и шерсть, как у обезьяны. Животное прижималось к женщине, сидя у нее на коленях. «Что это такое?» – спросил я ее. А она в ответ: «Житель рощ и лесов!» Зверек по временам испускал слабый крик на непонятном языке. Он был вроде обезьяны с человеческим лицом, и тело его было похоже на человеческое».

О человекообразных обезьянах – вероятно, орангутанах, пишет и Ибн Хордадбех: «[На острове Рāмй] в зарослях [обитают] нагие люди. Речь их непонятна, поскольку [похожа на] свист. Они невелики и чуждаются людей. Рост такого человека составляет четыре пяди¹. И у мужчин, и у женщин половые органы небольшие. Волосы у них на голове – это рыжий пух. Они взбираются на деревья при помощи [одних только] рук, не ставя на [ветви] ноги». Географ также упоминает «обезьян, похожих на ослов», обитающих на острове Зāбадж.

Сообщение Ибн ал-Факиха, по всей видимости, восходит к Ибн Хордадбеху: «В Зāбадже есть... большие белые обезьяны, подобные буйволам. Там обитает народ, имеющий человеческий облик и говорящий на непонятном языке. Едят и пьют они [как люди]». Аналогичные сведения можно найти и у ал-Казвини: «Там есть также человекообразные существа, которые разговаривают на непонятном языке и едят так же, как люди. Они бывают белыми, черными или зелеными, а некоторые из них имеют крылья и могут летать». Ал-Казвини также упоминает об «обезьянах размером с осла» на острове Атаўрāн, а в Қāқуле, по его словам, «можно встретить белых бородатых обезьян, похожих на баранов, а также еще один вид обезьян с белым брюхом и черной спиной».

---

¹ Пядь (*шйбр*) – мера длины, равная 22,5 см (Бузург ибн Шахрияр 1959: 126).

По свидетельству ал-Мас‘уди, один из видов обезьян обитает «в заливах страны Зāбадж, что в Китайском море, и царстве Махрāджа, правителя островов... Обезьяны эти известны в тех местах и водятся в изобилии на берегах заливов, а облик их совершенен. [Таких обезьян] преподнесли [халифу] ал-Муқтадиру-биллаху¹ вместе с огромными змеями, закованными в цепи. Одна из обезьян была с бородой и длинными усами, и были среди них старые и молодые. Эти дары, состоявшие из заморских диковинок, привез Ахмад ибн Хилāl², бывший в ту пору эмиром Омана. Моряки Сирафа и Омана, что часто ходят в страны Калāх и Зāбадж, хорошо знают этих обезьян...».

О циветтах, мускусных крысах и летучих мышах повествуют Ибн ал-Факих и Йакут. «В Зāбадже есть... кошки разных видов, с крыльями, как у летучих мышей, от основания ушей до хвоста. Мускусных крыс живыми завозят в Зāбадж из Синда³. Цибет имеет лучший запах из [всех видов] мускуса. Мускус производят самки. Когда [животное] заходит в дом, то от него распространяется запах мускуса. Если коснешься его рукой, то аромат перейдет на руку», – пишет Ибн ал-Факих. По словам Йакута, на острове Зāбадж «водятся *ниснāс* с крыльями, как у летучей мыши. О них рассказывают удивительные вещи, собранные в книгах. Там также водятся мускусная крыса и циветта, напоминающая кошку. Те, кто бывал в тех краях, рассказывали мне, что мускус циветты – это пот животного, которое на жару потеет мускусом. Тогда его соскабливают с животного при помощи ножа».

Ряд авторов упоминает о слонах на Суматре и Малаккском полуострове. О многочисленных слонах на Рāmнī (Северная Суматра) сообщают «Известия о Китае и об Индии», ал-Мас‘уди и ал-Идриси, а Ибн ал-Факих пишет об охоте на них местных жителей. Суматранские слоны – один из подвидов азиатского слона – до недавнего времени были широко распространены по всему острову. По свидетельству Ибн Саида, большим числом слонов владеет Махарāджа. Ад-Димашки отмечает, что в Калāхе, который он считает островом, есть слоны, ввезенные с континента, которых тренируют и наряжают для правителей страны. О слоновой кости, свозившейся в Калāх, упоминает Абу Зейд. Ибн Баттута сообщает о слонах и в Самудре на Северной Суматре, и в Қāқуле:

«Первым, что я увидел [за стенами Қāқулы], были слоны, груженные индийским алоэ... Слонов здесь очень много, на них ездят и возят [грузы]. Все привязывают своих слонов у дверей. Каждый лавочник привязывает слона у [своей лавки], ездит на нем домой и возит [грузы]».

¹ Ал-Муқтадир-биллах – халиф Абу-л-Фадл Джа‘фар ал-Муқтадир биллах (908-932) из династии Аббасидов.

² Эмир Омана Ахмад ибн Хилāl, как сообщает историческая хроника ат-Табари, был любителем всевозможных диковинок и посылал халифу в подарок заморских зверей и птиц. Этот правитель неоднократно упоминается в «Чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра (Бузург ибн Шахрияр 1959: 11, 76-79).

³ Синд – область на северо-западе Индии.

Путешественник также отмечает, что в Мул Джайе «лошади есть только у султана, [все же прочие] ездят и сражаются только на слонах».

Интересно упоминание о морских лошадях в рассказе Ибн Хордадбега об острове Бартайил: «Из моря выходят лошади, подобные нашим, а гривы у них волочатся по земле». В больших деталях и в связи со страной Махараджи этот сюжет фигурирует также в «Путешествиях Синдбада». Дж. Р. Тиббетс видит в нем отголоски малайских легенд о морском божестве в лошадином облике, к которым восходит рассказ о крылатом коне *Парс ул-Бахр*, содержащийся в «Хикайят раджа-раджа Пасай» и «Седжарах Мелайю» (Tibbetts 1979: 179). В «Седжарах Мелайю» этот конь обитает в море, он выносит раджу Сурана на землю из морской пучины и способен ходить по поверхности воды (Ревуненкова 2008: 114).

В арабских текстах встречаются также упоминания о носорогах. «[На острове Рамий] водится носорог, а это животное меньше слона, но больше буйвола. Он ест траву и пережевывает [ее], как это делают коровы и овцы», – пишет Ибн Хордадбех. По-видимому, речь идет о суматранском носороге (*Dicerorhinus sumatrensis*) – самом мелком представителе семейства носороговых, распространенном на Суматре, Калимантане и Малаккском полуострове. Описание животного Ибн Хордадбех приводит в рассказе о Қамруне¹: «Это животное, на лбу у которого один рог длиной в локоть и толщиной в две *қабды*². С начала до конца рог покрыт рисунком. Если распилить его, то увидишь рисунок белого и черного, как гагат, цветов, по форме напоминающий человека, животное, рыбу, павлина или иную птицу. Китайцы делают из них пояса, причем один пояс стоит от трехсот до трех или четырех тысяч динаров».

О носорогах на острове Атаурн упоминает ал-Казвини. Возможно, именно носорогов имеет в виду Бузург ибн Шахрияр в своем рассказе о *зарāфах*: «Мухаммад [ибн Бабишад] говорил еще, будто на побережье Ламри живут *зарāфы* неопикуемой величины. Путешественники, которые, потерпев крушение на море, принуждены были идти сушей из Фансура в Ламри, говорят, что по ночам они не могли продолжать путь из страха перед *зарāфами*; днем же эти чудовища не показываются. С наступлением ночи путешественники со страха влезали на большое дерево: всю ночь они слышали, как *зарāфы* бродят вокруг, а утром видели их следы на песке»³. Он также добавляет, что «на этом острове тьма муравьев, особенно на побережье Ламри; и муравьи там огромные».

¹ Қамрун – возможно, Ассам (*Kitāb al-masālik...* 1889: 47). Однако Абу Дулаф помещает его между Калāхом и Какуллой, т. е. в Малаккском проливе, а Ибн Саид – к востоку от Джайы.

² *Қабда* – мера длины, равная 12,5 см (Баранов 2001) или 8,3-9 см (Хинц 1970: 71).

³ Интересно, что отголоски этого рассказа можно встретить в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, однако вместо *зарāфы* в нем фигурирует *мамон* – предположительно, дикая кошка (Braginsky 1998: 381; Хождение... 1980: 107, 188).

Ибн ал-Факих и Ибн Хордадбех пишут о буйволах, которые водятся на Рāmнī, причем, по словам последнего, эти буйволы не имеют хвостов. Арабские авторы повествуют и о таких представителях фауны Юго-Восточной Азии, как змеи и крокодилы. Ибн Хордадбех утверждает, что «в горах Зāбаджа есть огромные змеи, [способные] заглотить человека или буйвола, а некоторые из них могут проглотить и слона». Несколько веков спустя это сообщение повторяет Абу-л-Фида. О змеях, обитающих в море Ңанджā и способных заглотить быка или человека, сообщает Ибн ал-Факих, а ал-Йа‘куби упоминает о больших змеях в море Калāха.

Сообщения о крокодилах можно найти у Бузурга ибн Шахрияра и ал-Мас‘уди. По свидетельствам последнего, много крокодилов водится в заливах Зāбаджа, а моряки из Сирафа и Омана, посещающие Калāх и Зāбадж, «знают хитрости, позволяющие вылавливать крокодилов из-под воды». «Жители Серйры утверждают, что у них есть талисман против [крокодилов]», - пишет Бузург ибн Шахрияр и приводит рассказ о наложенном на них заклятье. «Теперь они [крокодилы] в серйрской бухте никому не вредят, а прежде, стоило человеку подойти к воде – его тотчас же хватал крокодил: в заливе было невероятное количество этих чудовищ... [Сейчас] крокодилы в серйрской бухте совершенно безвредны».

Рассказывают арабские географы и о всевозможных видах птиц. «В Зāбадже есть попугаи – белые, красные и желтые. Они прекрасно произносят то, чему их обучают – по-арабски, по-персидски, по-гречески и по-индийски. Есть там также зеленые и пестрые павлины и белые соколы с красным хохолком», – сообщает Ибн ал-Факих. О белом соколе с красными перьями на голове, обитающем на горе ал-Джādūr в Қāқуле, упоминает также ал-Казвини. Предполагают, что речь идет о египетской цапле (*Ardeola ibis*), распространенной в окрестностях перешейка Кра (Colless 1969: 35). Ал-Казвини пишет также о разновидности птиц под названием *ал-хаўārī*: «Они больше суданских, но меньше кольчатого голубя. У них желтый клюв, черные крылья и белое брюшко, а разговаривают они почти так же хорошо, как попугаи».

Рассказ о птице, обитающей на острове Мā’ит, приводит Бузург ибн Шахрияр: «Из других морских чудес я расскажу про птицу, живущую в стране Мā’ит... Говорят, что эта птица вьет гнездо на поверхности воды в одной из бухт этого острова. Там она несется, а потом сорок дней высидивает яйца. По истечении этого срока птица бросает яйца на воду и двадцать дней сидит неотлучно на противоположном берегу, питаясь одной рыбой. На двадцать первый день птенцы выходят из яиц и присоединяются к родителям, которые кормят их и прикрывают своими перьями. А когда птенцы оперяются и начинают двигаться и есть самостоятельно, родители бросают их. У этой птицы никогда не бывает больше трех птенцов».

В арабских описаниях региона можно встретить также сообщения о различных диковинных обитателях малайских вод. Так, Бузург ибн Шахрияр повествует об огромных морских

раках Зāбаджа и Лāмрй и о рыбе из Калāха с жемчужиной внутри. По рассказам ал-Казвини, в Фансӯре есть рыбы, которые без воды превращаются в камень, а в Салāхитѣ они выходят из моря, взбирается на деревья и питается соком фруктов. Однако большая часть сообщений арабских географов о морской фауне Юго-Восточной Азии остается неотделимой от рассказов об Индийском океане в целом.

§3. Растительный мир, пряности и благовония

Для средневековых арабов малайско-индонезийский регион был, в первую очередь, источником специй и благовоний, высоко ценившихся на ближневосточных рынках. Поэтому рассказы о пряностях и их происхождении занимают важнейшее место в арабских описаниях Юго-Восточной Азии. Подобные сведения представляли непосредственный интерес для торговцев и активно пересказывались. Тем не менее, многие рассказы о выращивании пряностей содержат значительную долю вымысла – возможно, часть информации не разглашалась купцами с целью сохранения коммерческой тайны.

Арабские описания региона содержат также упоминания о представителях местной флоры, не служивших предметом торговли, но употреблявшихся в пищу. Среди них – кокос, банан, сахарный тростник, рис и сорго. По словам Ибн Хордадбега, кокосы, бананы и сахарный тростник есть на островах Бālӯс, Джāба, Шалāхитѣ и Харладж, а в «Мухтасар ал-‘аджā’иб» говорится, что все это растет на Джāбе. В «Известиях о Китае и об Индии» говорится, что кокосы служат пищей жителям Ниаса, тогда как Ибн ал-Факих и ал-Мас‘уди включают их в рацион населения Рāмнй. Ал-Идриси упоминает кокосовые пальмы на островах Бйнамāн и Мā’ит, а ад-Димашки – на Зāбадже и Салāхитѣ. О кокосовых пальмах и орехах на Суматре сообщает Ибн Баттута.

О бананах, растущих на острове Мā’ит, пишет ал-Идриси, а Ибн Баттута называет их среди растений Джāўы. Сахарный тростник ал-Идриси упоминает в связи с Зāбаджем, островами Бйнамāн и Мā’ит, а, по словам ад-Димашки, на островах Каримата «есть сахар, который добывают из большого дерева, называемого *ал-‘ушар*». Такой важнейший продукт, как рис, упоминают лишь два автора – Ибн Хордадбег (Бālӯс) и ал-Идриси (Мā’ит), а сорго – только ал-Идриси (Зāбадж). Ряд авторов пишет также о рощах или «плантациях» бамбука на Рāмнй и в Калāхе. Об обилии бамбука на Рāмнй сообщают «Известия о Китае и об Индии», Ибн Хордадбег, Ибн ал-Факих и ал-Мас‘уди, а о плантациях в Калāхе – Ибн Хордадбег, Ибн ал-Факих, «Путешествия Синдбада», «Мухтасар ал-‘аджā’иб» и Абу-л-Фида. Ал-Идриси упоминает бамбук на острове Бйнамāн.

Из пряностей и благовоний арабские тексты уделяют большое внимание камфаре – о ней сообщает подавляющее большинство авторов. Камфара высоко ценилась на Ближнем Востоке и ввозилась туда из Юго-Восточной Азии уже в VI в. н. э. (Andaya 2002: 374-375) В период своего расцвета монополией на торговлю этим дорогостоящим товаром владела Шривиджайя. Благоприятными условиями для роста камфарных деревьев располагали, в первую очередь, батакские земли на северо-западе Суматры – между Сингкилом и Аир Бангис (Там же). Камфарой самого высокого качества уже в первой половине 1 тыс. н. э. славился Барус – Фансūr арабских источников (Edwards McKinnon 1988: 111). Особый сорт камфары *ал-фансūrī* упоминают «Известия о Китае и об Индии», Ибн ал-Факих, ал-Мас‘уди, Сухраб и Ибн Саид.

«Камфару везут из Софāлы¹, земель Калāха, Зāбаджа, Харанджа, но лучшая камфара происходит из Харанджа... Камфара высшего качества называется *ар-рийāхī*², и это – натуральный продукт. Она имеет неоднородный красный цвет, но после очистки, которую производят в той же местности, становится белой. *Ар-рийāхī* ее называют потому, что впервые она была открыта правителем по имени Рийāх. Название местности, откуда она происходит, – Фансūr, поэтому иногда ее называют *ал-фансūrī*», – пишет Сухраб. По словам ал-Мас‘уди, «в годы, богатые на грозы, бури и землетрясения, там (в Фансуре) находят много камфары, в остальное же время ее меньше». Ибн Саид упоминает Горы Камфары, тянущиеся от Фансūra вдоль всего острова Джāуа и, в то же время, расположенные за островами Қāмрūн.

Помимо севера Суматры, камфарные деревья произрастали и в других частях Архипелага и Малаккского полуострова. О камфаре из Калāха сообщают Абу Зейд, «Путешествия Синдбада» и Абу-л-Фида. Также географы упоминают о ней в связи с Рāмнī (Абу Зейд и Ибн ал-Факих), Зāбаджем (Ибн Хордадбех, ал-Мас‘уди, ал-Идриси), Срибузой (ал-Бируни и ал-Хараки), Салāхитом (ал-Казвини), Бālūсом и Тийūмой (Ибн Хордадбех), островом Тāуārāн или Атаўрāн (Ибн Руста и ал-Казвини), морем Калāх-бār (ал-Йа‘куби), морем Кардандж (ал-Мас‘уди), островом Кāсил («Путешествия Синдбада») и Джāўой (Йакут и Ибн Баттута). Рассказ о камфарном дереве можно найти у Ибн Хордадбега:

«В горах Зāбаджа [растут] камфарные деревья. Одно такое дерево покрывает тенью около ста человек. В верхней части дерева пробивают отверстие, и из него вытекает несколько кувшинов камфарной воды. Затем ниже, в средней части дерева, вырезают [отверстие], и оттуда

¹ Софāла – порт на побережье Восточной Африки.

² По предположению Дж. Р. Тиббетса, название камфары *ар-рийāхī* может быть искаженной формой *аз-зāбāджī* (Tibbetts 1979: 100). Однако М. Лаффан возражает, что прилагательное, образованное от этого топонима, не встречается в других текстах, и предлагает понимать его буквально (*ар-рийāх* – мн. ч. от *ар-рийāх* (ветер)) в контексте более позднего представления об островной Юго-Восточной Азии как о «подветренных странах» (Laffan 2005: 63).

выделяются кусочки камфары. Это камедь этого дерева, но только находится она внутри него. После этого дерево гибнет и высыхает».

Аналогичный рассказ повторяется во втором путешествии Синдбада. О камфаре сообщает также Ибн Баттута, который ошибочно называет ее тростником (камфару добывают из камфорного лавра (*Cinnamomum camphora*) - крупного вечнозеленого дерева):

«Камфарное дерево – это тростник, вроде того, что [растет] в наших землях, только стебли его длиннее и толще. Камфара находится внутри этих стеблей. Если сломать тростинку, то внутри можно найти камфару той же формы, что и стебель. Удивительный секрет [камфары] в том, что она образуется в этом тростнике только тогда, когда у его корней убивают какое-нибудь животное. В противном случае, никакой камфары не возникает. Самое холодное ароматическое вещество, мера которого весом в один дирхам смертоносна, т. к. останавливает дыхание, называется у них *ал-хардāла*. У [корней] тростника, [дающего этот сорт камфары], убивают человека или же, вместо него, слоненка».

Возможно, ошибка Ибн Баттуты вызвана тем, что в средние века камфару, предназначенную на вывоз, упаковывали в разрезанный по сочленениям бамбук (Шефер 1981: 225). Или же путешественник смешивает сведения о камфаре и конкрециях бамбука – табашире (Yule 1916 (IV): 99). Это густое белое кремнеземистое вещество, образующееся в междоузлиях одного из видов бамбука (*Bambusa arundinacea*), издревле применялось в медицинских целях. Что касается *ал-хардāла*, то это название, насколько известно, не встречается в других источниках. Возможно, оно восходит к малайскому *артал* – опермент (сульфид мышьяка) (Yule 1916 (IV): 99). Это ядовитый минерал золотистого цвета, также известный как желтый мышьяк. Молодые побеги одного из видов бамбука действительно ядовиты, но содержат не мышьяк, а цианид. Упоминание жертвоприношений может указывать на ритуальные практики, сопровождавшие сбор камфары.

В арабских описаниях Юго-Восточной Азии также часто фигурирует алоэ. Алоэ средневековых арабских авторов (араб. *ал-ʿūd*) – это алойное дерево (также агар, каламба, агаллох, «орлиное дерево» и др.), представленное несколькими видами рода *Aquilagia*. Древесина алойного дерева издревле использовалась и по сей день применяется в парфюмерии и производстве благовоний. Географы упоминают различные сорта алоэ, названные по местностям, откуда они происходят – *ал-қāқулі* (ал- Үа'куби и Ибн Баттута), *ал-калāхī* (Үакут), *ал-джāўī* (Ибн Саид), а также *ал-қмāрī* (Абу Дулаф, «Путешествия Синдбада») и другие (*ас-санфī*, *ал-қамрūнī*, *ас-саймūрī*), не имеющие непосредственного отношения к малайскому региону. Об алоэ чаще всего упоминают в связи с Калāхом (Абу Зейд, Үакут) и Джāўой (Үакут, Ибн Саид, Ибн Баттута).

Ибн Хордадбех сообщает о его наличии на острове Тийūма, а «Путешествия Синдбада» – на островах Кāсил и ‘Асарāт.

Алоэ *ал-джāўй*, по словам Ибн Саида, «черное, тяжелое и тонет в воде, как камень. Говорят, что эта древесина алоэ – это корень дерева». Ибн Баттута отмечает небольшое количество алоэ на Джāўе и его изобилие в Мул Джāўе. В Қāқуле, по словам путешественника, его «жгут в домах и ценят не больше дров». В секции о Мул Джāўе Ибн Баттута приводит отдельный рассказ об «индийском» алоэ:

«Индийское алоэ – дерево, напоминающее дуб, только кора его тонкая. Листья его похожи на листья дуба, а плодов у него нет. [Алойное] дерево не достигает больших размеров. Корни у него длинные, тянутся далеко, и в них содержится ароматическое вещество. Что касается ветвей и листьев этого дерева, то они не имеют запаха. В землях мусульман все деревья [алоэ] находятся в собственности. В землях неверных же большая часть [алоэ] никому не принадлежит. В собственности находится то, что [растет] в Қāқуле, а это – лучшее алоэ. *Ал-қмāрй* – также превосходнейший вид алоэ, его продают жителям Джāўы в обмен на одежды. Есть сорт *ал-қмāрй*, на котором остаются отпечатки, как на воске. Что касается [сорта] *ал-‘атāс*, то корни его отрубают, закапывают в землю на месяцы, и они сохраняют свои свойства. Это самый восхитительный из сортов [алоэ]».

Душистая смола образуется в стволе и корнях алойного дерева в результате защитной реакции на поражение грибом. Постепенно она пропитывает древесину, отчего та становится темной и твердой и при поджигании источает густой, пряный аромат. Эта больная древесина, отличающаяся от более легкой и светлой вокруг нее, шла на изготовление благовоний. По свидетельству Ибн Сины, алойные деревья срубали и держали закопанными в земле, дожидаясь, пока здоровая древесина сгниет, и останется только ее твердая, пропитанная смолой часть (Ибн Сина 1982: 490).

Ибн Баттута сообщает также и о ладане *ал-джāўй*. Помимо него, ладан упоминают «Известия о Китае и об Индии» (на острове Кāсил). «Ладанное дерево мало – высотой с человеческий рост или того меньше. Ветви его подобны ветвям артишока, а листья маленькие и нежные. Порой они опадают, и на дереве не остается ни листочка. Ладан – это смола, которая образуется в ветвях [этого дерева]. В мусульманских землях [ладана] больше, чем в землях неверных», – сообщает Ибн Баттута. Ладан добывают из деревьев рода *Boswellia*, произрастающих в Восточной Африке и Южной Аравии, но путешественник имеет в виду душистую смолу стираксового дерева (*Styrax benzoin*), распространенного в Юго-Восточной Азии (Description... 1847: 246). Суматранская бензойная смола, поступавшая из северо-западных районов острова,

была известна арабам как «яванский ладан» (Шефер 1981: 228), и само слово *benzoïn* происходит от этого названия (Laffan 2005: 51).

Еще одним ароматическим веществом – продуктом островной Юго-Восточной Азии, но не растительного, а животного происхождения, была амбра. «[Из-за сильного ветра море Харканда] вскипает, как в котле, и выбрасывает много амбры, причем чем больше и глубже море, тем лучше амбра», – пишет автор «Известий о Китае и об Индии». Об амбре с Салāхита упоминают ал-Йа‘куби, Ибн ал-Факих и Ибн Руста. Сообщение о сортах амбры – *ас-салāхитī* и *ал-қāқулī* – приводит ал-Йа‘куби: «После [амбры *аз-занджī*] идет амбра *ас-салāхитī*, превосходящего качества. Лучшая [амбра] *ас-салāхитī* – синяя, жирная и маслянистая. Она употребляется для изготовления [благовоний] *ал-ғаўālī*. После *ас-салāхитī* идет амбра *ал-қāқулī*. Она серого цвета, имеет приятный запах и вид, легкая, и в ней мало сухости. В отличие от *ас-салāхитī*, [эта амбра] не пригодна ни для изготовления *ал-ғаўālī*, ни для обработки и очищения, разве что в случае [крайней] необходимости. Она годится для приготовления порошков и извести. Эту амбру привозят в Аден из моря Қāқулы».

Рассказ об амбре из Зāбаджа есть в «Чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра:

«Передавали мне рассказ путешественника Абū Тāхира ал-Бағдādī:

“Я посетил Зāбадж. На этом острове есть город, называемый Музафāўидом, где в огромном количестве имеется амбра. Но если кто-нибудь увозит эту амбру из города на своем судне, он непременно возвращается обратно в город. Жители ухищряются продавать этот товар за ничтожную цену иностранцам и людям, не знающим свойство местной амбры”. Абū Тāхир также тайком от хозяина снес на корабль небольшое количество амбры; по дороге подул противный ветер, и это судно возвратилось в город».

Из пряностей арабские тексты упоминают также гвоздику, мускатный орех, мацис, перец, кардамон и корицу. О гвоздике, мускатном орехе, мацисе, кардамоне и кубебе, поступавших из земель Махарāджи, пишет ал-Мас‘уди. По словам Ибн ал-Факиха, на Рāmнī пряности и благовония, в том числе сандал и мускатный цвет, находятся в собственности у правителей. Гвоздику, по свидетельствам арабских географов, вывозили также из Фансўра (Ибн ал-Факих), с Джāбы («Мухтасар ал-‘аджā’иб») и Джāўы (Йакут и Ибн Баттута). Последний приводит о ней следующий рассказ:

«Гвоздичные деревья старые и большие. В землях неверных их больше, чем в землях мусульман. Из-за того, что их много, они никому не принадлежат. В наши земли ввозят ветви [этих деревьев] и то, что люди у нас называют цветками гвоздики, а это – то, что падает из ее

цветов. Они напоминают цветы апельсина. Плоды гвоздики – это мускатный орех, известный у нас как ароматный орех¹, а цветы, появляющиеся на ней – это “мускатный цвет”».

Мускатный орех – это семена мускатника (*Myristica fragrans*), а мускатный цвет (мацис) – пряность, получаемая из ариллуса, окружающего эти семена. Ибн Баттута смешивает рассказы о мускатнике и гвоздичном дереве (*Syzygium aromaticum*). По предположению Г. Юла, путешественник мог почерпнуть эти сведения в Дели, где еще в XIX в. существовала легенда о том, что корица, гвоздика и мускатный орех – это кора, цветы и плоды одного и того же дерева (Yule 1916 (IV): 102).

Ибн ал-Факих упоминает мускатный орех, вывозившийся из Фансӯра и мацис на Рāmнӣ. По словам Йакута, мацис вывозили с Джәўы. О перце и Стране Перца (возможно, расположенной в районе Малаккского пролива) пишет Абу Дулаф:

«Я видел там одно растение – старое дерево, из-под которого непрерывно бьет вода. Когда дует ветер, с него падают плоды и вянут. Собирают их только с поверхности воды, и часть преподносят правителю. Это дерево находится в общей собственности и плодоносит круглый год – и зимой, и летом. Растут они гроздьями, и, если их освещает солнце, листья заслоняют грозди так, что те не сгорают. Когда же солнце перестает светить, листья более не прикрывают плоды».

Схожий рассказ можно найти в «Путешествиях Синдбада»: «Местные жители рассказывали мне, что над каждой гроздью перца располагается большой лист, прикрывающий ее от солнца и защищающий от дождя. Когда же дождь прекращается, лист отворачивается и опускается вдоль грозди». О кубебе – разновидности перца (*Piper cubeba*), произрастающей на Яве, Суматре и Калимантане, сообщают также ал-Мас‘уди и Ибн Руста (по словам последнего, он есть на Салāхит̄е). Корицу упоминает только Абу Дулаф в рассказе о Қәқуле: «Сюда свозят корицу, а затем вывозят ее в другие страны. Коричные деревья принадлежат всем и не имеют определенного владельца».

Ряд авторов упоминает также индийский нард и сандал. Нард, по их свидетельствам, происходит с Джәбы («Муҳтасар ал-‘аджә’иб»), Джәўы (Йакут) и Салāхит̄а (ал-Казвини), сандал же можно найти в Калāхе (Абу Зейд), Фансӯре и на Рāmнӣ (Ибн ал-Факих), на островах Салāхит̄ («Путешествия Синдбада», ал-Казвини) и Кәсил «Путешествия Синдбада»), Джәба («Муҳтасар ал-‘аджә’иб») и Джәўа (Ибн Баттута).

Еще один представитель флоры Малайского архипелага, упоминания о котором можно встретить в арабских источниках, это красный сандал (или *баққам*) – красильное дерево (*Caesalpinia sappan*), распространенное в Юго-Восточной Азии и родственное бразильскому дереву

¹ Мускатный орех (*джаўз баўўә*) – название персидского происхождения; ароматный орех (*джаўзат ат-тйб*) – его арабский синоним (Donkin 2003: 87).

(*Caesalpinia echinata*). Большинство текстов называют красный сандал продуктом Рāmнī (среди них – «Известия о Китае и об Индии» и сочинения Абу Зейда, Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха, ал-Мас‘уди и ал-Идриси). Абу Зейд также упоминает *баққам*, который свозят в Калāх, а по словам Ибн ал-Факиха, это дерево происходит из южных районов Салāхитā. «[На Рāmнī] много красного сандала, который выращивают. По весу он схож с рожковым деревом, а на вкус напоминает колоквинт. Говорят, что корни его мгновенно излечивают от яда», – пишет Ибн ал-Факих. Схожее сообщение приводит Ибн Хордадбег: «Корни [красного сандала] вмиг вылечивают от яда. Моряки применяют его от змеиных укусов».

В арабских описаниях региона содержатся упоминания и о других местных продуктах – таких, как хлопок, шелк, мед и жемчуг. Бузург ибн Шахрияр сообщает о хлопке и меде на острове Мā’ит, а ал-Идриси – о жемчужных ловлях на Срибузе. Что касается шелка, то его упоминают ал-Идриси и ад-Димашки. По словам ал-Идриси, много шелка в Қāқуле, жители которой разводят шелковичного червя, и местная разновидность шелка носит название *ал-қāқулī*. Ад-Димашки сообщает о растущем на островах Каримата дереве- *‘ушар*, цветы которого содержат блестящий шелк, применяемый в прядении и ткачестве.

§4. Топонимика

Ниже будут рассмотрены некоторые средневековые арабские топонимы, которые принято помещать в малайско-индонезийском регионе.

Острова/страна Махарāджи

О правителе по имени Махрāдж, Махарāдж или Михрāдж и его царстве сообщают Абу Зейд, Ибн Хордадбег, Ибн ал-Факих, ал-Мас‘уди и многие другие. Его называют повелителем островов и «царем царей», как бы поясняя санскритский титул. Махарāджа предстает главой огромной империи, состоящей из множества островов и обладающей большими богатствами и военной мощью. Страна или острова Махарāджи нередко фигурируют как топонимы.

«[В море Сāнфа] расположено царство Махрāджа, правителя островов. Владения его необъятны, а войска бесчисленны. И за два года не обойти эти острова на быстроходнейшем из судов. Этому правителю принадлежат всевозможные пряности и благовония. Ни у кого из царей нет того, чем он владеет и вывозит из своей страны. Из земель [Махрāджа] поступают камфара, алоэ, гвоздика, сандал, мускатный орех, мускатный цвет, кардамон и кубеба, а также другие [пряности], которые мы не станем перечислять. Подвластные ему острова протянулись до моря, пределы которого неизведанны, и неизвестно, где оно заканчивается», – пишет ал-

Мас‘уди. Он также приводит рассказ о походе Махарādжи на Кхмер, идентичный сообщению Абу Зейда.

Первым о Махарādже – «владыке островов Восточного моря» – сообщает Ибн Хордадбех. Однако в арабской литературе можно найти и более ранние, относящиеся к VIII в., упоминания об индийском «царе царей», владеющем множеством слонов, пряностей и благовоний (Fatimi 1963: 126-127). Ибн Хордадбех приписывает Махарādже ежедневный доход в двести *маннов*¹ золота, в том числе и с петушиных боев, и упоминает о его обычае бросать в воду золотые слитки. Более развернутые рассказы о пруде с золотыми слитками, на котором стоит дворец Махарādжи, приводят Абу Зейд, ал-Мас‘уди и Ибн Саид. По свидетельству Абу Зейда, островные владения Махарādжи простираются на тысячу *фарсахов*, а остров, на котором пребывает сам правитель, плодороден, густонаселен и покрыт участками возделанных земель. Царство Махарādжи Абу Зейд и ал-Мас‘уди помещают напротив Китая и на расстоянии десяти-двадцати дней пути от Қмāра – Кхмерского царства.

Имя Махарādжи неизменно фигурирует в тесной связи с топонимом Зāбадж. Арабские авторы называют его правителем Зāбаджа, а Зāбадж – его страной, столицей или одним из подвластных ему островов. В рассказе Абу Зейда Зāбадж – одновременно и город, и остров, где пребывает Махарādжа. Свидетельства Ибн Хордадбега противоречивы: «владыку Зāбаджа называют Махарādжей», но, в то же время, «правитель Зāбаджа носит титул *Фатиджаб*²...», а владыка островов Восточного моря – *Махрādж*. По словам ал-Мас‘уди, Зāбадж и царство Махарādжи тождественны, но, в то же время, Зāбадж – лишь одно из его владений. Правителем Зāбаджа называют Махарādжу также Бузург ибн Шахрияр и ал-Марвази. Из свидетельств большинства авторов можно заключить, что Зāбадж был важнейшей из подвластных Махарādже земель, и там располагалась его столица.

Среди прочих владений Махарādжи арабские географы называют Калāх, Срибузу, Рāмнй, Бартāйил, Харладж, Санхаи и Фансūr, т. е. различные участки побережий Суматры и Малаккского полуострова³. Абу Зейд и ал-Мас‘уди сходятся в том, что включают в империю Калāх, Срибузу (Серйру) и Рāмнй. Ибн Хордадбех и ал-Марвази добавляют к этому списку Бартāйил, а Ибн Руста – Фансūr и остров Харладж, которым, по его словам, управляет командующий армией Махарādжи. «Мухтасар ал-‘аджā’иб» и ад-Димашки упоминают отдельный остров – остров Махарādжи, а последний – также и одноименное море, омывающее берега

¹ *Манн* – мера веса, равная двум *ратлам* и составлявшая в разное время от 800-1300 г до 3 кг (Хинц 1970: 25-32).

² *Фатиджаб* (الفنجب, другие варианты прочтения – الفنجت, الفنجيت (Laffan 2005: 26)). Текст, опубликованный Б. де Мейнаром дает *ал-фйхат* или *ал-файхат* (Le livre... 1865: 43). Де Гье интерпретирует этот титул как *pati-Jaba* – «принц Джāбы» (Kitāb al-masālik... 1889: 13), а Дж. Р. Тиббетс вслед за Г. Ферраном переводит его как *pungawa* (Tibbetts 1979: 27).

³ Об интерпретации этих топонимов см. далее в главе.

страны Махарādжи и являющееся частью Китайского. Ал-Мас‘уди и «Мухтасар ал-‘аджā’иб» помещают владения Махарādжи в море Ҷанфа, а Ибн ал-Факих – в море Ҷанджā: «[В море Ҷанджā] есть правитель, которого называют Михрāдж, владеющий большим царством. На его островах много чудес и прясностей. Золото в его стране выращивают, урожай за день составляет двести *маннов* золота».

Абу-л-Фида помещает острова Махарādжи в двадцати днях пути от Калāха, а Ибн Саид описывает их следующим образом: «На юго-востоке расположены острова Махарādжи. Они многочисленны и упоминаются в книгах. Там добывают превосходное золото. Их правитель – один из богатейших царей Индии и владеет наибольшим числом слонов. Столица Махарādжи находится на крупнейшем из островов архипелага». В «Мухтасар ал-‘аджā’иб» об этом острове говорится: «Остров Махарādжи называется так по имени своего правителя. Это большой остров, очень плодородный и процветающий». Абу-л-Фида отождествляет остров Махарādжи со Срибузой, а ад-Димашки упоминает расположенный там вулкан: «Остров Махарādжи очень велик, длина его составляет двенадцать дней [пути], а ширина – пять. На его оконечности расположен большой вулкан... Этот вулкан крупнейший в мире, и нет ему подобных». Ибн Руста и ал-Марвази сообщают о принятом у жителей страны Махарādжи обычае испытания огнем, а ал-Идриси – о ее торговых связях с Восточной Африкой.

Исследователи единогласно связывают Махарādжу арабских источников с правителями из династии Шайлендров – единственными в регионе, кто использовал этот титул до конца X в.¹ С 750 по 832 г. эта буддийская династия правила на Центральной Яве, а в середине IX в. утвердилась в Шривиджайе (Холл 1958: 51-56), где удерживала власть до XI вв. Свидетельство Абу Зейда о резиденции Махарādжи на острове, покрытом плодородными возделываемыми землями, указывает на Яву, а сообщения о золоте – на Суматру, где оно действительно добывалось в средние века² (Miksic 1980: 46). На время правления Шайлендров приходится расцвет Шривиджайи, которая в IX-X вв. объединяла значительную часть Малайского архипелага и Малаккского полуострова. Именно к этому периоду относятся свидетельства Абу Зейда, Ибн Хордадбега и ал-Мас‘уди, которых копируют позднейшие авторы.

Зāбадж

(остров, страна, город, море, залив, острова)

¹ Хотя есть свидетельства его использования правителями, предположительно не принадлежавшими к этой династии (Захаров 2010: 300).

² Эти две характеристики – плодородие почвы и обилие золота – тем не менее, встречаются вместе и в яванской надписи царя Санджайи, датированной 732 г.: «Был несравненный, избранный остров, называемый Ява, чрезвычайно одаренный различными зёрнами, начиная с риса, полный золотых рудников» (Цит. по: Захаров 2006: 105).

Из всех топонимов, связанных с малайско-индонезийским регионом, Зāбадж встречается в арабских текстах чаще всего. Наиболее распространенная форма написания этого слова – Зāнадж, что отчасти объясняется его смешением с африканским Занджем. Встречаются также и такие варианты, как Забадж, Забāдж, Рāнадж, Рāбаҳ, Зāладж или Рāладж (Tibbetts 1979: 100; Laffan 2005: 23). В форме Зāбадж топоним фигурирует в таких ранних источниках, как «Известия о Китае и об Индии» и «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра, что побуждает исследователей склоняться именно к этой версии.

Арабские авторы используют топоним Зāбадж для обозначения различных географических объектов – страны, острова, города, залива, моря и архипелага. Абу Зейд сообщает об одноименных городе, стране и острове, а правителем их называет Махарāджу, дворец которого помещает на побережье в устье реки. Бузург ибн Шахрияр также упоминает остров Зāбадж и расположенную на нем резиденцию Махарāджи. В сообщениях ал-Мас‘уди Зāбадж – одновременно и государство Махрāджи, и один из подвластных ему островов, и название всего архипелага. Об островах Зāбадж как архипелаге сообщают также «Мухтасар ал-‘аджā’иб», ал-Бируни, ал-Идриси и Ибн Саид. Единственное историческое событие, упоминаемое в связи с этим топонимом, – это поход Махарāджи, его правителя, на Кхмерское царство, описанный Абу Зейдом и ал-Мас‘уди.

«Известия о Китае и об Индии» помещают Зāбадж по правую сторону, т. е. к югу, от Индии, а Абу Зейд – напротив Китая: «...Зāбадж расположен напротив Китая. Расстояние между ними – месяц [пути] по морю, а при благоприятном ветре и того меньше. Правитель [Зāбаджа] носит титул Махрāдж. Говорят, что протяженность [страны] – девятьсот *фарсахов*». Ибн ал-Факих помещает Зāбадж «на юге рядом с Китаем», а Ибн Руста – «в конце Индийского моря». По словам ал-Мас‘уди, Зāбадж расположен в Китайском море и примыкает к Индии. Ал-Бируни помещает Зāбадж в восточной части Индийского моря у границ Китая, а Йакут – «на границе индийских земель, за морем Харканда и на границе с Китаем». Общим для большинства текстов является представление о местонахождении Зāбаджа между Индией в Китаем и к югу от обеих стран. Ал-Идриси, правда, помещает его напротив Занджа, смешивая с островами у побережья Восточной Африки.

Зāбадж предстает одновременно и отдельным островом, и государством, власть которого объединяет множество островов. В числе владений Зāбаджа «Известия о Китае и об Индии» называет Калāх-бār, Ибн Хордадбех – остров Бартāйил, Ибн ал-Факих – Фансūr, а «Мухтасар ал-‘аджā’иб», ал-Идриси и Ибн Саид – Срибузу. Бузург ибн Шахрияр помещает на острове

Зāбадж город Марқāўанд¹ – топоним, не встречающийся в других источниках. Ал-Бируни отождествляет Зāбадж со Страной Золота и Золотыми островами (Суўарна-Дйб²) индийских источников. Ибн Саид отмечает, что острова Зāбадж «очень известны, по словам путешественников. Крупнейший из этих островов – это Срибуза... За островами Зāбадж находится остров Унқўджа. При помощи многочисленных войск и военного снаряжения его правитель большую часть времени контролирует острова Зāбадж. К юго-востоку от Срибузы находятся бесчисленные острова, составляющие архипелаг Зāбадж. Большинство из них населены черными».

Ал-Мас‘уди сообщает о морских экспедициях из Сирафа и Омана в Зāбадж, а из Зāбаджа – в китайский порт Гуанчжоу: «В устье реки, [на которой стоит город Ханфу], заходят морские суда с островов Зāбаджа, со своими товарами и снаряжением». О грабительских походах китайцев на острова Зāбаджа упоминает «Мухтасар ал-‘аджā’иб»: «Острова Зāбадж – это большой архипелаг, густонаселенный, богатый злаками и всевозможными продуктами. Говорят, что когда китайцы страдают от нашествий или гражданских войн, они приходят грабить один из островов Зāбаджа. Этому подвергались все острова архипелага и расположенные на них города». О торговых связях Зāбаджа с Китаем и Восточной Африкой пишет ал-Идриси: «Говорят, что когда дела в Китае нарушились из-за восстаний, а в Индии усилились тирания и беспорядки, китайцы перенесли свою торговлю в Зāбадж и на подвластные ему острова и установили контакты с местными жителями, по причине их честности, крайнего дружелюбия, вежливости и гибкости их торговли. Поэтому остров так густо населен, и его часто посещают иностранцы... Жители Зāбаджа и других соседних островов ходят [в Софалу] за железом и вывозят его во все страны Индии и на ее многочисленные острова».

Столица Зāбаджа предстает оживленным торговым портом, а сам остров – густонаселенным и сплошь покрытым плодородными возделанными землями. Бузург ибн Шахрияр приводит рассказ сирафского купца Йўнуса ибн Михрāна, побывавшего в Зāбадже: «”В городе, где живет Махарāджа, царь Зāбаджа, я видел столько больших рынков, что им и счету нет. На меняльном рынке в этом городе я насчитал восемьсот менял, кроме тех, которые рассеяны по разным другим рынкам”». Вообще все, что он рассказывал об острове Зāбадже, о возделанных землях его, об его многочисленных городах и селах, не поддается никакому описанию». О многочисленных селениях и возделанных землях сообщает также Абу Зейд: «Человек, чьи слова заслуживают доверия, рассказывал, что когда петухи кричат на рассвете, как кричат они в наших землях, то перекликаются друг с другом на протяжении ста *фарсахов* и более – это из-за того,

¹ Ван дер Лит исправляет этот топоним на Музафāўид и отождествляет с Маджапахитом (Tibbetts 1979: 102). Вслед за ним этой трактовки придерживаются издатели русского текста «Чудес Индии» (Бузург ибн Шахрияр 1959: 98, 130). Однако государство Маджапахит возникло на Яве лишь в конце XIII в. и не было известно во времена Бузурга ибн Шахрияра.

² Суўарна-Дйб – Суварнадвипа («золотой остров») – древнеиндийское название Суматры.

что деревни там расположены непрерывной чередой. [Он также рассказывал], что там нет ни пустынь, ни руин, и что путешествующий по этой стране верхом может ехать, сколько пожелает, и остановиться, где угодно, если устанет он сам и его верховое животное».

По словам Ибн Хордадбеха, жители Зāбаджа увлекаются петушиными боями, с которых государство взимает налог. Многие авторы пишут о несметных богатствах правителя Зāбаджа и обилии у него золота. Рассказ о его сокровищнице – пруде с золотыми слитками – приводят Абу Зейд, ал-Мас‘уди и Ибн Саид, упоминает о нем и Ибн Хордадбех. «Известия о Китае и об Индии», ал-Мас‘уди и ал-Идриси упоминает также большую гору или вулкан поблизости от Зāбаджа, расположенный на отдельном острове. Из представителей местной фауны арабские тексты называют огромных змей (Ибн Хордадбех), попугаев и павлинов (Ибн ал-Факих), соколов (Ибн ал-Факих и ал-Казвини), мускусных крыс (Ибн ал-Факих и Йакут), циветт (Йакут), крокодилов (ал-Мас‘уди), раков (Бузург ибн Шахрияр) и различные виды обезьян (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих и ал-Мас‘уди). Среди продуктов Зāбаджа географы упоминают камфару (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Сухраб и ал-Идриси), гвоздику, мускатный орех, сандал, кардамон и кубебу (Ибн ал-Факих). Ал-Идриси добавляет к этому списку сорго и сахарный тростник, ал-Бируни – золото, а Бузург ибн Шахрияр – амбру.

Принадлежность Зāбаджа арабских текстов к малайско-индонезийскому региону очевидна, однако более точная его идентификация вызывает сложности. Ранние исследователи, в том числе П. А. Ван дер Лит (*Livre des merveilles de l'Inde* 1883-1886: 231-233), отождествляли его с Явой – как по причине созвучия, так в силу ряда сообщений, подтверждающих эту гипотезу. М. Рено и Дж. Е. Джерини соотносят Зāбадж с Йабадиу Птолемея, помещая его на Суматре (*Relations de voyages...* 1845 (I): lxxv). К тому же выводу приходит и Г. Ферран, который также рассматривает возможность отождествления Зāбаджа с Архипелагом в целом. Вслед за ним этой точки зрения придерживались многие исследователи, приравнивавшие этот топоним к Шривиджайе или Малайскому архипелагу. Однако затем Ж. Седес высказал предположение, что Зāбадж Ибн Хордадбеха – это яванское государство Шайлендров, и лишь позже арабские географы стали применять этот топоним к суматранской Шривиджайе. В пользу этой гипотезы высказываются также Дж. Р. Тиббетс (*Tibbetts* 1979: 107-108, 112), О. У. Уолтерс (*Wolters* 1979: 52) и Д. Дж. Е. Холл (*Холл* 1958: 54). Сообщения арабских авторов о Зāбадже, восходящие к периоду до сер. IX в., таким образом, относятся к Яве, откуда и происходит сам топоним, тогда как более поздние свидетельства имеют отношение уже к Суматре.

Описания островного государства, включавшего в себя различные районы Суматры и Малаккского полуострова, соотносятся с суматранской Шривиджайей в период ее расцвета. Однако рассказы о густонаселенном и плодородном острове, где располагалась столица, указы-

вают на Яву. Яванское происхождение Шайлендров во многом объясняет эту путаницу. Ко второй половине VIII в. – яванскому периоду династии – относятся ее военные экспедиции к берегам Индокитая (Холл 1958: 50), в том числе и возможный поход на Кхмерское царство, описанный Абу Зейдом и ал-Мас‘уди. Раннее знакомство арабов с Явой могло быть связано с торговым путем в Китай через Зондский пролив, игравшим важную роль в VI-VII вв. (Moens, Touche 1940: 3, 8). О присутствии арабов у берегов Явы в IX в. свидетельствует кораблекрушение, обнаруженное у о. Белитунг и, возможно, указывающее на арабское судоходство на этом пути (Flecker 2001)¹.

С утверждением на Суматре Шайлендры утратили власть над центральной Явой, но сохранили свое влияние в западной части острова, т. е. имели владения по обе стороны от пролива. Этим мог быть обусловлен постепенный переход в X в. арабского топонима Зāбадж на Шривиджайю и Суматру. Начиная с XI в. описания Зāбаджа в арабских текстах блекнут и теряют точность, отражая упадок островной империи, а в последующие века и вовсе лишаются географической привязки. В целом создается впечатление, что этот топоним имел отношение в большей степени к политической, чем к физической географии. Зāбадж представляется не столько островом или группой островов, сколько государственным образованием, объединенным властью правителя. В этом отношении можно говорить о его тождестве с островами Махарāджи, что объясняет смешение этих двух топонимов у некоторых авторов.

Срибуза / Серйра

(остров, город)

Срибуза или Сарбуза встречается в различных вариантах написания у многих арабских авторов. Наиболее распространенной формой является Серйра, однако самый ранний из упоминающих ее источников, Абу Зейд, дает именно Срибузу, и этого же написания придерживается Йакут. Поэтому, а также из-за созвучия Срибузы со Шривиджайей, исследователи склоняются именно к этому варианту. Встречаются также такие формы, как Шрибуўа или Шарбуўа (у ал-Идриси), Седида, Серинда и Шеринда. Этот топоним обозначает в арабских текстах город или остров.

Абу Зейд и ал-Мас‘уди называют Срибузу среди островов, входящих в империю Махарāджи. Оба автора, а также «Мухтасар ал-‘аджā’иб» оценивают ее протяженность в четыреста *фарсахов*, а ал-Идриси – в 1200 миль. Ибн Саид приводит длину острова с севера на юг (400 миль) и его ширину (160 миль). Абу-л-Фида также называет Срибузу островом Махарāджи. По свидетельствам «Мухтасар ал-‘аджā’иб», ал-Идриси и Ибн Саида, она является одним из остро-

---

¹ Затонувший корабль определяют как арабский или индийский.

вов Зāбаджа. «Муҳтасар ал-‘аджā’иб» и Ибн Саид отмечают, что Срибуза – крупнейший из них, а последний также помещает остальные острова Зāбаджа к юго-востоку от Срибузы. Ал-Бируни проводит экватор между ней и Калāхом, тогда как ссылающийся на него Йакут утверждает, что экватор пересекает Срибузу.

Ал-Бируни и ал-Хараки называют местным продуктом камфару. Ал-Мас‘уди помещает в окрестностях Срибузы-Серйры месторождения золота и серебра и отмечает, что остров непрерывной чередой покрывают возделанные земли. По свидетельству «Муҳтасар ал-‘аджā’иб», на Срибузе производят ценные товары и благовония, а ал-Идриси сообщает, что «там есть жемчужные ловли и всевозможные пряности и благовония, которые привлекают туда купцов». «Остров Срибуза подчинялся Китаю и был процветающим и густонаселенным. Когда корабль отплывает оттуда в Китай, то путь ему преграждают горы, выступающие в море на расстояние шести дней. Между этими горами находятся проходы, ведущие в Китай», - пишет Абу-л-Фида.

Множество упоминаний о Срибузе (в форме Серйра) можно встретить в «Чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра, который применяет этот топоним как к острову, так и к городу. Бузург ибн Шахрияр помещает Серйру на оконечности острова Лāмрй (север Суматры) и в 120 *замах* от Калāха, а также рядом с островом Мā’ит. Город Серйра, по его свидетельству, расположен в бухте, изобилующей крокодилами, которые, тем не менее, безвредны благодаря наложенному на них заклятью: «Теперь они [крокодилы] в серйрской бухте никому не вредят, а прежде, стоило человеку подойти к воде — его тотчас же хватал крокодил: в заливе было невероятное количество этих чудовищ». Бузург ибн Шахрияр приводит рассказ об индийском чародее, заговорившем их для серйрского царя. Серйра также фигурирует в его рассказе о гибели еврейского купца Исхāқа ибн ал-Йахūда – именно ее правитель подсылает к нему убийцу после того, как тот отказывается заплатить ему взятку. Помимо этого, Бузург ибн Шахрияр дает интересное описание серйрской бухты:

«Мне уже приходилось упоминать о Серйре, которая лежит на самом краю острова Лāмрй. Между Серйрой и Калāхом расстояние в сто двадцать *замавов* — а впрочем, Аллах лучше знает. Я слышал, что Серйрская бухта вдается в остров на пятьдесят *фарсахов*. Она напоминает реку, значительно более широкую, чем Тигр около Басры. Вода там пресная, как и вода Тигра около Басры. Это самая длинная бухта на всем острове; прилив чувствуется в ней каждые двенадцать часов. Там живут крокодилы, но те из них, что ютятся между домами, не приносят вреда, ибо они заморожены, как мы уже упоминали; однако никто не смеет выйти за пределы пространства, занятого домами, из-за остальных крокодилов. Часть серйрских домов стоит на суше, но большинство из них построено на воде и держится на плотках из скрепленных между собой бревен.. В бухте дома стоят рядами, образуя нечто вроде улиц. Между жилищами много

воды, и она пресная, так как течет с гор, но потом она впадает в бухту и смешивается с морем, точно так же, как и Тигр».

Местоположение Срибузы, данное Бузургом Ибн Шахрияром относительно Лāмрī, Калāха и Мā'ита, указывает на юго-восток Суматры. Схожие сведения о большом заливе можно найти у Ибн Саида: «Город Срибуза находится в середине острова в месте, где в него вдается залив. Он расположен на реке...». Эти свидетельства соотносятся с сообщениями Абу Зейда и ал-Мас'уди о столице Зāбаджа, расположенной в затопляемом устье реки, и свидетельствует в пользу того, что город Срибуза – это столица Шривиджайи, в период ее расцвета находившаяся в районе Палембанга. Археологические находки в устье р. Муси подтверждают существование там в X в. политического центра и торгового порта, который продолжил функционировать и после переноса столицы (Manguin 1993: 29-31). Преобладание в поселении деревянных построек на воде, описанное в арабских источниках, возможно, объясняет относительную скудость археологических находок в этом районе (So Kee-Long 1998: 307). Что касается большого залива, упоминаемого арабскими авторами, то нестабильность береговой линии на юге Суматры допускает его существование в районе Палембанга в средние века (Wolters 1975).

Исследователи единогласно отождествляют город Срибузу арабских текстов с Шривиджайей и ее столицей, а остров Срибузу, соответственно, с Суматрой (Tibbetts 1979: 112; Холл 1958: 57-58). Примечательно, что этот топоним встречается в источниках только начиная с X в. и отсутствует в важнейших ранних текстах – «Известиях о Китае и об Индии» и «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега. Время его появления, таким образом, совпадает с приостановкой непосредственных контактов с Китаем и концентрацией арабской торговли в Малаккском проливе. Как и Зāбадж и острова Махарāджи, Срибуза соотносима с Шривиджайей. Но, в отличие от них, Срибуза с достаточной степенью уверенности идентифицируется на Суматре, а ее описания не содержат значительных указаний на Яву (хотя и встречаются характеристики острова как густонаселенного и покрытого возделанными полями). На Суматру указывают пересекающий Срибузу экватор и многие другие детали. Этот топоним, таким образом, представляется более узким, чем Зāбадж, хотя оба они применялись к Шривиджайе.

Джāба

(остров, титул)

Топоним Джāба встречается в немногих источниках. Впервые его упоминает Ибн Хордадбег, которого впоследствии цитирует ал-Идриси. Искаженная форма этого топонима присутствует также в «Мухтасар ал-'аджā'иб». Джāба в этих текстах выступает и как остров, и в

качестве титула правителя¹. Ибн Хордадбех включает Джāбу в число «индийских царей», а ал-Идриси упоминает и титул Джāба, и правителя по имени Джāбат ал-Хиндī, которому принадлежит остров Калāх. Ибн Хордадбех также называет Калāх владением Джāбат ал-Хиндī, однако здесь она выступает скорее как топоним. Сложно сказать, означают ли Джāба и Джāбат ал-Хиндī одних и тех же правителя, местность или государство. Эти топонимы не встречается в других текстах, помимо тех, что цитируют Ибн Хордадбега или ал-Идриси.

Ибн Хордадбех помещает Джāбу рядом с островами Салāхит и Харладж, в двух *фарсах* от Бālūs, в пятнадцати днях пути от Страны Пряностей, а также недалеко от Мāйитā. Кроме того, он сообщает, что «на Джāбе находится небольшая гора, на вершине которой пылает огонь площадью около ста локтей², но в высоту не превышающий копья». «Мухтасар ал-‘аджā’иб» помещает на острове Джāба город Салāхит. Повторяющий Ибн Хордадбега ал-Идриси также располагает Джāбу рядом с Салāхитом и Харладжем, причем все они находятся в двух *фарсах* друг от друга. Оба автора отмечают, что эти три острова управляются одним правителем. Остров Мā’ит ал-Идриси помещает за Джāбой и вблизи от нее и включает его во владения правителя Джāбы.

Среди местных продуктов Ибн Хордадбех называет кокосы, бананы и сахарный тростник, а «Мухтасар ал-‘аджā’иб» добавляет к этому списку сандал, индийский нарда и гвоздику. И Ибн Хордадбех, и ал-Идриси говорят о приверженности Джāбы буддизму. Все три источника содержат схожие сообщения о ее правителе, вероятно, восходящие к недошедшей до нас полной версии труда Ибн Хордадбега. В тексте краткой редакции «Книги путей и стран» говорится лишь, что этот царь «носит золотой наряд и головной убор из золота и поклоняется Будде». По свидетельству «Мухтасар ал-‘аджā’иб», правитель острова Джāба «живет в большой роскоши, одевается в золотые одежды, а на голове носит золотую корону, украшенную драгоценными камнями». Наиболее полное сообщение приводит ал-Идриси: «Этого царя называют Джāба, он носит плащ и диадему из золота, украшенную жемчугом и драгоценными камнями. Его изображение чеканят на монетах. Он очень почитает Будду... Царский храм очень красив и снаружи облицован мрамором».

Расположение Джāбы относительно Калāха, Салāхитā и других топонимов указывает на область Малаккского пролива. Дж. Р. Тиббетс помещает ее на юго-восточном побережье Суматры (Tibbetts 1979: 110), эту точку зрения поддерживает и М. Лаффан. Последний высказывает предположение о существовании там протомалайского государственного образования, известного в V в. как Джаба и простиравшего свое влияние вплоть до Зондского пролива (Laf-

¹ Ср. смешение созвучного Джāбе топонима Чжанбэй (Джамби) с именем правителя в китайских источниках (Jordaan, Colless 2009: 107, по: Захаров 2010: 295).

² Локоть (*zirā'*) – мера длины, равная около 50-60 см (Хинц 1970: 64-70). Здесь, вероятно, речь идет о квадратном локте – мере площади (приблизительно 0,6 м²).

fan 2005: 11). Центр этого царства исследователь предлагает искать ближе к Джамби, чем к Палембангу; также в бассейне р. Батангхари помещает его В. Махди, отождествляющий арабскую Джāбу с санскритской Йавадвипой¹ (Mahdi 2008: 112). М. Лаффан также предполагает, что три титула, упоминаемые в арабских текстах IX в. – Джāба, правитель Зāбаджа и Махарāджа Восточных Островов – обозначали одного и того же правителя, и делает из этого вывод, что Джāба, Зāбадж и острова Махарāджи тождественны (Laffan 2005: 27-28). С последним сложно согласиться, поскольку арабские сообщения о Джāбе, в отличие от описаний Зāбаджа и островов Махарāджи, не создают впечатления обширной островной империи. Они помещают Джāбу в окружении других топонимов и указывают скорее на ограниченную область или царство, расположенную, вероятнее всего, в районе пролива.

Джāўа

(остров, страна)

Этот топоним появляется в арабских источниках начиная с XIII в. Первым его упоминает Йакут, который помещает Джāўу на побережье на границе с Китаем. По словам географа, эта страна – первая часть Китая, «оттуда попадают в опасное море, где часто происходят крушения, а затем прибывают уже в сам Китай». И, в то же время, она напоминает Индию, а купцы не доходят до Китая и ограничивают свои маршруты Джāўой. Среди местных продуктов Йакут называет алоэ, камфару, нард, гвоздику и мускатный цвет, а также лекарственные растения и вазы, шедшие транзитом из Китая.

Подробное описание Джāўы можно найти также у Ибн Саида, который помещает ее к югу от островов Махарāджи. В центральной части острова Ибн Саид помещает одноименную столицу – город Джāўа (возможно, речь идет о смещении столицы Шривиджайи в верхнее течение Батангхари (Braginsky 1998 388)), в западной – Лāмрī и Фансўр, а на востоке – Малāйур и Калāх. Таким образом, он инкорпорирует старые топонимы в новую концепцию Джāўы-Суматры:

«К югу от островов Махарāджи находится остров Джāўа, большой и известный. Корабли ходят туда за всевозможными индийскими лекарствами, которые там есть, а также потому, что местные жители хорошо известны своим обращением с чужестранцами. Самая западная точка острова находится на долготе 144°, а среди городов этой области – Лāмрī, хорошо известный путешественникам. Широта этого места 5°. На юге острова, в его юго-западной его части, находится город Фансўр... Он расположен на том же меридиане, что и Лāмрī, а широта его – 1°30'. Горы Камфары тянутся от этого города до самого конца острова, с запада на восток. В

¹ А.О. Захаров находит гипотезу В. Махди о локализации Йавадвипы на юго-востоке Суматры недостаточно обоснованной (Захаров 2012 (1)).

средней части острова, в Горах Камфары, находится столица – город Джāўа. Там пребывает правитель этого острова и других окружающих его и близлежащих островов... Долгота этого города – 149°20′, а широта – 3°.

В юго-восточной части находится город Калāх, хорошо известный путешественникам... Широта этого города – 154°12′. На северо-восточном побережье расположен город Малāйур, который широко известен. Это место якорной стоянки. Долгота его чуть больше, чем у Калāха, а широта такая же, как у Лāмрī. Все упомянутые города расположены в устьях рек. Протяженность острова – около 800 миль. Справа налево выступают два мыса, ширина пролива между которыми – только две мили. Море там неглубокое. Это место называют Бинтан... На подступах к Бинтану попадают на острова Қāмрўн. Правитель живет на крупнейшем из них, расположенном к востоку от Джāўы... На западе находятся небольшие острова, являющиеся частью Джāўы... Среди этих островов – остров вулкана... Также среди этих островов – остров Махўк, внутренних районов которого еще никому не удавалось достичь».

Джāўа неоднократно упоминается также в «Путешествии» Ибн Баттуты. Путешественник называет так страну правителя Самудры – султана Малика аз-Захира, которую он посещает дважды по дороге через Малаккский пролив. «Через двадцать пять дней [после отплытия из страны Баракнакār¹] мы прибыли на остров Джāўа, откуда происходит ладан *ал-джāўй*. Мы увидели ее [берега] после того, как прошли полудневный путь. Это зеленый, цветущий [остров]. Большая часть [произрастающих там] деревьев – это кокосовые и арековые пальмы, гвоздика, индийское алоэ, деревья *аш-шакī* и *ал-баркī*, манго, джамун, сладкие апельсины и камфарный тростник. Жители Джāўы покупают и продают за мелкую монету и необработанное китайское золото. Многие пряности и благовония [на этом острове] есть только в землях неверных, тогда как в землях мусульман их меньше», - сообщает Ибн Баттута.

Путешественник отмечает, что из пряностей на Джāўе есть только ладан и камфара, а также немного гвоздики и индийского алоэ, а жители этой страны – мусульмане-шафииты. В «Путешествии» Ибн Баттуты можно найти еще несколько упоминаний о Джāўе, которые отражают ее активные морские и торговые связи. Так, путешественник сообщает об общине мусульман – выходцев с Джāўы, проживавших в отдельном квартале в Баракнакār. Также в китайском порту Гуанчжоу Ибн Баттута обнаруживает джонку с мусульманской командой, принадлежавшую правителю Джāўы, и отправляется на ней в Самудру. Помимо этого, он упоминает о корабле со своим имуществом, который был захвачен правителем Джāўы на пути из Индии в Китай.

---

¹ Местонахождение Баракнакār точно не установлено, предполагают, что эта страна она могла находиться на Андаманских, Никобарских островах или на побережье Бирмы (Yule 1916 (IV): 93; Tibbetts 1979: 97).

Остров или страна Джāўа в рассказе Ибн Баттуты – по-видимому, Суматра или ее северная часть (см. ниже о Мул Джāўе). Описание Джāўы у Ибн Саида также не вызывает сомнений, что речь идет о Суматре – к ней относятся все упоминаемые географом топонимы, кроме Калāха, и их взаиморасположение отражает географию острова. В то же время, свидетельства Йакута менее точны, а Ибн Баттута, наряду с топонимом, использует также этноним *ал-джāўй*, обозначая им о выходцев из островной Юго-Восточной Азии вообще. Как региональное понятие (*иклим ал-Джāўа*) этот топоним встречается также у Ибн Муджавира, автора XIII в. (Laffan 2009: 47). Как можно видеть, Джāўой арабы называли как Суматру, так и западную часть Малайского архипелага в целом. Применение к Суматре этого позднесредневекового топонима, впоследствии закрепившегося в арабском языке за Явой, неудивительно, учитывая что ранее ее так же называли Зāбаджем. Марко Поло и другие европейские путешественники, как и арабские авторы, пишут об острове как о Малой Яве (Джаве). В целом, применение топонимов, созвучных современной Яве – Йавадвипа, Йабадиу, Йепоти, Шепо и др. – к разным островам Малайского архипелага характерно для многих неарабских источников. С.В. Кулланда, объясняющий этимологию топонима Jawa (Yawa) как «внешний» остров, предполагает, что в разное время тот обозначал Суматру, Яву и Калимантан – по мере освоения их австронезийцами (Kullanda 2006).

С появлением в арабских источниках Джāўы из них исчезает старый топоним – Джāба Ибн Хордадбега. М. Лаффан, ссылаясь на установленную лингвистами тенденцию перехода звука *b* в *w* в малайских словах, заключает, что произошла замена одного топонима другим (Laffan 2005: 10-11). Появление в арабском дискурсе нового топонима могло быть связано с политико-экономическими факторами, обусловившими постепенное формирование новой концепции географии малайско-индонезийского региона. XIII в. ознаменовался активизацией торговли в бассейне Индийского океана, связанной с сокращением сухопутных путей в результате монгольских завоеваний. Ближний Восток заново открывал для себя малайский мир, где контроль над торговлей специями переходил к Яве. Юго-Восточная Суматра утрачивала свое значение, уступая роль перевалочной базы яванским портам, а к 1286 г. яванцы распространили свою власть на острове вплоть до Джамби (Hall 1981: 22, 26). Арабские суда стали чаще посещать порты Явы, а их старые базы на Суматре теперь подчинялись яванцам, результатом чего, возможно, и стал переход к новой версии старого названия¹. Как и в других случаях, рассмотренных выше, арабская топонимика могла отражать политические реалии. Дж. Р. Тиббетс обращает внимание, что в описании Джāўы у Ибн Саида отсутствует Срибуза (Tibbetts 1979: 115), что соответствует исчезновению Шривиджайи и из других источников в этот период (Холл 1958: 61). Появление нового топонима, таким образом, можно рассматривать как свидетельство

¹ Существует предположение, что малайские слова, содержащие звук *w* – яванского происхождения (Laffan 2005: 10)).

окончательного упадка Шривиджайи к XIV в. и утверждения яванских государств как основной политической силы в регионе.

Мул Джәйә

(страна)

Мул Джәйә – топоним, который встречается лишь у одного арабского автора – Ибн Баттуты. Помимо него, его упоминает также персидский историк XIV в. Вассаф, описывающий поход туда Хубилай-хана (1271-1294) в 1292 гг. (Relations... 1914 (II): 359). Ибн Баттута помещает ее на пути из Самудры и Джәйә в Китай: «Мы плыли вдоль [побережья Джәйә] двадцать одну ночь, а затем прибыли в Мул Джәйә – страну неверных, протяженность которой – два месяца пути. Там есть пряности и благовония, а также превосходное алоэ *ал-қәқули* и *ал-қмәри*, а Қәқула и Қмәра – из числа областей [этой страны]».

Путешественник называет областями Мул Джәйә Қәқулу и Қумәру, предположительно находившиеся на материке, однако речь идет скорее об их вассальной зависимости от нее, чем о единстве их территории. В «Путешествии» за сообщением о прибытии в Мул Джәйә следует описание Қәқулы, а за ним – рассказ о султанине Мул Джәйә. Однако Дж. Р. Тиббетс обращает внимание на то, что Ибн Баттута ни разу не называет Қәқулу столицей Мул Джәйә, а также не упоминает о султанине Мул Джәйә в пассаже, посвященном Қәқуле (Tibbetts 1979: 132). Таким образом, нет необходимости объединять рассказы об этих двух местностях в один. По мнению исследователя, рассказ о Қәқуле находится не на месте, либо же, что более вероятно, часть оригинального текста Ибн Баттуты была утеряна.

В рассказе путешественника немусульманская Мул Джәйә противопоставляется мусульманской Джәйә. Ибн Баттута называет султанина Мул Джәйә язычником и описывает его обычай сидеть на земле: «[Султан Мул Джәйә] – язычник. Я видел, как он сидел перед дворцом под балдахином на [голой] земле, и не было под ним ковра. С ним были местные вельможи, а войска представляли перед ним пешими. Лошади там есть только у султанина, [все же прочие] ездят и сражаются только на слонах». Ибн Баттута также отмечает обилие в Мул Джәйә пряностей (по сравнению с относительно бедной на них Джәйәйә). Главы «Путешествия», посвященные этой стране, содержат подробные рассказы о ладане, камфаре, алоэ, гвоздике, мускатном орехе и «мускатном цветке». Мул Джәйә упоминается также в рассказе путешественника о восстании племянника султанина Джәйә – туда сбегает мятежник после неудавшегося переворота.

По-видимому, представления о Джāўе и Мул Джāўе, нашедшие выражение в «Путешествии» Ибн Баттуты, связаны с позднесредневековой концепцией географии Юго-Восточной Азии, отражавшей в том числе и политические реалии своего времени. Но, к сожалению, до нас не дошло других текстов, содержащих сведения о соотношении этих двух топонимов. Их разграничение соотносится с неоднозначными представлениями о Большой и Малой Явах в европейской географической литературе позднего средневековья (Jack-Hinton 1964: 72, 80, 87). В различных случаях эти топонимы могли применять к Яве и Суматре, Яве и островам к востоку от нее или Яве и Калимантану.

Ранние исследователи «Путешествия» Ибн Баттуты отождествляли Мул Джāўу с Явой (The travels... 1829: 201; Description... 1847: 244; Voyages... 1858 (IV): 239), однако затем Г. Юл выступил с доводами в пользу того, что Мул Джāўа – это Малаккский полуостров (Yule 1916: 155-157). Дж. Р. Тиббетс, возвращаясь к мнению более ранних исследователей, идентифицирует Мул Джāўу с Явой (Там же: 151). Той же точки зрения придерживается Б. Е. Коллесс (Colless 1975), предполагая, что путешественник побывал в западной части острова (Colless 1969: 33-34). Однако это предположение слабо согласуется с маршрутом Ибн Баттуты, который помещает Мул Джāўу на том же отрезке суши, что и Джāўу Малика аз-Захира («мы плыли вдоль побережья его страны...») – т. е., вероятно, не пересекали пролив – ни Малаккский, ни Зондский).

Возможно, речь идет о Восточной Суматре и расположенном там Малайю-Джамби, где в нижнем течении р. Батангхари сохранился огромный буддийский храмовый комплекс, датируемый XI-XIII вв. В XIII в. новый центр государства Малайю возник выше по течению Батангхари и ближе к горным районам Минангкабау (Andaya 2001: 324), что могло бы объяснить долгий путь туда Ибн Баттуты, занявший 21 день. Однако расстояния в «Путешествии» Ибн Баттуты часто не соответствуют действительности, и не всегда стоит принимать их в расчет.

Южная часть Суматры была известна китайским источникам как Мо-ло-ю; в Нагаракертагаме она фигурирует как Малайю (Jack-Hinton 1964: 58-60). В период визита Ибн Баттуты Малайю признавало сюзеренитет яванской империи Маджапахит (Laffan 2009: 37) – это ее протяженность можно было бы оценить в два месяца пути. В этом случае идентификации Мул Джāўы с Явой и Малайю не исключают друг друга. Или же речь может идти о Шривиджайе, известной авторам «Путешествия» из более ранних источников. Еще в XI в. столица Шривиджайи была перенесена в Малайю-Джамби из Палембанга (Wolters 1966), так что сообщение Ибн Баттуты о зависимости Қāқулы от Мул Джāўы может отражать отголоски былого величия последней. К XIV в. Шривиджайя пришла в упадок, но ее бывшая столица могла еще сохранять номинальную власть над вассальными княжествами. Есть косвенные свидетельства того, что в

кон. XIII в. Малайю продолжало претендовать на земли на Малаккском полуострове (Jack-Hinton 1964: 59).

Так или иначе, сложно идентифицировать топоним Мул Джāўа на основании лишь одного арабского источника. Его возможное расположение на восточном побережье Суматры обусловлено необходимостью его увязки с маршрутом Ибн Баттуты. Краткосрочность путешествия последнего в Китай предполагает следование кратчайшим путем через пролив, без захода на Яву. Однако все это справедливо лишь в том случае, если плавание путешественника к востоку от Самудры действительно имело место (см. пятую главу). Иначе же идентификация Мул Джāўы с Явой представляется более вероятной, поскольку свидетельства Вассафа указывают скорее на нее.

Малāйур/ Малāйў

(город, море)

Малāйур появляется в арабских текстах достаточно поздно – у Ибн Саида, которого затем цитирует ад-Димашки. «На северо-восточном побережье [острова Джāўа] расположен город Малāйур, который широко известен. Это место якорной стоянки. Долгота его чуть больше, чем у Калāха, а широта такая же, как у Лāмрї. Все упомянутые города расположены в устьях рек», - пишет Ибн Саид. Из более ранних источников лишь «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра упоминают море Малāйў – хотя, если быть точнее, этот топоним присутствует в тексте в форме Малāтў. Из упоминания Бузурга ибн Шахрияра можно заключить лишь, что это море простиралось до берегов Китая: «Путешественники проезжали по морю Малāйў и настолько приблизились к Китаю, что уже могли различить очертания гор».

Малāйур Ибн Саида соотносится со свидетельствами неарабских источников – Малайу И Цзина, Малаюром (или Малиуром) Марко Поло, Малайўром индийских надписей и Малиу-ер китайских текстов (Tibbetts 1979: 116). Само слово Малайўр имеет тамильскую этимологию и означает город на холме (Laffan 2005: 13). Дж. Е. Джерини и Г. Ферран помещают этот топоним в южной части Малаккского полуострова (Ferrand 1918: 89-91; Gerini 1909: 528-539), однако более поздние исследователи, в том числе и Дж. Р Тиббетс, склонны искать его на юго-восточном побережье Суматры (Tibbetts 1979: 116). Описание Ибн Саида позволяет отождествить Малāйур с Малайю-Джамби.

Калāх

(остров, город, страна, море, побережье)

Калāх – второй по частоте упоминания в арабских источниках топоним после Зāбаджа. Встречаются такие формы его написания, как Калах, Килах, Киллах, Калā, Калах, Кали́, -қал‘ах и -қал‘. «Известия о Китае и об Индии» различают просто Калāх и Калāх-бār, последний топоним обозначает страну и побережье в месяце пути от Харканда. О море Калāх-бār, расположенном за морем Харканда, пишут ал-Йа‘куби и повторяющий его ал-Мас‘уди. Его называют мелким и опасным для судоходства и отмечают обитающих там больших змей, камфарные деревья и многочисленные острова и перешейки. Ал-Мас‘уди разъясняет топоним Калāх-бār как «море Калāха». Однако в большинстве текстов Калāх фигурирует как остров, порт или страна. По словам Йакута, «Калāх – это страна на краю Индии..., а также порт в Индийском океане», и, в то же время, «экватор пересекает остров Калāх».

«Известия о Китае и об Индии» помещают Калāх по правую сторону от Индии и на пути в Китай – между индийским портом Кўлам-Малай и о. Тиоман (Тийūмой). Абу Зейд указывает протяженность Калāха в восемьдесят *фарсахов*; Ибн Хордадбех дает расстояния от Калāха до Цейлона (16-21 день пути), Бālўса (2 дня) и островов Накбālўс (6 дней), Бузург ибн Шахрияр – до Срибузы (120 *замов*) и аравийских берегов (41-48 дней), Абу Дулаф – до «города Китая» (300 *фарсахов*), а Абу-л-Фида – до островов Махарāджи (20 дней). Ибн Хордадбех располагает Бālўс справа (к югу?) от Калāха, а «Путешествия Синдбада» оценивают расстояние между ними в 6 дней пути. Ибн Руста помещает Калāх «в восточной части Индийского моря» и на пути в Зāбадж, ал-Бируни – по ту сторону экватора по отношению к Срибузе, Йакут – на экваторе и на краю Индии, ад-Димашки – на побережье в северной части моря Махарāджи, Абу-л-Фида – к югу от первого климата, а Ибн Саид – в устье реки на юго-восточном побережье острова Джāўа (причем долгота его чуть меньше, чем у Малāйура). В целом, общим для многих текстов является расположение Калāха в Индийском море, у границ Индии и на полпути из арабских земель в Китай.

О судоходстве между Персидским заливом (Сирафом и Оманом) и Калāхом пишут Абу Зейд, ал-Мас‘уди, Бузург ибн Шахрияр и другие. Ибн Хордадбех и его последователи, в том числе ал-Идриси, приписывают власть над Калāхом правителю Джāбат ал-Хиндī; другие тексты («Известия», Абу Зейд, ал-Мас‘уди, ад-Димашки) называют его в числе владений Зāбаджа или Махарāджи. Бузург ибн Шахрияр упоминает правителя по имени Сри Нātā Калāх – одного из царей Зāбаджа. В то же время, Абу Дулаф описывает независимый портовый город-государство, а цикл о Синдбаде характеризует его как огромную империю, подчинившую себе остров Бālўс.

Из продуктов Калāха большинство источников выделяют олово, название которого является производным от этого топонима (Абу Зейд, Ибн Хордадбех, Абу Дулаф, «Путешествия

Синдбада», «Сокращение диковинок и чудес», ал-Бируни, ал-Хараки, ал-Идриси, Йакут, Ибн Саид, Абу-л-Фида). Многие авторы пишут о плантациях бамбука (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, цикл о Синдбаде, «Сокращение», Абу-л-Фида) и камфаре (цикл о Синдбаде, Сухраб, ал-Идриси, Абу-л-Фида); упоминают также золото и серебро (ал-Мас‘уди), алоэ (Йакут), ротан (ал-Идриси) и слонов (ад-Димашки). Абу Зейд приводит список продуктов, свозившихся в Калāх (но не обязательно происходивших оттуда): алоэ, камфара, сандал, слоновая кость, олово, черное дерево, красный сандал и фрукты.

Абу-л-Фида характеризует Калāх как процветающий город, населенный мусульманами, индийцами и персами. Но наиболее подробное его описание можно найти у Абу Дулафа:

«Это начало Индии и последнее место, где можно достать корабли, поскольку невозможно пройти мимо, не потерпев крушения. Когда я прибыл в Калāх, я увидел, что он велик, с высокими стенами, многочисленными садами и обильными источниками. Я видел там оловянный рудник, какого нет нигде в мире, кроме как в Қал‘а (его крепости)... Жители этой крепости укрываются в ней, когда хотят добиться чего-либо от своего царя. Обычай их схожи с китайскими, и у них не принято перерезать горло [животным перед употреблением их в пищу]. Во всем мире нет такого оловянного рудника, как в Калāхе. От этого города до города Китая – триста *фарсахов*, а вокруг расположены многочисленные города, городки и села.

У местных жителей есть судопроизводство, тюрьмы и штрафы. Они питаются пшеницей, финиками, овощами, которыми торгуют на вес, и плоскими буханками хлеба, которые продают поштучно. У них нет ванн, и моются они в проточной воде. Их дирхам весит две трети обычного... Есть у них мелкая монета, которую используют в обычной торговле. Одеваются они как китайцы – в один кусок ткани, которая называется ‘китайский *афранд*’ и стоит очень дорого. Их правитель – вассал императора Китая и поминает его в *хутбе*. Во время молитвы царь Калāха обращает лицо [к Китаю], а его храм посвящен китайскому императору».

Ношение жителями Калāха *фўты* (саронга), помимо Абу Дулафа, упоминают «Известия о Китае и об Индии» и ал-Идриси. Из этнографических деталей можно отметить также людоедство и обычай сидеть скрестив ноги (Бузург ибн Шахрияр).

Как можно видеть, арабские тексты рисуют картину оживленного торгового порта, служившего местом встречи кораблей со всех концов Индийского океана. Калāх нередко соотносят также с Ко-ло или Ку-ло китайских источников, Таколой античных текстов и индийскими топонимами Катаха и Кадарам. О QLH – «стране за Индией» – сообщает также сирийский несторианский источник VIII в. (Colless 1969: 20-21), а «Христианская топография» Козьмы Индикоплова (VI в.) упоминает Каллиану – порт вывоза меди (Пигулевская 1951: 65). Свидетельства арабских текстов указывают на область Малаккского пролива, а месторождения олова

можно найти на Малаккском полуострове, архипелаге Риау и некоторых других островах, но не на Суматре (Tibbetts 1979: 121). Исследователи сходятся в том, что искать Калāх следует на западном побережье Малаккского полуострова, однако более точное его расположение остается неясным. Среди предлагавшихся вариантов – перешеек Кра, Кедах, побережье Тенассерима, район Такуапы в Таиланде и Кланг в малайзийском штате Селангор.

Гипотезу Г. Феррана о тождестве Калāха с Кра, основанную на лингвистических доводах, принимает Д. Дж. Е. Холл, отмечая, впрочем, что этот топоним применялся арабами ко всему полуострову (Холл 1958: 57). Популярной является точка зрения, помещающая Калāх в Кедахе – ее придерживаются А. Мори, П. А. Ван дер Лит и многие другие (*Livre des merveilles de l'Inde* 1883-86: 308; Fatimi 1960: 62-63; Tibbetts 1979: 125). П. Уитли предлагает искать Калāх к северу – на побережье Тенассерима в области Мергуи, ссылаясь на наличие там оловянных рудников и бамбуковых рощ, а также название крупнейшего острова у устья р. Тенассерим – Кала (Wheatley 1961: 224)¹. С. К. Фатими, напротив, приводит ряд аргументов в пользу того, что Калāх располагался гораздо южнее в Малаккском проливе – в районе Кланга. Непроизносимый для арабов и персов малайский звук *ng* мог, по мнению исследователя, передаваться арабской буквой *ха'* (Fatimi 1960). Б. Е. Коллесс соглашается с С. К. Фатими в том, что свидетельства источников указывают на положение Калāха ниже в проливе, соответствующее Клангу, и исключает Кедах и Тенассерим (Colless 1969: 25-28, 33-34, 41). Важным доводом для сторонников этой точки зрения служит то, что ал-Бируни помещает Калāх на том же расстоянии от экватора, что и Срибуза (а Йакут – на самом экваторе).

Кланг действительно занимает стратегически важное положение на пути через пролив, недалеко от современного Куала-Лумпура и позднесредневековой Малакки, предшественником которой мог быть Калāх. Олово и сегодня добывают в окрестностях Куала-Лумпура (рудники были разработаны китайскими рабочими только в XIX в.). Однако против Кланга свидетельствует отсутствие там каких-либо значимых археологических находок – кроме тех, что относятся к 1-3 вв. н. э. (Colless 1969: 31). А. Лэмб находит лишь два места на побережье Малаккского полуострова, соответствующие археологическим критериям и содержащие в достаточных количествах ближневосточные стекло и керамику – это Пенгкалан Буджанг в Кедахе и остров Какао рядом с Такуапой в южном Таиланде (Lamb 1964: 1). Б. Е. Коллесс, однако, предполагает, что многовековые добыча олова, вырубка лесов и заиливание бухты в окрестностях Кланга могли уничтожить следы существования там крупного средневекового порта (Colless 1969: 30-31). Здесь, как и в случае со Срибузой – предполагаемой столицей Шривиджайи в окрестностях Па-

---

¹ В то же время, в другой части своей работы П. Уитли помещает Калāх в окрестностях Пхукета (Wheatley 1961: 270).

лембанга – мы сталкиваемся с расхождением между письменными и археологическими свидетельствами.

Дж. Р. Тиббетс допускает такие варианты местонахождения Калāха, как Кедах и район Такуапы (Tibbetts 1979: 122-123). Тем не менее, он заключает, что для каких-либо выводов недостаточно данных, и предлагает лишь очертить область поиска, ограничив ее побережьем между Клангом и Пхукетом (Там же: 128). Возможно, вопрос о местоположении Калāха и не предполагает точного ответа. Бамбуковые рощи и месторождения олова можно найти по всему Малаккскому полуострову, а путь в Китай пролегал вдоль значительной части его побережья. Арабские авторы пишут не только о Калāхе-порте или городе, но и о более обширном районе – стране или острове, омываемом одноименным морем. Топонимы, содержащие созвучный элемент *kuala* (малайск. «устье»), распространены по всему полуострову (Airriess 2003: 86)¹, и любой из них может лежать в основе арабского *Калāх*. В этом отношении справедливы замечания А. Лэмба, поддержанные впоследствии Л. Андаией.

Исследователь полагает, в арабской литературе топоним Калāх ассоциировался не с конкретной географической точкой, а с целым регионом, где располагалось несколько портов, выполнявших схожие функции. С течением времени они перемещались вверх и вниз вдоль западного побережья Малаккского полуострова – так же, как это происходило с другими арабскими топонимами в регионе, а также портами Персидского залива (Lamb 1964: 2). Л. Андаия принимает эту точку зрения и заключает, что арабы применяли топоним Калāх к любому из череды торговых портов, располагавшихся вдоль северо-западного побережья перешейка Кра и Малаккского полуострова (в том числе в Южном Кедахе). Эти порты не раз смещались под влиянием природных и политических условий, а их значение было связано с существованием сухопутных торговых путей к берегам Сиамского залива (Andaya 2008: 37-39, 57). Согласно одной из гипотез, в VII-X вв. Калāх располагался на побережье Тенассерима, а с XI по XIV в. – в Кедахе (Andaya 2001: 326). Тем не менее, не стоит исключать также и побережье к югу от Кедаха, вдоль которого пролегал морской путь на восток.

Қақула

(море, город, местность, долина)

Упоминания о Қақуле можно найти у ал-Йа‘куби, Бузурга ибн Шахрияра, Абу Дулафа, ал-Идриси, ал-Казвини, Ибн Саида и Ибн Баттуты. Чаще всего этот топоним фигурирует в форме Қақула или Қақулла², а также Қақула, Қақилā. Реже встречаются такие варианты, как

¹ А также на центральных и северных низменных равнинах Суматры, в то время как в южных низменностях и в долинах горных рек острова преобладают названия с элементом *tuara* (Airriess 2003: 86).

² *Қақулла* – арабск. «кардамон». Топоним также транслитерируют как *Қақулах*, *Қақуллах*.

Джәджуллā, Джәджалā или Гāгуллā, Гāгалā. Арабские тексты рисуют портовый город-государство, расположенный на побережье в устье реки (Абу Дулаф помещает ее на вершине горы, наполовину выступающей в море). Ряд авторов сходится в том, что основным продуктом местного экспорта было алоэ. В рассказе Ибн Баттуты Қāқула также предстает крупным портовым городом, а упоминание пиратства и пошлин говорит о том, что она была расположена на оживленном торговом пути. Некоторые авторы пишут также о стране, горах и море Қāқула.

На пути Абу Дулафа Қāқула лежит к западу от Калāха, а между ними находятся Страна Камфары и Страна Перца. Бузург ибн Шахрияр помещает ее в более чем 20 *замах* от островов Арманāн¹ и почти в ста *замах* от острова под названием Бадфāр-Калāх², расположенного недалеко от Калāха. Ал-Идриси дает расстояния от Қāқулы до индийских местностей Лўқйна (7 дней пути) и Кашмира (10 дней) и помещает ее на берегу моря или залива под названием Индийский Биханк. Абу Дулаф и ал-Идриси пишут о городе Қāқуле, Бузург ибн Шахрияр – об одноименных области и долине. Ал-Казвини упоминает страну Қāқула в Зāбадже и помещает в ней гору ал-Джәдўр. В рассказе Ибн Саида название Қāқула носят одновременно и горы, и расположенная в них страна:

«К востоку от Фаўфала³ находятся горы Қāқулы. В них есть области и города, среди которых – Қāқула... Там есть река, которая стекает с горы на севере, направляется на восток и впадает в великую реку Тарāғā⁴. К востоку от страны Қāқула расположена большая горная цепь, протянувшаяся от границы четвертого климата до Индийского океана. Эта цепь отделяет [Қāқулу] от народа *ҳанаба*, столица которого – *Ҳанаба*⁵ – находится к востоку от великой реки Тарāғā».

Ибн Баттута посещает Қāқулу на пути с Северной Суматры в Китай, что указывает на ее положение в Малаккском проливе. Плавание из Самудры занимает 21 день, однако, возможно, это расстояние относится к Мул Джәўе, рассказ о которой мог быть смешан с описанием Қāқулы. Путешественник отмечает окружавшую город широкую каменную стену, многочисленных слонов и обилие алоэ. Из животного мира Қāқулы другие авторы отмечают также несколько видов обезьян (Бузург ибн Шахрияр и ал-Казвини) и белого сокола с красным хохолком (ал-Казвини), а из продуктов – амбру и алоэ (ал-Йа‘куби), корицу (Абу Дулаф) и шелк (ал-Идриси). Местные сорта амбры, алоэ и шелка носят название *ал-қāқули*. Бузург ибн Шахрияр

¹ Арманāн – возможно, искаженное название Андаманских островов (Relations de voyages... 1914 (II): 581).

² Топоним Бадфāр-Калāх не идентифицирован. Возможно, это Пулау Бутанг – группа островов к северу от архипелага Лангкави (Tibbetts 1979: 130).

³ Б. Е. Коллесс отождествляет Фаўфал с П’ан-п’аном китайских источников и помещает его на перешейке Кра (Colless 1969: 36).

⁴ Тарāғā – возможно, р. Салуин или Танинтайи (Tibbetts 1979: 95) или р. Транг (Colless 1969: 35).

⁵ Ҳанаба – царство на восточном побережье Малаккского полуострова (Colless 1969: 36-37).

приписывает жителям Қәқулы людоедство, а Абу Дулаф, напротив, рисует картину развитого общества и сообщает ряд этнографических деталей:

«У них есть царь, подобный правителю Калāха. Питаются они пшеницей и яйцами, но не едят рыбу и не режут животных. У них есть большой молитвенный дом... Местные жители одеваются так же, как жители Калāха, с тем лишь различием, что по праздникам они носят йеменское платье. Из созвездий они почитают сердце Льва. У них есть обсерватория, точный календарь и полное знание звезд, свойства которых они усердно изучают».

Местонахождение Қәқулы, которую часто отождествляют с Ко-ку-ло китайских, Таколой античных и Такколой санскритских источников, не установлено. Исследователи искали ее в самых разных точках Юго-Восточной Азии – на Яве (*Description...* 1847: 245; *Les merveilles de l'Inde* 1878: 183), Суматре (*Livre des merveilles...* 1883-86: 237-241) и побережье Сиамского залива в районе Келантана либо Лигора (*Gerini* 1909: 444). Г. Ферран различал две Қәқулы – в восточном Индокитае и на западном побережье Малаккского полуострова (*Relations de voyages...* 1913 (I): IV). После 1912 г. мнения ученых сошлись на том, что Қәқулу следует искать на западном побережье Индокитая (*Wheatley* 1961: 227), однако вопрос о точном ее местоположении до сих пор не решен. Важнейшим ориентиром служат схожие свидетельства Абу Дулафа и китайского источника (*Chau Ju-Kua* 1911: 11), помещающие Қәқулу (Ко-ку-ло) на побережье к северо-западу от Калāха (Ко-ло).

Дж. Р. Тиббетс и П. Уитли склонны искать Қәқулу на побережье Тенассерима (*Tibbetts* 1979: 97-98; *Wheatley* 1961: 228). П. Уитли, помещающий Калāх в районе Мергуи, вынужденно смещает Қәқулу еще дальше на северо-запад¹ (*Wheatley* 1961: 227, 270). Однако эта точка зрения вступает в противоречие с маршрутом Ибн Баттуты, который помещает Қәқулу на пути из Самудры в Китай. По мнению Дж. Р. Тиббетса, рассказы о Суматре и Қәқуле стоят в тексте в неверном порядке, тогда как на самом деле путешественник посетил Қәқулу еще до остановки на Северной Суматре (*Tibbetts* 1979: 97-98). Локализация Қәқулы на побережье Тенассерима связана в первую очередь с ее положением относительно Калāха – поскольку большинство исследователей помещает последний в северной части полуострова или даже на бирманском побережье, то предполагаемое местоположение Қәқулы также смещается к северу. Но если гипотеза С. К. Фатими верна, и Калāх находился в районе Кланга, то Қәқулу, возможно, следует искать гораздо южнее. В таком случае, она могла бы оказаться на пути Ибн Баттуты, следовавшего из Самудры через Малаккский пролив.

Б. Е. Коллесс, вслед за С. К. Фатими отождествляющий Калāх с Клангом, предлагает идентифицировать Қәқулу с Такуапой и островом Какао, название которого созвучно арабско-

¹ Хотя, в то же время, он допускает ее идентификацию с островами Бутанг, Лангави и Пинанг (*Wheatley* 1961: 59).

му топониму, а горы Қāқула – с хребтом Пхукет. Археологические находки в этом районе свидетельствуют о контактах с Ближним Востоком в IX-X вв. В окрестностях Тенассерима действительно есть корица, на перешейке Кра водится египетская цапля («белый сокол с красным хохолком?»), а шелк могли доставлять через перешеек из бухты Бандон (Colless 1969: 31, 34-37, 41). Однако и эта гипотеза не соотносится с маршрутом Ибн Баттуты. За исключением противоречащих друг другу Абу Дулафа и Ибн Баттуты, арабские источники не дают каких-либо точных указаний на местонахождение Қāқулы. Достоверность свидетельств обоих авторов представляется спорной, и можно заключить лишь, что имеющиеся сведения о Қāқуле слишком скудны для идентификации этого топонима.

Рāмнī / Лāмурī

(остров, острова, местность, город)

Сообщения о Рāмнī, Рāмī, Рāмīн или Лāмурī¹ можно встретить во многих арабских источниках начиная с «Известий о Китае и об Индии». Кроме того, этот топоним упоминается в южноиндийских надписях, Нагаракертагаме, «Седжарах Мелайю», свидетельствах Марко Поло и Одорико Порденоне, а также китайских текстах (Tibbetts 1979: 138-139; Chau Ju-Kua 1911: 72-75). Китайские источники XII-XIII вв. называют его в числе вассалов Сан-фо-ци – Шривиджайи – и описывают как место ожидания муссона на пути из Китая в Индию; из продуктов они называют красильное дерево, слоновую кость и ротан (Edwards McKinnon 1988: 105). «Известия о Китае и об Индии» дают следующее описание Рāмнī:

«В море [Харканда], если плыть по направлению к Серендїбу, есть острова... Среди них – остров, который называют Рāмнī. На нем несколько правителей, а протяженность его, как говорят, - восемьсот или девятьсот *фарсахов*. Там есть месторождения золота и местность, которая называется Фансūr... На этом острове... много слонов. Там есть красный сандал и бамбук, а также народ, который ест себе подобных. Омывают [Рāмнī] два моря – Харканд и Салāхит».

По свидетельствам Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха и ал-Мас‘уди, этот остров также располагался за Серендїбом (Цейлоном). Последний помещает Рāмнī в тысяче *фарсахов* от него, а Ибн ал-Факих и Абу Зейд, как и «Известия о Китае и об Индии», оценивают протяженность острова восемьсот *фарсахов*. Сообщения Ибн ал-Факиха и ал-Мас‘уди в целом схожи с пассажем из «Известий о Китае и об Индии» и, по-видимому, восходят к нему. Оба автора отмечают, что на Рāмнī несколько правителей, там есть месторождения золота и много слонов, на

---

¹ Большинство исследователей следом за Г. Ферраном воспринимают эти топонимы как разночтения одного. Однако С. К. Фатими полагает, что следует различать Лāмурī и Рāмнī, первый из которых располагался на пути в Китай, а второй – в стороне от него (Fatimi 1960: 95).

которых, по словам Ибн ал-Факиха, местные жители охотятся. Ал-Мас'уди также упоминает Қансӯр (Фансӯр) и каннибалов (о последних сообщает и Бузург ибн Шахрияр), а Ибн ал-Факих пишет, что остров омывается морями Салāхита и Харканда. И тот, и другой сообщают, что пищей жителям Рāmнӣ служит кокос. Схожее описание острова, восходящее к тому же источнику, можно найти у ал-Идриси, который также упоминает слонов, красный сандал и кокосы.

Ал-Мас'уди и Абу Зейд, включает Рāmнӣ в число владений Махарādжи. Из местных продуктов арабские тексты называют красильное дерево *баққам* (Абу Зейд, Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди, ал-Идриси), камфару (Абу Зейд и Ибн ал-Факих), бамбук (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди, ал-Идриси), сахарный тростник (ал-Идриси), красный гранат, сандал и мускатный цвет (Ибн ал-Факих). Из представителей местной фауны, помимо слонов, упоминают буйволов (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих), носорогов и человекообразных обезьян (Ибн Хордадбех и Бузург ибн Шахрияр), а также огромных муравьев (Бузург ибн Шахрияр).

Бузург ибн Шахрияр называет Рāmнӣ (в форме Лāmрӣ) островом, на краю которого лежит Серйра, и, в то же время, Лāmрӣ в «Чудесах Индии» - отдельная местность, наряду с Фансӯром. По словам Ибн Саида, Лāmрӣ - один из городов Джāўы, «хорошо известный путешественникам» и расположенный в западной части острова в устье реки, на одном меридиане с Фансӯром и на той же широте, что и Малāйур. Ад-Димашки упоминает море Лārўй, за которым помещает море Зāбадж, и город Лāўрӣ, расположенный к северу на побережье моря Махрādжа.

Сообщения о Рāmнӣ как об острове, который омывают два моря и на котором расположены такие местности, как Фансӯр и Серйра, позволяет отождествить этот топоним с Суматрой. Что касается Рāmнӣ как отдельной местности и города-порта, то большинство исследователей сходятся в том, что искать их следует на северо-западном побережье Суматры в окрестностях современного Банда Ачех (Tibbetts 1979: 139; Andaya 2008: 57). По мнению К. Р. Холла, торговый порт Лāмурӣ-Рāmнӣ существовал в средние века за счет торговли перцем и доминировал на северном побережье Суматры вплоть до XIII в., однако в XIV в. начал приходить в упадок и уступил свою роль Самудре (Hall 1981: 32).

Э. Э. МакКиннон предполагает, что изначально топоним Рāmнӣ/Лāмурӣ обозначал все северное побережье Ачеха, но впоследствии сузился до конкретной точки. В своей статье 1988 г. исследователь предлагает в качестве таковой Лхок Ламбаро, название которого содержит префикс *lam* (ачехс. «внутри, глубоко»), часто встречающийся в топонимике этого района. Исследователь также допускает, что Лхок Ламбаро – это новое поселение, возникшее после XVI в., когда древний Лāмурӣ ушел под воду (Edwards McKinnon 1988: 103, 110). В 2000-х гг. в Гампонг Ламрех и Кута Лебок (район Месджид Райа, округ Ачех Бесар) к востоку от Банда

Ачех были обнаружены мусульманские надгробия, а также стекло и керамика, свидетельствующие о существовании там средневекового поселения (Taqiyuddin Muhammad¹). Изучение находок до сих пор не завершено (в нем принимает участие в т. ч. и Э. Э. МакКиннон), однако на сегодняшний день этот участок северного побережья Суматры представляется вероятным кандидатом на отождествление с Ламурй арабских текстов.

Салāхит

(остров, море)

Салāхит обозначает в арабских текстах как остров, так и море. В отличие от других топонимов, варианты его написания не отличаются разнообразием – Салāхит, Шалāхит или Салāхит (хотя разные списки «Тысячи и одной ночи» содержат также такие варианты, как Калāсита, Салāмит). Ибн Хордадбех включает его в число трех островов (наряду с Джāбой и Харладжем), расположенных за Калāхом, в двух *фарсах* от Бālūса и подвластных одному правителю, исповедующему буддизм. Ал-Идриси, чьи сведения, очевидно, восходят к тому же источнику, помещает эти три острова за Калāхом и в двух *фарсах* друг от друга. «Муҳтасар ал-‘аджā’иб» содержит искаженный вариант того же сообщения – Салāхит в нем назван городом, расположенным на острове Джāба. По словам ад-Димашки, «остров Салāхит имеет триста миль в окружности и покрыт горами и лесами. Там в изобилии произрастают кокосовые пальмы».

Из местных продуктов Ибн Хордадбех и вторящий ему «Муҳтасар ал-‘аджā’иб» называют кокосы, бананы, сахарный тростник, сандал, нард и гвоздику, а ал-Казвини – нард, сандал и камфару. О сандаловом дереве, в изобилии произрастающем на острове Салāхит, говорится также в «Путешествиях Синдбада». Об амбре с Салāхита, имеющей превосходное качество, пишут ал-Йа‘куби, Ибн ал-Факих и Ибн Руста. Ибн ал-Факих упоминает также красный сандал из южных районов Салāхита, а Ибн Руста – кубебу. Ал-Казвини приводит в связи с этим островом два рассказа о чудесах:

«Говорят, что там есть рыба, которая выходит из моря, взбирается на деревья и высасывает сок из фруктов. Затем она падает на землю, как будто от опьянения, и люди подбирают ее». Он также сообщает, что «одно из чудес этого острова – это источник, из которого бьет вода. Поблизости расположено отверстие, через которое она течет. Всякий раз, как несколько ка-

¹ URL: <http://misykah.com/nisan-nisan-kerajaan-lamuri-di-lamreh-dan-kuta-leubok-aceh-besar-1/>

пель попадают на край этого отверстия, они становятся твердыми, как камни. Капли воды, упавшие днем, превращаются в белые камни, а упавшие ночью – в черные».

По свидетельству ал-Йа‘куби, корабли из Салāхитā пристают в порту Адена. Он также пишет о море Салāхит или Салāхитā: «Это большое море со множеством чудес». Географ называет это море пятым по счету и помещает между морями Калāх-бār и Кадрандж (по версии ал-Мас‘уди, эти два моря следуют друг за другом). Помимо ал-Йа‘куби, море Салāхит упоминают также автор «Известий о Китае и об Индии» и Ибн ал-Факих, по словам которых оно омывает Рāmнī наряду с морем Харканда – Бенгальским заливом.

Таким образом, арабские географы помещают Салāхит за Калāхом и Рāmнī, что указывает на область Малаккского пролива. Дж. Р. Тиббетс возводит этот топоним к малайскому *selat*, означающему «пролив» или Малаккский пролив в частности. Арабская форма, по мнению исследователя, может быть множественным числом от этого малайского слова. «Остров» Салāхит Дж. Р. Тиббетс предлагает искать на берегах Суматры или Малаккского полуострова в районе пролива. В качестве возможного местонахождения этой местности он предлагает группу островов (Бенкалис и др.), расположенных у восточного побережья Суматры и разделенных узкими проливами (Tibbetts 1979: 145). Дж. Е. Джерини помещает Салāхит севернее – в заливе Ару (Gerini 1909: 552).

Фансūr

(местность, остров, город)

О Фансӯре, известном источнике камфары, пишут как самые ранние авторы, так и поздние географы. «Известия о Китае и об Индии» и, вероятно, знакомый с ними ал-Мас‘уди помещают эту местность на Рāmнī(Рāmйн) или в его окрестностях, Ибн ал-Факих – в Зāбадже, Ибн Руста – в стране Махарāджи, Бузург ибн Шахрияр – на одном отрезке суши с Лāmрī, на берегу Наружного моря и в ста *фарсахах* от Нийāна, а Ибн Саид – в устье реки в юго-западной части острова Джāўа и на одном меридиане с Лāmрī. Бузург ибн Шахрияр располагает в области между Фансӯром и Лāmрī большой морской залив под названием Лўлў-Бīленк, который Дж. Р. Тиббетс отождествляет с заливом Телок Баланг (ачехс. Lhok Belang Raya) (Tibbetts 1979: 141). О происходившей из Фансӯра камфаре высокого качества сообщают «Известия о Китае и об Индии», Ибн ал-Факих, ал-Мас‘уди, Сухраб и Ибн Саид. Ал-Мас‘уди, Сухраб и Ибн Саид называют ее по названию местности *ал-фансӯрī* (или *ал-қансӯрī*), а Ибн ал-Факих добавляет к списку продуктов также гвоздику, сандал и мускатный орех. Бузург ибн Шахрияр населяет Фансӯр хвостатыми людоедами и *зарāфами*, а Ибн Руста пишет об обычае испытания огнем,

принятом у его жителей. По словам ал-Казвини, в Фансӯре есть вид рыб, которые без воды обращаются в камень, что переключается с сообщением об источнике в Салāхите.

Фансӯр упоминают многие средневековые источники – китайские, малайские, Марко Поло и другие европейцы. Исследователи почти единогласно отождествляют его с Барусом на западном побережье Суматры, также известным своей камфарой. Томе Пиреш отождествляет Барус, Панчур и Фансур как разные названия одного царства, а в окрестностях современного Баруса до сих пор есть деревня Пансур (Drakard 1989: 60, 75). Археологические находки в Лобо Туа недалеко от Баруса свидетельствуют о его участии международной торговле уже в VIII-IX вв. (Там же: 65). Арабские указания на местоположение Фансӯра – на побережье вблизи Рāмнй/Лāмрй (север Суматры) и Нийāна (Ниас) – полностью подтверждают его идентификацию с Барусом. Однако в ряде случаев Фансӯр встречается бок о бок с топонимами, расположенными вдоль Малаккского пролива. Это обстоятельство заставило О. У. Уолтерса и С. К. Фатими прийти к выводу о том, что производившие камфару внутренние районы острова имели выход также и на восточное побережье (Colless 1969: 27).

Бālūs

(остров)

Среди различных вариантов написания топонима – Бālūш, Джālūs, Хālūs, Нālūш и Нāқūs. Впервые он появляется у Ибн Хордадбега, которого затем копируют «Сокращение диковинок и чудес» и ал-Идриси. Ибн Хордадбег помещает Бālūs по левую сторону (к северу?) от Калāха и в двух днях пути от него, а также в двух *фарсах* от островов Джāба, Шалāхит и Харладж. Географ называет жителей острова людоедами, а из местных продуктов отмечает превосходную камфару, бананы, кокосы, сахарный тростник и рис. Согласно «Сокращению диковинок и чудес» Бālūs расположен не слева, а справа от Калāха, т. е. к югу от него. В путешествиях Синдбада остров Нāқūs находится в шести днях пути от Калāха и принадлежит его правителю, и на нем находится одноименный город протяженностью в два дня пути. Ал-Идриси помещает Бālūs в двух днях пути от Ниаса.

Многие исследователи, в том числе П. А. Ван дер Лит и М. Я. де Гье, отождествляют этот топоним с Барусом (Livres des merveilles de l'Inde 1883-86: 263; Kitāb al-masālik... 1889: 46). Основными аргументами в пользу такой точки зрения служат наличие там камфары высокого качества, а также предпочтение версии «Сокращения», помещающего Бālūs к югу от Калāха-Кедаха. Б. Е. Коллесс, сторонник идентификации Калāха с Клангом, напротив, придерживается версии Ибн Хордадбега. Бālūs исследователь также отождествляет с Барусом – но не областью на западном побережье Суматры, а более обширным регионом с выходом к Малаккскому про-

ливу (Colless 1969: 26-27). В этом он следует С. К. Фатими, который интерпретирует Бālūs как «батакский район Суматры, на западном краю которого расположен современный Барус» и относит свидетельства о каннибализме к батакам (Fatimi 1960: 72, 81, 95). О. У. Уолтерс также приходит к выводу, что средневековый Барус не ограничивался западным побережьем Суматры; с мнением о том, что этот топоним относился и к западному, и к восточному побережьям, соглашается Дж. Дракард (Drakard 1989: 58-59, 62).

Единственный, кто не принимает идентификацию Бālūs с Барусом, это Дж. Р. Тиббетс, который аргументирует это тем, что для обозначения Баруса у арабов уже был другой топоним – Фансūr. В качестве возможного местоположения Бālūs он предлагает острова в окрестностях Ниаса (в том числе Баняк), отмечая, все же, что этот топоним остается одним из самых неоднозначных и любая его идентификация может быть лишь предположительной (Tibbetts 1979: 141-143). О-ва Баняк, однако, вряд ли могли быть в двух днях пути от Калāха и входить в его владения. В то же время, очерченный С. К. Фатими регион, приблизительно соответствующий нынешней провинции Северная Суматра, отвечает указаниям и Ибн Хордадбега, и ал-Идриси. Его западные пределы близки к Ниасу, а восточные ограничены Малаккским проливом, где помещают Калāх, Джāбу и Шалāхит. Если Фансūr соотносим с современным Барусом на западном побережье острова, то Бālūs мог обозначать более обширный район, и эти два топонима, таким образом, не взаимоисключаемы и вполне могли сосуществовать. Об их параллельном использовании в более позднюю эпоху свидетельствует Томе Пиреш, который пишет, что одно и то же царство индийцы, персы и арабы называли Панчур, а суматранцы – Барус. Последнее находит подтверждение в Нагаракертагаме (XIV в.), которая упоминает топоним Барус (Drakard 1989: 71).

Нийāн

(остров)

Об острове Нийāн сообщают «Известия о Китае и об Индии», Бузург ибн Шахрияр и ал-Казвини. Также, в форме Бйнамāн, о нем упоминает ал-Идриси. Согласно «Известиям о Китае и об Индии», этот остров примыкает или следует за Рāmнй, на нем много золота, а местные жители употребляют в пищу кокос и натирают им тело, а также практикуют охоту за головами. Ал-Идриси, чьи свидетельства, по-видимому, восходят к этому сообщению, помещает Нийāн к югу от Рāmнй и также упоминает кокосы, которые там едят и «находят им различное применение». Географ также добавляет, что остров густонаселен, и там есть большой город.

Бузург ибн Шахрияр помещает Нийāн в Наружном море в ста *фарсахах* от Фансūra и называет его жителей людоедами. «Нийāнцы покупают за большие деньги слитки желтой меди

и берегают этот металл вместо золота. Желтая медь на Нийāне так же долговечна, как золото у нас, а золото у них совсем не имеет цены, как у нас желтая медь. За Нийāном находятся три острова, называемые Барāўа¹. Их жители тоже пожирают людей, собирают черепа, торгуют ими и берегут их». О каннибализме на Нийāне сообщает также ал-Казвини, который пишет: «На этом острове живут нагие белокожие люди изумительной красоты. Они прячутся высоко в горах из страха, что секрет их необыкновенной красоты будет раскрыт. Эти люди каннибалы».

Положение Нийāна к югу от Рāмнй-Северной Суматры и Фансўра-Баруса, да и простое созвучие указывают на его тождество с Ниасом. Жители острова до недавних пор практиковали охоту за головами. Золото и медь, ассоциировавшиеся с верхним и нижним мирами (Suzuki 1979: 215), действительно играли важную роль в культуре Ниаса. Из золота изготавливались многочисленные браслеты, серьги и другие украшения – маркеры социального престижа, которые демонстрировались в ходе ритуальных пиров (Scarduelli 1990: 459). Идентификация Нийāна с Ниасом, таким образом, не вызывает сомнений, и этот топоним можно назвать одним из немногих, чье местонахождение определяется с достаточной точностью.

Тийўма

(остров)

Упоминания о Тийўме можно найти в «Известиях о Китае и об Индии», у Ибн Хордадбега и ал-Идриси. Этот топоним встречается в различных вариантах написания – Тийўма, Фийўма или Қийўма в различных списках труда Ибн Хордадбега; Битўма в «Известиях о Китае и об Индии»; Тинўма, Шабарма или Сийўма у ал-Идриси. «Известия о Китае и об Индии» помещают Тийўму в десяти днях пути от Калāха, а Ибн Хордадбех – в пяти днях от Қмāра и по левую сторону (т. е., возможно, к северу) от Мāйиṭа. Ал-Идриси также располагает этот остров слева от Мāйиṭа, добавляя, что расстояние между ними – день пути.

«Из Калāх-бāра корабли направляются к месту, которое называется Тийўма. Там есть пресная вода для всех желающих, а расстояние дотуда – десять дней [пути]», - говорится в «Известиях о Китае и об Индии». По словам Ибн Хордадбега, на Тийўме есть индийское алоэ и камфара. Однако основной причиной знакомства арабов с этим островом, по-видимому, было его расположение на пути в Китай и наличие там пресной воды. Отождествление Тийўмы с островом Тиоман, в XVI в. использовавшемся с той же целью португальцами, в целом не вызывает споров у исследователей (Tibbetts 1979: 136). Только Дж. Е. Джерини соотносит этот топоним в форме Битўма с островом Пентам, Патен или Пантен, который упоминают Марко Поло и Одорико Порденоне, и идентифицирует их как нынешний остров Сингапур (Gerini 1905: 508-

¹ Дж. Р. Тиббетс полагает, что под топонимом Барāўа могут скрываться острова Бату, Ментавай или Баняк (Tibbetts 1979: 144).

509). Так или иначе, Тиоман представляется лучшим кандидатом на идентификацию с Тийūмой – на острове много ручьев и водопадов, и там были обнаружены археологические свидетельства его роли в международной торговле – керамика, монеты, бусы, стекло и пр. (датируемые, правда, только с нач. XI в.) (Martin 1985).

Мā'ит

(страна, остров)

Топоним Мā'ит или Мāйит (другие варианты написания - Мāбит, Мāфит, Мāқит) приводят Ибн Хордадбех, Бузург ибн Шахрияр и ал-Идриси. Ибн Хордадбех помещает его по правую сторону (т. е. к югу) от Тийūмы и недалеко от Джāбы, Бузург ибн Шахрияр – «в море около Ҷанфа и Серйры», а ал-Идриси – за Джāбой и также справа от Тийūмы и в дне пути от нее. Ал-Идриси также включает Мā'ит во владения правителя Джāбы. Из местных продуктов арабские авторы называют кокосы, бананы, сахарный тростник и рис (ал-Идриси), а также золото, хлопок и мед (Бузург ибн Шахрияр).

Бузург ибн Шахрияр приводит рассказ о птице, живущей на Мā'ите, и сообщает об этом острове следующее: «Корабли никогда не прибывают туда целыми; они приходят к острову в определенное время года, которое совпадает с периодом сильных бурь. Все, что привозится в эту страну, обертывается в кожи и крепко зашивается, чтобы товары не испортились от воды, когда судно разобьется». Однако из-за лакун в тексте нельзя утверждать с уверенностью, что последнее сообщение относится к Мā'иту. Местоположение этого топонима остается неясным. Схожий с ним Ма-и-тунг китайских источников отождествляют с архипелагом Риау или Бинтаном, однако Дж. Р. Тиббетс отмечает, что хлопок там не выращивали, и найти его можно только на юге Суматры и Яве (Tibbetts 1979: 147). М. Лаффан принимает мнение о местонахождении Мā'ита в южной части Малаккского пролива в районе Риау, но допускает, в то же время, и его отождествление с Явой (Laffan 2005: 44).

Барғайил

(остров)

Об острове Барғайил сообщают Ибн Хордадбех, «Сокращение диковинок и чудес», ал-Бируни, ал-Марвази, Йакут, ал-Казвини и ад-Димашки. О нем пишет также Ал-Масу'ди, не называя самого топонима, а в сказаниях о Синдбаде остров присутствует в искаженной форме Кāсил. Среди прочих вариантов написания, встречающихся в арабских текстах – Барғайил, Бū Тāйил, Зū Тāйил, Барғайил, а также Тāбйл и Тāййл. Ибн Хордадбех и копирующий его ал-Марвази называют Барғайил в числе островов, подвластных Махарāдже, правителю Зāбаджа.

Ал-Масу‘ди помещает его «рядом с горами у границ островных владений Махарādжи». Из продуктов упоминается гвоздика («Сокращение диковинок и чудес»).

По словам Ибн Хордадбега, на Барṭайиле обитают морские лошади и «оттуда всю ночь слышны звуки музыки и [бой] барабанов. Моряки утверждают, что там [обитает] Антихрист». Сюжет о громкой музыке и Антихристе повторяют все без исключения авторы. Их рассказы разнятся от кратких до более развернутых, с подробным перечислением видов музыкальных инструментов. Ал-Масу‘ди добавляет к флейтам и барабанам хлопки в ладоши и топот танцующих, а «Сокращение» отмечает, что лица их «подобны кожаным щитам» (вероятно, речь идет о масках). В связи с Антихристом остров Барṭайил упоминает также ал-Бируни, который пишет, что тот появится именно оттуда.

В целом, из свидетельств источников нельзя заключить ничего о местонахождении Барṭайила, кроме того, что этот остров относится к Малайскому архипелагу. Единственный ориентир – горы у границ островных владений Махарādжи – бесполезен без других указаний. Традиционные музыка и танцы, описанные арабскими авторами, распространены по всей Индонезии, а легенды о пришествии Антихриста с востока (необязательно из Юго-Восточной Азии) встречаются во многих арабских текстах. Тем не менее, присутствие этого топонима в самых ранних источниках предполагает, все же, его принадлежность западной части Архипелага. Среди возможных вариантов идентификации Барṭайила, предлагавшихся исследователями – Бали, Риау, Банда и остров в устье р. Перак (Tibbetts 1979: 178; Gerini 1909: 558-559). Стоит отметить также, что арабский топоним Барṭайил соотносится с островом Барти’у из армянской географии IX в., который М. Лаффан отождествляет с Йабадиу Птолемея (Laffan 2005: 33).

Харандж

(остров)

Разночтения в написании топонима включают Харладж, Хаўладж, Харādж, Харйдж и Хазладж. Исследователи предпочитают форму Харандж, встречающуюся преимущественно в медицинских трудах, из-за ее сходства с малайским Harang. Ибн Хордадбег помещает большой остров под названием Харладж за Калāхом и Бālūсом, в двух *фарсах* от последнего, и рядом с Джāбой и Шалāхитом, а из его продуктов называет кокосы, бананы и сахарный тростник. Ибн Руста, вероятно, цитирующий полную версию «Книги путей и стран», также помещает Харандж за Салāхитом и отмечает, что это не название самого острова, а имя его правителя – военачальника Махарādжи, которому принадлежит и остров Ṭayārān – источник камфары. О камфаре из самого Харанджа упоминает Сухраб, который называет это место «малым Китаем».

Свидетельство ибн Хордадбеха о трех островах за Калāхом – Джāбе, Салāхите и Харандже, объединенных под властью одного правителя, повторяет ал-Идриси. Однако географ утверждает, что по два *фарсаха* отделяет острова друг от друга, а не все их от Бālуса. Ал-Идриси также упоминает об огромной пропасти, расположенной на этом острове. Ни пропасть, ни камфара не дают точных указаний на местоположение Харанджа, однако его близость к Джāбе и Салāхиту и подвластность Махарāдже помещают его в область Малаккского пролива.

Дж. Р. Тиббеттс предлагает искать Харандж на архипелагах Риау и Лингга или на побережье Суматры в этом районе (Tibbetts 1979: 146). Он отмечает также, что если Харандж, как о том свидетельствует Ибн Руста, был не топонимом, а титулом правителя, то как топоним он мог не сохраниться. Дж. Е. Джерини интерпретирует этот титул как *Hiranyaksa* (Gerini 1909: 551). С. К. Фатими отождествляет Харандж с Ару, однако его аргументация остается неизвестной (Fatimi 1960: 72).

Бинтан

(пролив и острова)

Ибн Саид описывает не только Джāйу-Суматру, но и области к востоку от нее. Его свидетельства содержат несколько топонимов, ранее в арабских источниках не встречающихся. Бинтан, опасный для путешественников, географ помещает рядом с Джāйой в мелком узком проливе между двумя мысами. Бинтан – это сам пролив с расположенными в нем небольшими островами, населенными пиратами. Поблизости Ибн Саид располагает острова Қāмрӯн:

«На подступах к Бинтану попадают на острова Қāмрӯн. Правитель живет на крупнейшем из них, расположенном к востоку от Джāйы. Название города, Қāмрӯн, – это также и наследственный титул царя... К западу расположены многочисленные маленькие острова... являющиеся частью Джāйы. Там есть индийские лекарства и олово *ал-қал'й*. Среди этих островов – остров вулкана... Также среди этих островов – остров Махӯк, внутренних районов которого еще никому не удавалось достичь. За южными островами Қāмрӯн находятся горы Камфары, которым нет числа. Они принадлежат Қāмрӯн, но были захвачены китайцами – точнее, те из них, что расположены близко к их берегам».

Описание Бинтана соответствует современному одноименному топониму и области Сингапурского пролива. Однако местонахождение прочих описанных Ибн Саидом островов представляется неясным. Қāмрӯн могут быть островами Каримун, а острова с месторождениями олова у берегов Джāйы – частью архипелага Лингга (Tibbetts 1979: 150; Laffan 2005: 37). Горы Камфары Дж. Р. Тиббеттс предлагает искать на Малаккском полуострове, побережье которого арабы могли считать частью Китая (Там же). Что касается острова Махӯк, то его идентифи-

кация затруднительна. Недоступность его внутренних районов можно трактовать как свидетельство о больших размерах острова, однако такая интерпретация необязательна.

Каримата

(остров, острова)

Об острове или островах Каримата пишут поздние географы – ал-Идриси, Ибн Саид и ад-Димашки. Наиболее часто встречающаяся форма этого топонима – Каримаўа. В списках труда ал-Идриси он встречается в различных вариантах написания, однако цитирующий географа Ибн Саид передает его как Каримата, что соответствует современному названию. По словам ал-Идриси, этот остров расположен рядом с Зāбаджем, а его жители – *нархйн* или *бўмиййн* – чернокожи, одеваются в накидки и *фўты*, воинственны и промышляют пиратством.

Ибн Саид также пишет о чернокожих пиратах, населяющих острова Каримата окружностью в 330 миль, и помещает последние рядом с Зāбаджем, а также к югу от Острова Обезьян. В то же время, географ смешивает Каримата с островами у восточноафриканского побережья в районе Килвы¹. Ад-Димашки почти сходится с Ибн Саидом в оценке территории, занимаемой Каримата – 300 миль в окружности – и помещает на них три больших города. Из продуктов островов он называет сахар и шелк, добываемые из дерева под названием *ал-‘ушар*.

Бўмиййн, или, точнее, *бўмийўн* может быть арабским множественным от малайского *buti* – земля, часто служащего компонентом самоназваний местного населения (Laffan 2005: 37). Дерево *ал-‘ушар* – *Calotropis syriaca* из рода ваточников, плоды которого содержат пух – распространено преимущественно в Африке и на Ближнем Востоке (Tibbetts 1979: 149-150). Его упоминание, вероятно, связано со сближением Малайского архипелага с Африкой, характерным для ал-Идриси и Ибн Саида.

***

Выше были рассмотрены основные средневековые арабские топонимы, имеющие отношение к малайско-индонезийскому региону. За рамками обзора остались такие неопределенные географические названия, как Острова Пряностей, Горы Камфары или Страна Перца, а также спорные топонимы, вобравшие в себя характеристики разных регионов. Среди последних – различные производные от корня *кмр*, в описаниях которых материал, очевидно относящийся к Юго-Восточной Азии, перемежается со сведениями о Камбодже и Мадагаскаре, а также ост-

---

¹ Килва – остров у побережья Восточной Африки и расположенный на нем средневековый султанат.

рова Ўқўяқ, которые соединяют в себе черты восточноафриканских островов, Восточной Азии и Малайского архипелага.

Несмотря на то, что после X в. арабские описания Юго-Восточной Азии передают преимущественно устаревшие сведения, можно видеть, что новые топонимы в них все же появляются и позволяют судить об изменении политических и культурных реалий в регионе и постепенном расширении знакомства с ним арабов. Старые топонимы, как правило, не исчезают и продолжают встречаться в географической литературе вплоть до конца рассматриваемого периода – в первую очередь, благодаря копированию предшествующих работ. Поэтому сложно судить, были ли эти топонимы по-прежнему в употреблении на момент составления упоминающих их поздних географических трудов.

Топоним	IX в.	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.
Острова Махараджи	Ибн Хордадбех	Абу Зейд, ал-Мас‘уди, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, Бузург ибн Шахрияр, «Сокращение диковинок и чудес»		Ал-Идриси, ал-Марвази	Ибн Саид	Ад-Димашки, Абу-л-Фида
Забадж	«Известия о Китае и об Индии», Ибн Хордадбех	Абу Зейд, ал-Мас‘уди, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, Бузург ибн Шахрияр, «Сокращение диковинок и чудес», Сухраб	Ал-Бируни	Ал-Идриси, ал-Марвази	Йакут, ал-Казвини, Ибн Саид	Ад-Димашки
Срибуза / Серйра		Абу Зейд, ал-Мас‘уди, Бузург ибн Шахрияр, «Сокращение диковинок и чудес»	Ал-Бируни	Ал-Идриси, ал-Хараки	Йакут, Ибн Саид	Абу-л-Фида
Джаба	Ибн Хордадбех	«Сокращение диковинок и чудес»		Ал-Идриси		
Джаўа					Йакут, Ибн Саид	Абу-л-Фида, Ибн Баттута
Мул Джаўа						Ибн Баттута
Малайур / Малайў		Бузург ибн Шахрияр			Ибн Саид	Ад-Димашки
Калāх	«Известия о Китае и об Индии», Ибн Хордадбех	Абу Зейд, Абу Дулаф, ал-Мас‘уди, Бузург ибн Шахрияр, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, «Сокращение диковинок и чудес», Сухраб, «Путешествия Синдбада»	Ал-Бируни	Ал-Идриси, ал-Хараки	Йакут, Ибн Саид	Ад-Димашки, Абу-л-Фида
Қақула	Ал-Йа‘куби	Бузург ибн Шахрияр, Абу Дулаф		Ал-Идриси	Ал-Казвини, Ибн Саид	Ибн Баттута

Рамнй / Ламурй	«Известия о Китае и об Индии», Ибн Хордадбех	Абу Зейд, Ибн ал-Факиха, ал-Мас'уди, Бузург ибн Шахрияр		Ал-Идриси	Ибн Саид	Ад-Димашки
Салāхит	Ибн Хордадбех, «Известия о Китае и об Индии», ал-Йа'куби	Ибн ал-Факих, Ибн Руста, «Сокращение диковинок и чудес», «Путешествия Синдбада»		Ал-Идриси	Ал-Казвини	Ад-Димашки
Фансӯр	«Известия о Китае и об Индии»	Ибн ал-Факих, Ибн Руста, ал-Мас'уди, Бузург ибн Шахрияр, Сухраб			Ибн Саид, ал-Казвини	Абу-л-Фида
Балӯс	Ибн Хордадбех	«Путешествия Синдбада», «Сокращение диковинок и чудес»		Ал-Идриси		
Нийāн	«Известия о Китае и об Индии»	Бузург ибн Шахрияр		Ал-Идриси	Ал-Казвини	
Тийӯма	«Известия о Китае и об Индии», Ибн Хордадбех			Ал-Идриси		
Мā'ит	Ибн Хордадбех	Бузург ибн Шахрияр		Ал-Идриси		
Барғайил	Ибн Хордадбех	«Путешествия Синдбада», «Сокращение диковинок и чудес»	Ал-Бируни	Ал-Марвази	Йакут, ал-Казвини	Ад-Димашки
Харандж/Харладж	Ибн Хордадбех			Ал-Идриси		
Бинтан					Ибн Саид	
Каримата				Ал-Идриси	Ибн Саид	Ад-Димашки

Из таблицы видно, что лишь немногие топонимы появляются в арабских свидетельствах о регионе после X в. – это Джāйа, Мул Джāйа, Бинтан, Каримата и Малāйур. Примечательно, что все они, за исключением Мул Джāйы (знакомой лишь Ибн Баттуте и персидским авторам), присутствуют в сообщениях Ибн Саида, а некоторые из них он вводит первым. Можно предположить, что Ибн Саид, в отличие от большинства поздних авторов, имел доступ к современным ему источникам по Юго-Восточной Азии. Если знакомство арабов с Каримата свидетельствует об их продвижении на восток, то поздний топоним Джāйа отражает скорее замену одного географического понятия другим. С его появлением в арабских текстах из них пропадает Джāба Ибн Хордадбега, и если лингвистические доводы М. Лаффана верны, то Джāйа представляет собой новую форму этого топонима (Laffan 2005: 9-11). Поздним дополнением к арабской топонимике малайского мира представляется также Малāйур Ибн Саида, соотносимый в большей

мере со своими аналогами в европейских и китайских источниках, чем с морем Малāйū/Малāйū из «Чудес Индии».

Подавляющее большинство топонимов, циркулировавших в арабском географическом дискурсе о Юго-Восточной Азии на протяжении более чем шести веков, восходит к двум сочинениям IX в. – «Известиям о Китае и об Индии» и «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега, т. е. к самым ранним из известных нам источников. Многие местности упоминаются в обоих текстах, некоторые – лишь в одном из них. Только Қāқула впервые встречается у другого автора IX в. – ал-Йа‘куби. Все эти топонимы продолжают использоваться авторами X в., а в XII в. значительная часть их попадает в книгу ал-Идриси, из которой, в свою очередь, их заимствуют некоторые из последующих географов. Новых топонимов ал-Идриси почти не приводит, опираясь, преимущественно, на тексты IX-X вв., и можно предположить, что популярность его труда во многом способствовала закреплению в арабских географических представлениях о Малайском архипелаге топонимики этого периода.

Рассмотренные источники демонстрируют знакомство средневековых арабов, главным образом, с западной частью малайского мира – Суматрой и Малаккским полуостровом. Арабские топонимы для региона локализуются на побережьях и островах вдоль Малаккского пролива и далее на пути в Китай, а также у западного побережья Суматры, куда направлялись экспедиции с Цейлона (Tibbetts 1957: 14, 21). Общее представление о севере и западе Суматры и западном побережье Малаккского полуострова (и некоторых островах у восточного) демонстрируют уже тексты IX в. Свидетельства X в. отражают увеличение арабского присутствия в западной части Архипелага, но не продвижение на восток – даже о. Тиоман более не упоминается. Скорее всего, первоочередное значение для арабов имел путь в Китай (Laffan 2005: 44), а товары с восточных островов были доступны им и в портах Малаккского пролива.

Временное прекращение непосредственных контактов с Китаем и концентрация международной торговли в Малаккском проливе, по-видимому, способствовали более тесному знакомству арабов с восточным побережьем Суматры и столицей Шривиджайи. Авторы X в. впервые упоминают Срибузу, которая с этого времени повсеместно фигурирует в описаниях региона наряду с Зāбаджем. Сохранялась также торговля с северо-западными районами Суматры, а со второй половины X в. возобновились плавания из Малаккского пролива в Китай. Дальнейшее расширение арабских знаний об Архипелаге было бы закономерным, однако географы XI-XIV вв. не демонстрируют знакомства с островами к востоку от китайского маршрута. В первую очередь, это связано с отрывом теории от практики, характерным для арабской географии постклассического периода, и отсутствием нового материала в поздних описаниях региона. Важным фактором служит также сегментация торгового пути, соединявшего Восток и Запад в

позднее средневековье (Hall 1981: 45). В перевалочных портах западной части Архипелага пересекались две обширные торговые зоны, а к востоку от Малаккского пролива возрастала роль китайцев, что делало продвижение далее на восток нецелесообразным для большинства арабских торговцев.

Можно выделить три основных прибрежных зоны, знакомых арабам. Во-первых, это северо-запад Суматры, представленный такими топонимами, как Рāmнй/Лāмурй, Фансӯр и Нийāн. Еще одну зону составляет западное побережье Малаккского полуострова, на разных участках которого исследователи ищут Калāх и Қāқулу. К третьей группе топонимов можно отнести Зāбадж, Срибузу, Джāбу, Салāхит и Малāйур, имеющие отношение к восточному побережью Суматры и области пролива. В то же время, Зāбадж, Джāба, Джāўа, Мул Джāўа и острова Махарāджи выступают не сколько топографическими, сколько региональными понятиями, отражающими представления об их политической или культурной общности.

За исключением ал-Идриси и некоторых его последователей, большинство арабских авторов, пишущих о Юго-Восточной Азии, придерживаются «линейной» географической концепции (Brauer 1995: 37). Регион описывается с точки зрения наблюдателя, находящегося на поверхности земли, а не смотрящего сверху на карту: порты, острова и страны располагаются друг за другом вдоль морских путей, справа или слева, «примыкают» друг к другу. Такая картина региона, представленного в виде сети маршрутов, соединяющей точки-порты, вполне отражает опыт арабских путешественников, передвигавшихся по нему преимущественно по воде.

Для островов и государств указывается их протяженность, но не площадь. Страны представляются не строго очерченными участками земной поверхности, а скорее зонами политического влияния, владениями определенного правителя. Некоторые топонимы оказываются привязанными не столько к физическому местоположению на карте, сколько к своей роли как политического центра или центра международной торговли – возможно, этим объясняются возможные перемещения Зāбаджа между Явой и Суматрой, а Калāха и Қāқулы – вдоль побережья Малаккского полуострова. Иногда географические понятия отражают также и культурные реалии, как это происходит, например, в случае с мусульманской Джāўой и «языческой» Мул Джāўой у Ибн Баттуты.

Глава IV.

Историко-этнографические сюжеты в средневековых арабских свидетельствах о малайском мире

Помимо географического материала, арабские тексты содержат существенный объем историко-этнографических сведений о средневековом малайском мире. Большая часть информации восходит к сер. IX-X в., поскольку более поздние авторы преимущественно копируют раннесредневековые источники, и некоторые сюжеты повторяются от произведения к произведению вплоть до XV в. Сугубо исторические сведения представлены в арабских описаниях региона довольно скудно. Значительно больший объем материала в них имеет отношение скорее к этнографии – это и рассказы об отдельных обычаях, и описания народов, населяющих ту или иную область. Последние нередко содержат сведения о внешнем облике, одежде, пище и религии жителей малайско-индонезийского региона.

Свидетельства о Юго-Восточной Азии часто можно найти в тех главах арабских географических трудов, которые посвящены «индийским» землям и островам или «индийским» царям. Это связано с тем, что в раннее средневековье термин *ал-Хинд* («Индия») включал не только Индостан, но и «Индийские острова» (Fatimi 1963: 122-123). Восточные границы Хинда простирались вплоть до Китая, и многие авторы, в том числе Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, Йакут и ал-Казвини, включали в него также и Кхмерское царство.

Деление известного мира на царства или области – своего рода культурные зоны – характерно для арабской описательной географии и восходит к иранской традиции. Таких областей выделяли обычно семь – царства арабов, персов, румийцев, индийцев, турков, зинджей и китайцев (Hodgson 1977: 456). Границы огромной индийской зоны отражали не столько политические, сколько культурные реалии, а между населявшими ее народами не делалось больших различий. Сильное влияние на арабское восприятие Индии-Хинда оказала также античная традиция с ее представлением о ней как о мире чудес, населенном диковинными животными и экзотическими народами (Ле Гофф 2002: 171-172). Если в античной литературе речь изначально шла о западных областях собственно Индии, то со временем образ волшебной страны на границах известного мира распространился и на «индийские» острова, где мореплаватели сталкивались со схожими природными условиями и индианизированными культурами.

Большая часть арабских географов помещает острова Малайского архипелага на восточных окраинах *ал-Хинда*, примыкающих к Китаю. По словам ал-Мас‘уди, Зāбадж занимает промежуточное положение между Индией и Китаем, но относится к первой: «Эта страна отделяет Индию от Китая и считается частью Индии». Ал-Бируни помещает острова Зāбадж на востоке

«ближе к пределам Китая», а Абу Дулаф называет Калāх началом Индии. Лишь Йакут пишет, что Джāўа – это первая часть Китая, но, в то же время, отмечает, что эта страна похожа на Индию. Калāх он, как и Абу Дулаф, помещает на краю Индии, а Зāбадж – «на границе индийских земель... и на границе с Китаем». Географическое положение Юго-Восточной Азии, таким образом, определяется между Индией и Китаем, но ее культурная общность с Индией отмечается большинством авторов.

Исторический материал по региону в арабских источниках, как правило, сводится к упоминанию о наличии в той или иной местности правителя, зависимости одного государства от другого или их подчинения общему сюзерену. Личные имена правителей почти не встречаются, многократно упоминается лишь титул властителя Шривиджайи – Махарāджа. Помимо этого, можно назвать титул правителя Зāбаджа – *фатиджаб*, известный только со слов Ибн Хордадбега, а также имена правителей Сри Нāтā Калāх, упоминаемого Бузургом ибн Шахрияром, Харладжа, которого Ибн Руста называет командующим армией Махарāджи, и Тāўарāна, упоминаемого в «Мухтасар ал-‘аджā’иб». Единственным описанием исторического события, которое можно найти в арабских текстах до «Путешествия» Ибн Баттуты, является рассказ Абу Зейда о карательном походе Махарāджи на Кхмерское царство, молодой правитель которого неосторожно высказывает желание увидеть голову Махарāджи перед собой на блюде. Махарāджа неожиданно нападает на Қмār, захватывает дворец, убивает правителя и возводит на его трон другого, но не грабит страну и возвращается в свое царство:

«Весть [о случившемся] дошла до царей Индии и Китая, и Махрāдж возвысился в их глазах. С тех пор правители Қмāра, вставая по утрам, стали обращать лицо в сторону страны Зāбадж, совершать поклон и возносить хвалу Махрāджу». Рассказ Абу Зейда содержит описание дворца Махарāджи и сюжет о пруде с золотыми слитками:

«[Вот] одна из поразительных вещей, дошедших до нас в рассказах об этом острове, известном как Зāбадж. Дворец одного из их царей – Махрāджа, [правившего] в давние времена, выходил на *салāдж*, сообщавшийся с морем. *Салāдж* – это русло реки, подобное руслу [Тигра, на котором стоят] Багдад и Басра. В прилив его затопляет морская вода, а в отлив вода в нем пресная. С ним сообщался небольшой пруд, расположенный рядом с царским дворцом. Каждое утро перед [Махрāджем] предстал казначей с золотым слитком в форме кирпича, а сколько *маннов* в [том слитке] – мне неизвестно, и в присутствии правителя бросал его в пруд. Во время прилива вода покрывала этот и другие скопившиеся там слитки, а в отлив отступала, обнажая их. Они сверкали на солнце, а царь любовался на них, восседая на террасе, обращенной к [пруду].

Каждый день в пруд бросали золотой слиток – до тех пор, пока был жив правитель, и никто к ним не прикасался. Когда же тот умирал, то его преемник вынимал [слитки] все до единого. Их пересчитывали, а затем плавил и распределяли между членами царской семьи, мужчинами и женщинами, их детьми, военачальниками и слугами, в зависимости от их ранга и привилегий, полагавшихся каждой из категорий. А то, что оставалось после этого, раздавали бедным и немощным. Число золотых слитков и их вес записывали, и говорилось, что такой-то правил столько-то лет и оставил после себя столько-то золотых слитков в царском пруду, а после его кончины они были разделены между его приближенными. И тот пользуется почетом, кто правил дольше и оставил в наследство больше золотых слитков».

Рассказ Абу Зейда почти слово в слово повторяет в своих «Золотых копиях» ал-Мас‘уди, лишь меняя местами пассажи о походе и пруде с золотыми слитками. Сообщение носит полуполюгендарный характер и не содержит ни дат, ни имен действующих лиц – правителей Қмāра и Зāбаджа. Тем не менее, оно отражает войны Шайлендров с Камбоджей, вероятно, имевшие место в VII-IX вв. Рассказ Абу Зейда соотносят со свидетельствами пребывания на Яве основателя Ангорской империи Джайявармана II (Jordaan, Colless 2009: 61 – по: Захаров 2010: 291; Холл 1958: 89). Источники свидетельствуют о набегах пиратов с «Явы» на побережья Индокитая, в частности, Аннам и Чампу, во второй половине VIII в. Кхмерские надписи соответствующего периода не сообщают ничего об описанных Абу Зейдом событиях, однако позднейшая сунданская хроника приписывает матарамскому правителю Санджайе завоевание Камбоджи, а кхмерская надпись более позднего периода упоминает о возвращении с Явы Джайявармана II, предшествовавшем его восшествию на престол (Briggs 1951: 66-68).

Историки склонны доверять арабскому свидетельству, отождествляя обезглавленного правителя с Махипативарманом, а его преемника – с Джайяварманом II, который был, таким образом, избран министрами последнего и посетил Яву для принесения присяги махарадже (Там же: 69). Имя правителя из династии Шайлендров остается неясным, не установлены и даты похода. Однако известно, что в 802 г. Джайяварман II объявил о независимости Камбоджи и правил приблизительно до 850 г., и, следовательно, описываемые Абу Зейдом события можно датировать концом VIII в.

Что касается сюжета о пруде с золотыми слитками, то его кратко упоминает также Ибн Хордадбех: «Ежедневный доход Махарādжи составляет двести *маннов* золота, из которого он берет один слиток и бросает в воду, говоря: “Это моя сокровищница”». Еще одну версию этого рассказа можно найти у позднего автора – Ибн Саида (по всей видимости, использовавшего несохранившийся источник, восходящий к тем же IX-X вв.):

«Дворец [Махарādжи] стоит на широком канале, дно которого выложено серебром. Оба конца его перекрыты, так что ничего из того, что находится внутри, не может попасть наружу... Один единственный кирпич кладут с одной стороны, а кирпичи, отмечающие годы, – с другой. Чтобы узнать, сколько правил царей, нужно сосчитать одиночные кирпичи. Узнать же срок правления настоящего правителя можно по указателю. [Слитки] никогда не смещают, ведь они находятся в месте, куда падают солнечные лучи на восходе, и по утрам сияют из под воды. Там есть корунды, изумруды и жемчужины, в обладании которыми [Махарādжа] соревнуется с другими царями, и которые составляют предмет его гордости. Это место – его сокровищница...».

Сообщения арабских авторов о водоеме – сокровищнице Махарādжи – противоречат свидетельству шривиджайской надписи Сабокингкинг о том, что правитель Шривиджайи хранил свое золото «внутри дома». Р. Е. Йордан и Б. Е. Коллес трактуют это несоответствие в пользу отождествления Зāбаджа не с Шривиджайей, а с империей Шайлендров (Захаров 2010: 291). Индийский обычай хранить золотые слитки в пруду Р. Е. Йордан рассматривает как свидетельство иноземного происхождения династии Шайлендров (Jordaan 2006: 13).

События политической истории Юго-Восточной Азии находят достаточно слабое отражение в арабских источниках. Можно предположить, что информация о них доходила до Ближнего Востока с опозданием и не представляла большого интереса для арабских авторов и их читателей. Упоминания о политических реалиях региона, в большинстве своем, отрывочны, а их датировка часто не представляется возможной. Как правило, они служат частью статичного географо-этнографического описания, скомпилированного из сведений, накопленных за значительный промежуток времени. Хронологический аспект, таким образом, не играет важной роли в повествовании, и в задачу автора не входит последовательное описание каких-либо исторических событий. Сообщение о походе Махарādжи на Камбоджу – один из немногих исторических рассказов – носит скорее поучительный характер и призван поведать о могуществе этого правителя и его государства.

В целом, рассказы о богатстве и обширности Шривиджайи – достаточно длительного явления в малайской истории – занимают важное место в свидетельствах источников IX-X вв. и копирующих их позднейших авторов. Быстро менявшиеся исторические условия региона, по видимому, не успевали проложить свой путь в арабскую литературу. Какие-то выводы можно делать на основе появления в арабских трудах новых топонимов, однако следует учитывать, что компилятивный характер этих текстов способствовал и сохранению в них названий давно исчезнувших политических образований, и смешению информации о разных государствах.

Гораздо более яркое отражение в арабских текстах имеет история торговых связей Малайского архипелага и Малаккского полуострова с другими странами. Весь корпус арабских

знаний о регионе служит памятником этих контактов и важнейшим источником по истории проникновения арабов в Юго-Восточную Азию. Торговля была важнейшим стимулом для путешествий, она же занимает центральное место в сообщениях об Архипелаге – описания торговых путей и перечни товаров составляют значительную их часть.

Обилие в арабской литературе сведений о тех или иных малайских портах свидетельствует об их интенсивных торговых связях с Ближним Востоком – в первую очередь, портами Персидского залива. Многие авторы, в том числе ал-Мас‘уди, упоминают и о торговле региона с Китаем. «Говорят, что когда дела в Китае нарушились из-за восстаний, а в Индии усилились тирания и беспорядки, китайцы перенесли свою торговлю в Зāбадж и на подвластные ему острова и установили контакты с местными жителями, по причине их честности, крайнего дружелюбия, вежливости и гибкости их торговли. Поэтому остров так густо населен, и его часто посещают иностранцы...» – сообщает ал-Идриси, отражая, вероятно, торговую экспансию сунского Китая в Юго-Восточную Азию в XI-XII вв. (Wade 2009: 229-230) Есть свидетельства, что во времена Шривиджайи на юге Суматры существовала община китайских торговцев (Lombard-Salmon 2002). Схожее сообщение о том, что жители острова Джāўа «хорошо известны своим обращением с чужестранцами», можно найти у Ибн Саида.

Яркую картину арабской торговли в малайских водах рисуют «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра. Рассказы моряков и купцов описывают многочисленные торговые экспедиции к берегам Юго-Восточной Азии и отражают реалии той эпохи. В том числе, Бузург ибн Шахрияр приводит известный рассказ о еврейском купце Исхāќе ибн ал-Йахўди, нашедшем свою гибель на Малайском архипелаге: «Когда он прибыл в Серйру, местный правитель потребовал от него взятку в двадцать тысяч динаров, иначе он грозил задержать еврея и не пропустить его в Китай. Купец отказался. Тогда правитель ночью подослал к нему тайного убийцу, а корабль и все его имущество забрал себе».

В арабских источниках можно также найти упоминания о событиях, повлиявших на торговлю в регионе. О сокращении маршрутов арабских судов до Калāха после событий 879 г. в Гуанчжоу свидетельствует Абу Зейд («Туда в наши дни ходят корабли из Омана, а оттуда – в Оман»). Об этом же пишет ал- Мас‘уди: «В наши дни [до Калāха] ходят корабли мусульман из Сирафа и Омана, встречаясь там с теми, кто прибывает на своих судах из Китая. Иначе было в прежние времена, когда корабли из Китая ходили в Оман и Сираф, к берегам Персии и Бахрейна, в Убуллу и Басру, а корабли из этих мест – в [Китай]. Но исчезла справедливость и стали дурными намерения, а случилось это из-за событий в Китае, и корабли с двух сторон стали встречаться [в этой местности] на полпути».

Арабские путешественники в своих странствиях сталкивались как с развитыми индианизированными культурами прибрежных городов-государств, так и с племенами охотников и собирателей. Все это способствовало формированию в арабской литературе противоречивого образа островной Юго-Восточной Азии. С одной стороны, географы сообщают о несметном богатстве Махарādжи и его огромном флоте, о многочисленном населении его страны, множестве городов и сел, об оживленной торговле и развитом земледелии, о храмах и статуях. Образ высокой цивилизации рисует ал-Идриси: «Этого царя называют Джāба, он носит плащ и диадему из золота... Его изображение чеканят на монетах. Он очень почитает Будду... Царский храм очень красив и снаружи облицован мрамором. Внутри и вокруг храма можно увидеть идолов из белого мрамора, голова каждого из которых украшена золотой короной».

И, в то же время, арабские источники сообщают о нагих туземцах, которые прячутся в зарослях «подобно диким зверям». «Его обитатели внешне похожи на обычных людей, но их обычаи подобны нравам диких животных» – пишет Йакут о Зāбадже. Нередко встречаются упоминания о каннибализме. «Говорят, что на острове, который называется Малджāн есть чернокожий нагой народ. Если они находят чужеземца, то подвешивают его вниз головой, режут [на кусочки] и съедают сырым» - говорится в «Известиях о Китае и об Индии». Этот источник и ал-Мас‘уди сообщает также о каннибалах на Рāmнй, Ибн Хордадбех относит к ним жителей Бālўса, а ал-Казвини – Ниаса и расположенных за ним островов.

По словам Ибн Хордадбега, в море также есть остров «где обитают черные кудрявые люди, которые поедают людей живьем, разрезая их на кусочки». Свидетельства о каннибализме среди жителей Рāmнй и Бālўса, скорее всего, относятся к батакам, с которыми его ассоциировали и в последующие эпохи. Предполагают, что слухи о каннибализме могли распространяться самим народом во избежание проникновения иностранцев в их земли, или же прибрежным населением – ради сохранения своей роли посредников (Andaya 2002: 367).

Большой пассаж о каннибалах содержится в «Чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра:

«Рассказал мне Мухаммад ибн Бāбишād, будто на острове Нийāне... также живут людоеды. Они собирают человеческие черепа, и каждый гордится, если у него много таких черепов... За Нийāном находятся три острова, называемые Барāўа. Их жители тоже пожирают людей, собирают черепа, торгуют ими и берегут их. Мне говорили, что жители Фансўра, Лāмрй, Калāха, Қāқулы, Санфйна и окружающих стран занимаются людоедством, но едят они исключительно своих врагов из неприязни к ним, а не по причине голода. Человеческое мясо они нарезают ломтями, готовят его всевозможными способами и едят с вином как лакомство».

Рассказ об охоте за головами у жителей Ниаса есть также в «Известиях о Китае и об Индии»: «Если один из них захочет жениться, то не может вступить в брак, пока не добудет голову

врага. Если он убьет двоих, то женится на двоих, и так же если убьет пятьдесят [врагов], то берет в жены пятьдесят женщин – в обмен на пятьдесят черепов. Причина этого в том, что враги их многочисленны, а тот, кто отваживается на убийство, наживает их себе еще больше».

Охота за головами характерна для ряда народов малайского мира, в том числе батаков, даяков и тораджей, а жители Ниаса практиковали этот обычай вплоть до XX в. Черепа убитых врагов выставлялись в балае в качестве военных трофеев и служили неотъемлемой частью многих ритуалов (Scarduelli 1990: 459-461). Ниясцы полагали, что юноша не может считаться взрослым до тех, пока не добудет голову врага, и охота за головами была одним из последних испытаний в ходе инициации. У даяков Калимантана – в частности, ибанов и дусунов, в чьей культуре прослеживается много общих черт с культурой ниясцев, одним из условий заключения брака было преподнесение невесте головы убитого врага, в качестве дара со стороны жениха (Roth 1968: 104, 164).

Сообщения арабских географов о жителях различных частей малайского региона нередко содержат упоминания об облике, одежде, пище населявших его народов, а также об отдельных обычаях, привлечших внимание путешественников. Ярким примером этнографического описания служат рассказы Абу Дулафа о Калāхе и Қāқуле (Джāджулā):

«[Из Китая] я решил направиться в Калāх... Обычаи их схожи с китайскими, и у них не принято перерезать горло [животным перед употреблением их в пищу]... У местных жителей есть судопроизводство, тюрьмы и штрафы. Они питаются пшеницей, финиками, овощами, которыми торгуют на вес, и плоскими буханками хлеба, которые продают поштучно. У них нет бань, и моются они в проточной воде... Одеваются они как китайцы – в один кусок ткани, которая называется ‘китайский *афранд*’ и стоит очень дорого... Во время молитвы царь Калāха обращает лицо [к Китаю], а его храм посвящен китайскому императору...

Я продолжил свой путь и прибыл в город Джāджулā... Питаются они пшеницей и яйцами, но не едят рыбу и не режут животных. У них есть большой молитвенный дом... Коричневые деревья принадлежат всем и не имеют определенного владельца. Местные жители одеваются так же, как жители Калāха, с тем лишь различием, что по праздникам они носят йеменское платье. Из созвездий они почитают сердце Льва. У них есть обсерватория, точный календарь и полное знание звезд, свойства которых они усердно изучают».

Упоминания о внешнем облике жителей Юго-Восточной Азии, как правило, связаны с цветом их кожи. Население островов чаще называют чернокожим или смуглым, а жителей материкового Индокитая – белокожими. Также внимание путешественников привлекали курчавые волосы некоторых народов. «В море есть белые люди, которые вплавь догоняют суда... Там есть остров, где обитают черные кудрявые люди» - пишет Ибн Хордадбех. По свидетельству ал-

Мас‘уди, люди народа *ал-фанджаб*¹, живущие в море Кардандж, «имеют курчавые волосы, и облик их необычен», а «у границ островных владений [Махрādжа] есть горы, населенные людьми с белыми лицами». Ал-Идриси и копирующий его Ибн Саид сообщают о чернокожем населении островов Каримата, а по свидетельству последнего черными населены также архипелаг Зāбадж и Бинтан. Ал-Идриси же отмечает, что жители Зāбаджа «очень смуглы». А вот что сообщает ал-Казвини о Ниасе и соседних с ним островах:

«На острове [Ниас] живут нагие белокожие люди изумительной красоты. Они прячутся высоко в горах из страха, что секрет их необыкновенной красоты будет раскрыт. За этой местностью расположены два длинных обширных острова, населенные народом черных великанов. Они имеют огромный рост и большие животы, а стопы их почти в локоть длиной. Волосы у них черные и вьющиеся, а лица – вытянутые и безбородые».

Ибн Хордадбех и ал-Бируни обращают также внимание на обычай жителей Юго-Восточной Азии прокалывать уши, а ал-Мас‘уди отмечает, что жители гор, расположенных у границ островных владений Махрādжи, «прокалывают уши молотком... а волосы стригут бритвами». Многие авторы отмечают также такой традиционный элемент малайского костюма, как каин или саронг. Его обозначают арабским словом *фўта* – мужская юбка, набедренная повязка, опоясание. По свидетельству «Известий о Китае и об Индии», жители Калāха одеваются в *фўты*, причем «и знать, и простые люди носят [только] одну фўту». Абу Дулаф пишет, что жители Калāха «одеваются как китайцы – в один кусок ткани», а жители Джāджулā «одеваются так же, как жители Калāха, с тем лишь различием, что по праздникам они носят йеменское платье». По словам ал-Идриси, на острове Каримата люди носят *фўты* и накидки, а в Калāхе – «одну только *фўту* – как мужчины, так и женщины».

В «Мухтасар ал-‘аджā’иб» и у ал-Идриси есть схожие сообщения о правителе Джāба, по видимому, восходящие к Ибн Хордадбеху, который пишет: «Правитель [островов Джāба, Шалāхит и Харладж] носит золотой наряд и головной убор из золота». «Мухтасар ал-‘аджā’иб» содержит аналогичное, но более развернутое сообщение: «На острове Джāба находится город Салāхит. Его правитель живет в большой роскоши, одевается в золотые одежды, а на голове носит золотую корону, украшенную драгоценными камнями». Повторяет его и ал-Идриси: «Этого царя называют Джāба, он носит плащ и диадему из золота, украшенную жемчугом и драгоценными камнями».

Упоминаний о жилищах и постройках малайского мира, помимо храмов, в арабских текстах почти не встречается. Лишь «Известия о Китае и об Индии» упоминают «укрытия в лесной

¹ *Ал-фанджаб* – вероятно, искаженное *ал-фанджан* (*Pangan*) – Паханг (*Relations de voyages...* 1913 (I): 99; Tibbetts 1979: 137; Colless 1969: 29). Дж. Р. Тиббетс рассматривает варианты отождествления *ал-фанджаб* с народом *ranggang*, проживавшим к северу от Паханга, а также с ораг-лаутами Риау и восточного побережья Малаккского полуострова (Tibbetts 1979: 137-138).

чаще», в которых обитают жители острова Малджан. Действительно, у охотников и собирателей Малайзии и Индонезии до недавнего времени были распространены различные типы временных жилищ – всевозможные навесы, заслоны и шалаши, причем иногда их сооружали на деревьях или высоких столбах (Бернова 1979: 88-89, 112). Интересное описание поселения в бухте Серйры приводит Бузург ибн Шахрияр:

«Часть серйрских домов стоит на суше, но большинство из них построено на воде и держится на плотках из скрепленных между собой бревен. В таком виде жилища могут сохраняться до бесконечности, а строят их так из страха перед огнем. Действительно, пожары в этой местности случаются очень часто, ведь постройки там из дерева, и достаточно ничтожной искры, чтобы загорелся весь поселок. Дома поставлены на воду из предосторожности: если по соседству случится пожар, каждый житель может отрезать якорь своего жилища и переправиться в другое место, убежав от огня; если кто-нибудь из туземцев невзлюбит своего соседа, он также снимается с якоря и перекочевывает в другой квартал. В бухте дома стоят рядами, образуя нечто вроде улиц. Между жилищами много воды, и она пресная, так как течет с гор, но потом она впадает в бухту и смешивается с морем, точно так же, как и Тигр».

Поселения на плотках до сих пор встречаются у некоторых народов Индонезии и Малайзии (Шри Кунт-Саптодев 2007: 321; Бернова 1979: 84-86), в том числе и у народов Восточной Суматры (где помещают Серйру-Срибузу). Плоты легко перемещаются с места на место по реке или вдоль морского берега. Для региона характерны также и свайные поселения на воде. Как правило, их строят в бухте на мелководье, а соединяющие дома мостки образуют улицы (Народы Юго-Восточной Азии 1966: 497). Подобные поселения можно до сих пор увидеть на берегах Суматры (личные наблюдения в окрестностях городов Джамби, Лхоксемаве, Сингкил и Танджунгпура, 2015). Плавающие жилища распространены также у малайцев Малайзии. «Дома стоят на плотках, которые то пришвартовывают к берегу с помощью прочных ротанговых веревок, то пускают по воде. Иногда жилища на плотках образуют своеобразную деревню, где к домам подплывают на лодках» (Бернова 1979: 86). В средние века малайские поселения на плотках привлекали внимание и китайских путешественников. «В обычае этой страны связывать плоты на воде и жить на них» - сообщает автор XII в. Чжоу Цюйфэй о Шривиджайе (Цит. по: So Kee-Long 1998: 300). Упоминает об этом и Чжао Жугуа (XIII в.): «Тамошные люди живут разрозненно за городской стеной, или делают плоты и живут на реке: настилают доски, покрывают их тростником. Не платят ни арендную плату-цзу, ни поземельный налог-фу» (Чжао Жугуа 1996: 143).

Нередко арабские сообщения о народах Юго-Восточной Азии содержат упоминания об их рационе. «Пища их – кокос, который также используют как приправу и натирают им [тело]», – говорится в «Известиях о Китае и об Индии» об острове Нийан (Ниас). Тот же источник со-

общает, что на острове Малджан питаются рыбой, бананами, кокосами и сахарным тростником. Ибн ал-Факих свидетельствует об употреблении в пищу кокоса на Рамини, а ал-Идриси – на расположенном к югу от него острове Бинаман. «Местные жители едят кокосы и находят им различное применение», – пишет последний. Подробные сведения о питании приводит Абу Дулаф. Так, в Калāхе, по его словам, «питаются пшеницей, финиками, овощами, которыми торгуют на вес, и плоскими буханками хлеба, которые продают поштучно», а в Джāджулā – «пшеницей и яйцами, но не едят рыбу и не режут животных». Путешественник также отмечает, что в Калāхе «не принято перерезать горло [животным перед употреблением их в пищу]».

Из занятий жителей Малайского архипелага, упоминаемых в арабских текстах, можно назвать земледелие. О непрерывной череде возделанных полей, покрывавших Зāбадж или Серйру, пишут Абу Зейд, Бузург ибн Шахрияр и ал-Мас‘уди. Об охоте сообщает лишь Ибн ал-Факих, упоминающий охоту на слонов на Рамини. Многие географы пишут о пиратстве в малайских водах. «[В море Карданж] живут разные народы, один из них называется *ал-фанджаб*... Они выходят на своих лодках в поисках кораблей, проходящих мимо, и стреляют диковинными стрелами, смоченными ядом», – сообщает ал-Мас‘уди, а ал-Идриси пишет о жителях Каримата: «Это храбрые и отважные люди, не расстающиеся с оружием. Иногда они выходят [в море] на лодках и нападают на торговые корабли, забирая себе их грузы». Во многом повторяющий ал-Идриси Ибн Саид также упоминает пиратов на Каримата. Помимо этого, он сообщает о маленьких островах в районе Бинтана, «с которых появляются черные пираты, вооруженные отравленными стрелами и на военных кораблях. Они грабят людей, но не берут их в плен. Тем не менее, некоторые были ими захвачены».

Семейно-брачные отношения народов региона почти не находят отражения в арабских источниках. Лишь «Известия о Китае и об Индии» сообщают о многоженстве на Ниасе, а «Мухтасар ал-‘аджā’иб» – на острове Тāўарāн: «Тāўарāн – это царь, имеющий четыре тысячи жен. Никто не может быть правителем, не имея этого числа. Местные жители славятся своей плодовитостью. Там есть деревья, которые дают людям поразительную способность к деторождению».

Сведения о религии жителей Юго-Восточной Азии также встречаются в арабской литературе не часто. По словам Ибн Хордадбега, правитель Джāбы, Шалāхита и Харладжа поклоняется Будде. После него лишь ал-Идриси упоминает о буддизме, приводя также рассказ о храмовых служительницах:

«Этого царя называют Джāба... Его изображение чеканят на монетах. Он очень почитает Будду. Это слово – *будд* – означает храм на индийском языке. Царский храм очень красив и снаружи облицован мрамором. Внутри и вокруг храма можно увидеть идолов из белого мрамора».

ра, голова каждого из которых украшена золотой короной. Молитвы в таких храмах сопровождаются пением и проводятся с большой торжественностью и согласно строгому церемониалу. Молодые красивые девушки устраивают танцы и другие развлекательные зрелища для тех, кто молится или присутствует в храме. К каждому Будде приставлено определенное число таких девушек, которых кормят и одевают за счет храма. У них принято, что если у женщины рождается дочь, выделяющаяся своим ростом и красотой, то ее посвящают Будде. По достижении отроческого возраста девушку наряжают в лучшие одежды, какие семья может себе позволить, и в сопровождении родителей и родственников обоего пола отводят [в храм], где мать подводит ее за руку к Будде, которому она посвящена. Затем ее вверяют служителям [храма] и уходят. С этого момента она переходит под опеку женщин, обучающих ее искусству танца, пантомимы и других представлений, которые ей необходимо знать. Когда она достигает достаточного мастерства, на нее надевают великолепные одежды и множество украшений, и она навсегда становится служительницей храма. Отныне она не может ни уйти, ни прекратить [свою службу]. Таков обычай индийцев, которые поклоняются Будде».

Абу Дулаф сообщает о Калāхе, что «их правитель – вассал императора Китая и поминает его в *хутбе*¹. Во время молитвы царь Калāха обращает лицо [к Китаю], а его храм посвящен китайскому императору»². Путешественник также отмечает, что в Джāджулā есть большой молитвенный дом, но не уточняет, к какой религии принадлежат его жители.

Помимо кратких сведений о народах малайско-индонезийского региона, в арабских источниках можно встретить также более развернутые сообщения о тех или иных обычаях, привлечших внимание путешественников. Так, Абу Зейд делает небольшое отступление в своем рассказе о походе Махарāджи на Кхмерское царство: «[Махрāдж] и его люди все время пользуются зубочистками. Каждый [делает это] по несколько раз на дню, а свою личную зубочистку всегда носит с собой, или же [за ним ее носит] слуга». О важности ежедневного использования зубочисток для буддистов Индии и Архипелага в кон. VII в. упоминает, в частности, И-Цзин [I-Tsing 1896: 33]. На Ближнем Востоке деревянные зубочистки широко использовались уже в первые века ислама [Rispler-Chaim 1992].

Ибн Руста приводит рассказ об испытании огнем:

«У жителей страны Махрāджа принято испытание огнем. В известной индийской местности, которая называется Фансūr, если один человек ведет тяжбу с другим перед султаном, то он говорит: «Я требую огня!». Это говорится обвиняемому в [неуплате] долга, прелюбодеянии, воровстве и том, что карается смертью. Они идут к султану, и тот приказывает принести железа

¹ *Хутба* – проповедь во время пятничной молитвы в мечети. В мусульманском мире упоминание имени правителя в *хутбе* было распространенной формой подтверждения вассальной зависимости.

² Абу Дулаф – единственный из арабских авторов, кто упоминает о зависимости малайских государств от Китая, что свидетельствует в пользу китайского происхождения его рассказов.

весом в *ратл* или больше и раскалить его на огне. Затем берут листья [растения], которое у них [растет], напоминающие по толщине листья лавра. В ладонь [обвиняемого] кладут семь листьев один поверх другого, а сверху при помощи щипцов помещают кусок железа. [Человек] должен пройти с ним семь раз туда-обратно, сделав сто шагов. Если рука его и все листья сгорают, то его признают виновным. Если ему полагается смертная казнь, то его казнят, если штраф – то он выплачивает его. Если у [осужденного] нет денег, то он становится рабом султана, который покупает его. Если же огонь щадит его, то обвинителю говорят: «Ты возводишь напраслину. Твой противник принял огонь». И тогда его привлекают к ответственности за предъявленное обвинение». Помимо Ибн Русты, об испытании огнем у народа Махарādжи пишет также ал-Марвази.

Интересный рассказ о малайском обычае сидеть в позе берсила (малайск. *bersila*) – скрестив ноги (Ревуненкова 1985: 207) – приводит Бузург ибн Шахрияр: «Согласно обычаю царей Зāбаджа и Стран Золота ни мусульмане, ни другие иностранцы, кто бы они ни были, ни собственные их подданные не смеют сидеть перед ними иначе, как скрестив ноги, в позе, называемой «берсила». Кто же вытягивает ноги или садится как-нибудь по-другому, подвергается тяжелому штрафу, смотря по его состоянию... Случилось раз, что у одного из местных царей, по имени Сри Нāтā Калāх, сидел капитан Джахūd Кута, старик преклонных лет, почтенный и уважаемый всеми... «В таком случае, – сказал царь, – нужно упразднить этот обычай для приезжих мусульман». Так он и сделал, и по сей день мусульмане сидят перед царем, как пожелают, а все остальные – исключительно в позе «берсила», а если сядут как-нибудь иначе, на них налагается штраф».

Обычай сидеть, скрестив ноги (*bersila*), для мужчин и на бедре, поджав одну ногу под себя (*bertimpuh*, *bersimpuh*), – для женщин сохранялся до недавнего времени на официальных церемониях в малайских государствах. Его можно наблюдать и в современной Индонезии (личные наблюдения в дер. Путон, Центральная Ява, 2013, а также в ряде деревень Северной Суматры, 2015).

Ибн Хордадбех упоминает о распространенных в Юго-Восточной Азии петушиных боях: «Доход [Махарādжи] составляют, в том числе, петушиные бои, с которых в день он получает около пятидесяти *маннов* золота. Поскольку одна нога петуха-победителя принадлежит [правителю], то владелец [петуха] выкупает ее». В малайском мире петушиные бои были и остаются популярным развлечением и азартным зрелищем. В средние века они сопровождали важнейшие ритуалы жизненного цикла семьи правителей, а также церемонии вступления в права владения государством (Бандиленко 1999: 10-13). Любителем петушиных боев был, в частности, основатель Самудры Мерах Силу (Hill 1960: 115).

Ибн Хордадбега также пишет об острове, с которого доносятся звуки музыки: «[С острова Бартайил] всю ночь слышны звуки музыки и [бой] барабанов. Моряки утверждают, что там [обитает] Антихрист (Даджжāl)». Это сообщение за ним повторяет ал-Масу‘ди, но в более развернутом виде, и он не приводит название острова. «У границ островных владений [Махрādжа] есть горы... Рядом с ними находится остров, откуда постоянно слышен бой барабанов и звуки флейт, лютен и всевозможных музыкальных инструментов, услаждающих слух, а также ритм танца и хлопанье в ладоши. Тот, кто слышит это, может различить звучание всех видов музыкальных инструментов и другие звуки. Моряки, проходившие в тех местах, утверждают, что на том острове пребывает Антихрист (Даджжāl)» - говорится в «Золотых копиях». Тот же рассказ с небольшими расхождениями ал-Масу‘ди приводит в «Книге указания и пересмотра».

Арабские путешественники могли стать свидетелями праздничных торжеств – в малайских государствах праздники и обряды сопровождалась игрой на многочисленных музыкальных инструментах. Описания музыкального сопровождения во время пиров и боев, а также перечисление различных видов музыкальных инструментов часто встречаются в малайской литературе (Ревуненкова 2008: 128-129; Памятники малайской книжности... 2011: 98, 168, 181, 190, 201). В «Сулалат-ус-Салатин», в частности, есть описание свадебного торжества, продолжавшегося сорок дней и сорок ночей и сопровождавшегося игрой на всевозможных музыкальных инструментах, разновидности которых (в том числе гонги, флейты и лютни) перечислены в тексте (Ревуненкова 2009: 264).

В сочинениях ал-Масу‘ди можно найти также идентичные сообщения о вулкане или вулканах, предрекающих смерть правителей. Определить их местоположение представляется маловозможным, однако культ гор характерен для многих народов малайско-индонезийского региона и Юго-Восточной Азии в целом (Ревуненкова 2008: 136-139). «Золотые копии» содержат следующий рассказ: «У границ островных владений [Махрādжа] есть горы, населенные людьми с белыми лицами... В тех горах днем и ночью виден огонь, причем днем пламя красное, а ночью – черное. Оно поднимается до самых облаков, и извержение сопровождается сильнейшим грохотом и раскатами грома. Иногда оттуда исходит странный и внушающий ужас звук, предвещающий смерть их правителя. Иной раз [этот звук] раздаётся тише и предвещает смерть кого-нибудь из вождей. Значение предсказаний известно благодаря давним традициям и многовековому опыту, который никогда их не подводит». Как и примыкающий к нему рассказ о звуках музыки, это сообщение повторяется в «Книге указания и пересмотра».

Можно заключить, что этнографический материал достаточно ярко представлен в средневековых арабских свидетельствах о малайском мире. Не все сюжеты находят параллели в других источниках или современной этнографической действительности, однако все они свидетельствуют о достаточно близком знакомстве арабских путешественников с регионом. Кроме того, сам выбор дошедших до нас рассказов позволяет судить о том, какие обычаи или особенности быта малайских народов, по той или иной причине, привлекали внимание арабов. В сочинениях географов можно встретить как пассажи, посвященные отдельным обычаям, так и зачатки систематизированного этнографического описания, содержащие краткие сведения о внешнем облике, одежде, пище, религии жителей Юго-Восточной Азии. Поскольку временной фактор не играет важной роли в арабских сообщениях о регионе, и исторические рассказы представлены в них довольно скудно, то именно этнографические сюжеты открывают основное поле для интерпретации этих текстов.

С одной стороны, рассмотренные свидетельства представляет интерес с точки зрения исторической этнографии – как источник по истории культуры малайского мира и, в некоторых случаях, как вспомогательный материал при идентификации спорных топонимов. Но, в то же время, они поднимают и вопрос о месте народов Архипелага в арабском этнографическом дискурсе – вопрос, имеющий значение для понимания уже не малайской, а арабской средневековой культуры. Этнографические представления арабов еще достаточно мало изучены. В светской городской культуре средневекового Ближнего Востока они составляли часть адаба – более широкого дискурса, включавшего также историю, географию и беллетристику и служившего средством утверждения культурной идентичности (Al-Azmeh 1992: 18). Осознание себя происходило через противопоставление образу другого, на которого проецировались черты, образованные путем инверсии. Чужим народам приписывалось нарушение культурных и социальных норм, а иногда и противоестественный физический облик – собачьи головы, рыбы плавники и т. п.

Для античной культуры кривым зеркалом и антимиром была Индия, и этот комплекс представлений унаследовали от нее не только арабы, но и христианская Европа. С расширением известного мира на восток частью индийского дискурса стал и Малайский архипелаг. В арабской средневековой литературе его образ складывался на основе рассказов путешественников IX-X вв., которые постепенно приобретали вневременную форму и продолжали циркулировать в сочинениях о чудесах. Сообщения очевидцев об экзотических обычаях и богатстве флоры и фауны не противоречили представлению о стране чудес и интерпретировались образованными слоями в контексте уже существовавших фольклорных сюжетов и культурных стереотипов. Установление более тесных контактов между Ближним Востоком и Индией и включение ее в ор-

биту мусульманского мира способствовали вытеснению наиболее фантастических сюжетов в ее восточные области и к границам с Китаем. Островную Юго-Восточную Азию, как и другие крайние пределы мира, стали населять мифическими существами и легендарными правителями.

Образ региона в арабских текстах средневековья нельзя назвать целостным. Народам Архипелага достаточно долго не находилось места в арабской картине мира – их не выделяли в отдельную группу и относили к общей категории «индийцев». Однако при этом их также сближали, а иногда и смешивали с еще одной группой – африканскими зинджами. Вероятно, это было связано как с жарким климатом островов и темным оттенком кожи некоторых их жителей, так и с географической концепцией, соединявшей берега Африки и Китая. Если индийцы, наряду с китайцами, пользовались уважением как достигшие высокого уровня цивилизации, то народам крайнего юга приписывались всевозможные проявления дикости, «варварства» – нагота, каннибализм¹, отсутствие жилищ, ремесел, денежного обращения, религии, законов. С этой точки зрения на народы островной Юго-Восточной Азии распространялись этнические стереотипы, связанные с представлением о Средиземноморье как о центре цивилизации и постепенном усугублении варварства по мере удаления от него на юг и на север (Hunwick 2005: 126). Стереотипы подкреплялись географическим детерменизмом, объяснявшим внешний облик и темперамент южных народов климатическими, а иногда и астрологическими факторами (Hunwick 2005: 124-131; Al-Azmeh 1992: 8, 11).

Культурные стереотипы и эстетика чудесного и диковинного сочетаются в арабских свидетельствах о регионе со вполне реалистичными и подробными этнографическими описаниями. Образ Малайского архипелага в этих текстах нельзя считать ни сугубо вымышленным, ни полностью достоверным – он формировался на основе как универсальных черт, приписывавшихся народам, населявшим пограничные области известного мира, так и действительных наблюдений путешественников. В классический период развития географической литературы малайский мир, по всей видимости, не воспринимался арабами как единая культурная общность, а представлялся скорее промежуточной зоной между Индией и африканскими землями, цивилизацией и дикостью. Отсюда проистекает двойственное изображение народов Архипелага арабскими авторами, подкреплявшееся, в то же время, и свидетельствами очевидцев, которые сталкивались с разными типами обществ – как с высокими индианизированными культурами Шривиджайи и ее вассальных княжеств, так и с племенами охотников, собирателей и ранних земледельцев.

Однако к XIV в. ситуация претерпевает изменения. Йакут первым упоминает топоним Джәйә, а Ибн Баттута уже активно употребляет *ал-джәйүй* как этноним, передающий собира-

¹ Примечательно, что каннибализм как маркер антикультуры приписывался не только жителям Малайского архипелага и африканцам, но также и северным народам (Al-Azmeh 1992: 12-13).

тельный образ народов региона и отражающий осознание их общности. С появлением этого термина, обусловленным набравшей ход исламизацией малайского мира, происходит постепенное замещение представлений о нем как о загадочной стране чудес и прятностей новым образом Джāўы как периферии расширяющегося мира ислама (Laffan 2005: 54-59). Однако дальнейшее распространение и утверждение этнонима *ал-джāўи* в арабской картине мира приходится уже на последующие эпохи, выходящие за рамки настоящей работы.

Глава V.

«Путешествие» Ибн Баттуты как историко-этнографический источник по малайско-индонезийскому региону

Ибн Баттута (1304-1368) – один из немногих арабских авторов, чьи сообщения о малайском мире, предположительно, основываются на личном опыте. Не исключено, что они являются первым и единственным средневековым арабским свидетельством такого рода. В 1345-1347 гг. путешественник совершил плавание из Индии в Китай и обратно через Малаккский пролив, посетив по дороге порты Суматры и Малаккского полуострова. Несмотря на небольшой объем и сложности в восстановлении хронологии и маршрута, сообщения Ибн Баттуты служат ценным источником по истории региона.

Странствия Ибн Баттуты приходятся на вторую четверть XIV в. и охватывают огромное пространство от Испании до Китая. Их описание дошло до нас в сочинении под названием «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» (перевод И. Ю. Крачковского (Крачковский 2004: 421)), также известном просто как «Путешествие Ибн Баттуты». Оно представляет собой литературную обработку рассказов путешественника, выполненную в 1355-56 гг. в Фесе Ибн Джузайем ал-Калби – придворным литератором марокканского султана Абу Инана (1348-1358). Текст «Путешествия» неоднократно переписывался и сохранился в виде нескольких неполных рукописей, хранящихся в Парижской национальной библиотеке. В 1853-1858 гг. французскими востоковедами Ш. Дефремери и Б. Р. Сангинетти были подготовлены сводный арабский текст и перевод сочинения, которые вышли в четырех томах (*Voyages...* 1853-58). Это издание до сих пор остается самым авторитетным, на нем основываются более поздние переводы «Путешествия» на европейские языки и его издания в арабских странах. Русского перевода полного текста сочинения до сих пор не существует. В разное время в нашей стране публиковались отдельные извлечения из него, однако главы, посвященные Юго-Восточной Азии, остаются за рамками этих изданий.

Сообщения Ибн Баттуты о Малайском архипелаге достаточно рано привлекли внимание исследователей. Первым к ним обратился французский востоковед Э. Дюлорье. В 1847 г., еще до выхода труда Ш. Дефремери и Б. Сангинетти, он издал в «*Journal Asiatique*» арабский текст и перевод фрагментов «Путешествия», содержащих описание страны Баракнак̄ар, Суматры, Малаккского полуострова, страны Таӯалис̄ и обратного пути Ибн Баттуты из Китая (*Description...* 1847). В своей работе Э. Дюлорье опирался на четыре рукописи из Парижской национальной библиотеки, в примечаниях он приводит разночтения между разными списками «Путешествия». Исследователь также снабжает свой перевод подробными комментариями.

Впоследствии к путешествию Ибн Баттуты из Индии в Китай, включая и его плавание через Малаккский пролив, обращались Г. Ферран (*Relations de voyages...* 1914 (II): 426-458), Г. Мжик (*Die Reise...* 1911) и Г. Юл (*Yule* 1916 (IV): 1-166). С необходимостью интерпретации рассказов путешественника о Юго-Восточной Азии неизбежно сталкивались исследователи и переводчики «Путешествия» в целом, а также авторы работ, посвященных средневековым источникам по истории региона. Ссылки на Ибн Баттуту можно встретить в многочисленных исследованиях и статьях по истории и исторической географии Юго-Восточной Азии. Дж. Р. Тиббетс, тем не менее, оставляет без внимания значительную часть сообщений путешественника о малайских государствах. Возможно, это связано с тем, что исследователь опирался на сокращенный текст «Путешествия» в переводе Г. А. Р. Гибба.

Главы «Путешествия», посвященные странствиям к востоку от Индии, нередко вызывают недоверие исследователей, чьи мнения разнятся от критики отдельных сообщений до полного отрицания путешествия Ибн Баттуты в Китай. Эти сомнения связаны с путаницей в хронологии и топонимике, а также наличием ряда маловероятных утверждений. Так или иначе, считается, что путешественник достиг, по меньшей мере, южных районов Китая (Dunn 1986: 3, 252-253), а значит, побывал и в Юго-Восточной Азии. Кроме того, рассказы Ибн Баттуты о регионе подтверждаются китайскими источниками и сообщениями Марко Поло (Yamamoto 1936: 103), а также содержат ряд этнографических деталей, какие вряд ли могли бы быть воспроизведены с чужих слов. По мнению Г. Р. Тиббетса, путаница вероятнее всего вызвана тем, что некоторые сообщения стоят в неверном порядке, а часть исходного материала была утеряна (Tibbetts 1979: 13). Н. ал-Атас также не склонен сомневаться в реальности визита Ибн Баттуты на Малайский архипелаг, соглашаясь с Дж. Р. Тиббетсом в предположении об искажении изначального текста и обращая внимание на детальное описание путешественником суматранских порядков (Al-Attas 2011: 26).

Перед тем, как отправиться в Китай, Ибн Баттута провел долгие годы в странствиях по Ближнему Востоку, побывал в Золотой Орде и Средней Азии, а также прожил восемь лет в Индии при дворе султана Мухаммада ибн Туглака (1325-1351) в Дели. В 1345 г. он отплывает из Бенгалии в Китай. Путь Ибн Баттуты пролегал через Малаккский пролив, и время его визита пришлось на период расцвета портов Северной Суматры, связанный с ростом спроса на перец и ослаблением наследников Шривиджайи на юго-востоке острова (Hall 1981: 22-28). Первой остановкой путешественника в малайских водах становится Самудра – одно из первых мусульманских государств Нусантары, существовавшее на северном побережье Суматры в XIII-XV вв. О султанате Самудра-Пасай сообщают малайские исторические хроники, китайские и европейские источники. Первое упоминание топонима Са-му-ту-ла относится к 1282 г. и содержится в

китайском тексте (Там же: 29). В 1292 г. царство Самара посещает Марко Поло, по свидетельству которого оно еще не было мусульманским. Предполагают, что официальное принятие ислама Самудрой произошло между 1292 и 1297 г. – годом смерти его первого мусульманского правителя Малика ас-Салиха. В XIV в. султанат доминировал на севере Суматры как центр экспорта перца, камфары и бензойной смолы из внутренних районов острова и перепродажи товаров, поступавших с востока из яванских портов и с запада – из индийских.

Ибн Баттута называет город Сумутрой или Суматрой¹, а страну, столицей которой тот является – Джәўой. Остров Джәўа в рассказе Ибн Баттуты – очевидно, Суматра. Однако путешественник также использует этноним *ал-джәўй*, говоря о выходцах из островной Юго-Восточной Азии вообще (Laffan 2009: 37). Отдельные упоминания о Джәўе можно найти также по всему тексту «Путешествия». Среди них – сообщение о захвате правителем Джәўы судна с имуществом и слугами Ибн Баттуты, шедшего в Китай, и высокая оценка знаний этого султана в сравнении с другими известными путешественнику правителями. Интересно также упоминание о мусульманской общине выходцев с Джәўы, существовавшей в стране Баракнакар.

В рассказах путешественника о Самудре находят яркое отражение придворные порядки этого султаната. Интересны описания торжественного приема во дворце, обряда одаривания одеждой и свадьбы сына султана. Некоторые из описанных Ибн Баттутой реалий были широко распространены в странах средневекового Востока, тогда как другие характерны именно для государств Малайского архипелага, а упоминания о них можно найти в малайских хрониках. Путешественник сообщает ряд деталей, касающихся форм приветствия и этикетных норм, семейно-брачных отношений, построек и интерьеров, традиционного костюма, пищи и употребления бетеля. Все это представляет собой богатый материал, до сих пор не до конца изученный, и делает «Путешествие» не только историческим, но и этнографическим источником. Кроме того, такие детали находят подтверждение в хрониках и современной этнографической действительности, что свидетельствуют в пользу достоверности рассказов Ибн Баттуты.

Покинув Самудру, путешественник направляется в Мул Джәўу и останавливается в Қәқуле. Ибн Баттута описывает город и свой визит ко двору правителя, а также приводит рассказ о своего рода ритуальном самоубийстве. Покинув Қәқулу, Ибн Баттута проводит более двух месяцев в пути и прибывает в загадочную страну Таўәлиси, описание которой настолько противоречиво, что вызывает сомнения в ее существовании. Исследователи помещали ее на Калимантане, Сулавеси, архипелаге Сулу, однако более вероятным представляется ее местонахождение на восточном побережье Индокитая (Yamamoto 1936; Tibbetts 1979: 98; Dunn 1986: 264). Рассказ об обратном пути Ибн Баттуты из Китая краток и состоит из описания встречи с

¹ Первый вариант прочтения более вероятен, поскольку местный арабоязычный источник 1520 г. передает топоним как «Шумутра» (Laffan 2005: 61)

птицей Рух и повторного визита путешественника в Самудру. С Суматры Ибн Баттута направляется в Индию, а оттуда возвращается на Ближний Восток. Ниже приводятся избранные фрагменты «Путешествия», посвященные Самудре и Қақуле, и историко-этнографический комментарий к ним.

«Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий»

Я вернулся в Қалиқұт¹. Туда прибыли два моих слуги, бывших на [пропавшем] *какаме*². Они рассказали мне, что девушка, которая была беременна и за которую я волновался, умерла, и что правитель Джәўы захватил остальных рабынь и завладел имуществом, а мои товарищи рассеялись по Китаю, Джәўе и Бенгалии.

***

Когда мы прибыли в [Сунуркаўән]³, то нашли там джонку⁴, готовую отплыть на Джәўу, а дотуда – сорок дней [пути]. Мы сели на нее и через пятнадцать дней прибыли в страну Баракнакар... Там есть община мусульман – выходцев из Бенгалии и с Джәўы, которые живут в отдельном квартале.

***

Затем мы отплыли [из Баракнакар] и через двадцать пять дней прибыли на остров Джәўа, откуда происходит ладан *ал-джәўй*. Мы увидели его [берега] после того, как прошли полудневный путь. Это зеленый, цветущий [остров]. Большая часть [произрастающих там] деревьев – это кокосовые и арековые пальмы, гвоздика, индийское алоэ, деревья *аш-шакі* и *ал-баркі*⁵, манго, джамун⁶, сладкие апельсины и камфарный тростник. Жители Джәўы покупают и продают за мелкую монету и необработанное китайское золото⁷. Многие пряности и благовония [на этом острове] есть только в землях неверных, тогда как в землях мусульман их меньше.

Когда мы подошли к пристани, к нам подплыли местные жители на маленьких лодках, везя кокосовые орехи, бананы, манго и рыбу. По местному обычаю, они дарят это купцам, а те вознаграждают их, кто как может. К нам поднялся также помощник начальника порта⁸. Проверив купцов, которые были с нами, он позволил нам сойти на берег. Мы высадились в порту – большом поселении на берегу моря. Там находятся постройки, которые называют *ас-сархә*⁹. Оттуда до города четыре мили¹⁰. Бехруз, помощник начальника порта, написал султану, извещая его о моем прибытии. [Султан] приказал встретить меня эмиру Даўласе, благородному қәді¹¹ Амйру Сеййиду¹² аш-Шйрәзй, Тәдж ад-Дйну ал-Исфәхәнй и другим фақйхам¹³. Они выехали с этой целью и привели лошадей, одна из которых принадлежала султану. Мы с моими

спутниками поехали верхом и прибыли в столицу султана – Сумутру, большой красивый город, окруженный деревянной стеной с деревянными башнями.

Рассказ о султানে Джайы

Султан ал-Малик аз-З̣ахир, достойнейший и благороднейший правитель, принадлежит к шафиитскому мазхабу¹⁴ и благоволит к фақйхам, которые посещают его двор для чтения и бесед. Он много воюет с неверными и часто совершает военные походы. Он так скромнен, что ходит на пятничную молитву пешком. Жители его страны – шафииты, они охотно воюют с неверными, добровольно сопровождая [султана в походах]. Они подчинили неверных, живущих по соседству, и те платят им джизью¹⁵ в обмен на мир.

Рассказ о том, как мы прибыли во дворец [султана], и о его милости к нам

Когда мы подъехали к дворцу султана, то увидели перед ним копыя, воткнутые по краям дороги. Они служат знаком того, что нужно спешиться, никто не проезжает мимо них верхом¹⁶. Мы спешили [в этом месте], вошли в мишўар¹⁷ и увидели наместника султана, которого называют опорой государства¹⁸. Он поднялся нам [навстречу] и поприветствовал нас, а здороваются у них рукопожатием, и мы с ним сели. [Наместник] написал султану послание, извещая его [о нашем приезде], запечатал его и отдал одному из слуг. Ему пришел ответ, [написанный] на оборотной стороне [послания]. Затем один слуга принес узел, а это сверток из ткани. Наместник взял его в руку, потом взял меня за руку и отвел в помещение, которое называют *фардаҳана* (по форме как *зардахана*, только в начале буква *фā*). Это место его дневного отдыха, ведь наместник султана обычно приходит в мишўар после рассвета и покидает его только поздно вечером. То же касается везиров и высокопоставленных эмиров.

[Наместник] вынул из узла три *фўты* – одну из чистого шелка, другую из шелка и хлопка и третью из шелка и льна. Затем он достал три предмета одежды наподобие *фўты*, которые называют нижним платьем, три одеяния разных видов, именуемые средним платьем, три одеяния из шерсти, одно из которых было белым, и три чалмы. Я надел одну из *фўт* взамен шаровар, как у них принято, и по платью каждого вида. А мои спутники взяли то, что осталось¹⁹. [Нам] принесли еду, в основном рис, затем подали ячменный напиток²⁰, а затем – бетель²¹, что означает окончание [трапезы]. Мы взяли его и поднялись, и вместе с нами поднялся наместник. Мы вышли из мишўара и поехали верхом, и наместник поехал вместе с нами.

Нас привели в сад, окруженный деревянной оградой. В глубине сада было деревянное строение, устланное окрашенными и неокрашенными полотнищами бархата из хлопка, называемыми *ал-мухмалāt*²². Внутри дома были лежанки из бамбука, а на них – стеганные одеяла из шелка, легкие покрывала и подушки, которые называют *ал-бауāлиит*²³. Мы сели там, и с нами наместник. Затем эмир Даўласа привел двух невольниц и двух невольников и сказал мне: «Сул-

тан передает тебе, что это соразмерно нашим возможностям, а не возможностям султана Мухаммада»²⁴. Затем наместник вышел, а эмир Даўласа остался со мной. Мы с ним были знакомы, потому что он приезжал с посольством к султану [Мухаммаду] в Дели. Я спросил его: «Когда я смогу увидеть султана?» И он ответил: «Наш обычай таков, что султан принимает вновь прибывшего только через три дня, чтобы [гость] мог отдохнуть с дороги и прийти в себя».

Мы оставались [там] три дня. Трижды в день нам подавали еду, а утром и вечером приносили фрукты и подарки. На четвертый день, в пятницу, ко мне пришел эмир Даўласа и сказал: «Султан примет тебя в мақсӯре²⁵ мечети после молитвы». Я отправился в мечеть и совершил пятничную молитву вместе с ее служителем Қайрāном. Затем я вошел к султану и увидел қадї Амїра Сейида и учеников, [сидевших] по обе руки от него. [Султан] пожал мне руку, и я поприветствовал его. Он усадил меня слева от себя и стал спрашивать о султанине Мухаммаде и моих странствиях. Я ответил [на его вопросы], и он вернулся к беседе о фиқхе шафиитского мазхаба. Так продолжалось до послеполуденной молитвы²⁶. Помолившись, [султан] зашел в помещение, расположенное рядом, снял бывшие на нем одежды фақїха, в которых он ходит пешком в мечеть на пятничную молитву, и надел облачение правителя – кафтаны из шелка и хлопка.

Рассказ об отбытии [султана] во дворец и порядке его приветствия

На выходе из мечети у ворот ожидали слоны и лошади. По местному обычаю, если султан едет на слоне, то его свита едет на лошадях. Если же он едет на лошади, то [прочие] едут на слонах. Ученые мужи были справа от [султана]. В тот день он сел на слона, а мы – на лошадей и отправились с ним в мишўар. Мы спешили, где положено, а султан въехал внутрь верхом. В мишўаре уже ожидали, выстроившись рядами, везиры, эмиры, писцы, местная знать и военачальники. В первом ряду стояли везиры и писцы, а везиров было четверо. Они поприветствовали [султана] и вернулись на свои места. Вслед за ними ряд эмиров поприветствовал его и занял свое место. Затем то же самое сделали остальные группы – ряд шарїфов²⁷ и фақїхов, затем ряд сотрапезников, ученых и поэтов, затем ряд военачальников, и, наконец, ряд слуг и рабов. Султан остановился на своем слоне перед [почетным] сидением под балдахином, а над головой его был украшенный драгоценными камнями зонт²⁸. По обе стороны от [султана] находилось по пятьдесят украшенных слонов, а также по сотне нубийских лошадей. Перед [султаном] стояли распорядители. Затем пришли мужчины-музыканты и стали петь перед ним. И привели лошадей, покрытых шелком, в золотых ножных кольцах и вышитых шелковых недоуздках, и те гарцевали перед [султаном]. Я подивился этому, потому что видел подобное у правителя Индии. На закате султан вошел во дворец, а [после] и прочие разошлись по своим домам.

Рассказ о мятеже, который поднял племянник [султана], и том, что послужило ему причиной

У [султана] был племянник (сын брата), женатый на его дочери²⁹, которому он доверил управление одной из областей. Юноша полюбил дочь одного эмира и захотел на ней жениться. По местному обычаю, если у кого-то, будь то эмир, купец или кто-либо еще, есть дочь, достигшая брачного возраста, то он должен повиноваться в ее деле воле султана. Султан посылает кого-нибудь из женщин посмотреть на нее, и, если ему понравится описание [девушки], то он женится на ней. В противном случае, он разрешает родственникам выдать ее за того, за кого им угодно³⁰. Люди здесь стремятся отдать своих дочерей в жены султану, чтобы добиться, таким образом, высокого положения и почета. Когда отец девушки, которую любил племянник султана, обратился [к султану], тот послал посмотреть на нее и взял ее в жены. Любовь юноши к ней все усиливалась, но он не находил способа [увидеться с ней]. Затем султан отправился в поход, а до земли неверных был месяц пути. Тогда племянник восстал против него, вошел в Сумутру, ведь тогда она не была окружена стеной, и захватил власть. Часть людей присягнула ему, остальные же отказались. Его дядя узнал об этом и повернул назад. Тогда племянник взял имущества и сокровищ, сколько смог, забрал девушку, которую любил, и бежал в земли неверных в Мул Джәйе. Потому его дядя и построил стену вокруг Сумутры.

Я оставался у [султана] в Сумутре пятнадцать дней, а затем попросил у него разрешения отплыть, потому что наступил сезон. Ведь в Китай нельзя отправляться в любое время³¹. [Султан] предоставил нам джонку, снабдил нас провизией и был добр и милостив [к нам], да вознаградит его Аллах. Он послал с нами своих приближенных, которые доставили нам на джонку угощение.

Мы плыли вдоль [побережья] его страны двадцать одну ночь, а затем прибыли в Мул Джәйу – страну неверных, протяженность которой – два месяца пути. Там есть пряности и благовония, а также превосходное алоэ *ал-қәқули* и *ал-қмәри*, а Қәқула и Қмәра³² – из числа областей [этой страны]. В землях султана аз-Зәхира на Джәйе есть только ладан и камфара, а также немного гвоздики и индийского алоэ. И лишь в Мул Джәйе есть большинство из этого. Теперь расскажем о тех [пряностях], которые видели своими глазами и сами познали...

Мы прибыли в порт Қәқулы и застали там множество джонок, готовых к пиратским набегам, а также [выступить] против тех судов, которые не подчиняются их [требованиям], ведь с каждого судна у них [взимается] пошлина³³. Мы сошли с джонки [и вступили] в Қәқулу – красивый город, окруженный стеной из тесаного камня, такой широкой, что по ней могут пройти три слона. Первым, что я увидел [за стенами города], были слоны, груженные индийским алоэ, которое жгут в домах и ценят не больше, чем у нас дрова. Это в том случае, если они торгуют

между собой, купцам же один груз [алоз] продают в обмен на одежду их хлопковой ткани³⁴, которая ценится у них выше шелка. Слонов здесь очень много, на них ездят и возят [грузы]. Все привязывают своих слонов у дверей. Каждый лавочник привязывает слона у [своей лавки], ездит на нем домой и возит [грузы]. Все китайцы и жители Катая³⁵ поступают подобным образом.

Рассказ о султানে Мул Джайы

[Этот султан] – язычник. Я видел, как он сидел перед дворцом под балдахином на [голой] земле, и не было под ним ковра. С ним были местные вельможи, а войска представляли перед ним пешими. Лошади там есть только у султана, [все же прочие] ездят и сражаются только на слонах. Узнав обо мне, султан подозвал меня к себе. Я подошел и сказал: «Мир идущему по правильному пути!»³⁶, но [присутствующие] поняли [из этого] только слово «мир» (*ас-салām*). [Султан] поприветствовал меня и приказал постелить для меня плащ, чтобы я сел на него. Тогда я спросил толмача: «Как же я стану сидеть на плаще, когда султан сидит на земле?» И тот ответил: «Таков его обычай – смиренно сидеть на земле. Ты же – гость, и прибыл от великого султана³⁷, а значит, следует оказать тебе почет»³⁸. Я сел, и [султан] коротко расспросил меня о султানে [Мухаммаде]. Затем он сказал мне: «Будь нашим гостем три дня, а затем ты продолжишь путь».

Рассказ об удивительном событии, увиденном мной при дворе [султана]

Я видел при дворе этого султана человека, в руке у которого был нож, напоминающий нож переплетчика. Он приставил [этот нож] к своей шее и долго говорил на языке, который был мне непонятен. Затем он схватил нож обеими руками и перерезал себе горло. Нож был таким острым, а хватка [этого человека] – такой сильной, что голова его упала на землю. Я подивился тому, что он сделал, и султан спросил меня: «Кто-нибудь поступает так у вас?» Я ответил ему, что никогда такого не видел. Тогда он рассмеялся и сказал: «Это наши рабы, они убивают себя из любви к нам». Затем он приказал унести [тело] и сжечь. Наместники, знать, военачальники и подданные удалились для сожжения. [Султан] назначил большое жалование детям [покойного], его жене и братьям, и они пользовались большим почетом из-за того, что тот сделал. Один из присутствовавших тогда при дворе рассказал мне, что в своей речи [тот человек] изъяснялся в любви к султану, и что он убил себя [в знак] этой любви. Ведь так же отец его убил себя из любви к отцу [султана], а дед его – из любви к деду последнего³⁹. Затем я покинул двор, и [султан] присылал мне угощение в течение трех дней.

Мы вышли в море и через 34 дня оказались в море *ал-Кāхил*, а это море со стоячей водой красноватого цвета. Полагают, что это из-за прилегающей к ней земли. Там нет ни ветра, ни волн, ни [какого-либо] движения, несмотря на его обширность. Из-за этого моря каждую китайскую джонку сопровождает три судна, как мы уже говорили. Они идут на веслах и тащат ее за

собой. При этом джонка оснащена примерно двадцатью веслами величиной с мачту, для гребли которыми объединяют усилия около тридцати человек. Они встают в два ряда, один напротив другого. К веслам крепятся два каната, толстые, как дубины. Один из рядов тянет за канат, а затем отпускает, и тогда другой ряд тянет [за канат со своей стороны]. При этом они поют красивыми голосами, как правило, повторяя: «*Ла 'лā, ла 'лā*».

Мы провели в этом море тридцать семь дней, и моряки поражались легкости, [с которой мы пересекли его]. Ведь обычно они проводят там от пятидесяти до сорока дней, причем в последнем случае [переход] считается у них легким. Затем мы прибыли в страну Таўāлисй.

***

Когда я прибыл [в Зейтүн]⁴⁰, то нашел там джонки, готовившиеся отплыть в Индию. Среди них была джонка с мусульманской командой, принадлежавшая ал-Малику аз-Зāхиру – правителю Джāўы⁴¹. Его поверенный узнал меня и с радостью принял [на борт].

Благоприятный ветер сопутствовал нам в течение десяти дней. Но когда мы приблизились к [берегам] Таўāлисй, ветер переменился, стемнело, и пошел сильный дождь. Десять дней мы не видели солнца, а затем оказались в незнакомом море. Люди на джонке испугались и захотели вернуться обратно в Китай, но это было невозможно. Сорок два дня провели мы, не зная, в каких водах находимся. На сорок третий день, на восходе солнца, мы увидели гору, [выраставшую] из моря. Мы были на расстоянии около двадцати миль от нее, и ветер нес нас в ее сторону. Моряки удивились и сказали: «Мы далеко от суши и не знаем в этом море никакой горы, если же ветер пригонит нас к ней, то мы погибли!». Тогда люди прибегли к молитве и покаянию. Они стали каяться и обращаться с мольбами к Всевышнему и его пророку, да благословит его Аллах и да приветствует. Купцы дали обеты раздать много милостыни, и я записал их для них своей рукой на полоске кожи. Ветер немного стих, и мы увидели, что гора та поднялась в воздух на фоне восходящего солнца, так что между ней и [поверхностью] моря виднелся свет. Мы подивились этому. Тут я увидел, что моряки плачут и прощаются друг с другом, и спросил: «Что с вами?». Они ответили: «То, что мы приняли за гору, – это Рух⁴², если он увидит нас, то погубит!». Мы были на расстоянии менее десяти миль от него, но затем Аллах Всевышний даровал нам благоприятный ветер, который отнес нас в сторону от [Руха]. Больше мы его не видели и так и не узнали его истинного облика.

Через два месяца после того дня мы прибыли на Джāўу и остановились в Сумутре. Ее султан ал-Малик аз-Зāхир как раз вернулся из похода и привел много пленных. Он прислал мне двух девушек и двух юношей и поселил меня, как обычно. Я побывал на свадьбе сына [султана] и его племянницы (дочери его брата).

Рассказ о свадьбе сына ал-Малика аз-Зāхира

Я присутствовал на торжестве и видел, как в центре мишўара установили большой помост и покрыли его шелковыми тканями. Из дворца пешком вышла невеста с открытым лицом. Около сорока знатных дам из семей султана, его эмиров и везиров сопровождали ее и несли за ней шлейф. Все они были с открытыми лицами, так что их могли видеть все присутствующие – и знать, и простолюдины. Так бывает только по случаю свадьбы и обычно у них не принято. Невеста поднялась на помост, и музыканты, мужчины и женщины, пели и играли перед ней. Затем появился жених на украшенном слоне, на спине которого было сиденье, а над ним – балдахин, напоминающий зонт. На голове у жениха был венец. По обе руки от него ехало около сотни сыновей правителей и эмиров, одетых в белое и верхом на украшенных лошадях. На головах у них были украшенные драгоценными камнями шапочки. Они были сверстниками жениха, и все как один – безбородые. С появлением [жениха] людям стали бросать динары и дирхамы. Султан сидел на возвышении, откуда наблюдал за происходящим. Его сын спешился и поцеловал его ногу, а затем поднялся на помост к невесте. Она встала [жениху навстречу] и поцеловала его руку. Он сел с ней рядом, в то время как знатные дамы обмахивали ее [опахалами]. Затем принесли орехи арековой пальмы и бетель. Жених взял немного в руку и вложил в рот [невесте], а затем и она взяла [немного] двумя руками и вложила ему в рот. Потом жених взял губами лист бетеля и вложил его в рот [невесте], а все это [происходило] на глазах у людей, и она сделала так же, как сделал он⁴³. Затем [невесту] накрыли покрывалом, и помост с [новобрачными] подняли и внесли во дворец. Люди поели и разошлись. На следующий день они собрались, и отец провозгласил [сына] своим преемником. Люди присягнули ему, и он щедро одарил их одеждами и золотом.

Я провел на этом острове два месяца, а затем отплыл на одной из джонок. Султан подарил мне много алоэ, камфары, гвоздики и сандала, а также снабдил провизией.

***

Я прибыл в Фес и предстал перед Абў ‘Инāном... Его знания заставили меня забыть о знаниях правителя Джāўы⁴⁴.

¹ Қāлиқўт – порт на Малабарском побережье Индии.

² *Какам* – небольшое судно типа джонки (см. ниже), сопровождавшее более крупный корабль и оснащенное каютами (Dunn 1986: 224).

³ Сунуркāўāн – порт в Бенгалии.

⁴ Джонка – парусное судно, распространенное в Восточной и Юго-Восточной Азии. Подробный рассказ об этих кораблях см. ранее в «Путешествии» Ибн Баттуты (Voyages... 1858 (IV): 91-94). *Jong* или *junk* путешественники с запада называли как китайские морские суда, так и корабли народов Юго-Восточной Азии к востоку от Малаккского пролива. П. И. Мангэн полагает, что в Южно-Китайском море существовала смешанная кораблестроительная традиция (Manguin 1993: 265-274).

⁵ *Аш-шакī* и *ал-баркī* – деревья рода *Artocarpus*, близкие родственники хлебного дерева, дающие крупные съедобные плоды. Вероятно, это джекфрут (*Artocarpus heterophyllus*) и чемпедак (*Artocarpus champeden*) (The Travels... 1829: 104-105). Подробный рассказ о плодах *аш-шакī* и *ал-баркī* можно найти в той части «Путешествия» Ибн Баттуты, которая посвящена Индии (Voyages... 1855 (III): 126-127).

⁶ Джамун (также джамбул, джамболан) – распространенное в Индии и Юго-Восточной Азии тропическое дерево (*Syzygium cumini*), дающее небольшие плоды темно-фиолетового цвета.

⁷ О золоте и меди в Самудре-Пасае сообщают и другие письменные источники (Hall 1981: 41). Среди археологических находок, обнаруженных в окрестностях г. Гедонг – медные и серебряные монеты, а также отчеканенные при Малике аз-Захире золотые дирхамы, о которых, впрочем, Ибн Баттута не упоминает (Tinggalan Sejarah... 2014: 21). Медные монеты могли быть и китайского происхождения – на протяжении почти всего правления династии Сун (960-1279) они в больших количествах экспортировались в Юго-Восточную Азию (Wade 2009: 223, 225).

⁸ Начальник порта в средневековых малайских государствах носил персидский титул *шахбандара* и был одним из высших должностных лиц. *Шахбандар* инспектировал прибывающие и отплывающие суда, был главой порта, начальником таможни и защитником иноземцев (Winstedt 1950: 74) (См. также: Moreland 1920, Purbatjaraka 1961).

⁹ Конструкция предложения такова, что название *ас-сархā* может относиться как к порту, так и к расположенным в нем постройкам. Г. А. Р. Гибб высказывает предположение, что упоминаемые здесь дома – это какие-то государственные учреждения (Ibn Battuta 1929: 367). *Сархā* как топоним, насколько известно, не упоминается в других источниках.

¹⁰ Ср. сообщение одного из спутников адмирала Чжэн Хэ, китайского мусульманина Ма Хуаня, о Самудре: «Когда корабль отплывает из Малакки на запад и идет с попутным восточным ветром пять дней и ночей, то сначала он прибывает в деревню на морском побережье, которая называется Та-лу-ман; причалив там и проехав примерно десять *ли* (3 мили) на юго-восток, можно достичь указанного места» (Цит. по: Groeneveldt 1876: 85). Возможно, порт, в котором высадился Ибн Баттута, – это Джамбу Аир, поселение на северо-восточном побережье Суматры (Yule 1916 (IV): 96). В «Седжарах Мелайю» есть упоминания о том, как те, кто направлялся в Самудру, сначала прибывали в Джамбу Аир (Ревуненкова 2008: 185, 200). Из оборотительных соображений поселения в устьях рек, столь характерные для малайского мира, часто располагались не на берегу моря, а выше по течению (Airties 2003: 92).

¹¹ *Қādī* – мусульманский судья.

¹² Сеййид – титул человека, возводящего свою родословную к пророку Мухаммаду. Чаще всего так называли потомков внука Пророка – Хусейна, тогда как потомков его брата Хасана называли шарīфами (Ислам 1991: 294). И к сеййидам, и к шарīфам могли причисляться люди, не имевшие отношения к дому Мухаммада.

¹³ Фақйхи – законоведы, знатоки мусульманского права (фиқха). Правители Самудры привлекали ко двору мусульманских богословов и правоведов с Ближнего Востока и поощряли ведение теологических споров. Имена упомянутых Ибн Баттутой фақйхов, а также представителя начальника порта говорят об их персидском происхождении (хотя *шйрāзй* могло быть общим термином, означавшим торговца, безотносительно к происхождению (Laffan 2009: 60)). Амйр Сеййид аш-Шйрāзй был главным қādī при султানে Малике аз-Захире, а Тāдж ад-Дйн ал-Исфāхāнй – главным муфтием. На севере Суматры найдены могилы этих пасайских улемов (Денисова 2002: 259).

¹⁴ Шафиитский мазхаб – богословско-правовая школа внутри суннитского направления ислама, основанная Мухаммадом аш-Шафии (767–820). С XI по XII век шафиизм был господствующим мазхабом в Египте, а сегодня распространен в ряде мусульманских стран Ближнего Востока, Восточной Африки и Юго-Восточной Азии. Большая часть мусульман Индонезии и Малайзии сегодня придерживается шафиитского толка.

¹⁵ Джизья – подушная подать, взимавшаяся в исламских государствах с немусульманского населения, в основном людей Писания, т.е. иудеев и христиан. К. Р. Холл видит в сообщениях Ибн Баттуты о военных походах Малика аз-Захира против язычников, в чьих землях произрастали пряности (об этом путешественник упоминает ниже), отражение сложных отношений между населением внутренних районов Суматры и исламизированным побережьем (Hall 1981: 38). Эта напряженность существовала на протяжении всей истории Самудры-Пасая (двумя веками позднее о ней упоминает Томе Пиреш) и была связана не столько с религиозными разногласиями, сколько с зависимостью султаната от экспорта продуктов, поставлявшихся населением внутренних областей в качестве дани. Регулярное поступление пряностей обеспечивали карательные походы (Там же).

¹⁶ Средневековый этикет многих стран предписывал спешиваться в знак почтения к человеку более высокого статуса, а въезжать во двор замка или дворца верхом обычно имел право только правитель (Ибрагимов 1988: 116).

¹⁷ Мишўар – большой зал с тронном правителя, помещение для приемов, которое могло не иметь крыши.

¹⁸ Наместник султана – по-видимому, премьер-министр или первый везир. Во всех малайских княжествах, кроме Малаккского султаната, наместник правителя носил титул мангкубуми (Ревуненкова 2008: 148). Возможно, «опора государства» (араб. *'умдат ал-мулк*) является вольным переводом этого малайского титула.

¹⁹ Одаривание одеждой было распространенной формой выражения милости правителя как на Малайском архипелаге, так и на Ближнем Востоке. Жалование почетными одеждами было принято, в частности, при дворе Аббасидских халифов (Хилал ас-Саби 1983: 67-69). Однако в малайском мире ткань, одежда и обмен ими всегда имели первостепенное ритуальное значение. В Малаккском султанате обряд одаривания одеждой сопровождал церемонии присвоения титулов и прием дипломатических миссий, причем набор и количество преподносимых предметов зависели от ранга получателя (Ревуненкова 2008: 117). Церемониальные функции одежды находят яркое отражение в «Седжарах Мелайю» (Там же: 216) и «Хикайят раджа-раджа Пасай» (Сказания... 1982: 142; Hall 2001: 213-216). Упоминания об одаривании одеждой см. также в первом путешествии Синдбада и у Бузурга ибн Шахрийара в рассказе о крокодилах в серйрской бухте.

²⁰ Ячменный напиток (араб. *ал-фуққā*) – пиво на основе ячменя (в отличие от *мазара*, пива из пшеницы) (Description..., 1847, p. 131). Однако Махди Хусайн полагает, что Ибн Баттута называл так безалкогольный ячменный напиток, который употребляли после еды для лучшего усвоения пищи (The Rehla... 1953: 66). Напиток из ячменя (*jelai*) распространен и по сей день в современной Малайзии.

²¹ Бетель (араб. *ат-манабўл*) – распространенная в Южной и Юго-Восточной Азии жевательная смесь, состоящая из листьев бетелевой лозы (*Piper betle*), мелко нарезанных орехов арековой пальмы (*Areca catechu*) и небольшого количества извести. Бетелевая смесь используется как тонизирующее средство и при жевании окрашивает полость рта и слюну в красно-бурый цвет. В малайской культуре жевание бетеля выполняло и продолжает выполнять многочисленные этикетные и ритуальные функции. Бетель был важным атрибутом различных праздников и официальных церемоний. Его употребление завершало торжественные приемы и часто было заключительным действием после обычной трапезы. Не предложить гостю бетель считалось грубым нарушением этикета (Ревуненкова 2008: 165; Ghazzali 1933: 282).

В средние века употребление бетеля было широко распространено в бассейне Индийского океана вплоть до Южной Аравии и Восточной Африки. Об употреблении этой смеси жителями не только Йемена, но также Мекки и Хиджаза сообщает ал-Мас'уди (Maçoudi 1863 (II): 84). Сам Ибн Баттута неоднократно упоминает бетель в своем «Путешествии» – не только в рассказе о Суматре, но также и в главах, посвященных Индии, Мальдивским островам, Восточной Африке и Южной Аравии. Сообщения путешественника не только отражают широту рас-

пространения практики жевания бетеля в XIV в., но также свидетельствуют о схожести ее этикетных функций в разных частях индоокеанской акватории. В рассказах Ибн Баттуты бетель часто преподносят по различным поводам – по случаю торжества, в знак гостеприимства или же просто после приема пищи. Подробный рассказ о бетеле можно найти в аравийских главах «Путешествия» (Voyages... 1854 (II): 204-206).

²² *Ал-мухмалāt* – от *ал-мухмал* (араб. «бархат»).

²³ Подушки – араб. *ал-махādд*; *ал-бауāлиит* имеет то же значение.

²⁴ Имеется в виду индийский султан Мухаммад ибн Туглак (1325-1351).

²⁵ Мақсӯра – специальное место в мечети, предназначенное для молитвы правителя.

²⁶ Послеполуденная (или предвечерняя) молитва – третья из пяти предписанных исламом ежедневных молитв, совершаемая перед закатом.

²⁷ Шарīфы – см. комментарий №12.

²⁸ Зонт играл важную роль в малайском придворном этикете и был символом статуса. Зонты различались по форме, цвету и материалу и, как правило, были богато украшены. По словам самого Ибн Баттуты, в Индии и Китае зонт был неотъемлемым атрибутом правителя (The Rehla... 1953: 49).

²⁹ В исламе патрилатеральный ортокузенный брак (брак с дочерью дяди со стороны отца) является наиболее предпочтительным. Однако на Малайском архипелаге близкородственные браки между членами правящего дома существовали еще до принятия ислама. В семьях правителей минангкабау заключение браков между двоюродными братьями и сестрами, детьми двух братьев, было распространенной практикой (Winstedt 1950: 87).

³⁰ Схожее сообщение, но только о Чампе, есть у Марко Поло: «В этом царстве, знайте, ни одна девушка, прежде нежели ее увидит царь, не смеет выйти замуж; если она понравится царю, он берет ее себе в жены, а коли нет, дает денег, чтобы выходила замуж» (Цит. по: Книга Марко Поло 1956: 174). Там же можно найти сюжет о Ма'баре, перекликающийся с рассказом Ибн Баттуты, но лишенный дальнейшего развития действия: «Расскажу вам теперь о других диковинках; у царя пятьсот законных жен. Увидит он красивую женщину или девушку, и коль она ему понравится, берет он ее себе. Случилось здесь вот что: увидел царь у брата красавицу-жену, взял ее себе и не отпускал. А брат был человек умный, стерпел и шума не поднимал» (Там же: 184). Ряд параллелей с главой Марко Поло о Ма'баре встречается также ниже в рассказе Ибн Баттуты о Мул Джāйе (см. далее в комментариях).

³¹ Речь идет о том, что судоходство в Индийском океане зависело от муссонов. По-видимому, Ибн Баттута дождался начала юго-западного муссона, дувшего в Индийском океане и Южно-Китайском море с апреля по октябрь.

³² Қмāра – Кхмерское царство.

³³ Ср. сообщение китайского автора XIII в. Чжао Жугуа о методах, при помощи которых суматранское царство Шривиджая поддерживало свое господство на торговых путях: «Если проходящие мимо корабли не заходят [в порт], то сразу же выплывают суда и затевают бой, с тем, чтобы их непременно уничтожить. Поэтому суда этой страны сосредоточены здесь» (пер. М.Ю. Ульянова (Чжао Жугуа 1996: 145; ср.: Тюрин 1980: 34)). Сам Ибн Баттута рассказывает о схожей практике в одном из индийских портов: «Там [в Факанауре] принято, чтобы каждый корабль, проходящий мимо города, становился на якорь, а главе города следует преподнести подарок. Это называют торговой пошлиной. Кто не соблюдает этого обычая, того преследуют жители города на своих кораблях и насильно доставляют в порт. Потом они накладывают на него двойную пошлину и не пускают плыть дальше столько времени, сколько им заблагорассудится» (Цит. по: Хенниг 1962: 203).

³⁴ Производство собственных хлопковых тканей получило развитие в Юго-Восточной Азии только в XVI-XVII вв.; до этого большая их часть ввозилась из Индии (Hall 1996: 103-107).

³⁵ Катай (араб. *ал-Хатā*) – северная часть современного Китая, южный Китай арабы называли *ас-Сйн*. Такое разделение характерно и для европейских средневековых путешественни-

ков, в зависимости от того, достигали ли они Китая по суше или по морю. Деление китайцев на северных (*серов*) и южных (*синов*) было известно еще античным авторам (Пигулевская 1951: 65). Сообщение Ибн Баттуты об использовании на севере Китая слонов всегда вызывало у исследователей сомнения в том, что тот путешествовал по стране дальше ее южного побережья (Yule 1916 (IV): 48).

³⁶ «Мир идущему по правильному пути!» (араб. *Ас-салām ‘алā ман иттаба ‘а л-худā*) – такое приветствие использовалось при обращении к немусульманам, тогда как формула «*Ас-салām алейкум*» применялась только по отношению к единоверцам (Ibn Battuta 1929: 367).

³⁷ По-видимому, имеется в виду Мухаммад ибн Туглак.

³⁸ Р. Элгер указывает на параллель между рассказом Ибн Баттуты об обычае правителя Мул Джәўы сидеть на земле и сообщением Марко Поло о Ма’баре (Elger 2010: 83):

«Есть у них вот еще какой обычай: и царь, и его князья, да и все люди сидят на земле; а спросишь их, почему они не сядут попочетнее, отвечают они, что на земле сидеть всего почетнее: из земли мы вышли, туда вернемся; слишком много почтить землю никто не может, и никто не смеет ее презирать» (Книга Марко Поло 1956: 185).

В той же главе о Ма’баре находит отражение упомянутое Ибн Баттутой обстоятельство – наличие лошадей только у султана:

«Кони здесь не водятся и весь годовой доход или большая его часть расходуется на покупку лошадей, и вот как это делается: купцы из Курмоза [Ормуз], Киша [Кейс], Дуффара [Зафар], Соера [Эс-Сохар], Адена 13 и из всех тех областей, где много коней, ратных и всяких других, закупают там хороших лошадей, ставят их на суда и привозят их этому царю и его четверем братьям-царям; продают они их по пятьсот золотых за каждого, что составляет более ста серебряных марок. Ежегодно царь покупает тысячи две коней и побольше; столько же покупают братья; а к концу года и ста коней у них не остается, остальные околевают; коновалов у них нет, ходить за лошадьми не умеют, от дурного ухода и падеж на коней; а купцы, что привозят коней на продажу, коновалов сюда не пускают и с собой их не привозят; желательно им, чтобы кони не водились у царей».

³⁹ Представляется затруднительным прокомментировать это свидетельство Ибн Баттуты на основе наших знаний о малайских реалиях того времени. Р. Элгер обращает внимание на сходство этого сообщения с рассказом Марко Поло о Ма’баре (Elger 2010: 83), который звучит следующим образом:

«В этом царстве вот еще какой обычай: если кто учинит какое злодейство, за что смерть полагается, и царь прикажет его казнить, объявляет тогда приговоренный к смерти, что желает сам себя убить в честь идолов и из любви к ним. Царь соглашается, и вот тогда родные и друзья преступника сажают его на колесницу, дают ему двенадцать ножей, возят по всему городу и возглашают: «Сей храбрец пожелал сам себя убить из любви к таким-то идолам». Вот так-то, как я рассказал, носят они его по всему городу, а как придут к тому месту, где расправа чинится, приговоренный к смерти берет нож и громко кричит: «Из любви к таким-то идолам убиваю себя». После того берет нож и перерезает одну руку, а потом другим ножом другую руку; третий нож всаживает в живот. Что же вам еще сказать? Режет он себя ножами до тех пор, пока не помрет, а как помрет, родные в великой радости сжигают его тело» (Книга Марко Поло 1956: 184-185).

Аналогичный сюжет, также в связи с Ма’баром, приводит Одорико Порденоне:

«Есть у них и другой обычай: приходит человек и молвит: «желаю отдать себя в жертву моему богу». И тогда друзья его и родичи и все скоморохи этой местности устраивают празднество тому, кто желает принять смерть за своего бога. И вешают на шею этому человеку пять преострых ножей и ведут его к идолу, а он берет один из этих ножей и, возглашая «за бога моего режу плоть свою», отрезает в том месте, где ему угодно, кусок живого мяса и бросает его

идолу в лицо, приговаривая: «умираю по обету за бога моего», и так иссекает он себя ради своего бога. А тело тотчас же уносят и сжигают, а человека того почитают святым, говоря, что решил он себя во славу своего идола» (После Марко Поло 1968: 181).

Наиболее близко к рассказу Ибн Баттуты сообщение Журдена де Северака, который пишет о Великой Индии (включающей также и Малайский архипелаг):

«В этой Великой Индии многие поклоняются идолам таким образом: если кто захворает или попадет в беду, то дает он обет идолу и клянется нерушимо оный соблюсти, коль скоро недужному полегчает. И вот, выздоровев, эти люди... с песнями и плясками шествуют к идолу... и, поклоняясь идолу, держат они в руках двуручный меч, подобный ножу, которым сдирают шкуру; и, порезвившись вдосталь, заводят меч за шею, с силою дергают его и отсекают перед этим идолом себе голову» (Там же: 148-149).

⁴⁰ Зейтун – арабское название китайского порта Гуанчжоу.

⁴¹ Томе Пиреш, писавший в XVI в., утверждает, что в Пасае не строили кораблей из-за недостатка древесины, однако султаны владели яванскими судами, перевозившими их товары по всему Архипелагу (Hall 1981: 36). Также речь может идти о частных малайских судах, базировавшихся в порту Самудры (Там же: 41).

⁴² Рух – гигантская птица, образ которой распространен в средневековом арабском фольклоре.

⁴³ Свадебная церемония на Северной Суматре сохраняет множество элементов индуистского ритуала (Loeb 2013: 277). Важнейший ее момент заключается в восседании жениха и невесты на возвышении и кормлении друг друга рисом. Бетель также играет важную роль в свадебной обрядности. Во время сватовства сторона жениха преподносит бетель представителям невесты, и те принимают его в знак согласия. Само слово «свататься» в малайском языке происходит от названия ореха арековой пальмы (Ревуненкова 2008: 166; Ensiklopedia... 1994: 92). Совместное употребление женихом и невестой бетеля, описанное Ибн Баттутой, вероятно, выполняет те же функции, что и взаимное кормление рисом.

⁴⁴ Ибн Баттута приводит длинный перечень достоинств султана Абӯ ‘Инāна в сравнении с другими известными ему правителями земли.

***

Малайские главы «Путешествия» Ибн Баттуты ставят перед исследователями вопросы, на которые еще предстоит найти ответы. Проблемы восстановления маршрута путешественника через Малаккский пролив и идентификации топонимов Қақула и Мул Джәйә были рассмотрены выше в третьей главе. Также остается неясным, о каком султани Самудры-Пасая идет речь в «Путешествии». Упомянутый Ибн Баттутой Малик аз-Захир (под этим именем известен султан Мухаммад, сын Малика ас-Салиха) правил до 1326 г. – сохранилось его надгробие в окрестностях г. Лхоксемаве. Однако время визита путешественника приходится на правление его сына султана Ахмада (1326-1406). В 1326 г. Ибн Баттута только начинал свои странствия и никак не мог побывать на Суматре ранее, разве что вся хронология его путешествий неверна. По всей вероятности, путешественник встречался с султаном Ахмадом (Hill 1963: 15). Имя Малик аз-Захир было династическим именем нескольких правителей султаната начиная с султана Мухаммада (Там же: 14) и может указывать как на отца, так и на сына. Но, все же, некоторые сообщения путешественника соотносятся с правлением именно Мухаммада Малика аз-Захира

(Денисова 2002: 259). Не исключено, что эти сведения передавались с чужих слов или восходят к неизвестному нам более раннему письменному источнику.

Интересное объяснение возникшей путаницы предлагает Н. ал-Атгас, по мнению которого Ахмад, вступивший на престол в раннем возрасте, какое-то время после смерти отца – до своей женитьбы – официально не признавался султаном и правил под именем Малика аз-Захира. Исследователь ссылается на существовавшую в малайских государствах практику, согласно которой сын правителя мог наследовать трон лишь после рождения им наследника, и предполагает, что Ибн Баттута стал свидетелем свадьбы именно султана Ахмада (Al-Attas 2011: 31-32). Такое объяснение представляется возможным, но нельзя не обратить внимание на тот факт, что в рассказе путешественника Малик аз-Захир сам присутствует на свадьбе своего наследника, и он и его сын действуют как два отдельных персонажа.

Важно учитывать, что генеалогия правителей Самудры-Пасая остается неясной и без учета свидетельств арабского путешественника. Внутренние источники – эпитафические памятники и малайские исторические хроники, а также устная традиция¹, дают различные версии имен и родственных связей султанов. Представление о Мухаммаде Малике аз-Захире и Ахмаде – отце и сыне – основывается на версии «Седжарах Мелайю», которую подтверждает эпитафия на надгробии XV в. В то же время, «Хикайят раджа-раджа Пасай» называет султана Ахмада внуком Малика аз-Захира, а предание о Самудре – его племянником (Cowan 1973: 256-259). Если имя Малика аз-Захира присутствует с незначительными расхождениями в написании во всех упомянутых источниках (собственное имя Мухаммад упоминается в эпитафике и устной традиции), то Ахмад фигурирует также как Ахмад Пермадала Пермала («Хикайят раджа-раджа Пасай») и Раджа Бакой (предание) (Там же). Год смерти Ахмада, 1406, подразумевает, что на момент визита Ибн Баттуты султан должен был быть достаточно молод, однако рассказ путешественника этого никак не отражает – напротив, создается впечатление о зрелом правителе, отце взрослого сына. Началом правления Ахмада считается год смерти его предшественника – Малика аз-Захира, но не исключено, что на протяжении какого-то отрезка его предполагаемого восьмидесятилетнего царствования Самудрой мог править кто-то еще, возможно, отец Ахмада – сын или брат Малика аз-Захира. Тем не менее, вряд ли стоит говорить о такой возможности без достаточных на то оснований, или же, как это делают некоторые индонезийские исследователи, включать в число правителей Самудры некоего «Малика аз-Захира II» (Taqiuddin Muhammad 2015: 109).

Несовпадение по времени между визитом Ибн Баттуты и годами правления Малика аз-Захира с куда большей вероятностью можно было бы объяснить заимствованием рассказа об

---

¹ Предание о Самудре было записано около 1931 г. служащим голландской колониальной администрации в Лхоксемаве, а его текст и французский перевод изданы впоследствии Х.К.Й. Коуаном (Cowan, 1973).

этом султани из неизвестного нам источника. Присутствие плагиата в «Путешествии» установлено и было продемонстрировано рядом исследователей на основе сличения отдельных его частей с различными арабо- и персоязычными текстами (см. выше во второй главе). Рассказ о Малике аз-Захире соответствует схеме, неоднократно используемой Ибн Баттутой в индийских главах сочинения – сначала приводится общая информация о султани или везире, а затем – описание личной встречи с ним путешественника (Trausch 2010: 162). При этом сообщаемые в первой части факты соотносятся с другим, вероятно, использованным Ибн Баттутой/Ибн Джузайем, текстом. Сведения о Малике аз-Захире, таким образом, могут восходить к более раннему источнику, что не исключает, впрочем, встречи путешественника с его преемником. Обилие в тексте бытовых подробностей и этнографических деталей свидетельствует, все же, в пользу личного знакомства Ибн Баттуты (или его информанта) с малайским миром. О том, в какой мере – полностью или частично – могло быть заимствовано описание Самудры в «Путешествии» Ибн Баттуты, можно говорить лишь в случае обнаружения источника.

Гораздо больше вопросов вызывают смешанные друг с другом сообщения о Мул Джәәе и Қәқуле. Рассказы о пряностях в них выглядят инородной вставкой, лишь слегка затушеванной завершающей их фразой: «Все это я видел своими глазами». В последнее сложно поверить, поскольку рассказы эти передают скорее распространенные представления о растениях, в ряде случаев не соответствующие действительности. Пассаж о пряностях строится, по сути, все по тому же принципу «книжные факты – личный опыт», но в иной пропорции. За вычетом этого отступления, свидетельства Ибн Баттуты о Мул Джәәе и Қәқуле представляются куда более скудными, чем его рассказ о Самудре, и лишены подробного описания пребывания путешественника в тех местах. Тот факт, что ряд сюжетов из секции о Мул Джәәе (сообщения о лошадях, обычай султана сидеть на земле и ритуальном самоубийстве) и, возможно, примыкающий к ней рассказ о мятеже в Самудре (см. выше в комментариях) перекликаются со свидетельствами Марко Поло Ма'баре, наводит на мысль о возможном плагиате. К такому выводу можно прийти не столько из-за сходства самих сюжетов, сколько из-за присутствия схожего их набора в обоих сочинениях.

Если Р. Элгер прав в том, что одним из методов маскировки заимствований в «Путешествии» был перенос рассказов из одного места в другое (в частности, он находит пример пересказа Ибн Баттутой сюжета из «Чудес Индии» Бузурга ибн Шахрияра с его переносом из Йемена в Новый Хурмуз (Elger 2010: 78-79)), то эти сообщения путешественника могут не иметь отношения к Юго-Восточной Азии. Однако использование Ибн Баттутой или Ибн Джузайем свидетельств Марко Поло (Elger 2010: 81-83), все же, представляется маловероятным. Скорее, можно говорить о происхождении вышеупомянутых сюжетов из общего источника. Как и «Путешествие», книга Марко Поло представляет собой скорее описание известного мира, чем ити-

нерарий – путешественник бывал не во всех упоминаемых им местах (Jackson 1998; Jack-Hinton 1964: 54), а значит, рассказ о Ма'баре может быть заимствованием. Учитывая, что до XIII в. контакты европейцев с Индией и Китаем оставались преимущественно опосредованными, общий источник заимствований для двух сочинений с большей долей вероятности следует искать среди ближневосточных текстов.

Оригинальность свидетельств Ибн Баттуты о малайско-индонезийском регионе, таким образом, вызывает определенные сомнения. Однако сложно говорить о заимствованиях до тех пор, пока не известны их источники. В случае с рассказом о Малике аз-Захире таким источником могло бы стать сообщение ближневосточного или индийского факиха, побывавшего на Суматре в первой четверти XIV в. Присутствие в описании Самудры ряда персидских слов (примечательно, что в китайских главах сочинения персидские слова так же выдаются за китайские или монгольские (Fauvelle-Aumar, Hirsch 2003: 93-94)), а также то, что топоним Мул Джāуа, помимо Ибн Баттуты, можно найти лишь у персидского автора, возможно, указывает на персоязычный источник. Известно, например, что мамлюкский энциклопедист ал-'Умари (1301-1349) – составитель многотомного труда «Масāлик ал-абсār фй мамāлик ал-амсār» («Пути взоров по государствам крупных центров»), всю жизнь проживший в Сирии и Египте, в своем описании Китая опирался на сведения со слов путешественников из Персии и Ирака, среди которых были купцы и правоведы (Крачковский 2004: 410). Таким правоведом мог быть и гипотетический информант, к чьим свидетельствам восходят сообщения Ибн Баттуты. Составители «Путешествия» могли быть знакомы и с самим текстом ал-'Умари (Р. Элгер демонстрирует параллели между двумя сочинениями в описаниях Анатолии и Китая (Elger 2010: 74-77, 79-81)). Однако, к сожалению, текст труда ал-'Умари остался мне недоступен.

Поиск возможных источников заимствования для малайских глав «Путешествия» Ибн Баттуты составляет отдельную исследовательскую задачу и может стать темой отдельного исследования. Но, так или иначе, содержащийся в них материал, вне зависимости от своего происхождения, представляет интерес с историко-этнографической точки зрения и может служить источником по истории Юго-Восточной Азии. С той лишь оговоркой, что сообщения путешественника о регионе, возможно, не являются целиком и полностью рассказом очевидца, а представляют собой традиционную для арабской описательной географии компиляцию сведений из нескольких источников, одним из которых могли быть и свидетельства самого Ибн Баттуты. Следует помнить также, что принадлежность «Путешествия» к жанру *рихла* ставит его ближе к художественному произведению, чем к научной географии (Beckingham 1993), и допускает наличие в нем определенной доли вымысла.

Заключение

В диссертации были рассмотрены свидетельства арабских источников IX–XIV вв. о малайско-индонезийском регионе. Эти тексты охватывают средневековый период в малайской истории, достаточно слабо освещенный в других источниках, и составляют источниковедческую базу для его изучения. Важнейшее значение имеют сообщения арабских авторов IX–X вв., отражающие активные контакты между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией в эпоху расцвета Шривиджайи. Для позднего средневековья особый интерес представляют свидетельства Ибн Баттуты, которые относятся к периоду возвышения портовых княжеств Северной Суматры.

Основной объем материалов по малайско-индонезийскому региону содержится в арабских текстах IX–X вв., которые служат источниками заимствований для авторов последующих веков. Единственным оригинальным свидетельством после XI в. является «Путешествие» Ибн Баттуты (хотя некоторое количество новых данных содержит также труд Ибн Саида). Отсутствие свежей информации о Юго-Восточной Азии в арабских источниках XI–XIII вв. объясняется в большей мере переориентацией торговых путей и изменением политической обстановки на Ближнем Востоке, чем упадком торговых связей между двумя регионами. Обилие свидетельств о Малайском архипелаге в сочинениях аббасидского периода могло быть связано с близостью оживленных торговых портов Персидского залива к столице халифата и центрам литературной жизни, а их скудость в последующие века – с перемещением политических и культурных столиц арабского мира в Египет и Магриб.

Рассмотренные тексты представлены сочинениями различных жанров, однако большая часть их относится к категории описательной географии. Это направление включает в себя как административные справочники, космографии и энциклопедии, так и рассказы путешественников. Лишь немногие из арабских путешественников – ал-Мас‘уди, Абу Дулаф и Ибн Баттута – претендуют на непосредственное знакомство с малайско-индонезийским регионом, однако оригинальность их свидетельств вызывает сомнения. Большая часть текстов представляет собой компиляции, основанные на устных и письменных источниках разных веков. Компилятивность, распределенное авторство, вневременной характер материала, а также отсутствие четкой грани между фактами и вымыслом, художественной и нехудожественной литературой составляют специфику данной группы сочинений.

Указанные особенности средневековой арабской литературы значительно затрудняют интерпретацию содержащихся в ней сведений. Пассажи из работ разного времени, временами противоречащие друг другу, нередко инкорпорируются в текст без каких-либо разграничений или отсылок к первоисточнику. Поэтому датировка арабских свидетельств о малайском мире и

оценка их достоверности не всегда представляются возможными. Основным методом работы с такими источниками остается сопоставление сообщений разных авторов и прослеживание заимствований. Отдельные сложности связаны также с искажением оригинального текста сочинений на многочисленных этапах переписки и редактуры. От ошибок переписчиков страдают, в первую очередь, неарабские имена, топонимы и термины, а иногда и сама структура текста.

Интерпретация средневековой арабской топонимики малайско-индонезийского региона составляет трудновыполнимую задачу. Арабские топонимы, обозначающие различные части Юго-Восточной Азии, отличны от современных, а сведения о них, как правило, скудны и не позволяют точно определить их местоположение на карте. Названия островов, городов и стран встречаются в текстах в различных вариантах написания, не всегда сопоставимых друг с другом. Немногие авторы дают координаты пунктов по широте и долготе, и эти данные, как правило, оказываются бесполезны. Поэтому исследователи исторической географии малайского мира вынуждены опираться, в основном, на филологические гипотезы, взаимное расположение географических объектов, а также различные косвенные свидетельства.

Однако и эти критерии нельзя назвать надежными – разные авторы зачастую дают взаимоисключающие указания на местоположение топонимов, а их фонетическое сходство с современными географическими названиями всегда может оказаться просто совпадением. Схоже звучащие топонимы можно найти в разных частях Архипелага; кроме того, названия средневековых малайских портов и государств совсем не обязательно сохранились до наших дней. Для истории региона характерны частые перемещения столиц и центров влияния, обусловленные политическими событиями или изменением береговой линии, а также переименование государств в связи со сменой династий. Нестабильность обстановки в малайском мире в сочетании с консерватизмом арабских географов и их стремлением представить статичную картину мира порождали, таким образом, неизбежную топонимическую путаницу.

Средневековая арабская топонимика демонстрирует знакомство арабов преимущественно с западной частью региона – северо-западным и восточным побережьями Суматры и западным побережьем Малаккского полуострова. В большинстве случаев проблемы идентификации топонимов остаются не до конца решенными. Для многих из них характерно отсутствие фиксированного местоположения на карте и постепенное его смещение под влиянием политических, экономических или культурных факторов. Поздние тексты отличает сохранение устаревшей топонимики наряду с современной, незначительное число новых топонимов и отсутствие свидетельств расширения арабских знаний о регионе на восток. Последнее объясняется отрывом теории от практики, характерным для арабской географии после XI в., и можно предположить, что рассмотренные источники не отражают действительных знаний своего времени.

Арабские описания региона содержат сведения о физической географии, флоре и фауне Малайского архипелага и Малаккского полуострова, полезных ископаемых и пряностях, служивших предметом торговли, а также значительный объем историко-этнографического материала. Временной фактор не играет существенной роли для арабских географов, и сугубо исторические сведения представлены в их свидетельствах о малайском мире достаточно скудно. Во всем корпусе текстов можно найти лишь несколько исторических рассказов, как правило, не датированных. Гораздо ярче в арабских источниках представлены сведения этнографического характера – описания народов малайско-индонезийского региона, их облика, одежды, пищи, религии, быта и нравов, а также рассказы об отдельных обычаях. Этот материал открывает широкое поле для интерпретации и проливает свет на средневековую историко-этнографическую действительность, многие черты которой до сих пор сохраняются в малайской культуре. В настоящем исследовании историко-этнографическим сюжетам было уделено основное внимание. По возможности, они интерпретировались на основе сопоставления с другими письменными и этнографическими источниками.

Рассмотренные материалы позволяют судить о восприятии средневековыми арабами населения региона и его культуры. Образ Малайского архипелага в арабских текстах формировался на основе как универсальных культурных стереотипов, так и действительных наблюдений путешественников. Маркеры антикультуры и эстетика чудесного сочетаются в ней с реалистичными и подробными этнографическими описаниями. В раннесредневековый период малайским народам не находится самостоятельного места в арабском этнографическом дискурсе – их помещают где-то в промежуточной зоне между индийцами и африканскими зинджами, но относят к первым. Однако, наряду с африканцами, на население Архипелага распространяют и те проявления варварства, которые традиционно приписывали народам, населявшим пограничные области известного мира. В результате в арабской литературе создается двойственный образ малайских народов, представленных как развитыми индианизированными государствами, так и «дикими» племенами (что находит подтверждение и в опыте путешественников, сталкивавшихся с разными типами обществ). К XIV в. происходит постепенное замещение арабских представлений о регионе как о загадочной стране чудес и пряностей новым образом Джәўы как периферии расширяющегося мира ислама. Малайский мир начинают воспринимать уже как самостоятельную культурную общность, что находит отражение в появлении в литературе этнонима *ал-джәўй*.

Значительный объем историко-этнографических материалов содержит «Путешествие» Ибн Баттуты. Свидетельства путешественника не только составляют один из самых объемных рассказов о малайском мире среди арабских текстов, но выделяются также и характером изло-

жения, рисуящим яркую картину жизни региона в средние века. Для позднесредневековой эпохи в малайской истории «Путешествие» Ибн Баттуты является единственным предположительно аутентичным арабским источником, не восходящим к классическим трудам IX-X вв. (таким, как «Известия о Китае и об Индии» или работа Ибн Хордадбега) и, в какой-то мере, дистанцированным от основной традиции арабской описательной географии. Тем не менее, оригинальность сообщений путешественника вызывает определенные сомнения. Рассказ о султанате Самудра служит ценным историко-этнографическим источником вне зависимости от того, принадлежит ли он самому Ибн Баттуте. Однако описание дальнейшего плавания путешественника через Малаккский пролив представляется скорее компиляцией разных материалов, не все из которых могут относиться к Юго-Восточной Азии. Поиск возможных источников заимствования для малайских глав «Путешествия» Ибн Баттуты может составить отдельную исследовательскую задачу.

В исследовании были собраны разбросанные по разным изданиям фрагменты средневековых арабских текстов, посвященные малайскому миру. Многие из них впервые переведены на русский язык и, таким образом, впервые вводятся в научное обращение в нашей стране. Прделанная работа может послужить основой для создания свода арабских источников, освещающих средневековый период в истории малайского мира. В диссертации также представлен опыт осмысления их историко-этнографического содержания с учетом, в то же время, и литературных особенностей текстов. Из рассмотренных источников могут быть извлечены сведения широкого исторического значения, касающиеся торговых и культурных связей между двумя регионами в средние века.

Библиография

1. Публикации и исследования

Ахмад ибн Маджид. Книга польз об основах и правилах морской науки / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели Т.А. Шумовского. Т. I-II. – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 2 т.

Бандиленко Г.Г. Атрибуты власти и монархическая концепция: К вопросу о регалиях и ритуализированных действиях как фигурантах политической истории средневековой Нусантары // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XII, 1999. С. 5-22.

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: Валерий Костин, 2001. – 944 с.

Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 784 с.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII-XVI веках. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – 337 с.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII века. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 349 с.

Бернова А.А. Жилище народов Индонезии // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 90-112.

Бернова А.А. Жилище народов Малайзии // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 82-89.

Бируни, Абу Рейхан. Индия / Пер. А.Б. Халидова и Ю.Н. Завадовского // Избранные произведения. Т. II. – Ташкент: Фан, 1963 (Репринт - М.: Ладомир, 1995). – 727 с.

Бируни, Абу Рейхан. Канон Мас'уда / Вступ. статья, пер. и примеч. П.Г. Булгакова и Б.А. Розенфельда // Избранные произведения. Т. V, ч. 1. – Ташкент: Фан, 1973. – 647 с.

Бируни, Абу Рейхан. Канон Мас'уда / Пер. и примеч. Б.А. Розенфельда и А. Ахмедова // Избранные произведения. Т. V, ч. 2. – Ташкент: Фан, 1976. – 636 с.

Брагинский В.И. История малайской литературы VII-XIX вв. М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 496 с.

Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии / Пер. с ар. Р. Л. Эрлих. – М.: Издательство Восточной литературы, 1959. – 131 с.

Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: Китайские источники ранее XI в. – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1978. – 303 с.

Вторая записка Абу Дулафа / Издание текста, перевод, введение и комментарии П.Г. Булгакова и А.Б. Халидова. – М.: Наука, 1960. – 118 с.

Демидчик В.П. Мир чудес в арабской литературе XIII – XIV вв.: Закария ал-Казвини и жанр мирабиллий. – М.: Восточная литература, 2004. – 277 с.

Денисова Т.А. Индонезия // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. I: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 85-98.

Денисова Т.А. Ислам в государствах Малаккского полуострова в XIII-XVI вв. // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. II: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 263-276.

Денисова Т.А. Малайский мир в малайских хрониках XIII-XIX веков: Мореплавание, торговля, шариат. – М.: Издательство МБА, 2012. – 264 с.

Денисова Т.А. Мусульманские султанаты Северной Суматры // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. II: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 255-263.

Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и переводы В.В. Матвеева, Л.Е. Куббеля и др. Т. I: Арабские источники VII–X вв. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960; Т. II: Арабские источники X–XII вв. – М.-Л.: Наука, 1965; Т. III: Арабские источники XII–XIII вв. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1985; Т. IV: Арабские источники XIII–XIV вв. – М.: Восточная литература, 2002. – 4 т.

Захаров А.О. Некоторые замечания о топониме «Ява» в I тысячелетии нашей эры // Вестник древней истории. № 3, 2012. С. 77-92.

Захаров А.О. Политическая история и политическая организация раннесредневековой Индонезии (V-начало X в.). – М.: Институт востоковедения РАН, НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2012. – 202 с.

Захаров А.О. Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): Конструктивистский вариант. – М.: Восточный университет, 2006. – 147 с.

Захаров А.О. Рецензия на: Jordaan R.E., Colless B.E. The Mahārājas of the Isles: The Śailendras and the problem of Śrīvijaya. Leiden: Department of Languages and Cultures of Southeast Asia

and Oceania, University of Leiden, 2009 (Semaian 25). XVIII, 285 pp. // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. Вып. № 15, 2010. С. 287-306.

Ибн Баттута на Суматре и Малаккском полуострове / Вступ. ст., пер. с араб. яз. и коммент. А. А. Янковской // Восток (Oriens). №3, 2014. С. 126-137.

Ибн Сина, Абу Али. Канон врачебной науки. Книга II / Пер. с ар. Ю.Н. Завадовского и С. Мирзаева. – Ташкент: Фан, 1982. – 835 с.

Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан (Известия о странах) / Введение, перевод с арабского, издание текста и комментарии А.С. Жамкочяна. – Ереван: Издательство АН АрмССР, 1979. – 320 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 128 с.

Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1991. – 315 с.

Ал-Йа'куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Вступ. статья, пер., комментарии и указатели Л.А. Семеновой. – М.: Восточная литература, 2011. – 365 с.

Книга Марко Поло / Перевод И.П. Минаева. – М.: Географгиз, 1956. – 378 с.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004. – 919 с.

Куделин А.Б. Автор и традиционалистский канон // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. С. 222-266.

Кулланда С.В. Культурно-религиозные факторы урбанизации Нусантары в средние века: Города-гиганты Нусантары и проблемы их развития // Малайско-индонезийские исследования. Вып. IV, 1995. С. 12-17.

Ле Гофф Ж. Средневековый Запад и Индийский океан: Волшебный горизонт грез // Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 169-179.

Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. – М.: Текст, 2008. – 192 с.

Ал-Мас'уди, Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али. Золотые копи и россыпи самоцветов: История Аббасидской династии 749-947 гг. / Пер. с ар. Д.В. Микульского. – М.: Наталис, 2002. – 800 с.

Матвеев В.В. Средневековая Северная Африка: Развитие феодальных отношений в VII-IX вв. – М.: Наука, 1993. – 269 с.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. – М.-Л, АН СССР, 1939. – 612 с.

Народы Юго-Восточной Азии / Под ред. А.А. Губера, Ю.В. Маретина и др. – М.: Наука, 1966. – 762 с.

Памятники малайской книжности XV-XVII в.: «Повесть о победоносных Пандавах»; «Корона царей» Бухари ал-Джаухари / Пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л.В. Горяевой. – М.: «Восточная литература» РАН, 2011. – 246 с.

Перская И.Ю. Источники по истории Индонезии с древнейших времен по 1917 г. – М.: Наука, 1974. – 390 с.

Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 413 с.

После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / Пер. с латинского и староитальянского, введ. и примеч. Я.М. Света. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968. – 237 с.

Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду, в половине XIV века // Русский вестник. Т. 2, 1841. С. 462-474.

Ревуненкова Е.В. Заметки о малайском этикете // Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. С. 202-223.

Ревуненкова Е.В. Сулалат-ус-салатин: Малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. – СПб: Петербургское востоковедение, 2008. – 672 с.

Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых: Антология классической малайской прозы. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – 391 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. – СПб, 1884. – 588 с.

Тюрин В.А. История Малайзии: Краткий очерк. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. – 264 с.

Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры (V-XV вв.). – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 215-310.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. III. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 472 с.

Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов / Пер. с арабс., предисл. и примеч. И.Б. Михайловой. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 147 с.

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. – 146 с.

Хождение за три моря Афанасия Никитина / Предисл., подгот. текста, пер. и коммент. Н.И. Прокофьева. – М.: Советская Россия, 1980. – 208 с.

Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 597 с.

Чжао Жугуа. “Чжу Фань Чжи” (1225 г.): Сообщение о государстве Шривиджая / Введ., пер. с кит. и коммент. М.Ю. Ульянова // Восток (Oriens). № 6, 1996. С. 141-155.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 591 с.

Шри Кунт-Саптодев. Изобразительное искусство аборигенов Индонезии // Искусство Восточной Азии. – Tandem, 2007.

Шумовский Т.А. Новый источник по истории арабского мореплавания // Страны и народы Востока. Вып. XXVIII, 1994. С. 102-122.

Шумовский Т.А. По следам Синдбада морехода: Океанская Аравия. – М.: Мысль, 1986. – 141 с.

Шумовский Т.А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института Востоковедения АН СССР. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1957. – 230 с.

Якубович М. М. «Собирание знаний» в постклассической исламской философии: Реконструкция логико-смысловой парадигмы // «Рассыпанное» и «собранное»: Стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре. – М.: Садра; Языки славянской культуры, 2015. С. 76-94.

Янковская А.А. География бетеля в «Путешествии» Ибн Баттуты // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. – СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 32-41 (Маклаевский сборник. Вып. 5).

Янковская А.А. Придворный этикет султаната Самудра-Пасай в «Путешествии» Ибн Баттуты // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. – СПб, 2012. С. 404–408.

Янковская А.А. Сообщения арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты о Малайском архипелаге: проблема интерпретации источника // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник статей. Т. 1. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. С. 292-297.

Янковская А.А. Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону // Вестник СПбГУ. Сер. 13, вып. 3 (2014). С. 47-53.

Янковская А.А. Топоним Какула в «Путешествии» Ибн Баттуты и других арабских источниках // Вестник СПбГУ. Сер. 13, вып. 2 (2013). С. 49–54.

A plain and literal translation of the Arabian Nights Entertainments, now entitled The Book of the Thousand Nights and a Night / Transl. R.F. Burton. Vol. VI. – Benares, Kamashastra Society (London): 1885. – 354 p.

Abu-Dulaf Mis'ar Ibn Muhallil's Travels in Iran (circa A. D. 950) / Arabic text with an English translation and commentary by V. Minorsky. – Cairo University Press, 1955. – 136 p.

Aḥbār aṣ-Šīn wa l-Hind: Relation de la Chine et de l'Inde rédigée en 851 / Texte établi, traduit et commenté par J. Sauvaget. – Paris: Les belles lettres, 1948. – 79 p.

Ahmad, S. Maqbul. India and the neighbouring territories as described by the Sharif al-Idrisi in his Kitāb Nuzhat al-muṣhtāq fī'khtirāq al-'āfāq. Pt. 2: Translation and commentary. – Leiden: Brill, 1960. – 181 p.

Ahmad, S. Maqbul. India and the neighbouring territories in the Kitāb Nuzhat al-muṣhtāq fī'khtirāq al-'āfāq of al-Sharīf al-Idrīsī. Pt. 1: Arabic text. – Aligarh, 1954. – 84 p.

Ahmad Y. al-Hassan, Hill D.R. Islamic Technology: An Illustrated History. – Paris: UNESCO, 1992. – 322 p.

Airriess C.A. The ecologies of *kuala* and *muara* settlements in the pre-modern Malay culture world // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 76, No. 1 (284), 2003. P. 81-98.

Al-Azmeh A. Barbarians in Arab Eyes // Past & Present. No. 134 (Feb. 1992). P. 3-18.

Alberuni's India: An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws, and astrology of India, about A. D. 1030 / Edited in the arabic original by E. Sachau. – London, 1887. – 365 p.

Alberuni's India: An account of the religion, philosophy, literature, geography, chronology, astronomy, customs, laws, and astrology of India, about A. D. 1030 / Translated by E. Sachau. Vol. I-II. – London: Trübner & Co, 1887-1888. – 2 t.

Al-Bīrūnī, Abū Raiḥān Muḥammad b. Aḥmad. Kitāb fī Tahqīq-i-Mā-lil-Hind or Al-Bīrūnī's India (Arabic text) / Published by M. Nizamu'd-Din. – Hyderabad: Oṣmānīa University, 1958.

Al-Idrīsī: Opus Geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare student" / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Fasc. I-IX. – Neapoli, Romae, 1970-1984. – 9 t.

Anciennes relations des Indes et la Chine de deux voyageurs mahométans qui y allèrent dans le IX siècle de notre ére / Traduit de l'arabe, avec des remarques sur les principaux endroits de ces relations par E. Renaudot. – Paris, 1718. – 397 p.

Ancient Accounts of India and China, by Two Mohammedan Travellers Who went to those Parts in the 9th Century / Translated from the Arabic by E. Renaudot. – London, 1733. – 260 p.

Andaya, L.Y. *Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka*. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. – 320 p.

Andaya, L.Y. The Search for the 'Origins' of Melayu // *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 32, No. 3 (Oct. 2001). P. 315-330.

Andaya, L.Y. The Trans-Sumatra Trade and the Ethnicization of the 'Batak' // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. Vol. 158, No. 3 (2002). P. 367-409.

Al-Attas, Syed Muhammad Naquib. *Historical Fact and Fiction*. – Kuala-Lumpur: Universiti Teknologi Malaysia, 2011. – 170 p.

Beckingham C.F. *The Rihla – Fact or Fiction?* // *Golden Roads: Migration, Pilgrimage and Travel in Medieval and Modern Islam*. – Richmond: Curzon Press, 1993. P. 86–94.

Braginsky V.I. Two Eastern Christian Sources on Medieval Nusantara // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. Vol. 154, No. 3 (1998). P. 367-396.

Brauer R.W. *Boundaries and Frontiers in Medieval Muslim Geography* // *Transactions of the American Philosophical Society, New Series*. Vol. 85, No. 6 (1995). P. 1-73.

Briggs L.P. *The Ancient Khmer Empire* // *Transactions of the American Philosophical Society, New Series*. Vol. 41, No. 1 (1951). P. 1-295.

Buzurg ibn Shahriyar. *The book of the marvels of India / From the Arabic by L.M. Devic*. – London, 1928. – 172 p.

Chau Ju-Kua: *His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled Chu-fan-chi / Transl. from the Chinese and Annotated by F. Hirth and W.W. Rockhill*. – St. Petersburg, 1911. – 310 p.

Cœdès G. *Le royaume de Çrīvijaya* // *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. Vol. 18, № 1 (1918). P. 1-36.

Cœdès G. *The Indianized States of Southeast Asia*. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1968. – 403 p.

Colless B.E. *Majapahit Revisited: External Evidence on the Geography and Ethnology of East Java in the Majapahit Period* // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 48, No. 2 (228), 1975. P. 124-161.

Colless B.E. *Persian Merchants and Missionaries in Medieval Malaya* // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 42, No. 2 (216), Dec. 1969. P. 10-47.

Compendium libri Kitâb al-boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî // *Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Pars V*. – Lugduni-Batavorum: Brill, 1885. – 365 p.

Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui / Texte arabe, publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn et d'après les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M.A.F. Mehren. – Saint-Pétersbourg, 1866. – 288 p.

Cowan H.K.J. La légende de Samudra // *Archipel*. Vol. 5 (1973). P. 253-286.

Das Kitāb Aġā'ib al-Akālīm as-Sab'a des Suhrab / Hrsgh. Von Hans v. Mžik. – Leipzig: O. Harrasowitz, 1930. – 201 p.

Denisova T.A. Refleksi Historiografi Alam Melayu. – Kuala-Lumpur: Penerbit Universiti Malaya, 2011. – 466 p.

Description de l'Archipel d'Asie par Ibn-Bathoutha / Trad. de l'arabe par M.E. Dulaurier // *Journal Asiatique*. IV ser., t. 9. – Paris, 1847. P. 93-134, 218-259.

Die Reise des Arabers Ibn Batuta durch Indien und China / Bearbeitet von Dr. H. von Mžik. – Hamburg, 1911. – 489 p.

Donkin R.A. *Between East and West: The Moluccas and the Traffic in Spices Up to the Arrival of Europeans*. – Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. – 274 p.

Drakard J. An Indian Ocean Port: Sources for the Earlier History of Barus // *Archipel*. Vol. 37: *Villes d'Insulinde (II)*, 1989. P. 53-82.

Dunn R.E. International Migrations of Literate Muslims in the Later Middle Period: The Case of Ibn Battuta // *Golden Roads: Migration, Pilgrimage and Travel in Medieval and Modern Islam*. – Richmond: Curzon Press, 1993. P. 75-85.

Dunn R.E. *The Adventures of Ibn Battuta, a Muslim Traveler of the 14th century*. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986. – 378 p.

Edwards McKinnon E. Beyond Serandib: A Note on Lambri at the Northern Tip of Aceh // *Indonesia*. No. 46 (Oct. 1988). P. 102-121.

Edwards McKinnon E., Treloar F.E. Analysis of Gold Artifacts from the Kota Cina Site near Medan, Sumatra // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 53, No. 2 (238), 1980. P. 102-116.

Elad A. The Description of the Travels of Ibn Baṭṭūṭa in Palestine: Is It Original? // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. No. 2 (1987). P. 256-272.

Elger R. Lying, forging, plagiarism. Some narrative techniques in Ibn Baṭṭūṭa's travelogue / *Many Ways of Speaking about the Self: Middle Eastern Ego-Documents in Arabic, Persian, and Turkish (14th-20th century)* / Ed. S. Faroqhi, R. Elger and Y. Köse. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 71-88.

El-Mas'ūdī's historical encyclopedia entitled "Meadows of gold and mines of gems" / Translated from the Arabic by A. Sprenger. Vol. I. – London, 1841. – 464 p.

Ensiklopedia Sejarah dan Kebudayaan Melayu. – Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka Kementerian Pendidikan Malaysia, 1994. – 723 p.

Fatimi S.Q. In Quest of Kalah // *Journal of Southeast Asian History*. Vol. 1, No. 2 (1960). P. 62-101.

Fatimi S.Q. Two letters from the Maharaja to the Khalifah: A study in the early history of Islam in the East // *Islamic Studies*. Vol. 2, №1 (March 1963). P. 121-140.

Fauvelle-Aymar F.-X., Hirsch B. Voyage aux frontières du monde: Topologie, narration et jeux de miroir dans la Rihla de Ibn Battûta // *Afrique et histoire*. №1 (2003). P. 75-122.

Ferrand G. Les îles Râmni, Lâmery, Wâkwâk // *Journal Asiatique*. X sér., t. 10. Paris, 1907. P. 450-506.

Ferrand G. Madagascar et les îles Uaq Uaq // *Journal Asiatique*. X sér., t. 3. Paris, 1907. P. 489-509.

Ferrand G. Le Waqwaq est-il le Japon? // *Journal Asiatique*. T. 220. Paris, 1932. P. 193-243.

Ferrand G. Malaka, le Malāyu et Malāyur // *Journal Asiatique*. Paris, 1918. 11e sér, t. 11. P. 393-484; T. 12. P. 51-154.

Flecker M. A ninth-century AD Arab or Indian shipwreck in Indonesia: First evidence for direct trade with China // *World Archaeology*. 32:3 (2001). P. 335-354.

Freeman-Grenville G.S.P. Some Thoughts on Buzurg ibn Shahriyar al-Ramhormuzi: "The Book of the Wonders of India" // *From Zinj to Zanzibar: Studies in History, Trade and Society on the Eastern Coast of Africa*. Bd. 28 (1982). P. 63-70.

Géographie d'Aboulféda / Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. le B.M.G. de Slane. – Paris: Imprimerie nationale, 1840. – 529 p.

Géographie d'Aboulféda / Traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Renaud. T.II, première partie. – Paris: Imprimerie nationale, 1848. – 327 p.

Géographie d'Aboulféda / Traduite de l'arabe par St. Guyard. T. II, deuxième partie. – Paris: Imprimerie nationale, 1883. – 320 p.

Géographie d'Edrisi / Traduit de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée des notes par P. A. Jaubert. Vol. I-II. – Paris, 1836-1840. – 2 t.

Gerini G.E. The Nagarakretagama List of Countries on the Indo-Chinese Mainland (Circâ 1380 A.D.) // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. Jul. 1905. P. 485-511.

Gerini G.E. Researches on Ptolemy's Geography of Eastern Asia: Further India and Indo-Malay Archipego. – London, 1909. – 945 p.

Ghazzali Dato Muhammad. Court Language and Etiquette of the Malays // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 11, pt. 2 (1933). P. 273-287.

Groeneveldt W.P. Notes on the Malay Archipelago and Malacca Compiled from Chinese sources. – Batavia; The Hague, 1876. – 144 p.

Günther S. Assessing the Sources of Classical Arabic Compilations: The Issue of Categories and Methodologies // *British Journal of Middle Eastern Studies*. №32 (1), May 2005. P. 75-98.

Hall K.R. Indonesia's Evolving International Relationships in the Ninth to Early Eleventh Centuries: Evidence from Contemporary Shipwrecks and Epigraphy // *Indonesia*. No. 90: Trans-Regional Indonesia over One Thousand Years (Oct. 2010). P. 15-45.

Hall K.R. Local and International Trade and Traders in the Straits of Melaka Region: 600-1500 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 47, No. 2 (2004). P. 213-260.

Hall K.R. The Textile Industry in Southeast Asia, 1400-1800 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 39, No. 2 (1996). P. 87-135.

Hall K.R. Trade and Statecraft in the Western Archipelago at the Dawn of the European Age // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 54, No. 1 (239), 1981. P. 21-47.

Hall K.R. Upstream and Downstream Unification in Southeast Asia's First Islamic Polity: The Changing Sense of Community in the Fifteenth Century "Hikayat Raja-Raja Pasai" Court Chronicle // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 44, No. 2 (2001). P. 198-229.

Ḥāmid Isma'īl. A Survey of Theories on the Introduction of Islām in the Malay Archipelago // *Islamic Studies*. Vol. 21, No. 3 (aut. 1982). P. 89-100.

Hill A.H. Hikayat Raja-Raja Pasai // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 33, No. 2 (190), Jun. 1960. P. 1-215.

Hill A.H. The Coming of Islam to North Sumatra // *Journal of Southeast Asian History*. Vol. 4, No. 1 (1963). P. 6-21.

Hodgson M.G.S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. Vol. I: The Classical Age of Islam. – University of Chicago Press, 1977. – 539 p.

Hourani G.F. Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times. – Princeton University Press, 1995. – 140 p.

Hunwick J.O. A Region of the Mind: Medieval Arab Views of African Geography and Ethnography and Their Legacy // *Sudanic Africa*. Vol. 16 (2005). P. 103-136.

Ibn Battuta. Travels in Asia and Africa 1325-1354 / Transl. and selected by H.A.R. Gibb. London, 1929. – 398 p.

I-Tsing. A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A.D. 671-695) / Transl. by J. Takakusu. – Oxford: Clarendon Press, 1896. – 240 p.

Jack-Hinton C. Marco Polo in South-East Asia: A Preliminary Essay in Reconstruction // *Journal of Southeast Asian History*. Vol. 5, No. 2 (1964). P. 43-103.

Jackson P. Marco Polo and His 'Travels' // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 61, No. 1 (1998). P. 82-101.

Jakut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris / Hrsg. von F. Wüstenfeld. T. I-VI. – Leipzig, 1866-1873. – 6 t.

Jakut's Moschtarik, das ist: Lexicon geographischer Homonyme. Aus den Handschriften zu Wien und Leyden / Hrsg. von F. Wüstenfeld. – Göttingen, 1846. – 475 p.

Janicsek S. Ibn Baṭṭūṭa's Journey to Bulghār: Is it a Fabrication? // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. No. 4 (Oct. 1929). P. 791-800.

Jordaan R.E., Colless B.E. The Mahārājas of the Isles: The Śailendras and the problem of Śrīvijaya. Leiden: Department of Languages and Cultures of Southeast Asia and Oceania, – University of Leiden, 2009. – 285 p.

Jordaan R.E. Why the Śailendras were not a Javanese dynasty // *Indonesia and the Malay World*. 34:98 (2006). P. 3-22.

Kitâb al-a'lâk an-nafisa auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb al-boldân auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî // *Bibliotheca geographorum arabicorum* / Ed. M. J. de Goeje. Pars VII. – Lugduni-Batavorum: Brill, 1892. – 373 p.

Kitâb al-masâlik wa'l-mamâlik auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdbeh. Accedunt excerpta e Kitâb al-kharâdj auctore Kodâma ubn Dja'far // *Bibliotheca geographorum arabicorum* / Ed. M. J. de Goeje. Pars VI. – Lugduni-Batavorum: Brill, 1889. – 308 p.

Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî // *Bibliotheca geographorum arabicorum* / Ed. M. J. de Goeje. Pars VIII. – Lugduni-Batavorum: Brill, 1894. – 508 p.

Kowalska M. From fact to literary fiction: Medieval Arabic travel literature // *Quaderni di Studi Arabi*. Vol. 5/6: Gli Arabi nella Storia, Tanti Popoli una Sola Civiltà (1987-1988). P. 397-403.

Kullanda S. Nushântara or Java? The acquisition of the name // *Indonesia and the Malay World*. 34:98 (2006). P. 91-98.

L'Abrégé des merveilles traduit de l'arabe d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale par B. Carra de Vaux // *Actes de la Société Philologique*. XXVI. – Paris, 1897. – 416 p.

Laffan M. Finding Java: Muslim Nomenclature of Insular Southeast Asia from Śrīvijaya to Snouck Hurgronje // *Southeast Asia and the Middle East: Islam, Movement, and the Longue Duree*. – Singapore: NUS Press, 2009. P. 17-64.

Laffan M. Finding Java: Muslim Nomenclature of Insular Southeast Asia from Śrīvijaya to Snouck Hurgronje / *Asia Research Institute Working Paper* (University of Singapore). No. 52 (Nov 2005). – 70 p.

Lamb A. A Visit to Siraf, an Ancient Port on the Persian Gulf // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 37, No. 1 (205), Jul. 1964. P. 1-19.

Le livre des routes et des provinces par Ibn Khordadbeh / Trad. Par C. Barbier de Meynard // *Journal Asiatique*. VI ser., t. 5. – Paris, 1865. P. 5-127, 227-296, 446-527.

Les merveilles de l'Inde: ouvrage arabe inédit du X siècle / Traduit avec introduction, notes, index e géographique par L.M. Devic. – Paris: Lemerre, 1878. – 220 p.

Lexicon geographicum cui titulus est Marâşid al-iţţilâ‘ ‘alâ asmâ’ aj amkina wa-l-biqâ‘ / Edidit T. G. Juynboll. T. I-VI. – Lugduni Batavorum, 1852-1864. – 6 t.

Livre des merveilles de l'Inde par le capitaine Bozorg fils de Chahriyâr de Râmhormoz / Texte arabe publié par P.A. Van der Lith. Traduction française par L.M. Devic. – Leiden: Brill, 1883-1886.

Loeb E. M. Sumatra: Sejarah dan Masyarakatnya. – Yogyakarta: Penerbit Ombak, 2013. – 418 p.

Lombard-Salmon C. Srivijaya, la Chine et les marchands chinois (X-XII s.): Quelques réflexions sur la société de l'empire sumatranais // *Archipel*. №63 (2002). P. 57-78.

Maçoudi. Le livre de l'Avertissement et de la Revision / Traduction par B. Carra de Vaux. – Paris: Imprimerie nationale, 1897. – 570 p.

Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. B. de Meynard et P. de Courteille. T. I-IX. – Paris, 1861-1877. – 9 t.

Mahdi W. Yavadvipa and the Merapi Volcano in West Sumatra // *Archipel*. Volume 75 (2008). P. 111-143.

Manguin P.-Y. Palembang and Sriwijaya: An Early Malay Harbour-City Rediscovered // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 66, No. 1 (264), 1993. P. 23-46.

Manguin P.-Y. Trading Ships of the South China Sea: Shipbuilding Techniques and Their Role in the History of the Development of Asian Trade Networks // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 36, No. 3 (1993). P. 253-280.

Manuel de la cosmographie du moyen age / Traduit de l'arabe “Nokhbet ed-dahr fi ‘adjaib-il-birr wal-bah’r” de Shems ed-dîn Abou-‘Abdallah Moh’ammed de Damas et accompagné d'éclaircissements par M.A.F. Mehren. – Copenhague, 1874. – 443 p.

Martin J.A Ceramic Legacy of Asia's Maritime Trade on Tioman Island // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 58, No. 1 (248), 1985. P. 81-90.

Masudi. The Meadows of Gold: The Abbasids / Translated and edited by P. Lunde and C. Stone. – London and New York: Kegan Paul, 1989. – 469 p.

Mas'udi. Les prairies d'or / Édition B. de Meynard et P. de Courteille revue et corrigée par Ch. Pellat. T. VI-VII. – Beyrouth, 1979. – 2 t.

Mattock J.N. Ibn Baṭṭūṭa's Use of Ibn Jubayr's Riḥla // Proceedings of the Ninth Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants (Sept. 1978), Publications of the Netherlands Institute of Archeology and Arabic Studies in Cairo. №4. Leiden: Brill, 1981. P. 209-218.

Miksic J. Classical Archaeology in Sumatra // Indonesia. No. 30 (Oct. 1980). P. 42-66.

Minorsky V. Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the turks and India: Arabic text (circa 1120 A. D.) with an English translation and commentary. – London: The Royal Asiatic Society, 1942. – 170 p.

Modes of Authorship in the Middle Ages / Ed. S. Rancović. – Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 2012. – 427 p.

Moens Ir.J.L., Touche R.J. de. Srīvijaya, Yāva en Katāha // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 17, No. 2 (134), Jan. 1940. P. 1-108.

Mohammad Redzuan Othman. The Origins and Contributions of Early Arabs in Malaya // Southeast Asia and the Middle East: Islam, Movement and the Long Durée. Singapore: NUS Press, 2009. P. 83-110.

Moreland W.H. The Shahbandar in the Eastern Seas // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. No. 4 (Oct. 1920). P. 517-533.

Netton I.R. Basic Structures and Signs of Alienation in the "Riḥla" of Ibn Jubayr // Journal of Arabic Literature. Vol. 22, No. 1 (Mar. 1991). P. 21-37.

Netton I.R. Myth, Miracle and Magic in the Riḥla of Ibn Baṭṭūṭa // Journal of Semitic Studies, vol. XXIX: 1 (1984). P. 131-140.

Nurulwahidah Binti Fauzi, Ali Mohammad, Saim Kayadibi. The religious-intellectual network: The arrival of Islam in the Archipelago // Ottoman Connections to the Malay World: Islam, Law and Society. – Kuala-Lumpur: The Other Press, 2011. P. 1-31.

Pelliot P. Voyage du marchand arabe Sulayman en Inde et en Chine rédigé en 851 suivi de remarques par Abu Hasan (vers 916), traduit par Gabriel Ferrand / T'oung Pao. Vol. XXI. – Leide, 1922. P. 399-413.

Purbatjaraka P. Shahbandars in the Archipelago // Journal of Southeast Asian History. Vol. 2, No. 2 (Jul. 1961). P. 1-9.

Reinaud M. Géographie d'Aboulféda. T. I: Introduction générale à la Géographie des Orientaux. – Paris: Imprimerie nationale, 1848. – 464 p.

Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIII-e au XVIII siècles / Traduits, revus et annotés par G. Ferrand. T. I-II. – Paris: E. Leroux, 1913-1914. – 743 p.

Relations de voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine / Éd. Par L.-M. Langlés. – Paris, 1811.

Relations de voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine dans le IX siècle de l'ère chrétienne / Texte arabe imprimé en 1811 par les soins de feu Langlés publié avec des corrections et additions et accompagné d'une traduction française et d'éclaircissements par M. Reinaud. T. I-II. – Paris: Imprimerie royale, 1845. – 641 p.

Rispler-Chaim V. The Siwāk: A Medieval Islamic Contribution to Dental Care // Journal of the Royal Asiatic Society. 3rd Series, Vol. 2, No. 1 (Apr. 1992). P. 13-20.

Rohr-Sauer A. Des Abû Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestân, China und Indien, neu übersetzt und untersucht / Bonner Orientalistische Studien. Heft 26. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1939. – 72 p.

Roth H.L. The Natives of Sarawak and British North Borneo. Vol. I. – Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968.

Scarduelli P. Accumulation of Heads, Distribution of Food: The Image of Power in Nias // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel 146, 4de Afl. (1990). P. 448-462.

Simon R. Sindbad the Survivor // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 53, No. 1/2 (2000). P. 107-120.

So Kee-Long. Dissolving Hegemony or Changing Trade Pattern? Images of Srivijaya in the Chinese Sources of the Twelfth and Thirteenth Centuries // Journal of Southeast Asian Studies. №29 (1998). P. 295-308.

Specimen e literis orientibus exhibens Kitabo'l-boldan, sive Librum regionum, auctore Ahmed Ibn Abi Jakubi, noto nomine Al-Jakubii quem... nunc primum arabice ed. A. W. Th. Juyboll. – Lugduni Batavorum, 1861.

Suzuki P.T. The Archaeological Remains of Hiligowe, Nias (Indonesia) Decoded // Anthropos. Bd. 74, H. 1/2 (1979). P. 214-218.

Taqiyuddin Muhammad. Daulah Shalihiyyah di Sumatera: Ke Arah Penyusunan Kerangka Baru Historiografi Samudra Pasai. – Lhokseumawe: Center for Information of Samudra Pasai Heritage (CISAH), 2015. – 286 p.

The book of instruction in the elements of the art of astrology by Abū-l-Raiḥān Muḥammed ibn Aḥmed al-Bīrūnī / Transl. by R.R. Wright. – London: Luzac & Co., 1934. – 333 p.

The Rehla of Ibn Battuta: India, Maldiv Islands and Ceylon / Transl. and commentary by Mahdi Husain. – Baroda: Oriental Institute, 1953. – 300 p.

The Travels of Ibn Batuta / Transl. by S. Lee. – London: Murray, 1829. – 243 p.

Tibbetts G. R. *A Study of the Arabic Texts Containing Material on South-East Asia*. Leiden; – London: Brill, 1979. – 294 p.

Tibbetts G. R. *Early Muslim Traders in South-East Asia* // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 30, No. 1 (177), 1957. P. 1-45.

Tibbetts G. R. *The Malay Peninsula as known to the Arab geographers* // *Malayan Journal of Tropical Geography*. Vol. 9 (1956). P. 21-60.

Tibbetts G. R. *Pre-Islamic Arabia and South-East Asia* // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 29, No. 3 (Aug. 1956). P. 182-208.

Tinggalan Sejarah Samudra Pasai. – Lhokseumawe: Center for Information of Samudra Pasai Heritage (CISAH), 2014. – 22 p.

Trausch T. *Rewriting Baranī? The Description of the Delhi Sultanate in the Rihla of Ibn Baṭṭūṭa/Ibn Djuzayy and the Tārīkh-i Fīrūz Shāhī of Ḍiyā' al-Dīn Baranī* // *Asiatische Studien/Études Asiatiques*. LXIV (1), 2010. P. 139-172.

Two Arabic Travel Books: Accounts of China and India by Abū Zayd al-Sīrāfī / Ed. and transl. T. Mackintosh-Smith; *Mission to the Volga by Ibn Faḍlān* / Ed. and transl. by J.E. Montgomery. – New York: New York University Press, 2014. – 312 p.

Uka Tjandrasasmita. *The Sea Trade of the Moslems to the Eastern Countries and the Rise of Islam in Indonesia* // *Studies in Asian History, Proceeding of the Asian History Congress*. – Bombay, 1961. P. 92-97.

Voyage du marchand arabe Sulaymān en Inde et en Chine rédigée en 851 suivi de remarques par Abū Zayd Ḥasan (vers 916) / Traduit de l'arabe avec introduction, glossaire et index par G. Ferrand. – Paris: Éditions Bossard, 1922. – 155 p.

Voyages d'Ibn Batoutah / Texte arabe, accompagné d'une trad. par C. Defrémery et le Dr. B.R. Sanguinetti. T. I-IV. – Paris: Imprimerie Impériale, 1853-55, 1858. – 4 t.

Wade G. *An Early Age of Commerce in Southeast Asia, 900–1300 CE* // *Journal of Southeast Asian Studies*. №40 (2009). P. 221-265.

Wang Gungwu. *The Nanhai Trade: A Study of the Early History of Chinese Trade in the South China Sea* // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 31, No. 2 (182), Jun. 1958. P. 1, 3-135.

Whitehouse D. *Abbasid Maritime Trade: Archaeology and the Age of Expansion* // *Rivista degli studi orientali*. Vol. 59, Fasc. 1/4 (1985). P. 339-347.

Whitehouse D., Williamson A. *Sasanian Maritime Trade* // *Iran*. Vol. 11 (1973). P. 29-49.

Wheatly P. *The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A. D. 1500*. – Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1961. – 328 p.

Wiet G. Les pays / Textes et traduction d'auteurs orientaux, I. – Le Caire, 1937. – 291 p.

Winstedt R.O. The Malays: A Cultural History. London, 1950. – 198 p.

Wolters O.W. A Note on the Capital of Śrīvijaya during the Eleventh Century // *Artibus Asiae, Supplementum*. Vol. 23 (1966). P. 225-239.

Wolters O.W. Early Indonesian Commerce: A Study of the Origins of Śrīvijaya. – Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1967. – 404 p.

Wolters O.W. Landfall on the Palembang Coast in Medieval Times // *Indonesia*. No. 20 (Oct. 1975). P. 1-57.

Wolters O.W. Studying Śrīvijaya // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 52, No. 2 (236), 1979. P. 1-32.

Yamamoto Tatsuro. On Tawalisi Described by Ibn Battuta // *The Oriental Library*. №8. Tokyo, 1936. P. 93-133.

Yule H. Cathay and the Way Thither. Vol. I-II. – London: Hakluyt Society, 1866. – 2 t.

Yule H. Cathay and the Way Thither / New edition revised by H. Cordier. Vol. I-IV. – London: Hakluyt Society, 1913-1916. – 4 t.

Zadeh T. Of Mummies, Poets and Water Nymphs: Tracing the Codicological Limits of Ibn Khurradādhbih's Geography // *'Abbasid Studies*. IV (2013). P. 8-75.

Zakarija Ben Muhammed al-Cazwini's *Kosmographie* / Hrsg. von F. Wüstenfeld. – Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848-1849. – 2 t.

2. Интернет-источники

Taqiyuddin Muhammad. Nisan-nisan Kerajaan Lamuri di Lamreh dan Kuta Leubok, Aceh Besar [Электронный ресурс] // *Al-Misykah: Berita Kebudayaan Islam Asia Tenggara*, 2013-2016. URL: <http://misykah.com/nisan-nisan-kerajaan-lamuri-di-lamreh-dan-kuta-leubok-aceh-besar-1/>. (Дата обращения: 06.04.2016).

3. Полевые материалы автора

Поездки в Индонезию и Малайзию в 2013 и 2014-2015 гг.

Приложение

При передаче топонимов, имен собственных и некоторых терминов использована система транслитерации, принятая при передаче арабских звуков кириллицей. Места, где часть текста была исключена переводчиком, обозначены троеточием.

«Известия о Китае и об Индии» и дополнение к ним Абу Зейда Хасана ас-Сирафи

Перевод фрагментов первой части сочинения выполнен с арабского текста, изданного Ж. Соваже (Aḥbār... 1948), а перевод главы из дополнения Абу Зейда – с текста, опубликованному М. Рено (Relations de voyages... 1845 (I)).

Книга первая

***

В море [Харканда], если плыть по направлению к Серендйбу, есть острова. Число их не велико, но сами они обширны, и точные размеры их неизвестны. Среди них – остров, который называют Рāmнй. На нем несколько правителей, а протяженность его, как говорят, - восемьсот или девятьсот *фарсахов*. Там есть месторождения золота и местность, которая называется Фансӯр. Оттуда происходит прекрасная камфара. К этим островам примыкают другие острова, среди которых – остров, который называется Нийāн. У [местных жителей] много золота, а пища их – кокос, который также используют как приправу и натирают им [тело]. Если один из них захочет жениться, то не может вступить в брак, пока не добудет голову врага. Если он убьет двоих, то женится на двоих, и так же если убьет пятьдесят [врагов], то берет в жены пятьдесят женщин – в обмен на пятьдесят черепов. Причина этого в том, что враги их многочисленны, а тот, кто отваживается на убийство, наживает их себе еще больше. На этом острове – я имею в виду Рāmнй – много слонов. Там есть красный сандал (*баққам*) и бамбук, а также народ, который ест себе подобных. Омывают [Рāmнй] два моря – Харканд и Салāхит.

(Aḥbār... 1948: 4)

***

За островами [Андāmāн] находятся горы, которые лежат в стороне от [основного] маршрута. Говорят, что там есть месторождения серебра, и они не населены. Не каждому кораблю, который туда направляется, удастся достичь [этих гор]. Направление к ним указывает гора, ко-

торая называется Хушнāмī. Мимо проходил один корабль, [моряки] увидели эту гору и направились к ней. Когда они высадились поблизости, чтобы нарубить дров, и разожгли костер, то [из земли] полилось серебро, и они поняли, что там было месторождение. [Моряки] погрузили [на корабль] столько серебра, сколько хотели. Но когда они вышли в море, поднялся сильный шторм, и они выбросили [за борт] все, что взяли оттуда. Впоследствии люди снарядили экспедицию к этой горе, но не смогли найти ее. Подобно этому, в море есть бесчисленное множество недоступных островов, о которых моряки не знают, а до некоторых из них и вовсе не добраться.

Иногда в этом море видят белые облака, которые накрывают своей тенью корабли. Они испускают длинный тонкий язык, так что тот присасывается к поверхности моря. Морская вода вскипает, и это подобно шторму. Если буря настигает корабль, то проглатывает его. Затем тучи поднимаются вверх и проливаются дождем, содержащим морской сор. Не знаю, образуются ли эти облака из моря, и как это происходит. В каждом из этих морей дует ветер, который поднимает волны и бушует до тех пор, пока [море] не вскипит, как в котле, и не выбросит свое содержимое на острова, которые там есть. Оно губит корабли и выбрасывает [на берег] больших, а то и просто огромных мертвых рыб. Случается, [море] выбрасывает большие валуны и [обломки] скал, подобно тому, как лук выпускает стрелу. Что касается моря Харканда, то ветер там отличен от тех, что дуют с запада до созвездия Медведицы. От него море вскипает, как в котле, и выбрасывает много амбры, причем чем больше и глубже море, тем лучше амбра. Когда в этом море – речь идет о Харканде – поднимаются большие волны, то высекают искры, подобные пылающему огню. В этом море есть рыба, которую называют *лухам*. Это тварь, которая заглатывает людей.

(Там же: 5-6)

***

Затем корабли идут к месту, которое называется Калāх-бār, причем Бār называют как страну, так и побережье. Это – владения Зāбаджа, что по правую сторону от Индии. Их объединяет [власть] правителя, а одеваются они в *фўты*. И знать, и простые люди носят [только] одну *фўту*. Пресную воду там берут из колодцев, предпочитая ее воде из источников и дождевой воде. Расстояние между Кўлам-Малай¹ и Калāхом небольшое. От Харканда до Калāх-бāра – месяц [пути]. Затем корабли направляются к месту, которое называется Тийўма. Там есть пресная вода для всех желающих, а расстояние дотуда – десять дней [пути]. Затем суда идут к месту, которое называется Кандурандж², в десяти днях [пути]. Там есть пресная вода для всех желающих. Таковы индийские острова – когда бы ни рыли там колодцы, то находят пресную воду.

¹ Кўлам-Малай (или просто Кўлам) – порт на Малабарском побережье Индии.

² Кандурандж – местность на побережье Индокитая (Tibbetts 1979: 137; Aḥbār... 1948: 9).

Там есть высокая гора, где порой [скрываются] беглые рабы и воры. Затем корабли направляются в место, которое называется Сџанф и находится на расстоянии десяти дней пути.

(Там же: 8-9)

***

Говорят, что на острове, который называется Малджџан¹ и расположен между Серендџибом и Калџахом, что в индийских землях в восточной части моря, есть чернокожий нагой народ. Если они находят чужеземца, то подвешивают его вниз головой, режут [на кусочки] и съедают сырым. Число их велико, живут они [все] на одном острове, и нет у них правителя. Питаются [эти люди] рыбой, бананами, кокосами и сахарным тростником. У них есть укрытия в лесной чаще и зарослях, где они прячутся, подобно диким зверям...

Говорят, что поблизости от Зџабаджа есть гора, которую называют огненной горой и к которой невозможно приблизиться. Днем из нее исходит дым, а ночью – пламя. А у подножия ее бьют два пресных источника – холодный и горячий.

(Там же: 10)

Книга вторая

Рассказ о городе Зџабадж

Начнем с рассказа о городе Зџабадж, что расположен напротив Китая. Расстояние между ними – месяц [пути] по морю, а при благоприятном ветре и того меньше. Правитель [Зџабадж] носит титул Махрџадж. Говорят, что протяженность [страны] – девятьсот *фарсахов*. Этот правитель властвует над множеством островов, и его владения простираются на тысячу *фарсахов*, а то и больше. Ему принадлежит остров под названием Срибуза, протяженность которого, как рассказывают, – четыреста *фарсахов*. Также в числе его владений остров, известный как Рџмџи. Протяженность его – восемьсот *фарсахов*, а растут там красный сандал, камфара и пр. Владеет [Махрџадж] и островом Калџах, расположенным на полпути между Китаем и землями арабов. Протяженность его, как рассказывают, – восемьдесят *фарсахов*. В Калџах свозят алоэ, камфару, сандал, слоновую кость, олово *ал-кал'џи*, черное дерево, красный сандал, всевозможные фрукты и другие товары, перечисление которых заняло бы много времени. Туда в наши дни ходят корабли из Омана, а оттуда – в Оман.

Власть Махрџаджа имеет силу на этих островах, а остров, на котором сам он пребывает, очень плодороден и весь покрыт участками возделанных земель. Человек, чьи слова заслужи-

---

¹ Малджџан (или Малгџан): в арабском тексте, изданном М. Рено, этот топоним передан как Малхџан (*Relations de voyages...* 1845 (II): 22).

вают доверия, рассказывал, что когда петухи кричат на рассвете, как кричат они в наших землях, то перекликаются друг с другом на протяжении ста *фарсахов* и более – это из-за того, что деревни там расположены непрерывной чередой. [Он также рассказывал], что там нет ни пустынь, ни руин, и что путешественник по этой стране верхом может ехать, сколько пожелает, и остановиться, где угодно, если устанет он сам и его верховое животное.

[Вот] одна из поразительных вещей, дошедших до нас в рассказах об этом острове, известном как Зāбадж. Дворец одного из их царей – Махрāджа, [правившего] в давние времена, выходил на *салāдж*, сообщавшийся с морем. *Салāдж* – это русло реки, подобное руслу [Тигра, на котором стоят] Багдад и Басра. В прилив его затопляет морская вода, а в отлив вода в нем пресная. С ним сообщался небольшой пруд, расположенный рядом с царским дворцом. Каждое утро перед [Махрāджем] предстала казначей с золотым слитком в форме кирпича, а сколько *маннов* в [том слитке] – мне неизвестно, и в присутствии правителя бросал его в пруд. Во время прилива вода покрывала этот и другие скопившиеся там слитки, а в отлив отступала, обнажая их. Они сверкали на солнце, а царь любовался на них, восседая на террасе, обращенной к [пруду].

Каждый день в пруд бросали золотой слиток – до тех пор, пока был жив правитель, и никто к ним не прикасался. Когда же тот умирал, то его преемник вынимал [слитки] все до единого. Их пересчитывали, а затем плавил и распределяли между членами царской семьи, мужчинами и женщинами, их детьми, военачальниками и слугами, в зависимости от их ранга и привилегий, полагавшихся каждой из категорий. А то, что оставалось после этого, раздавали бедным и немощным. Число золотых слитков и их вес записывали, и говорилось, что такой-то правил столько-то лет и оставил после себя столько-то золотых слитков в царском пруду, а после его кончины они были разделены между его приближенными. И тот пользуется почетом, кто правил дольше и оставил в наследство больше золотых слитков.

Одна из историй, случившихся с ними в стародавние времена, связана с правителем Қмāра – страны., расположенной напротив царства Махрāджа и острова, известного как Зāбадж. Расстояние между ними – от десяти до двадцати дней [плаванья] по морю, в зависимости от ветра. Говорят, что царь, правивший Қмāром в те далекие дни, был молод и опрометчив. Однажды он сидел в своем дворце, стоявшем на пресноводной реке, подобной Тигру в Ираке. Дворец тот был расположен на расстоянии дня [пути] от моря. [С царем] был его везир, и тут речь зашла о царстве Махрāджа, его величии, многочисленном населении и подвластных ему островах. Тогда [правитель Қмāра] вдруг сказал своему везиру: «Есть у меня одно желание, которое я хотел бы исполнить». И везир, бывший его советником и знавший за ним поспешность, спросил: «И какое же, о повелитель?». «Я хотел бы увидеть голову Махрāджа, владыки Зāбад-

жа, перед собой на блюде!» - ответил тот. Везир знал, что эта мысль была вызвана завистью, и сказал: «О повелитель! Я не хотел бы, чтобы государь предавался подобным мыслям, тогда как нет между нами и этим народом вражды ни на деле, ни на словах, и они не причинили нам зла. Живут они на далеком острове, не имеющем границ с нашими землями, и не посягают на нашу страну. Не следует никому знать о том, что было сказано, а повелителю повторять это».

[Правитель Қмāра] разгневался и не послушал советника. Он объявил [о своем желании] военачальникам и приближенным, присутствовавшим при дворе. [Слова его] передавались из уст в уста, пока не разошлись по свету и не дошли до Махрāджа. Это был выдающийся, деятельный и опытный [правитель], достигший средних лет. Он позвал своего везира, рассказал о том, что ему донесли, и сказал: «При том, что дошло до нас об этом глупце и его желании, вызванном юностью и легкомыслием, и что стали всем известны его слова, нельзя оставить это без внимания. Ведь подобные вещи ослабляют власть, умаляют достоинство и унижают».

[Махрāдж] приказал [везиру] молчать о произошедшем между ними [разговоре] и снарядить для него тысячу кораблей средних размеров с орудиями, снабдив каждый из них таким числом оружия и храбрых воинов, какое тот мог вместить. [Махрāдж] сделал вид, что хочет отправиться в плавание по островам, входившим в его владения. Он написал их правителям, бывшим у него в подчинении, о своем намерении посетить их и совершить морскую прогулку по островам. [Весть об этом] распространилась, и правитель каждого острова стал готовиться оказать Махрāджу подобающий ему [прием]. А когда все было готово и улажено, [царь] вышел в море и переправился вместе с флотом и войском в Қмār.

А он и его люди все время пользуются зубочистками. Каждый [делает это] по несколько раз на дню, а свою личную зубочистку всегда носит с собой, или же [за ним ее носит] слуга.

Владыка Қмāра не знал [о прибытии Махрāджа], пока тот вдруг не появился в устье реки, на которой стоял царский дворец, и не послал в атаку своих воинов. Они застали [правителя Қмāра] врасплох, окружили его и взяли в плен. Дворец его был захвачен, а люди разбежались. [Махрāдж] приказал прекратить бой и сел на трон, принадлежавший царю Қмāра. Последнего взяли под стражу и привели к нему вместе с везиром.

Тогда [Махрāдж] спросил правителя Қмāра: «Что побудило тебя желать того, что не в твоих силах, что не принесло бы тебе радости в том случае, если бы ты достиг желаемого, и не имеет под собой причин, позволивших бы надеяться на успех?». Не получив ответа, Махрāдж продолжил: «Если бы помимо того, чтобы увидеть мою голову перед собой на блюде, ты пожелал также разграбить, захватить или опустошить [мои] земли, то я учинил бы все это в твоей [стране]. Но, поскольку ты желал только одного, то я поступлю с тобой таким же образом и вернусь в свою страну, не тронув ничего в твоих землях – ни великого, ни малого. Это станет

уроком твоим преемникам, чтобы они не преступали предела своих возможностей, не испытывали судьбу и довольствовались своим уделом». [Махрәдж] отрубил царю Қмәра голову, а затем подошел к его везиру и сказал: «Ты достоин награды как везир, ведь ты дал [мудрый] совет своему господину – если бы только он им воспользовался! Найди теперь этому глупцу подходящего преемника, и пускай тот займет его место».

И [Махрәдж] тотчас же отбыл назад в свою страну, и ни сам он, ни никто из его людей не посягнул ни на что в землях Қмәра. Он вернулся в свое царство, сел на свой трон, окинул взглядом свой пруд, а перед ним поставили блюдо с головой правителя Қмәра. [Махрәдж] созвал своих подданных и рассказал им историю [этого человека] и причинах, побудивших его совершить поход. И жители его страны восславили [повелителя] в своих молитвах, пожелав ему всяческих благ. Затем [Махрәдж] приказал омыть голову, забальзамировать ее, поместить в сосуд и отправить царю, взошедшему на трон Қмәра после убитого им правителя. В письме к нему он написал: «То, как мы обошлись с твоим господином, стало следствием его несправедливости к нам и [желания преподать] урок ему подобным. Мы поступили с ним так, как он хотел поступить с нами. Мы считаем нужным вернуть тебе эту голову, поскольку нам незачем хранить ее, а одержанная над [ее владельцем] победа не делает нам чести».

Весть [о случившемся] дошла до царей Индии и Китая, и Махрәдж возвысился в их глазах. С тех пор правители Қмәра, вставая по утрам, стали обращать лицо в сторону страны Зәбадж, совершать поклон и возносить хвалу Махрәджу.

(Relations de voyages... 1845 (I): 89-101)

Ибн Хордадбех

«Книга путей и стран»

Перевод выполнен с арабского текста по изданию де Гуге (Kitâb al-masâlik... 1889).

***

Среди царей Индии – *Джәба*..., царь Қәмрәна. Правитель Зәбаджа носит титул *Фатиджаб*..., а владыка островов Восточного моря – *Махарәдж*.

(Kitâb al-masâlik... 1889: 16-17)

***

За Серендйбом находится остров Рәмй. Там водится носорог, а это животное меньше слона, но больше буйвола. Он ест траву и пережевывает [ее], как это делают коровы и овцы.

Там есть буйволы без хвостов, а также бамбук и красный сандал (*баққам*), корни которого вмиг вылечивают от яда. Моряки применяют его от змеиных укусов. Там в зарослях [обитают] нагие люди. Речь их непонятна, поскольку [похожа на] свист. Они невелики и чуждаются людей. Рост такого человека составляет четыре пяди. И у мужчин, и у женщин половые органы небольшие. Волосы у них на голове - это рыжий пух. Они взбираются на деревья при помощи [одних только] рук, не ставя на [ветви] ноги.

В море есть белые люди, которые вплавь догоняют суда, [идушие на полной] скорости [с попутным] ветром. Они продают амбру, которую доставляют во рту, меняя ее на железо. Там есть остров, где обитают черные кудрявые люди, которые поедают людей живьем, разрезая их на кусочки¹. Есть там также гора, глина которой [превращается] в серебро под воздействием огня.

В горах Зāбаджа есть огромные змеи, [способные] заглотить человека или буйвола, а некоторые из них могут проглотить и слона. Там [растут] камфарные деревья. Одно такое дерево покрывает тенью около ста человек. В верхней части дерева пробивают отверстие, и из него вытекает несколько кувшинов камфарной воды. Затем ниже, в средней части дерева, вырезают [отверстие], и оттуда выделяются кусочки камфары. Это камедь этого дерева, но только находится она внутри него. После этого дерево гибнет и высыхает. На этом острове бесчисленное множество чудес...

От острова Накбālūs² до острова Килах – 6 дней пути. Это владение Джāбы *ал-Хиндй*. Там есть месторождение олова *ал-қал'й* и плантации бамбука. По левую сторону от него – остров Бālūs, расположенный в двух днях пути. Жители его людоеды. Там есть превосходная камфара, бананы, кокосы, сахарный тростник и рис. Оттуда до островов Джāба, Шалāхит и Харладж³ – два *фарсаха*. Они велики, а их правитель носит золотой наряд и головной убор из золота и поклоняется Будде. Там есть кокосы, бананы и сахарный тростник. На Шалāхите есть сандал, нард и гвоздика. На Джāбе находится небольшая гора, на вершине которой пылает огонь площадью около ста локтей, но в высоту не превышающий копья. Днем [на горе виден] дым, а ночью — огонь. На расстоянии пятнадцати дней [пути] находится страна, откуда происходят пряности. От Джāбы до Мāйита недалеко⁴.

Индийские цари и их подданные допускают блуд, но запрещают вино... Затем идет Джāба..., а затем – правитель Қāмрӯна, чьи владения граничат с Китаем. В его стране много зо-

¹ Основываясь на аналогичных сюжетах у ал-Идриси, де Гуге относит последние два сообщения к Никобарским и Андаманским островам (Kitāb al-masālik... 1889: 44-45).

² Накбālūs – вероятно, Никобарские острова (Ибн Хордадбех 1986: 227).

³ В тексте краткой редакции вместо Харладж стоит Махарāдж, а Шалāхит передан как Шаллāт (Le livre... 1865: 64).

⁴ В тексте краткой редакции – «от Джāбы до Шаллāта» (Le livre... 1865: 65).

лота, и там водится носорог. Это животное, на лбу у которого один рог длиной в локоть и толщиной в две *қабды*. С начала до конца рог покрыт рисунком. Если распилить его, то увидишь рисунок белого и черного, как гагат, цветов, по форме напоминающий человека, животное, рыбу, павлина или иную птицу. Китайцы делают из них пояса, причем один пояс стоит от трехсот до трех или четырех тысяч динаров. Все эти цари прокалывают уши.

Владыку Зāбаджа называют Махарāджей. В его стране есть остров под названием Бартāйил¹. Оттуда всю ночь слышны звуки музыки и [бой] барабанов. Моряки утверждают, что там [обитает] Антихрист (Даджжāл). Из моря выходят лошади, подобные нашим, а гривы у них волочатся по земле. Ежедневный доход Махарāджи составляет двести *маннов* золота, из которого он берет один слиток и бросает в воду, говоря: «Это моя сокровищница». На острове есть обезьяны, похожие на ослы. Доход его составляют, в том числе, петушиные бои, с которых в день он получает около пятидесяти *маннов* золота. Поскольку одна нога петуха-победителя принадлежит [правителю], то владелец [петуха] выкупает ее.

Путь в Китай

По левую сторону от Мāйиṭа – остров Тийūмах², где есть индийское алоэ и камфара. Оттуда до Қмāра – пять дней [пути].

(Там же: 65-68)

***

Из Килаха [поступает] олово *ал-қал'й*.

(Там же: 71)

Ал-Йа'куби

«Книга стран»

Перевод отрывков из «Книги стран» выполнен с арабского текста по изданию М. Я. де Гье (*Kitāb al-a'lāk...* 1892), а фрагмент из «Истории» приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (*Tibbetts* 1979).

***

В порту Адена пристают корабли из Китая и Салāхиṭа.

(*Kitāb al-a'lāk...* 1892: 319)

¹ В тексте краткой редакции название острова – Зū Тāйил (*Le livre...* 1865: 66).

² В тексте краткой редакции топонимы переданы как Мāбиṭ и Қийūма.

***

После [амбры *аз-занджӣ*] идет амбра *ас-салāхитӣ*, превосходного качества. Лучшая [амбра] *ас-салāхитӣ* – синяя, жирная и маслянистая. Она употребляется для изготовления [благовоний] *ал-заўāлӣ*. После *ас-салāхитӣ* идет амбра *ал-қāқулӣ*. Она серого цвета, имеет приятный запах и вид, легкая, и в ней мало сухости. В отличие от *ас-салāхитӣ*, [эта амбра] не пригодна ни для изготовления *ал-заўāлӣ*, ни для обработки и очищения, разве что в случае [крайней] необходимости. Она годится для приготовления порошков и извести. Эту амбру привозят в Аден из моря Қāқулы...

После алоэ *ал-қāқулӣ* идет алоэ *ас-санфӣ*... Некоторые предпочитают его *ал-қāқулӣ*.

(Там же: 367)

«История»

Четвертое море называется Калāх-бār, и в нем мало воды. Там есть большие змеи. Иногда ветер дует так сильно, что корабли разбиваются. Там есть острова, на которых растут камфарные деревья.

Пятое море называется Салāхит. Это большое море со множеством чудес. Шестое море называется Казрандж. Там часто идут дожди.

(Tibbetts 1979: 30)

Ибн ал-Факих

«Книга стран»

Перевод выполнен с арабского текста, изданного М. Я. де Гье (*Compendium libri Kitāb al-boldān...* 1885).

***

За [Цейлоном] находится остров Рāминӣ, протяженность которого – восемьсот *фарсахов*. Там много чудес, а омывается он морями Шалāхита и Харканда. [На этом острове] много правителей, там есть красный гранат, камфара и месторождения золота. [Местные жители] употребляют в пищу кокос. Люди [Рāминӣ] отважны и охотятся на слонов. Там много красного сандала, который выращивают. По весу он схож с рожковым деревом, а на вкус напоминает колоквинт. Говорят, что корни его мгновенно излечивают от яда. [На острове] есть также много бам-

бука и водятся большие буйволы. Пряности и благовония – такие, как сандал и мускатный цвет – принадлежат только правителям.

В Зāбаджe есть попугаи – белые, красные и желтые. Они прекрасно произносят то, чему их обучают – по-арабски, по-персидски, по-гречески и по-индийски. Есть там также зеленые и пестрые павлины, белые соколы с красным хохолком и большие белые обезьяны, подобные буйволам. Там обитает народ, имеющий человеческий облик и говорящий на непонятном языке. Едят и пьют они [как люди]. Есть там кошки разных видов, с крыльями, как у летучих мышей, от основания ушей до хвоста. Мускусных крыс живыми завозят в Зāбадж из Синда. Цибет имеет лучший запах из [всех видов] мускуса. Мускус производят самки. Когда [животное] заходит в дом, то от него распространяется запах мускуса. Если коснешься его рукой, то аромат перейдет на руку.

(Compendium libri Kitāb al-boldān... 1885: 10-11)

***

Затем идут страна Зāбадж и великий владыка, которого называют Михрāдж, что значит «Царь царей». За ним нет никого, поскольку он [правит] последним из островов. Этот правитель очень богат. Там есть заросли роз – если сорвать оттуда [цветы], то они воспламеняются и сгорают.

(Там же: 15)

***

Амбру привозят с острова Шалāхит, перец – из Малї и Сандāна, а красный сандал – из южных районов Шалāхита. Гвоздика, сандал, камфара и мускатный орех [поступают] из Зāбаджа, что на юге рядом с Китаем, из местности, называемой Фансūr... Бамбук [привозят] из Ланкабālуса и Калāха...

Первое из морей, которые лежат на пути в Китай, - это море Ҷанджā. Первая гора в нем называется Ҷандарфūлāt. Там есть змеи, которые способны заглотить быка или человека. Это самое опасное из всех морей. Плыть по нему недолго. На горе живет народ охотников, у которых есть окно на дне моря. Моряки, когда видят Китай, спрашивают охотников о ветре, и те общаются им о волнении на море или затишье. Ведь если в том море бушует ветер, то мало кому [удается] спастись. Его пересекают за десять или восемь [дней] и попадают в Китай к особым вратам – Вратам Китая. Это море большое. Там есть правитель, которого называют Михрāдж, владеющий большим царством. На его островах много чудес и пряностей. Золото в его стране выращивают, как растение. Говорят, что урожай за день составляет двести *маннов* золота.

(Там же: 16)

Ибн Руста

«Книга драгоценных ожерелий»

Перевод выполнен с арабского текста, изданного М. Я. де Гье (Kitâb al-a'lâk... 1892).

***

Страна Зāбадж находится в конце Индийского моря.

(Kitâb al-a'lâk... 1892: 87)

***

В той стороне лежат страны Зандж, Зāбадж и другие... Они расположены на островах, и ни один из их народов не достигает земель, о которых известно, что они соединены с материком...

Те, кто направляется в Зāбадж, идут на восток до Калāха, и так попадают в земли Зāбаджа. Они придерживаются этого пути, поскольку, чтобы через Зāбадж достичь Занджа, нужно пройти [область] мрака, где световой день длится лишь шесть часов. Поэтому они идут в Калāх в восточной части Индийского моря, а затем направляются в западную часть этого моря и достигают страны Зандж.

(Там же: 88)

***

Затем идет остров, который называется Салāхит. Там много амбры, лучше которой нет в том море. Из пряностей [на этом острове] есть кубеба.

Затем идет остров Харладж, который называют так по имени его правителя. Это не название [самого острова]. Этот Харладж – командующий армией Махрāджа. Ему принадлежит также остров Таўārāн, откуда происходит камфара. До 220 г. хиджры [835 г.] камфары на этом острове не было.

У жителей страны Махрāджа принято испытание огнем. В известной индийской местности, которая называется Фансūr, если один человек ведет тяжбу с другим перед султаном, то он говорит: «Я требую огня!». Это говорится обвиняемому в [неуплате] долга, прелюбодеянии, воровстве и том, что карается смертью. Они идут к султану, и тот приказывает принести железа весом в *ратл* или больше и раскалить его на огне. Затем берут листья [растения], которое у них

[растет], напоминающие по толщине листья лавра. В ладонь [обвиняемого] кладут семь листьев один поверх другого, а сверху при помощи щипцов помещают кусок железа. [Человек] должен пройти с ним семь раз туда-обратно, сделав сто шагов. Если рука его и все листья сгорают, то его признают виновным. Если ему полагается смертная казнь, то его казнят, если штраф – то он выплачивает его. Если у [осужденного] нет денег, то он становится рабом султана, который покупает его. Если же огонь щадит его, то обвинителю говорят: «Ты возводишь напраслину. Твой противник принял огонь». И тогда его привлекают к ответственности за предъявленное обвинение.

(Там же: 138-139)

Ал-Мас‘уди

Перевод отрывков из «Золотых копей и россыпей самоцветов» выполнен с арабского текста, изданного Б. де Мейнаром и П. де Куртеем (Maçoudi 1861, 1863, 1864 (I, II, III)), а фрагмента «Книги указания и пересмотра» – с текста, опубликованного М. Я. де Гье (Kitâb at-tanbîh..., 1894).

«Золотые копи и россыпи самоцветов»

В стремлении собрать достоверные сведения об особенностях народов и увидеть своими глазами чудеса стран, мы пересекли Синд, Зандж, Ыанф, Китай и Зāбадж.

(Maçoudi 1861 (I): 5)

***

К [Индии] примыкает царство Зāбадж, а это владения Махрāджа, правителя островов. Эта страна отделяет Индию от Китая и считается частью Индии.

(Там же: 163)

***

Вот любопытный рассказ об индийских царях и их нравах в стародавние времена. Он касается одного из правителей Қмāра... Қмār расположен напротив царства Махрāджа, повелителя островов – таких, как Зāбадж, Калāх, Сарандīb и прочие. Рассказывают, что в те далекие дни к власти в Қмāре пришел молодой и опрометчивый [правитель]. Однажды он сидел на троне в своем дворце, стоявшем в устье большой пресноводной реки, подобной Тигру и Евфрату. Дво-

рец тот был расположен на расстоянии дня [пути] от моря. [С царем] был его везир, и тут речь зашла о царстве Махрәджа, его величии, многочисленном населении и подвластных ему островах.

Тогда [правитель Қмәра] вдруг сказал своему везиру: «Есть у меня одно желание, которое я хотел бы исполнить». И везир, бывший его советником и знавший за ним поспешность, спросил: «И какое же, о повелитель?». «Я хотел бы увидеть голову Махрәджа, владыки Зәбаджа, перед собой на блюде!» - ответил тот. Везир знал, что зависть заронила эту идею в душу [правителя] и внушила ему такую мысль. Он сказал: «О повелитель! Я считаю, что государь не должен предавался подобным мыслям, тогда как не было и нет между нами и этим народом вражды, и они не причинили нам зла. Живут они на далеких островах, не имеющих границ с нашими землями, и не посягают на нашу страну». А расстояние между Қмәром и царством Махрәджа – от десяти до двадцати дней [плаванья] по морю. Затем везир сказал [своему господину]: «Не следует никому знать о том, что было сказано, а повелителю повторять это».

[Правитель Қмәра] разгневался и не послушал советника. Он объявил [о своем желании] военачальникам и приближенным, присутствовавшим при дворе. [Слова его] передавались из уст в уста, пока не разошлись по свету и не дошли до Махрәджа. Это был выдающийся и опытный [правитель], достигший средних лет. Он позвал своего везира, рассказал о том, что ему донесли, и сказал: «При том, что дошло до нас об этом глупце и его желании, вызванном юностью и легкомыслием, и что стали всем известны его слова, не следует оставлять это без внимания. Ведь подобные вещи умаляют достоинство правителя и унижают его».

[Махрәдж] приказал [везиру] молчать о произошедшем между ними [разговоре] и снарядить для него тысячу кораблей средних размеров с орудиями, снабдив каждый из них таким числом оружия и воинов, какое тот мог вместить. [Махрәдж] сделал вид, что хочет отправиться в плавание и осмотреть острова, входившие в его владения. Он написал их правителям, бывшим у него в подчинении, о своем намерении посетить их и совершить морскую прогулку по островам. [Весть об этом] распространилась, и правитель каждого острова стал готовиться оказать Махрәджу подобающий ему [прием]. А когда были завершены и улажены все дела, [Махрәдж] вышел в море и переправился вместе с флотом и войском в Қмәр. Владыка Қмәра не знал [о прибытии Махрәджа], пока тот вдруг не появился в устье реки, на которой стоял царский дворец. Воины [правителя Қмәра] были рассеяны, их предводители захвачены врасплох, дворец окружен, а подданные сдались на милость [Махрәджа]. Тот приказал прекратить бой и сел на трон, принадлежавший царю Қмәра. Последнего взяли под стражу и привели к нему вместе с везиром.

Тогда [Махрāдж] спросил правителя [Қмāра]: «Что побудило тебя желать того, что не в твоих силах, что не принесло бы тебе радости в том случае, если бы ты достиг желаемого, и не имеет под собой причин, позволивших бы надеяться на успех?». Не получив ответа, Махрāдж продолжил: «Если бы помимо того, чтобы увидеть мою голову перед собой на блюде, ты пожелал также разграбить, захватить или опустошить мои земли, то я учинил бы все это в твоей [стране]. Но, поскольку ты желал только одного, то я поступлю с тобой таким же образом и вернусь в свою страну, не тронув ничего в твоих землях – ни малого, ни великого. Это станет уроком твоим преемникам, чтобы они не преступали предела своих возможностей и довольствовались тем, что имеют». [Махрāдж] отрубил царю Қмāра голову, а затем подошел к его везиру и сказал: «Ты достоин награды как везир, ведь ты дал [мудрый] совет своему господину – если бы только он им воспользовался! Найди теперь этому глупцу подходящего преемника, и пускай тот займет его место».

И [Махрāдж] тотчас же отбыл назад в свою страну, и ни сам он, ни кто-либо из его людей не посягнул ни на что в землях Қмāра. Он вернулся в свое царство, сел на свой трон и окинул взглядом свой пруд, известный как пруд золотых слитков, а перед ним [поставили] блюдо с головой правителя Қмāра. [Махрāдж] созвал своих подданных и рассказал им историю [этого человека] и причинах, побудивших его совершить поход. И жители его страны восславили [повелителя] в своих молитвах, пожелав ему всяческих благ. Затем [Махрāдж] приказал омыть голову, забальзамировать ее, поместить в сосуд и отправить его новому правителю Қмāра. В письме к нему он написал: «То, как мы обошлись с твоим господином, стало следствием его несправедливости к нам и [желания преподать] урок ему подобным. Мы достигли того, чего хотели, и считаем нужным вернуть тебе эту голову, поскольку нам незачем хранить ее, а одержанная над [ее владельцем] победа не делает нам чести». Весть [о случившемся] дошла до царей Индии и Китая, и Махрāдж возвысился в их глазах. С тех пор правители Қмāра, вставая по утрам, стали обращать лицо в сторону страны Зāбадж, совершать поклон и возносить хвалу Махрāджу.

Говорит ал-Мас‘ūdй: пруд золотых слитков называется так по следующей причине. Дворец Махрāджа стоял на небольшом пруду, сообщавшемся с крупнейшим заливом Зāбаджа. В прилив его затопляла морская вода, а в отлив вода в нем становилась пресной. Каждое утро перед [Махрāджем] предстал казначей с золотым слитком в форме кирпича весом в несколько маннов – сколько именно, нам неизвестно, и в присутствии правителя бросал его в пруд. Во время прилива вода покрывала этот и другие скопившиеся там слитки, а в отлив отступала, обнажая их. Они сверкали на солнце, а царь любовался на них, восседая на террасе, обращенной к [пруду].

Каждый день в пруд бросали золотой слиток, до тех пор, пока был жив правитель, и никто к ним не прикасался. Когда же тот умирал, то его преемник вынимал [слитки] все до единого. Их пересчитывали, а затем плавил и распределяли между членами царской семьи, мужчинами и женщинами, их детьми, военачальниками и слугами, в зависимости от их ранга и привилегий, полагавшихся каждой из категорий. А то, что оставалось после этого, раздавали бедным и немощным. Число золотых слитков и их вес записывали, и говорилось, что такой-то правитель прожил столько-то лет и оставил после себя столько-то золотых слитков в царском пруду, а после его кончины они были разделены между его приближенными. И тот пользуется почетом, кто правил дольше и оставил в наследство больше золотых слитков.

(Там же: 169-177)

***

Много крокодилов водится в заливах [Индийского] моря – таких, как... бухты Зāбаджа, что в царстве Махрāджа.

(Там же: 207)

***

Месторождения золота и серебра есть в окрестностях Калāха и Серйры.

(Там же: 242)

***

В устье реки, [на которой стоит город Хāнқū¹], заходят морские суда из Басры, Сирафа, Омана, индийских портов, островов Зāбаджа, Ҷанфа и других стран, со своими товарами и снаряжением.

(Там же: 303)

***

Рассказывают, что один купец из Самарканда... отправился в Киллу, что расположена на полпути в Китай или около того. В наши дни дотуда ходят корабли мусульман из Сирафа и Омана, встречаясь там с теми, кто прибывает на своих судах из Китая. Иначе было в прежние времена, когда корабли из Китая ходили в Оман и Сираф, к берегам Персии и Бахрейна, в Убуллу и Басру, а корабли из этих мест – в [Китай]. Но исчезла справедливость и стали дурными намерения, а случилось это из-за событий в Китае, и корабли с двух сторон стали встречать-

---

¹ Хāнқū – Ханфу (также Кантон, Гуанчжоу), крупный порт на южном побережье Китая. Ниже у ал-Мас‘уди можно найти написание Хāнфū.

ся [в этой местности] на полпути. В Килле тот купец сел на китайский корабль, направлявшийся в Хāнфū.

(Там же: 307-308)

***

За морем Харканда находится море Калāха, оно же море Калāха и островов, за ним – море Карданджа, а затем – море Ҷанфа.

(Там же: 330)

***

На расстоянии около тысячи *фарсахов* от Сарандйба находятся острова, известные как Рāмйн. Они населены, там есть правители и месторождения золота. Поблизости от [этих островов] расположена страна Қансӯр, откуда происходит камфара *ал-қансӯрӣ*. В годы, богатые на грозы, бури и землетрясения, там находят много камфары, в остальное же время ее меньше. На большей части островов, о которых шла речь, пищей служит кокос. Оттуда вывозят красный сандал, бамбук и золото. Там водится много слонов и обитают каннибалы...

Несколько капитанов рассказывали мне, что в море [Харканда] им случалось видеть небольшие белые облака, из которых выходил длинный белый язык и тянулся к поверхности моря. Когда он достигал ее, вода вскипала и поднималась страшная буря, уничтожавшая все на своем пути, а после шел зловонный дождь из морских нечистот.

Четвертое море, как мы уже говорили, – это Калāх-бār, что значит море Калāха. В этом море мало воды, и, как все мелкие моря, оно опасно, и в нем часто происходят крушения. Там много островов и перешейков (*ас-сарāир*, в ед. ч. *ас-сурр*) – так моряки называют то, что находится между двумя заливами, если там пролегает их путь). В этом море есть разные удивительные острова и горы, но мы ограничимся лишь кратким изложением и не станем вдаваться в подробности.

В пятом море, известном как Кардандж, также много гор и островов, и там есть камфара и камфарная вода. [В этом море] мало воды и много дождей, которые почти не прекращаются. Там живут разные народы, один из них называется *ал-фанджаб*. Они имеют курчавые волосы, и облик их необычен. Они выходят на своих лодках в поисках кораблей, проходящих мимо, и стреляют диковинными стрелами, смоченными ядом. Между этим народом и землями Калāха находятся оловянные рудники и серебряные горы. Есть там также месторождения золота и свинца, но добывать их оттуда сложно.

Далее следует море Ҷанфа – согласно той последовательности, которую мы установили ранее. В нем расположено царство Махрәджа, правителя островов. Владения его необъятны, а войска бесчисленны. И за два года не обойти эти острова на быстроходнейшем из судов. Этому правителю принадлежат всевозможные пряности и благовония. Ни у кого из царей нет того, чем он владеет и вывозит из своей страны. Из земель [Махрәджа] поступают камфара, алоэ, гвоздика, сандал, мускатный орех, мускатный цвет, кардамон и кубеба, а также другие [пряности], которые мы не станем перечислять. Подвластные ему острова протянулись до моря, пределы которого неизведанны, и неизвестно, где оно заканчивается. [Это море] граничит с морем Китая.

У границ островных владений [Махрәджа] есть горы, населенные людьми с белыми лицами. Они прокалывают уши молотком – подобно мастеру, изготавливающему щиты, а волосы стригут бороздками, как мех на бурдюке. В тех горах днем и ночью виден огонь, причем днем пламя красное, а ночью – черное. Оно поднимается до самых облаков, и извержение сопровождается сильнейшим грохотом и раскатами грома. Иногда оттуда исходит странный и внушающий ужас звук, предвещающий смерть их правителя. Иной раз [этот звук] раздается тише и предвещает смерть кого-нибудь из вождей. Значение предсказаний известно благодаря давним традициям и многовековому опыту, который никогда их не подводит. Эти [горы] относятся к величайшим вулканам земли.

Рядом с ними находится остров, откуда постоянно слышен бой барабанов и звуки флейт, лютен и всевозможных музыкальных инструментов, услаждающих слух, а также ритм танца и хлопанье в ладоши. Тот, кто слышит это, может различить звучание всех видов музыкальных инструментов и другие звуки. Моряки, проходившие в тех местах, утверждают, что на том острове пребывает Антихрист (Даджжәл).

Во владениях Махрәджа есть также остров Серйра. Протяженность его – около четырехсот *фарсахов*, и возделанные земли покрывают его непрерывной чередой. [Махрәджу] принадлежат также Зәнадж¹, Рәмнй и другие острова и земли, о которых мы не станем рассказывать. [Этот правитель] владеет шестым морем – морем Ҷанфа.

(Там же: 338-343)

***

Мы рассказали о Махрәдже, повелителе островов и владельце пряностей и благовоний, и всех индийских царях, об *ал-қанджаб* и других правителях гор, расположенных напротив этих островов, таких, как Зәбадж.

---

¹ Зәнадж – очевидно, описка, и имеется в виду Зәбадж.

(Там же: 394)

***

[Один из видов обезьян обитает] в заливах страны Зāбадж, что в Китайском море, и царстве Махрāджа, правителя островов. Как мы говорили ранее в этой книге, его владения лежат напротив Китая и расположены между ним и царством Балхарā. Обезьяны эти известны в тех местах и водятся в изобилии на берегах заливов, а облик их совершенен. [Таких обезьян] преподнесли [халифу] ал-Муқтадиру-биллаху вместе с огромными змеями, закованными в цепи. Одна из обезьян была с бородой и длинными усами, и были среди них старые и молодые. Эти дары, состоявшие из заморских диковинок, привез Аҳмад ибн Хилāl, бывший в ту пору эмиром Омана. Моряки Сирафа и Омана, что часто ходят в страны Калāх и Зāбадж, хорошо знают этих обезьян, а также хитрости, позволяющие вылавливать крокодилов из-под воды.

(Маҫoudi 1863 (II): 51-52)

***

Мы также начали рассказ обо всех вулканах земли – таких, как... вулкан страны Зāбадж в Китайском море.

(Маҫoudi 1864 (III): 68)

«Книга указания и пересмотра»

...Большой вулкан в царстве Махрāджа, правителя Зāбаджа и других островов в Китайском море – таких, как Калāх и Сарбуза. Махрāдж – это титул всех их царей. Владения его необъятны, а войска бесчисленны. И за два года не обойти эти острова на быстроходнейшем из судов. Все они населены. Этому правителю принадлежат всевозможные пряности и благовония. Ни у кого из царей нет того, чем он владеет. Из его земель вывозят камфару, алоэ, гвоздику, сандал, мускатный орех, кардамон, кубебу и другие [пряности].

Вулкан находится в горах в крайних пределах подвластных [Махрāджу] островов. Днем он черен, затмеваемый светом солнца, а ночью – красного цвета. Пламя поднимается ввысь до самых облаков, и извержение сопровождается сильнейшим грохотом и раскатами грома. Иногда оттуда исходит странный и внушающий ужас звук, который слышен на большом расстоянии. Он предвещает смерть одного из их правителей. Иной раз [этот звук] раздается тише и предвещает смерть кого-нибудь из их вождей. Они отличают предсказания о смерти правителей

от других благодаря давним традициям и многовековому опыту, который никогда их не подводит. Эти [горы] относятся к величайшим вулканам земли.

Рядом с этими горами находится остров, откуда постоянно слышны звуки лютен, флейт, барабанов и всевозможных музыкальных инструментов, а также всяческих танцев и хлопков в ладоши. Тот, кто слышит это, может различить все эти звуки. Моряки из Сирафа, Омана и прочие, проходившие в тех местах, утверждают, что на том острове пребывает Антихрист (Даджжāl).

(Kitâb at-tanbîh... 1894: 61-62)

Абу Дулаф

Первая записка

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

[Из Китая] я решил направиться в Калāх. Это начало Индии и последнее место, где можно достать корабли, поскольку невозможно пройти мимо, не потерпев крушения. Когда я прибыл в Калāх, я увидел, что он велик, с высокими стенами, многочисленными садами и обильными источниками. Я видел там оловянный рудник, какого нет нигде в мире, кроме как в Қал‘а (его крепости). В этой крепости куют мечи *ал-қал‘и*, а это исконные индийские мечи. Жители этой крепости укрываются в ней, когда хотят добиться чего-либо от своего царя. Обычаи их схожи с китайскими, и у них не принято перерезать горло [животным перед употреблением их в пищу]. Во всем мире нет такого оловянного рудника, как в Калāхе. От этого города до города Китая – триста *фарсахов*, а вокруг расположены многочисленные города, городки и села.

У местных жителей есть судопроизводство, тюрьмы и штрафы. Они питаются пшеницей, финиками, овощами, которыми торгуют на вес, и плоскими буханками хлеба, которые продают поштучно. У них нет бань, и моются они в проточной воде. Их дирхам весит две трети обычного, который называют *фāхрī*. Есть у них мелкая монета (*фулūs*), которую используют в обычной торговле. Одеваются они как китайцы – в один кусок ткани, которая называется ‘китайский *афранд*’ и стоит очень дорого. Их правитель – вассал императора Китая и поминает его в *хутбе*. Во время молитвы царь Калāха обращает лицо [к Китаю], а его храм посвящен китайскому императору.

Оттуда я направился в Страну Перца. Я видел там одно растение – старое дерево, из-под которого непрерывно бьет вода. Когда дует ветер, с него падают плоды и вянут. Собирают их только с поверхности воды, и часть преподносят правителю. Это дерево находится в общей собственности и плодоносит круглый год – и зимой, и летом. Растут они гроздьями, и, если их освещает солнце, листья заслоняют грозди так, что те не сгорают. Когда же солнце перестает светить, листья более не прикрывают плоды.

Затем я побывал в Стране Камфары, а это – высокая гора, на которой расположены поселения с видом на море. Среди них – Қамрӯн, откуда происходит мягкое алоэ, которое называют *мандал ал-қамрӯнӣ*. Здесь находится город, известный как Қмәрийән, откуда происходит алоэ *ал-қмәрӣ*. На другом склоне этой горы, обращенном на север, находится город, называемый Саймӯр¹, жители которого славятся своей красотой. Причина этого в том, что местное население происходит от китайцев и турок. Оттуда везут алоэ *ақ-саймӯрӣ*, которое там не выращивают, а привозят. Там есть святилище в большом ущелье, где за занавесью находятся идолы из бирюзы и драгоценных камней. Правят ими мелкие царьки, а одеваются они как китайцы. У них есть синагоги, церкви, мечети святилища огнепоклонников. Они не закалывают животных и не едят мертвечины.

Я продолжил свой путь и прибыл в город Джәджулә, расположенный на вершине горы, которая наполовину вдаётся в море, наполовину расположена на суше. У них есть царь, подобный правителю Каләха. Питаются они пшеницей и яйцами, но не едят рыбу и не режут животных. У них есть большой молитвенный дом. Они были единственными, кто выступил против Александра, когда он пришел в Индию. Сюда свозят корицу, а затем вывозят ее в другие страны. Коричные деревья принадлежат всем и не имеют определенного владельца. Местные жители одеваются так же, как жители Каләха, с тем лишь различием, что по праздникам они носят йеменское платье. Из созвездий они почитают сердце Льва. У них есть обсерватория, точный календарь и полное знание звезд, свойства которых они усердно изучают.

(Tibbetts 1979: 39-41)

Сухраб / Ибн Серапион

«Книга чудес семи климатов»

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

---

¹ Саймӯр – портовый город на западном побережье Индии в районе современного Чаула.

Камфару везут из Софāлы, земель Калāха, Зāбаджа, Харанджа, но лучшая камфара происходит из Харанджа, а это – малый Китай... Камфара высшего качества называется *ар-рийāхī*, и это – натуральный подукт. Она имеет неоднородный красный цвет, но после очистки, которую производят в той же местности, становится белой. *Ар-рийāхī* ее называют потому, что впервые она была открыта правителем по имени Рийāх. Название местности, откуда она происходит, - Фансūr, поэтому иногда ее называют *ал-фансūrī*.

(Tibbetts 1979: 41)

«Путешествия Синдбада»

Текст приводится по английскому переводу Р. Ф. Бертона (A plain and literal translation... 1885). Также приводятся некоторые разночтения у Дж. Р. Тиббетса, который опирается на другие издания «Тысячи и одной ночи» (Tibbetts 1979).

Первое путешествие Синдбада

Меня вынесло к высокому острову... Однажды я шел вдоль моря и увидел... благородную кобылу, привязанную на берегу... Из-под земли появился человек... и он сказал: «Я один из нескольких на этом острове – мы конюхи царя Михрджāна¹ и отвечаем за всех его лошадей. Каждый месяц в новолуние во время прилива мы приводим сюда наших лучших непокрытых кобылиц, привязываем их на морском берегу, а сами прячемся в этом месте под землей, чтобы никто нас не заметил. Тем временем, морские жеребцы, учуяв запах кобыл, выходят из моря и, никого не увидев, бросаются к ним и покрывают их. Затем они пытаются увести кобылиц с собой, но не могут из-за веревок, которыми связаны их ноги... Мы выбегаем и кричим на них, из-за чего они пугаются и в страхе возвращаются в море. Кобылы беременеют и приносят жеребят, которые стоят целое состояние, и подобных им не найти во всем мире. Сейчас как раз время появления морских коней, и, дай Бог, я отведу тебя к царю Михрджāну... и покажу тебе нашу страну»... Пока мы говорили, из моря появился жеребец и, издав громкий рев, бросился на кобылу... Он испугался и, погрузившись в море, словно буйвол, исчез под волнами.

После этого мы просидели какое-то время, пока прибыли остальные конюхи, и каждый из них вел кобылу... Затем мы сели на лошадей и ехали без остановки, пока не прибыли в столицу царя Михрджāна... Царь послал за мной, и, когда меня усадили перед ним и мы обменялись приветствиями, он оказал мне теплый прием и, пожелав долгих лет жизни, попросил пове-

---

¹ Маджрāн у Дж. Р. Тиббетса.

дать мою историю... Он отнесся ко мне с добротой и великодушием, и даже сделал меня своим представителем в порту, чтобы я регистрировал все суда, заходящие в гавань. Я часто посещал царя для получения распоряжений, он благоволил ко мне, осыпал всяческими милостями и даровал мне дорогие и роскошные одежды. Я пользовался его доверием как заступник людей и посредник между ними, когда им нужно было что-то от царя. Я пробыл там довольно долго, и каждый раз, когда я шел через город к порту, я спрашивал купцов, путешественников и мореходов о Багдаде; я надеялся услышать о возможности вернуться на родину, но не мог найти никого, кто знал бы о ней или знал кого-то, кто бы туда направлялся... Пока однажды я не пришел к царю Михрджāну и не нашел его в компании индийцев...

Среди прочих вещей я видел во владениях царя Михрджāна остров под названием Кāсил, где всю ночь раздается бой барабанов и бубнов; однако мы слышали от жителей соседних островов и путешественников, что его обитатели трудолюбивы и порядочны. В этом море я также видел рыбу длиной в двести локтей, которую боятся рыбаки; они ударяют деревянными палками друг о друга и обращают ее в бегство. Я также видел другую рыбу с головой как у совы, помимо прочих диковинок и чудес, которые все и не упомнишь. Так я путешествовал по островам, пока однажды, стоя в порту с посохом в руке, по своему обыкновению, не увидел большой корабль...

Я развязал свои тюки и, собрав подарок для царя Михрджāна из самых прекрасных и дорогостоящих вещей, велел морякам отнести их во дворец, где я положил дары к ногам царя и поведал ему о происшедшем... Его привязанность ко мне возросла вдвое, и он оказал мне почести и щедро одарил меня в ответ. Затем я продал свои товары..., погрузил имущество на корабль и, отправившись к царю, поблагодарил его за великодушие и дружбу и попросил разрешения вернуться домой к моим друзьям. Он попрощался со мной и подарил мне множество товаров своей страны.

(A plain and literal translation... 1885 (6): 7-13)

(Царь подарил мне большой груз благовоний, аромат которых можно ощутить до сих пор, - алоэ, камфару, ладан и сандал, которыми тот остров изобиловал).

(Tibbetts 1979: 42)

Второе путешествие Синдбада

Наутро мы отправились в путь и перешли через великую горную цепь, где в долинах видели множество змей. Затем мы прибыли на большой остров¹, где был сад из огромных камфарных деревьев, под сенью каждого из которых может укрыться сто человек. Когда местные жители хотят добыть камфару, они просверливают длинным железным штырем отверстие в верхней части ствола. Жидкая камфара, а это сок дерева, вытекает наружу, и они собирают ее в сосуды, где она густеет; после этого дерево умирает и идет на дрова.

Я также видел на этом острове дикого зверя, который называется носорог (*казказан*), который пасется как наши быки и буйволы. Но это огромная тварь величиной больше верблюда, которая, как и он, питается листьями и ветвями деревьев. Это диковинный зверь с большим и толстым рогом длиною в десять локтей, расположенным посреди головы; при этом, расколотый надвое, он содержит подобие человека. Моряки, паломники и путешественники утверждают, что этот зверь под названием *каркадан* может поднять на рог целого слона и пастись по всему острову и побережью, не обращая на него внимания, пока слон не умрет, и его жир, плаваясь на солнце, не потечет в глаза носорога и не ослепит его, так что он ляжет на берегу. Тогда прилетает птица Рух и уносит и носорога, и слона на корм своему потомству. Также я видел на этом острове множество быков и буйволов, каких не найти в нашей стране. Я продал там несколько алмазов за золотые динары и серебряные дирхамы, а остальные обменял на продукты этой страны.

(A plain and literal translation... 1885 (6): 20-21)

Третье путешествие Синдбада

Мы плыли с попутным ветром, который послал нам Всевышний, пока не прибыли на остров Салāхит, где в изобилии произрастает сандаловое дерево... Когда мы бросили якорь, купцы и моряки сошли на берег со своими товарами, чтобы покупать и продавать... Мы ничего не покупали и не продавали на нескольких островах, пока не прибыли в Индию, где закупили гвоздику, имбирь и всевозможные специи.

(Там же: 30-33)

Четвертое путешествие Синдбада

---

¹ В одной из редакций цикла камфарный остров называется ар-Рихāн (A plain and literal translation... 1885 (6): 21).

Мы продолжили путь и плыли от острова к острову и из моря в море, пока не прибыли на Остров Колокола (Нāкӯс), где находится город протяженностью в два дня пути, а еще через шесть дней мы достигли острова Калāх, граничащего с Индией. Этой страной правит сильный и могущественный правитель, оттуда происходит превосходная камфара, и там в изобилии произрастает индийский ротан; есть там также оловянный рудник.

(Там же: 46-47)

(С [острова Нāкӯс] мы плыли шесть дней до Калāха. Затем мы прибыли в царство Калāх. Это огромная империя, граничащая с Индией. Там есть месторождения олова, плантации бамбука и превосходная камфара. Его царь – могущественный правитель, он также владеет островом Нāкӯс, на котором есть город, также называемый Нāкӯс, протяженностью в два дня [пути]).

(Tibbetts 1979: 42)

Пятое путешествие Синдбада

Мы плыли от острова к острову и из моря в море... Среди прочего, мы прибыли на остров, изобиловавший гвоздикой, корицей и перцем. Местные жители рассказывали мне, что над каждой гроздью перца располагается большой лист, прикрывающий ее от солнца и защищающий от дождя. Когда же дождь прекращается, лист отворачивается и опускается вдоль грозди. Я набрал на этом острове много перца, гвоздики и корицы, обменяв их на кокосы. Затем мы направились на остров ал-‘Усирāt¹, где можно найти алоэ *ал-қмāрӣ*, а после на другой остров, протяженностью в пять дней пути, где растет алоэ *ақ-санфӣ*, которое лучше *ал-қмāрӣ*. Однако обычаи и вера местных жителей хуже, чем на острове алоэ *ал-қмāрӣ*. Они склонны к блуду и вину и не знают ни молитвы, ни призыва к ней.

(A plain and literal translation... 1885 (6): 56-57)

Бузург ибн Шахрияр

«Чудеса Индии»

Текст приводится в переводе Р. Л. Эрлих по изданию 1959 г. (Бузург ибн Шахрияр 1959)
Транслитерация заменена на более близкую к арабскому тексту.

***

---

¹ Ал-‘Асарāt у Дж. Р. Тиббетса. Р. Ф. Бертон ссылается также на такие разночтения, как ал-Ма‘арат и остров ал-Камāрӣ.

Тот же капитан [Мухаммад ибн Бāбишād] передавал мне, что он слышал в юности об одном из капитанов Китая и Страны Золота, по имени Мардуйя ибн Забарахт. Однажды этот моряк около острова Зāбаджа проплыл между двумя остроконечными высотами, выступавшими над морем. Сначала капитан принял их за две морские горы; но, когда корабль прошел мимо, высоты погрузились в воду, и Мардуйя решил, что это клешни рака. Тут я спросил Абū Мухаммада: «Могу ли я передать этот рассказ от твоего имени?» – «Я ведь сам слышал его, – ответил Абū Мухаммад. – Это изумительный случай! Единственное, что я могу об этом сказать, это то, что морские раки достигают огромных размеров».

Другой из выдающихся капитанов Страны Золота – Исма‘йл ибн Ибрāхīm ибн Мирдас, известный под именем Исма‘йлўйи, зятя Амканина, – рассказал мне следующее:

Во время одной из своих поездок в Страны Золота он приблизился к суше недалеко от Лāмрй, так как ему понадобилось остановить корабль, который получил повреждение. Когда моряки бросили большой якорь, судно по никому неизвестной причине продолжало плыть дальше. «Спустись по якорному канату и узнай в чем дело!» – приказал Исма‘йлўйя водолазу. Но водолаз, перед тем как нырнуть, заглянул в глубину и увидел, что якорь зажат между клешнями рака, который, играя им, тащит корабль. Матросы стали кричать и кидать в воду камни; наконец они вытянули якорь и бросили его в другом месте. А весил этот якорь целых шестьсот *маннов* или еще больше.

Слышал я от Абū Мухаммада ал-Хасана ибн ‘Амра, будто кто-то из капитанов рассказал ему, как однажды снарядил свой корабль в Зāбадж и оказался со своими спутниками около одного прибрежного селения на островах Ўāқ-Ўāқ, к которым их прибило ветром.

(Бузург ибн Шахрияр 1959: 26)

***

Какой-то судовладелец отправился в плавание на принадлежавшем ему большом корабле. С ним ехало множество купцов из самых различных стран. Путешественники проезжали по морю Малāйу и настолько приблизились к Китаю, что уже могли различить очертания гор. Но не успели они опомниться, как с той стороны, куда они направлялись, налетел противный ветер. Пришлось поневоле повернуть обратно и плыть по ветру. Морякам не под силу было справиться с настигшей их свирепой морской стихией, и ветер гнал их все дальше и дальше, в сторону Канопуса. А уж кого на этом море течение заносит под самый Канопус, тот попадает в такое море, откуда нет возврата. Он попадает в бездну воды, наклонную к югу и текущую в ту сторону. По мере того как корабль подвигается вперед, морская поверхность с нашей стороны поднимается позади него, а впереди, ближе к югу, вода опускается. Возвращение оттуда не-

мыслимо ни при сильном, ни при слабом ветре: судно ввергается в бездну морей, окружающих мир. Люди увидели, что еще немного, и они войдут под Канопус... Всю ночь они плыли, окутанные туманом, по черной, как деготь, воде. А когда наступило утро, они его и не заметили из-за окружавшего их густого мрака... В эту бесконечную ночь, находясь во власти дикого ветра и ужасных волн... путешественники попросили друг у друга прощения и помолились каждый тому божееству, которое чтит, так как это были люди разных вер – обитатели Индии, Китая, Персии и островов. Приготовившись к смерти, путешественники плыли еще двое суток, не отличая дня от ночи. На третьи сутки, в полночь, они увидели перед собой большое пламя, освещавшее весь небосклон... [Далее – рассказ об острове женщин]

(Там же: 32-33)

***

Вот что рассказал мне капитан Абӯ-з-Захр ал-Бархātī со слов своего дяди Ибн Эншарту: «Слышал я от дяди, – говорил, он, – будто отец его (который приходился Абӯ-з-Захру дедом по матери) передавал ему следующее: «Однажды я отправился по направлению к острову Фансӯру на большом корабле, принадлежавшем мне. Но ветер забросил нас в какой-то залив, где мы простояли на месте тридцать три дня без движения, при полном штиле. Наши лоты не достигали дна на глубине тысячи сажень, но течение незаметно влекло корабль вперед и занесло в пролив между какими-то островами. Мы направили судно к одному из этих островов и увидели, что в воде, у берега, плавали и резвились женщины. Мы приветствовали их знаками, но при нашем приближении они убежали вглубь острова. Немного погодя, к нам вышли женщины и мужчины, умные и смышленные на вид. Мы не знали их языка, и стали объясняться друг с другом знаками: мы понимали их, а они нас. «Не продадите ли нам пищи?» – спросили мы знаками. «Да», – ответили туземцы и тотчас же принесли нам много риса, кур, овец, меда, масла и всяких приправ и много другой еды и плодов. В обмен мы давали им железо и медь, сурьму и стеклянные бусы, одежду и разный хлам. Потом мы спросили знаками: «Есть ли у вас товар для продажи?» – «У нас нет ничего, кроме рабов». – «Прекрасно! Давайте их сюда!» – и привели они нам невольников; мы никогда не видали людей прекраснее; все они смеялись, пели, играли, резвились, шутили. Тела у них были полные, нежные, как сливки, и такие живые и легкие, что, казалось, они вот-вот улетят. Только головы у них были маленькие, и у каждого на боках пара плавников, совсем как у морской черепахи... [Далее – рассказ об Островах Рыб]

(Там же: 37-38)

***

С Мухаммадом ибн Бāбишāдом я говорил об обезьянах и о том, что про них рассказывают. Он сообщил мне много интересного из этих рассказов и, между прочим, передал следующее:

В области Ҷанфйна, в долине Лāмрй и долине Қāқула водятся обезьяны необыкновенной величины. Каждый отряд этих животных имеет начальника, который превосходит всех остальных крепостью телосложения. Обезьяны часто выходят из своих лесных чащ на проезжие дороги; они бьют путешественников и не дают им проходу, пока не получают какое-либо домашнее животное – овцу или корову – или еще какую-нибудь пищу.

Мухаммад ибн Бāбишāд сказал мне, будто путешественники, проезжавшие в этих местах с караванами, рассказывали ему о своих встречах с отрядами обезьян. Звери эти мешали им продвигаться, нападали на них со всех сторон, дрались, разрывали на них платья и раздирали меха. Все это происходило в безводных пустынях. Когда люди наконец давали что-нибудь обезьянам, те оставляли их в покое, но не пропускали к воде. Большинство путешественников умирало от жажды, и только немногим удавалось добраться до другого источника.

Мухаммад передал мне следующий рассказ со слов одного из своих матросов.

В триста девятом году этот матрос поступил на корабль какого-то капитана и отплыл в Қāқулу. Благополучно прибыв туда, моряки выгрузили товары на сушу и часть из них понесли в город, отстоявший от моря приблизительно в семи днях пути. Перед своим уходом они вытащили корабль на берег маленькой бухты, в трех-четыре *фарсахах* от Қāқулы, устроили перед ним плотину для защиты от моря, накрыли его кусками дерева и подперли со всех сторон...

[Далее – рассказ об обезьяне]

Затем я выждал время, когда обезьяны не было, спустился в лодку и с большой опасностью для жизни выехал в открытое море, оставив корабль без людей. Проехав двадцать с лишком *замов* и чуть не погибнув в пути от всяких тягостей, я пристал к одному из островов Арманāна, где и прожил несколько дней. Здесь я запасся плодами и бананами, наполнил свой мех пресной водой, отдохнул и несколько оправился. Но на этом острове я совсем не видел людей, кроме рыбаков, спускавшихся по реке между деревьями на своих челноках. Потом я опять отправился, в море и, проплыв наугад около семидесяти *замов*, оказался у острова, называющегося Бадфār-Калāх. Немного побыв там, я перебрался в Калāх, а оттуда вернулся на родину».

(Там же: 55-57)

***

Матросы рассказывали мне о Бедном Са'йде из Адена и о том, как разбогатели его дети... Какой-то моряк, приятель Са'йда, снарядил как-то корабль, чтобы отправиться в Калāх.

Перед отъездом он просил своего друга дать ему какое-нибудь поручение. Са'йд купил на *дāниқ*¹ крупной соли, всыпал ее в зеленый кувшин, который приобрел за полдирхема, затем заткнул отверстие кувшина, передал его приятелю и сказал: «Вот это мой товар!» – «Но что мне купить тебе?» – спросил тот. «Купи мне благословение, как говорят люди». Корабль отчалил и своевременно прибыл в Калāх; там его разгрузили и продали все товары, но хозяин судна совершенно забыл про кувшин. Однажды, когда день отъезда был уже близок и корабль нагружен, он проходил по рынку Калāха и вдруг увидел человека, который тащил на веревке рыбу и выкрикивал: «Кто купит *бараку*?» При этих словах судовладелец вспомнил о кувшине Бедного Са'йда. Он подозвал продавца и спросил его, что это за рыба. Тот ответил, что это особая порода, которую рыбаки называют «благословением». «Быть может, Са'йд имел в виду как раз эту рыбу», – подумал моряк, и он купил ее за две *уққийи*² соли. Пригласив торговца присесть, он послал на судно одного из своих людей, и тот принес кувшин совершенно нетронутым. Судовладелец дал продавцу соли согласно уговору и приказал отнести покупку в жилище, где он остановился. Когда рыбу начали чистить, чтобы засолить ее оставшейся после продажи солью, и извлекли из нее потроха, в них нашли несколько раковин; их раскололи и в одной нашли жемчужину. «Это дар, который бог посылает Са'йду», – сказал владелец судна. Затем он засолил рыбу и спрятал жемчужину. Благополучно возвратившись из Калāха в Аден, он преподнес жемчужину Са'йду.

(Там же: 70-71)

***

Из других морских чудес я расскажу про птицу, живущую в стране Мā'ит – это остров в море около Ҷанфа и Серйры. Говорят, что эта птица вьет гнездо на поверхности воды в одной из бухт этого острова. Там она несется, а потом сорок дней высиживает яйца. По истечении этого срока птица бросает яйца на воду и двадцать дней сидит неотлучно на противоположном берегу, питаясь одной рыбой. На двадцать первый день птенцы выходят из яиц и присоединяются к родителям, которые кормят их и прикрывают своими перьями. А когда птенцы оперяются и начинают двигаться и есть самостоятельно, родители бросают их. У этой птицы никогда не бывает больше трех птенцов. Жители Мā'ита... этот остров, как было упомянуто...³ Корабли никогда не прибывают туда целыми; они приходят к острову в определенное время года, которое совпадает с периодом сильных бурь. Увидев берег, путешественники бросаются в море, дер-

¹ *Дāниқ* - мелкая монета.

² *Уққийя* (унция) – мера веса, равная около 40 г (Бузург ибн Шахрияр 1959: 128). В разное время в разных частях арабского мира разновидности унции составляли от 30 до 200 г. Мекканская унция в первые века ислама равнялась 125 г (Хинц 1970: 40-41).

³ Лакуны в тексте – неясно, к какому острову относится последующее описание.

жась за куски дерева и другие плавучие предметы; волны швыряют их из стороны в сторону и наконец выбрасывают на берег. Что до корабля, то имей он хоть сто якорей, буря все равно сорвет его с места и выкинет на сушу; судно при этом разбивается, и товары рассыпаются по берегу. Тогда путешественники берут свое имущество, а для возвращения строят новый корабль. Все, что привозится в эту страну, обвертывается в кожи и крепко зашивается, чтобы товары не попортились от воды, когда судно разобьется. На этом острове имеется золото, хлопок и мед.

(Там же: 74)

***

Жители Серйры утверждают, что у них есть талисман против этих чудовищ [крокодилов].

(Там же: 75)

***

...Рассерженный еврей [купец Исхāқ ибн ал-Йахūdй] начал усиленно закупать товары, собрал свое имущество, построил корабль и выехал в Китай, не оставив в Омане ни одного дирхема. Когда он прибыл в Серйру, местный правитель потребовал от него взятку в двадцать тысяч динаров, иначе он грозил задержать еврея и не пропустить его в Китай. Купец отказался. Тогда правитель ночью подослал к нему тайного убийцу, а корабль и все его имущество забрал себе.

(Там же: 78)

***

Рассказал мне Мухаммад ибн Бāбишād:

«У одной серйрской жительницы я видел человекоподобного зверя, только лицо у него было черное, как у *зинджа*, да и руки и ноги длиннее человеческих; кроме того, у него был длинный хвост и шерсть, как у обезьяны. Животное прижималось к женщине, сидя у нее на коленях. «Что это такое?» – спросил я ее. А она в ответ: «Житель рощ и лесов!» Зверек по временам испускал слабый крик на непонятном языке. Он был вроде обезьяны с человеческим лицом, и тело его было похоже на человеческое».

Мухаммад говорил еще, будто на побережье Лāмрй живут *зарāфы* неопишуемой величины. Путешественники, которые, потерпев крушение на море, принуждены были идти сушей из Фансūra в Лāмрй, говорят, что по ночам они не могли продолжать путь из страха перед *зарāфами*; днем же эти чудовища не показываются. С наступлением ночи путешественники со страха

влезали на большое дерево: всю ночь они слышали, как *зарāфы* бродят вокруг, а утром видели их следы на песке. Кроме того, на этом острове тьма муравьев, особенно на побережье Лāмрї; и муравьи там огромные.

Мухаммад рассказал мне также со слов какого-то моряка, будто в Лўлў-Бїленке – это морской залив – живут хвостатые людоеды. Живут они в области, которая находится между Лāмрї и Фансўром.

(Там же: 85-86)

***

Рассказал мне Мухаммад ибн Бāбишād, будто на острове Нийāне – этот остров лежит в Наружном море на сто *фарсахов* от Фансўра, – будто на Нийāне также живут людоеды. Они собирают человеческие черепа, и каждый гордится, если у него много таких черепов. Нийāнцы покупают за большие деньги слитки желтой меди и сберегают этот металл вместо золота. Желтая медь на Нийāне так же долговечна, как золото у нас, а золото у них совсем не имеет цены, как у нас желтая медь. Благословен Аллах, прекраснейший из творцов!

За Нийāном находятся три острова, называемые Барāўа. Их жители тоже пожирают людей, собирают черепа, торгуют ими и берегут их.

Мне говорили, что жители Фансўра, Лāмрї, Калāха, Қāқулы, Санфїна и окружающих стран занимаются людоедством, но едят они исключительно своих врагов из неприязни к ним, а не по причине голода. Человеческое мясо они нарезают ломтями, готовят его всевозможными способами и едят с вином как лакомство.

(Там же: 86)

***

Рассказал мне капитан Исма‘йлўйя:

«Когда я в триста семнадцатом году плыл из Калāха в Оман, мне довелось пережить столько чудесного, сколько до меня не переживал ни один капитан. По дороге из Калāха мне встретилось семьдесят разбойничьих судов; я бился с ними три дня сряду, сжег большое число кораблей, перебил многих разбойников, а сам спасся. Через сорок один день после отъезда из Калāха я причалил к арабскому берегу, то есть к Шихр ал-Лубāну. В качестве десятичной пошлины, наложенной на мои товары, оманский правитель взял себе шестьсот тысяч динаров. Из этой же пошлины и из других денег он сделал нашим людям щедрый подарок ценой, пожалуй, в сто тысяч динаров. И все это, не считая тех товаров, которые удалось скрыть так, что их не обнаружили и не взыскали за них пошлину. Эти три происшествия случились со мной в один

переезд; никому еще не доводилось переживать по пути из Калāха таких приключений, ни в одно путешествие, ни в несколько»...

Выше мы привели рассказ про Исма'йлūю ибн Ибрāхима ибн Мирдаса. Мне говорили, что в триста семнадцатом году он действительно приехал из Калāха в Оман, но путешествие это продолжалось сорок восемь дней.

(Там же: 88-89)

***

Рассказывал мне Йūнус ибн Михрāн, сирафский купец, побывавший в Зāбадже:

«В городе, где живет Махарāджа, царь Зāбаджа, я видел столько больших рынков, что им и счету нет. На меняльном рынке в этом городе я насчитал восемьсот менял, кроме тех, которые рассеяны по разным другим рынкам». Вообще все, что он рассказывал об острове Зāбадже, о возделанных землях его, об его многочисленных городах и селах, не поддается никакому описанию.

(Там же: 92)

***

Передавали мне рассказ путешественника Абū Тāхира ал-Багдādī:

«Я посетил Зāбадж. На этом острове есть город, называемый Музафāўидом, где в огромном количестве имеется амбра. Но если кто-нибудь увозит эту амбру из города на своем судне, он непременно возвращается обратно в город. Жители ухищряются продавать этот товар за ничтожную цену иностранцам и людям, не знающим свойство местной амбры». Абū Тāхир также тайком от хозяина снес на корабль небольшое количество амбры; по дороге подул противный ветер, и это судно возвратилось в город.

(Там же: 98)

***

Согласно обычаю царей Зāбаджа и Стран Золота ни мусульмане, ни другие иностранцы, кто бы они ни были, ни собственные их подданные не смеют сидеть перед ними иначе, как скрестив ноги, в позе, называемой «берсила». Кто же вытягивает ноги или садится как-нибудь по-другому, подвергается тяжелому штрафу, смотря по его состоянию.

Случилось раз, что у одного из местных царей, по имени Сри Нātā Калāх, сидел капитан Джахūd Кута, старик преклонных лет, почтенный и уважаемый всеми. Он уже долго сидел перед царем, а Сри Нātā Калāх все не вставал и не прекращал беседы. Вдруг Джахūd Кута прервал

начатый разговор и заговорил о канаде. «У нас в Омане, – сказал он вдруг, – есть рыба, называемая канадом; некоторые из этих рыб такие, – он вытянул ногу и указал на середину своего бедра, – а некоторые вот такие», – при этом он вытянул другую ногу и взялся за пояс. Царь сказал тогда своему везиру: «Верно, у этого человека какая-нибудь задняя мысль; мы беседовали об одном, а он вдруг заговорил о рыбах. Какая тут причина?» – «О царь! – ответил везир. – Этот шейх стар и слаб, он не мог больше сидеть в таком положении и употребил эту хитрость с единственной целью отдохнуть». – «В таком случае, – сказал царь, – нужно упразднить этот обычай для приезжих мусульман». Так он и сделал, и по сей день мусульмане сидят перед царем, как пожелают, а все остальные – исключительно в позе «берсила», а если сядут как-нибудь иначе, на них налагается штраф.

(Там же: 100-101)

***

Теперь они [крокодилы] в серйрской бухте никому не вредят, а прежде, стоило человеку подойти к воде — его тотчас же хватал крокодил: в заливе было невероятное количество этих чудовищ. Однажды какой-то приезжий индус сказал серйрскому царю: «Я заморожу всех крокодилов в бухте так, что они никому больше не повредят!» – «Сделай это! – обрадовался царь. – Я так-то и так-то награжу тебя». Но заклинатель сбежал, и его не могли больше найти.

Долгое время спустя в Серйру приехал другой человек, искусный в заклинаниях, заговорах и волшебстве. В Серйре он встретил друга и сказал ему: «Я покажу тебе изумительную вещь». Тот согласился. Волшебник сел на берегу залива, произнес заклинание и сказал приятелю: «Если пожелаешь, можешь войти в воду, крокодилы не тронут тебя, а если хочешь – заставь войти кого-нибудь другого; наконец, если желаешь, я и сам пойду». – «Полезай сам!» – попросил друг. Заклинатель вошел в воду, за ним приятель, за ними кто-то другой. Крокодилы плавали вокруг и не трогали их. Когда они вышли на берег, волшебник сказал: «Хочешь, я сниму с них заклятие». – «Снимай!» – ответил друг. После этого в воду бросили собаку, и крокодилы разорвали ее на части.

Когда царь узнал об этом, он призвал волшебника и начал его расспрашивать; тот подтвердил, что о нем рассказывали. Тогда царь верхом отправился к заливу и привез с собой двух человек, приговоренных к смерти. Царь попросил волшебника произнести заклинание, а потом заставил одного из преступников спуститься в воду. Крокодилы плыли вокруг него, не причиняя ему никакого зла, когда же волшебник, по просьбе царя, освободил зверей от заклятия, они разорвали преступника на части. «Ты прекрасно все исполнил, – сказал царь, – необходимо тебя наградить». Он дал волшебнику почетную одежду, одарил его и осыпал обещаниями. На сле-

дующий день царь попросил волшебника повторить вчерашний опыт. «Хорошо», – ответил тот. Тогда царь позвал одного из своих слуг, превосходившего всех остальных силой и храбростью. «Когда я подам тебе знак, – сказал царь, – отруби тотчас же голову этому индусскому волшебнику». Когда приехали к заливу, кудесник произнес заговор, и в воду бросили другого осужденного – крокодилы плавали вокруг и не причиняли ему вреда. Преступник стал переплывать с места на место, так что во всем заливе не осталось уголка, где бы не побывал этот разбойник, а крокодилы все не трогали его. Когда царь убедился, что бухта вся заколдована, он подал знак своему слуге, и тот немедленно отрубил кудеснику голову. С этих пор крокодилы в серйрской бухте совершенно безвредны.

(Там же: 102-104)

***

Мне уже случалось приводить в этом сборнике замечательные рассказы о Дибаджат ад-Думе. Первый из этих островов лежит около Дибаджат ал-Кастаджа¹, а последний — приблизительно на той же широте, что и острова Ёақ-Ёақ. Говорят, число этих островов доходит до тридцати тысяч, но купцы передают, что населены из них всего двенадцать тысяч. Длинною каждый остров от половины *фарсаха* до десяти *фарсахов*; отстоят они друг от друга на *фарсах* или меньше. Все эти острова песчаные.

(Там же: 105)

***

Мне уже приходилось упоминать о Серйре, которая лежит на самом краю острова Ламрй. Между Серйрой и Калāхом расстояние в сто двадцать *замов* — а впрочем, Аллах лучше знает. Я слышал, что Серйрская бухта вдается в остров на пятьдесят *фарсахов*. Она напоминает реку, значительно более широкую, чем Тигр около Басры. Вода там пресная, как и вода Тигра около Басры. Это самая длинная бухта на всем острове; прилив чувствуется в ней каждые двенадцать часов. Там живут крокодилы, но те из них, что ютятся между домами, не приносят вреда, ибо они заморожены, как мы уже упоминали; однако никто не смеет выйти за пределы пространства, занятого домами, из-за остальных крокодилов. Часть серйрских домов стоит на суше, но большинство из них построено на воде и держится на плотках из скрепленных между собой бревен. В таком виде жилища могут сохраняться до бесконечности, а строят их так из страха перед огнем. Действительно, пожары в этой местности случаются очень часто, ведь постройки там из дерева, и достаточно ничтожной искры, чтобы загорелся весь поселок. Дома постав-

---

¹ Дибаджат ал-Кастадж – Мальдивские и Лаккадивские острова.

лены на воду из предосторожности: если по соседству случится пожар, каждый житель может отрезать якорь своего жилища и переправиться в другое место, убежав от огня; если кто-нибудь из туземцев невзлюбит своего соседа, он также снимается с якоря и перекочевывает в другой квартал. В бухте дома стоят рядами, образуя нечто вроде улиц. Между жилищами много воды, и она пресная, так как течет с гор, но потом она впадает в бухту и смешивается с морем, точно так же, как и Тигр.

(Там же: 111-112)

«Сокращение диковинок и чудес»

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Через море [Харканда] лежит путь в страну Махарādжи. В тех местах часто облачно днем и ночью, и дождь идет непрерывно, и не видно ни рыб, ни животных.

***

В [море Ҷанфа] есть страна Ўақ, где живет повелитель островов, которого называют Махарāджей.

***

Калāх – большой остров, населенный индийцами. Там много месторождений олова и плантаций бамбука.

***

На острове Джāба находится город Салāхит. Его правитель живет в большой роскоши, одевается в золотые одежды, а на голове носит золотую корону, украшенную драгоценными камнями. На этом острове есть кокосы, бананы, сахар, сандал, индийский нарды и гвоздика.

***

Острова Зāбадж – это большой архипелаг, густонаселенный, богатый злаками и всевозможными продуктами. Говорят, что когда китайцы страдают от нашествий или гражданских войн, они приходят грабить один из островов Зāбаджа. Этому подвергались все острова архипелага и расположенные на них города.

***

Острова Зāбаджа многочисленны. Протяженность одного из них, известного как Срибуза, - четыреста *фарсахов*. Там производят ценные товары и благовония.

***

Остров Махарāджи называется так по имени своего правителя. Это большой остров, очень плодородный и процветающий.

***

Остров Тāуарāн. Тāуарāн – это царь, имеющий четыре тысячи жен. Никто не может быть правителем, не имея этого числа. Местные жители славятся своей плодовитостью. Там есть деревья, которые дают людям поразительную способность к деторождению.

(Tibbetts 1979: 48-49)

Ал-Бируни

«Индия»

Отрывок из «Индии» приводится в переводе А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского (Бируни 1995) с заменой транслитерации, а фрагменты «Китāб ат-тафхīm» – в переводе И. Ю. Крачковского (Крачковский 2004) и по английскому тексту Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Что же касается восточных островов в этом океане, расположенных ближе к пределам Китая, то это острова Зāбадж, которые индийцы называют Сууарна-Дйб, то есть «Золотые острова». Западные острова [в этом океане] – острова *зинджей*; средние же – острова Рамм¹ и Дйб², к числу которых относятся острова Қмайр...

Остров ал-Ўāқўāқ является частью Қмайра. Это название [ал-Ўāқўāқ произошло] не от дерева, на котором произрастают плоды, подобные человеческим головам и могущие кричать, как это воображают невежественные люди, но *кхмер* – это народ с почти белым цветом кожи, люди короткотелые, по внешности похожие на тюрков, исповедующие религию индийцев и имеющие обычай прокалывать уши; из них обитатели острова ал- Ўāқўāқ – чернокожие, и люди

¹ Ар-Рамм – возможно, Сейшельские острова (Бируни 1995: 608).

² Дйб – Мальдивские и Лаккадивские острова. По-видимому, тождественны островам Дйбāджāt других арабских авторов.

предпочитают их. Отсюда доставляется черное эбеновое дерево, а это – сердцевина дерева, остальные части которого выбрасываются.

(Бируни 1995: 205)

«Книга обучения началам искусства астрологии»

Море, окружающее со стороны востока за конечными пределами земли Сйна (Китая), также непроходимо. От него отделяется залив, из которого образуется море, называемое в каждой местности по земле, расположенной рядом, так что сперва это море Сйна, а потом Хинда (Индии)...

В этом море в восточных областях – острова Зāбадж, потом острова Дйбāджāt и Қмāйр, а затем острова *зинджей*. Самые большие из них: известный под названием Серендйб ...; Калāх, откуда вывозится олово, Срибӯза, откуда вывозится камфара.

(Крачковский 2004: 249)

***

Экватор начинается в море к югу от Китая, проходит через остров Зāбадж, известный как Страна Золота, между островами Калāх и Срибуза и к югу от острова Цейлон.

(Tibbetts 1979: 50)

Ал-Марвази

«Природа животных»

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Дальше (за восточным побережьем Индии) расположена страна Зāбадж, великого правителя которой зовут Махарāджа, что значит «Царь царей». Эта страна состоит из островов. Нет правителя более щедрого и обладающего большими военной мощью и доходами, чем Махарāджа... Он владеет многочисленными островами, один из которых называется Бартāйил... Люди Махарāджи клянутся на огне...

(Tibbetts 1979: 50-51)

Ал-Хараки**«Предел постижения относительно разделения небесных сфер»**

Текст приводится по работе Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Среди островов Индийского моря... – Срибуза, откуда вывозят камфару... С острова Калāх вывозят олово.

(Tibbetts 1979: 51)

Ал-Идриси**«Книга Рожера»**

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979) и дополнен фрагментом из французского перевода Г. Феррана (Ferrand 1913 (I)).

***

У *зинджей* нет своих кораблей для путешествий, поэтому они используют суда оманцев и других, направляющиеся к островам Зāбадж, а это – часть Индии. Иноземцы продают их товары и покупают продукты этой страны. Жители островов Зāбадж ходят в Занзибар на кораблях различных видов, и получают прибыль от торговли своими товарами, поскольку они понимают язык друг друга.

Напротив побережья Занджа расположены острова Зāбадж. Они многочисленны и обширны, а жители их очень смуглы. Все, что там растет – сорго, сахарный тростник и камфара – имеет черный цвет.

Среди островов Зāбадж есть остров Срибуза, протяженность которого, как говорят, - 1200 миль. Там есть жемчужные ловли и всевозможные пряности и благовония, которые привлекают туда купцов.

Среди островов Зāбадж, помещенных в этом разделе, - остров Анджаба, главный город которого на языке Занзибара называется Унқӯджа...

***

Говорят, что когда дела в Китае нарушились из-за восстаний, а в Индии усилились тирания и беспорядки, китайцы перенесли свою торговлю в Зāбадж и на подвластные ему острова и

установили контакты с местными жителями, по причине их честности, крайнего дружелюбия, вежливости и гибкости их торговли. Поэтому остров так густо населен, и его часто посещают иностранцы. Рядом с ним есть другой, не такой большой остров, на котором возвышается гора...

Поблизости от Зāбаджа есть остров, который называется Каримата. Жители его – черные, они зовутся *нархйн* и носят накидки и *фўты*. Это храбрые и отважные люди, не расстающиеся с оружием. Иногда они выходят [в море] на лодках и нападают на торговые корабли, забирая себе их грузы. Они не допускают в свои ряды никого, кроме своих соотечественников, и не боятся никаких врагов.

***

Жители Зāбаджа и других соседних островов ходят [в Софалу] за железом и вывозят его во все страны Индии и на ее многочисленные острова.

***

К югу от острова Рāмй̄ есть еще один густонаселенный остров, который называется ал-Бй̄намāн. Там есть большой город. Местные жители едят кокосы и находят им различное применение. Эти люди очень смелы и отважны... На острове много слонов, красного сандала, бамбука и сахарного тростника...

Купцов из Қумра и страны Махарāджи, которые прибывают сюда [в Джабасту в Восточной Африке], хорошо принимают и они здесь торгуют.

***

Остров Калāх велик и управляется царем, которого называют Джāбат ал-Хиндй̄. Там есть богатое месторождение олова. Металл очень чист и светел, но торговцы подмешивают к нему [другие металлы] после добычи из рудника и развозят его по всему миру. Местные жители носят лишь одну *фўту* – как мужчины, так и женщины. На острове растут ротан и превосходная камфара...

За этим островом расположены острова Джāба, Салāхит̄ и Харандж. Каждый из них отделяет от соседних около двух *фарсахов*. Все они управляются одним правителем. Этого царя называют Джāба, он носит плащ и диадему из золота, украшенную жемчугом и драгоценными камнями. Его изображение чеканят на монетах. Он очень почитает Будду. Это слово – *будд* – означает храм на индийском языке. Царский храм очень красив и снаружи облицован мрамором. Внутри и вокруг храма можно увидеть идолов из белого мрамора, голова каждого из кото-

рых украшена золотой короной. Молитвы в таких храмах сопровождаются пением и проводятся с большой торжественностью и согласно строгому церемониалу. Молодые красивые девушки устраивают танцы и другие развлекательные зрелища для тех, кто молится или присутствует в храме. К каждому Будде приставлено определенное число таких девушек, которых кормят и одевают за счет храма. У них принято, что если у женщины рождается дочь, выделяющаяся своим ростом и красотой, то ее посвящают Будде. По достижении отроческого возраста девушку наряжают в лучшие одежды, какие семья может себе позволить, и в сопровождении родителей и родственников обоего пола отводят [в храм], где мать подводит ее за руку к Будде, которому она посвящена. Затем ее вверяют служителям [храма] и уходят. С этого момента она переходит под опеку женщин, обучающих ее искусству танца, пантомимы и других представлений, которые ей необходимо знать. Когда она достигает достаточного мастерства, на нее надевают великолепные одежды и множество украшений, и она навсегда становится служительницей храма. Отныне она не может ни уйти, ни прекратить [свою службу]. Таков обычай индийцев, которые поклоняются Будде.

***

На острове Харандж есть огромная пропасть, дна которой еще никому не удавалось достичь. Это поразительное чудо.

За островом Джāба и поблизости от него находится остров Мā'ит, входящий во владения правителя Джāбы. Там растут кокосы, бананы, сахарный тростник и рис.

***

Слева от острова Мā'ит расположен Тийūма, а расстояние между ними – день [пути].

***

От Лūкйна, что на побережье Индии, до Қāқулы – семь дней. Қāқула стоит на берегу реки, которая впадает в Индийский Биханк. В городе Қāқула много шелка, а его жители разводят шелковичного червя. Поэтому один из видов ткани и разновидность шелка называют *ал-қāқулй*. От Қāқулы до Кашмира – десять дней.

(Tibbetts 1979: 51-54; Ferrand 1913 (I): 185-186)

Йакут

«Словарь стран»

Текст отрывков из сочинений Йакута приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Первая часть Китая – это Джәйә. Оттуда попадают в опасное море, где часто происходят крушения, а затем прибывают уже в сам Китай.

***

По словам Абӯ-р-Райхәна [ал-Бйрүнй], экватор начинается на востоке, к югу от Китайского моря и Индии, и проходит через несколько островов в этом море, пока не достигает границ Занджа, расположенного на материке. Затем он пересекает остров Каләх, а это – порт, расположенный на полпути между Китаем и Оманом, затем – остров Срибуза в Зеленом море, с восточной стороны, и проходит к югу от Серендйба и островов Дйбаджәт.

***

Зәбадж – это остров, расположенный на границе индийских земель, за морем Харканда и на границе с Китаем. Говорят, что это земли Занджа. Его обитатели внешне похожи на обычных людей, но их обычаи подобны нравам диких животных. Там водятся *ниснәс* с крыльями, как у летучей мыши. О них рассказывают удивительные вещи, собранные в книгах. Там также водятся мускусная крыса и циветта, напоминающая кошку. Те, кто бывал в тех краях, рассказывали мне, что мускус циветты – это пот животного, которое на жаре потеет мускусом. Тогда его соскабливают с животного при помощи ножа.

***

[Купцы не добираются до Китая]. Они достигают только границы – страны, известной как Джәйә, расположенной на побережье и похожей на Индию. Оттуда вывозят алоэ, камфару, нарды, гвоздику, мускатный цвет, лекарственные растения из Китая и китайские вазы.

***

Каләх – это страна на краю Индии, откуда вывозят алоэ. Абӯ-л-Аббәс аҫ-Ҫуфрй, поэт Сейфа ад-Даўлы, сказал:

Она источает аромат, резкий, как мускус,

Растертый на пальцах, или как алоэ *ал-каләхй*.

Это также порт в Индийском океане, расположенный на экваторе на полпути между Оманом и Китаем.

(Tibbetts 1979: 55-56)

«Книга об именах»

Калāх – город на краю Индии, откуда вывозят алоэ. Қал’а – оловянный рудник. Один такой есть в Калāхе, а это – первая индийская страна на границе с Китаем.

(Там же: 56)

«Места наблюдения»

Қал’а – страна в начале Индии, на границе с Китаем, откуда привозят олово *ал-қал’й* и мечи *ал-қал’й*.

(Там же: 56)

Ал-Казвини

«Космография»

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Один из видов птиц называется *ал-хаўārī*. Они больше суданских, но меньше кольчатого голубя. У них желтый клюв, черные крылья и белое брюшко, а разговаривают они почти так же хорошо, как попугаи. Там есть также человекообразные существа, которые разговаривают на непонятном языке и едят так же, как люди. Они бывают белыми, черными или зелеными, а некоторые из них имеют крылья и могут летать.

***

Остров Ниас. На этом острове живут нагие белокожие люди изумительной красоты. Они прячутся высоко в горах из страха, что секрет их необыкновенной красоты будет раскрыт. Эти люди каннибалы.

За этой местностью расположены два длинных обширных острова, населенные народом черных великанов. Они имеют огромный рост и большие животы, а стопы их почти в локоть

длиной. Волосы у них черные и вьющиеся, а лица – вытянутые и безбородые. Эти люди тоже каннибалы.

***

Остров Атаўран. На этом острове есть носороги, обезьяны размером с осла и камфарное дерево.

Салāхит. Оттуда происходят нард, сандал и камфара. Говорят, что там есть рыба, которая выходит из моря, взбирается на деревья и высасывает сок из фруктов. Затем она падает на землю, как будто от опьянения, и люди подбирают ее.

Авторы Тухфат ал-ґарā'иб говорят: «Одно из чудес этого острова – это источник, из которого бьет вода. Поблизости расположено отверстие, через которое она течет. Всякий раз, как несколько капель попадают на край этого отверстия, они становятся твердыми, как камни. Капли воды, упавшие днем, превращаются в белые камни, а упавшие ночью – в черные».

***

Гора ал-Джādūr находится в стране Қақула в Зāбадже. Там можно встретить разновидность белого сокола с красными перьями на голове, белых бородатых обезьян, похожих на баранов, а также еще один вид обезьян с белым брюхом и черной спиной.

***

Здесь [в Фансӯре] есть вид рыб, которые без воды превращаются в твердый камень.
(Tibbetts 1979: 56-57)

Ибн Саид ал-Гарнати

Текст приводится по английскому тексту Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979) и в переводе Л. Е.Куббеля (Древние и средневековые источники... 2002 (4)).

***

К югу от Острова Обезьян и среди островов Килвы расположены острова Каримата, занимающие территорию около 330 миль в окружности. Их населяют чернокожие пираты. К востоку на той же параллели находится Остров Вулкана... Эти острова находятся рядом с Килвой и также рядом с островами Зāбаджа. Последние очень известны, по словам путешественников.

Крупнейший из этих островов – это Срибуза, длина которого с севера на юг – 400 миль, а ширина – как на юге, так и на севере – 160 миль. Там есть удобные выходы к морю, а его город, Срибуза, находится в середине острова в месте, где в него вдается залив. Он расположен на реке, долгота его 88.30, а широта – 3.40. На этом острове есть и другие города, названий которых мы не знаем...

За островами Зāбадж находится остров Унқўджа. При помощи многочисленных войск и военного снаряжения его правитель большую часть времени контролирует острова Зāбадж. К юго-востоку от Срибузы находятся бесчисленные острова, составляющие архипелаг Зāбадж. Большинство из них населены черными.

***

На юго-востоке расположены острова Махарāджи. Они многочисленны и упоминаются в книгах. Там добывают превосходное золото. Их правитель – один из богатейших царей Индии и владеет наибольшим числом слонов. Столица Махарāджи находится на крупнейшем из островов архипелага, длина которого – 200 миль, а ширина – 100 миль. Город расположен на западном побережье, долгота его – 151°, а широта – 12°30′. К востоку от него находится устье реки, которая стекает с горы, расположенной к северу. Утверждают, что царский дворец стоит на широком канале, дно которого выложено серебром. Оба конца его перекрыты, так что ничего из того, что находится внутри, не может попасть наружу... Один единственный кирпич кладут с одной стороны, а кирпичи, отмечающие годы, – с другой. Чтобы узнать, сколько правил царей, нужно сосчитать одиночные кирпичи. Узнать же срок правления настоящего правителя можно по указателю. [Слитки] никогда не смещают, ведь они находятся в месте, куда падают солнечные лучи на восходе, и по утрам сияют из под воды. Там есть корунды, изумруды и жемчужины, в обладании которыми [Махарāджа] соревнуется с другими царями, и которые составляют предмет его гордости. Это место – его сокровищница...

К югу от островов Махарāджи находится остров Джāўа, большой и известный. Корабли ходят туда за всевозможными индийскими лекарствами, которые там есть, а также потому, что местные жители хорошо известны своим обращением с чужестранцами. Самая западная точка острова находится на долготе 144°, а среди городов этой области – Лāмрї, хорошо известный путешественникам. Широта этого места 5°. На юге острова, в его юго-западной его части, находится город Фансўр, в честь которого названа камфара *ал-фансўрї*. Он расположен на том же меридиане, что и Лāмрї, а широта его – 1°30′. Горы Камфары тянутся от этого города до самого конца острова, с запада на восток. В средней части острова, в Горах Камфары, находится столица – город Джāўа. Там пребывает правитель этого острова и других окружающих его и

близлежащих островов. Алоэ *ал-джайй* называется в честь этого города. Оно черное, тяжелое и тонет в воде, как камень. Говорят, что эта древесина алоэ – это корень дерева. Долгота этого города – $149^{\circ}20'$, а широта – 3° .

В юго-восточной части находится город Калāх, хорошо известный путешественникам и знаменитый своим оловом *ал-калāхй*. Широта этого города – $154^{\circ}12'$.

На северо-восточном побережье расположен город Малāйур, который широко известен. Это место якорной стоянки. Долгота его чуть больше, чем у Калāха, а широта такая же, как у Лāмрй. Все упомянутые города расположены в устьях рек. Протяженность острова – около 800 миль. Справа налево выступают два мыса, ширина пролива между которыми – только две мили. Море там неглубокое. Это место называют Бинтан. Там есть маленькие острова, с которых появляются черные пираты, вооруженные отравленными стрелами и на военных кораблях. Они грабят людей, но не берут их в плен. Тем не менее, некоторые были ими захвачены... Миновав Бинтан, путешественники надеются на благополучное завершение плавания. На подступах к Бинтану попадают на острова Қāмрӯн. Правитель живет на крупнейшем из них, расположенном к востоку от Джāйу. Название города, Қāмрӯн, – это также и наследственный титул царя. Мы приводили его родословную в рассказе о Қумре. Этот остров находится на долготе 158° и широте 6° . К западу расположены многочисленные маленькие острова. Длина крупнейшего из них – около 400 миль, а ширина – 100 миль. На западе на находятся небольшие острова, являющиеся частью Джāйу. Там есть индийские лекарства и олово *ал-қал'й*. Среди этих островов – остров вулкана, подобный тому, который упоминался ранее. Также среди этих островов – остров Махӯк, внутренних районов которого еще никому не удавалось достичь. За южными островами Қāмрӯн находятся горы Камфары, которым нет числа. Они принадлежат Қāмрӯн, но были захвачены китайцами – точнее, те из них, что расположены близко к их берегам.

***

К востоку от Фаўфала находятся горы Қāқулы. В них есть области и города, среди которых – Қāқула, 150° широты и $21^{\circ}50'$ долготы. Там есть река, которая стекает с горы на севере, направляется на восток и впадает в великую реку Тарāғā. К востоку от страны Қāқула расположена большая горная цепь, протянувшаяся от границы четвертого климата до Индийского океана. Эта цепь отделяет [Қāқулу] от народа *ҳанаба*, столица которого – Ханаба – находится к востоку от великой реки Тарāғā.

(Tibbetts 1979: 57-60)

***

Из числа островов Килвы еще и остров Кармух, населенный чернокожими; к востоку от него расположен остров ал-Буркан с горой, из которой по ночам всегда полыхает огонь, днем валит дым. Близ этих островов расположены острова ар-Ра'их. Самый крупный из них — остров Сарира со столицей Сарира и остров ал-Унфуджа, у правителя которого такая сила и могущество, что он временами простирает его на все острова ар-Ра'их. С южной стороны находится ал-Х... а; жители ее в основном питаются бананами. К востоку от нее столько мелких островов [группы] ар-Ра'их, что не счесть. Большая часть этих островов населена черными; некоторые входят в пределы пятой части, а там, где она кончается, у экватора находится Арин, о котором уже рассказано...

(Древние и средневековые источники... 2002 (4): 150)

Ад-Димашки

«Выборка времени о диковинках суши и моря»

Текст приводится по английскому переводу Дж. Р. Тиббетса (Tibbetts 1979).

***

Царство Махарādжи находится в одноименном море. Река Хумдāн впадает в море Махарādжи, которое является частью Китайского моря... В море Санхай... расположено царство Махарādжи. Море Зāбадж находится за морем Лāрўй, в нем находятся острова Рāнадж, а название их происходит от кокоса, который там растет.

***

Остров Салāхит̄ имеет триста миль в окружности и покрыт горами и лесами. Там в изобилии произрастают кокосовые пальмы.

***

Остров Санхай является частью владений Махарādжи, которые включают также множество островов, расположенных близко друг к другу, больших и малых.

***

Остров Махарādжи очень велик, длина его составляет двенадцать дней [пути], а ширина — пять. На его оконечности расположен большой вулкан, который извергает пепел, подобный камням, в сопровождении раскатов грома и вспышек света. Из-за близости огня в радиусе *фар-*

саха нет ни жилья, ни дорог. Этот вулкан крупнейший в мире, и нет ему подобных. Место, где он находится, называется Остров Вулкана, и по отношению к остальному острову он то же, что стопа по отношению к ноге. Когда кто-нибудь причаливает к этому острову перед бурей, то выходят маленькие черные люди не более пяти пядей ростом. У них наружность чернокожих, и они карабкаются повсюду, не причиняя никому вреда. Увидев их, моряки уверяются, что погибнут или потерпят крушение. Если же Господь желает спасти их и отвести от них эту беду, то являет им белую сияющую птицу на верхушке мачты, появление которой приветствуют всеобщим ликованием. После того, как опасность миновала, птица улетает, и никто не знает ее дальнейшей судьбы.

***

Там [в Калāхе] есть слоны, ввезенные с континента, которых тренируют и наряжают для правителей страны.

***

Острова Каримата имеют 300 миль в окружности. На них расположено три больших города. Там есть сахар, который добывают из большого дерева, называемого *ал-‘ушар*. Цветы этого дерева дают разновидность блестящего шелка, который используют в прядении и ткачестве.

***

Из городов, расположенных на побережье моря Махарāджи к северу, мы назовем четыре: Калāх, Лāўрй, Махарāдж и Балхўр. Гуджарат омывается морями Ма‘бара и Махарāджи.

(Tibbetts 1979: 61-63)

***

Что касается Сариры, то ее окружность [составляет] тысячу двести миль, на ней много городов. Самый знатный из них — Сарира. С этого острова вывозят хорошую камфару.

(Древние и средневековые источники... 2002 (4): 354)

Абу-л-Фида

«Упорядочение стран»

Перевод выполнен с арабского текста, изданного М. Рено и бароном де Слэном (Géographie d'Aboulféda 1840).

***

Рассказ об островах Восточного моря...

По словам Ибн Саида, острова Рāнадж известны среди купцов и путешественников. Крупнейший из них – остров Серйра, протяженность которого с севера на юг – 400 миль, а ширина его в любой части, что на юге, что на севере, – около 160 миль. Там есть пристани, а город Серйра находится в середине острова [в месте, где в сушу] вдается морской залив, и стоит он на реке... Среди островов Индийского моря – остров Джāўа. Это большой и известный остров, богатый пряностями. На юге острова Джāўа находится город Фансӯр, откуда происходит камфара *ал-фансӯрӣ*.

(Géographie d'Aboulféda 1840: 368-369)

***

Острова Рāнадж, согласно *ал-Атўāl¹*, находятся... к югу от первого климата в Зеленом море. В книге *ал-Атўāl* сказано, что на островах Рāнадж есть змеи [способные] заглотить человека или буйвола, а также горы, постоянно горящие огнем. Эти всполохи пламени видны в море с расстояния дней пути.

(Там же: 372-373)

***

Согласно *Қāнӯну²* и *ал-Атўāl*, остров Кала находится на долготе 130° и широте 8°. Он расположен к югу от первого климата в Индийском море. Порты острова Кала лежат между Оманом и Китаем. Оттуда привозят олово, которое называется в честь [этого острова]. Ал-Мухаллабӣ в своем *'Азйзӣ³* сообщает, что остров Кала находится в Индийском море, и на нем расположен процветающий город, населенный мусульманами, индийцами и персами. Он пишет, что там есть оловянные рудники, бамбуковые роши и камфарные деревья, а оттуда до островов Махрāджа – двадцать дневных переходов.

***

Согласно *Қāнӯну*, остров Махрāджа, он же Серйра, имеет долготу 140° и широту 1° и находится к югу от первого климата. Это большой остров в Зеленом море. По словам Ибн Саида, островов Махрāджа множество, а их правитель – один из богатейших индийских царей, у него

¹ «Китāб ал-атўāl ўа-л-'урӯд» ал-Фариса (X в.).

² «Ал-Қāнӯн ал-Мас'ӯдӣ» ал-Бируни.

³ «Китāб ал-масāлик ўа-л-мамāлик» Хасана ибн Ахмада ал-Мухаллаби (X в.).

больше всех золота и слонов. Его резиденция находится на большом острове. По словам ал-Мухаллабй, остров Серйра густонаселен и подчиняется Китаю. Когда корабль отплывает оттуда в Китай, то [путь] ему преграждают горы, выступающие в море на расстояние десяти дней пути. Когда путешественники приближаются к ним, то обнаруживают в этих горах проходы и расщелины. Каждый из этих проходов ведет в одну из областей Китая.

(Там же: 374-375)

Ибн Баттута

«Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий»

Перевод выполнен с арабского текста по изданию Ш. Дефремери и Б. Р. Сангинетти (Voyages... 1858 (IV)).

***

Я вернулся в Қалиқұт. Туда прибыли два моих слуги, бывших на [пропавшем] *какаме*. Они рассказали мне, что девушка, которая была беременна и за которую я волновался, умерла, и что правитель Джәўы захватил остальных рабынь и завладел имуществом, а мои товарищи рассеялись по Китаю, Джәўе и Бенгалии.

(Voyages... 1858 (IV): 109)

***

Когда мы прибыли в [Сунуркәўән], то нашли там джонку, готовую отплыть на Джәўу, а дотуда – сорок дней [пути]. Мы сели на нее и через пятнадцать дней прибыли в страну Барахнакәр... Там есть община мусульман – выходцев из Бенгалии и с Джәўы, которые живут в отдельном квартале.

(Там же: 224-225)

***

Затем мы отплыли [из Барахнакәр] и через двадцать пять дней прибыли на остров Джәўа, откуда происходит ладан *ал-джәўй*. Мы увидели ее [берега] после того, как прошли полудневный путь. Это зеленый, цветущий [остров]. Большая часть [произрастающих там] деревьев – это кокосовые и арековые пальмы, гвоздика, индийское алоэ, деревья *аш-шакй* и *ал-баркй*, манго, джамун, сладкие апельсины и камфарный тростник. Жители Джәўы покупают и продают за

мелкую монету и необработанное китайское золото. Многие пряности и благовония [на этом острове] есть только в землях неверных, тогда как в землях мусульман их меньше.

Когда мы подошли к пристани, к нам подплыли местные жители на маленьких лодках, везя кокосовые орехи, бананы, манго и рыбу. По местному обычаю, они дарят это купцам, а те вознаграждают их, кто как может. К нам поднялся также помощник начальника порта. Проверив купцов, которые были с нами, он позволил нам сойти на берег. Мы высадились в порту – большом поселении на берегу моря. Там находятся постройки, которые называют *ас-сархā*. Оттуда до города четыре мили. Бехруз, помощник начальника порта, написал султану, извещая его о моем прибытии. [Султан] приказал встретить меня эмиру Даўласе, благородному қадї Амїру Сеййиду аш-Шїрāзї, Тāдж ад-Дїну ал-Исфāхāнї и другим фāқїхам. Они выехали с этой целью и привели лошадей, одна из которых принадлежала султану. Мы с моими спутниками поехали верхом и прибыли в столицу султана – Сумутру, большой красивый город, окруженный деревянной стеной с деревянными башнями.

Рассказ о султানে Джāўы

Султан ал-Малик аз-Зāхир, достойнейший и благороднейший правитель, принадлежит к шафиитскому мазхабу и благоволит к фāқїхам, которые посещают его двор для чтения и бесед. Он много воюет с неверными и часто совершает военные походы. Он так скромнен, что ходит на пятничную молитву пешком. Жители его страны – шафииты, они охотно воюют с неверными, добровольно сопровождая [султана в походах]. Они подчинили неверных, живущих по соседству, и те платят им джизью в обмен на мир.

Рассказ о том, как мы прибыли во дворец [султана], и о его милости к нам

Когда мы подъехали к дворцу султана, то увидели перед ним копья, воткнутые по краям дороги. Они служат знаком того, что нужно спешиться, никто не проезжает мимо них верхом. Мы спешили [в этом месте], вошли в мишўар и увидели наместника султана, которого называют опорой государства. Он поднялся нам [навстречу] и поприветствовал нас, а здороваются у них рукопожатием, и мы с ним сели. [Наместник] написал султану послание, извещая его [о нашем приезде], запечатал его и отдал одному из слуг. Ему пришел ответ, [написанный] на оборотной стороне [послания]. Затем один слуга принес узел, а это сверток из ткани. Наместник взял его в руку, потом взял меня за руку и отвел в помещение, которое называют *фардахāна* (по форме как *зардахāна*, только в начале буква *фā*). Это место его дневного отдыха, ведь наместник султана обычно приходит в мишўар после рассвета и покидает его только поздно вечером. То же касается везиров и высокопоставленных эмиров.

[Наместник] вынул из узла три *фўты* – одну из чистого шелка, другую из шелка и хлопка и третью из шелка и льна. Затем он достал три предмета одежды наподобие *фўты*, которые

называют нижним платьем, три одеяния разных видов, именуемые средним платьем, три одеяния из шерсти, одно из которых было белым, и три чалмы. Я надел одну из *фѹт* взамен шаровар, как у них принято, и по платью каждого вида. А мои спутники взяли то, что осталось. [Нам] принесли еду, в основном рис, затем подали ячменный напиток, а затем – бетель, что означает окончание [трапезы]. Мы взяли его и поднялись, и вместе с нами поднялся наместник. Мы вышли из мишѹара и поехали верхом, и наместник поехал вместе с нами.

Нас привели в сад, окруженный деревянной оградой. В глубине сада было деревянное строение, устланное окрашенными и неокрашенными полотнищами бархата из хлопка, называемыми *ал-мухмалѹт*. Внутри дома были лежанки из бамбука, а на них – стеганные одеяла из шелка, легкие покрывала и подушки, которые называют *ал-бауѹлишит*. Мы сели там, и с нами наместник. Затем эмир Даѹласа привел двух невольниц и двух невольников и сказал мне: «Султан передает тебе, что это соразмерно нашим возможностям, а не возможностям султана Мухаммада». Затем наместник вышел, а эмир Даѹласа остался со мной. Мы с ним были знакомы, потому что он приезжал с посольством к султану [Мухаммаду] в Дели. Я спросил его: «Когда я смогу увидеть султана?» И он ответил: «Наш обычай таков, что султан принимает вновь прибывшего только через три дня, чтобы [гость] мог отдохнуть с дороги и прийти в себя».

Мы оставались [там] три дня. Трижды в день нам подавали еду, а утром и вечером приносили фрукты и подарки. На четвертый день, в пятницу, ко мне пришел эмир Даѹласа и сказал: «Султан примет тебя в мақсѹре мечети после молитвы». Я отправился в мечеть и совершил пятничную молитву вместе с ее служителем Қайрѹном. Затем я вошел к султану и увидел қадѹ Амѹра Сеййида и учеников, [сидевших] по обе руки от него. [Султан] пожал мне руку, и я поприветствовал его. Он усадил меня слева от себя и стал спрашивать о султанине Мухаммаде и моих странствиях. Я ответил [на его вопросы], и он вернулся к беседе о фикхе шафиитского мазхаба. Так продолжалось до послеполуденной молитвы. Помолившись, [султан] зашел в помещение, расположенное рядом, снял бывшие на нем одежды фақѹха, в которых он ходит пешком в мечеть на пятничную молитву, и надел облачение правителя – кафтаны из шелка и хлопка.

Рассказ об отбытии [султана] во дворец и порядке его приветствия

На выходе из мечети у ворот ожидали слоны и лошади. По местному обычаю, если султан едет на слоне, то его свита едет на лошадях. Если же он едет на лошади, то [прочие] едут на слонах. Ученые мужи были справа от [султана]. В тот день он сел на слона, а мы – на лошадей и отправились с ним в мишѹар. Мы спешили, где положено, а султан въехал внутрь верхом. В мишѹаре уже ожидали, выстроившись рядами, везиры, эмиры, писцы, местная знать и военачальники. В первом ряду стояли везиры и писцы, а везиров было четверо. Они поприветствова-

ли [султана] и вернулись на свои места. Вслед за ними ряд эмиров поприветствовал его и занял свое место. Затем то же самое сделали остальные группы – ряд шарифов и факихов, затем ряд сотрапезников, ученых и поэтов, затем ряд военачальников, и, наконец, ряд слуг и рабов. Султан остановился на своем слоне перед [почетным] сидением под балдахином, а над головой его был украшенный драгоценными камнями зонт. По обе стороны от [султана] находилось по пятьдесят украшенных слонов, а также по сотне нубийских лошадей. Перед [султаном] стояли распорядители. Затем пришли мужчины-музыканты и стали петь перед ним. И привели лошадей, покрытых шелком, в золотых ножных кольцах и вышитых шелковых недоуздках, и те гарцевали перед [султаном]. Я подивился этому, потому что видел подобное у правителя Индии. На закате султан вошел во дворец, а [после] и прочие разошлись по своим домам.

Рассказ о мятеже, который поднял племянник [султана], и том, что послужило ему причиной

У [султана] был племянник (сын брата), женатый на его дочери, которому он доверил управление одной из областей. Юноша полюбил дочь одного эмира и захотел на ней жениться. По местному обычаю, если у кого-то, будь то эмир, купец или кто-либо еще, есть дочь, достигшая брачного возраста, то он должен повиноваться в ее деле воле султана. Султан посылает кого-нибудь из женщин посмотреть на нее, и, если ему понравится описание [девушки], то он женится на ней. В противном случае, он разрешает родственникам выдать ее за того, за кого им угодно. Люди здесь стремятся отдать своих дочерей в жены султану, чтобы добиться, таким образом, высокого положения и почета. Когда отец девушки, которую любил племянник султана, обратился [к султану], тот послал посмотреть на нее и взял ее в жены. Любовь юноши к ней все усиливалась, но он не находил способа [увидеться с ней]. Затем султан отправился в поход, а до земли неверных был месяц пути. Тогда племянник восстал против него, вошел в Сумутру, ведь тогда она не была окружена стеной, и захватил власть. Часть людей присягнула ему, остальные же отказались. Его дядя узнал об этом и повернул назад. Тогда племянник взял имущества и сокровищ, сколько смог, забрал девушку, которую любил, и бежал в земли неверных в Мул Джайе. Потому его дядя и построил стену вокруг Сумутры.

Я оставался у [султана] в Сумутре пятнадцать дней, а затем попросил у него разрешения отплыть, потому что наступил сезон. Ведь в Китай нельзя отправляться в любое время. [Султан] предоставил нам джонку, снабдил нас провизией и был добр и милостив [к нам], да вознаграждает его Аллах. Он послал с нами своих приближенных, которые доставили нам на джонку угощение.

Мы плыли вдоль [побережья] его страны двадцать одну ночь, а затем прибыли в Мул Джайу – страну неверных, протяженность которой – два месяца пути. Там есть пряности и бла-

говония, а также превосходное алоэ *ал-қāқули* и *ал-қмāри*, а Қāқула и Қмāра – из числа областей [этой страны]. В землях султана аз-Зāхира на Джāёе есть только ладан и камфара, а также немного гвоздики и индийского алоэ. И лишь в Мул Джāёе есть большинство из этого. Теперь расскажем о тех [пряностях], которые видели своими глазами и сами познали.

Рассказ о ладане

Ладанное дерево мало – высотой с человеческий рост или того меньше. Ветви его подобны ветвям артишока, а листья маленькие и нежные. Порой они опадают, и на дереве не остается ни листочка. Ладан – это смола, которая образуется в ветвях [этого дерева]. В мусульманских землях [ладана] больше, чем в землях неверных.

Рассказ о камфаре

Камфарное дерево – это тростник, вроде того, что [растет] в наших землях, только стебли его длиннее и толще. Камфара находится внутри этих стеблей. Если сломать тростинку, то внутри можно найти камфару той же формы, что и стебель. Удивительный секрет [камфары] в том, что она образуется в этом тростнике только тогда, когда у его корней убивают какое-нибудь животное. В противном случае, никакой камфары не возникает. Самое холодное ароматическое вещество, мера которого весом в один дирхам смертоносна, т. к. останавливает дыхание, называется у них *ал-хардāла*. У [корней] тростника, [дающего этот сорт камфары], убивают человека или же, вместо него, слоненка.

Рассказ об индийском алоэ

Индийское алоэ – дерево, напоминающее дуб, только кора его тонкая. Листья его похожи на листья дуба, а плодов у него нет. [Алойное] дерево не достигает больших размеров. Корни у него длинные, тянутся далеко, и в них содержится ароматическое вещество. Что касается ветвей и листьев этого дерева, то они не имеют запаха. В землях мусульман все деревья [алоэ] находятся в собственности. В землях неверных же большая часть [алоэ] никому не принадлежит. В собственности находится то, что [растет] в Қāқуле, а это – лучшее алоэ. *Ал-қмāри* – также превосходнейший вид алоэ, его продают жителям Джāёу в обмен на одежды. Есть сорт *ал-қмāри*, на котором остаются отпечатки, как на воске. Что касается [сорта] *ал-‘атāс*, то корни его отрубают, закапывают в землю на месяцы, и они сохраняют свои свойства. Это самый восхитительный из сортов [алоэ].

Рассказ о гвоздике

Гвоздичные деревья старые и большие. В землях неверных их больше, чем в землях мусульман. Из-за того, что их много, они никому не принадлежат. В наши земли ввозят ветви [этих деревьев] и то, что люди у нас называют цветками гвоздики, а это – то, что падает из ее цветов. Они напоминают цветы апельсина. Плоды гвоздики – это мускатный орех, известный у

нас как ароматный орех, а цветы, появляющиеся на ней – это «мускатный цвет». Все это я видел своими глазами.

Мы прибыли в порт Қақулы и застали там множество джонок, готовых к пиратским набегам, а также [выступить] против тех судов, которые не подчиняются их [требованиям], ведь с каждого судна у них [взимается] пошлина. Мы сошли с джонки [и вступили] в Қақулу – красивый город, окруженный стеной из тесаного камня, такой широкой, что по ней могут пройти три слона. Первым, что я увидел [за стенами города], были слоны, груженные индийским алоэ, которое жгут в домах и ценят не больше, чем у нас дрова. Это в том случае, если они торгуют между собой, купцам же один груз [алоэ] продают в обмен на одежду их хлопковой ткани, которая ценится у них выше шелка. Слонов здесь очень много, на них ездят и возят [грузы]. Все привязывают своих слонов у дверей. Каждый лавочник привязывает слона у [своей лавки], ездит на нем домой и возит [грузы]. Все китайцы и жители Катая поступают подобным образом.

Рассказ о султানে Мул Джәўы

[Этот султан] – язычник. Я видел, как он сидел перед дворцом под балдахином на [голой] земле, и не было под ним ковра. С ним были местные вельможи, а войска представляли перед ним пешими. Лошади там есть только у султана, [все же прочие] ездят и сражаются только на слонах. Узнав обо мне, султан позвал меня к себе. Я подошел и сказал: «Мир идущему по правильному пути!», но [присутствующие] поняли [из этого] только слово «мир» (*ас-салām*). [Султан] поприветствовал меня и приказал постелить для меня плащ, чтобы я сел на него. Тогда я спросил толмача: «Как же я стану сидеть на плаще, когда султан сидит на земле?» И тот ответил: «Таков его обычай – смиренно сидеть на земле. Ты же – гость, и прибыл от великого султана, а значит, следует оказать тебе почет». Я сел, и [султан] коротко расспросил меня о султানে [Мухаммаде]. Затем он сказал мне: «Будь нашим гостем три дня, а затем ты продолжишь путь».

Рассказ об удивительном событии, увиденном мной при дворе [султана]

Я видел при дворе этого султана человека, в руке у которого был нож, напоминающий нож переплетчика. Он приставил [этот нож] к своей шее и долго говорил на языке, который был мне непонятен. Затем он схватил нож обеими руками и перерезал себе горло. Нож был таким острым, а хватка [этого человека] – такой сильной, что голова его упала на землю. Я подивился тому, что он сделал, и султан спросил меня: «Кто-нибудь поступает так у вас?» Я ответил ему, что никогда такого не видел. Тогда он рассмеялся и сказал: «Это наши рабы, они убивают себя из любви к нам». Затем он приказал унести [тело] и сжечь. Наместники, знать, военачальники и подданные удалились для сожжения. [Султан] назначил большое жалование детям [покойного], его жене и братьям, и они пользовались большим почетом из-за того, что тот сделал. Один из присутствовавших тогда при дворе рассказал мне, что в своей речи [тот человек] изъяснялся в

любви к султану, и что он убил себя [в знак] этой любви. Ведь так же отец его убил себя из любви к отцу [султана], а дед его – из любви к деду последнего. Затем я покинул двор, и [султан] присылал мне угощение в течение трех дней.

Мы вышли в море и через 34 дня оказались в море *ал-Кāхил*, а это море со стоячей водой красноватого цвета. Полагают, что это из-за прилегающей к ней земли. Там нет ни ветра, ни волн, ни [какого-либо] движения, несмотря на его обширность. Из-за этого моря каждую китайскую джонку сопровождает три судна, как мы уже говорили. Они идут на веслах и тащат ее за собой. При этом джонка оснащена примерно двадцатью веслами величиной с мачту, для гребли которыми объединяют усилия около тридцати человек. Они встают в два ряда, один напротив другого. К веслам крепятся два каната, толстые, как дубины. Один из рядов тянет за канат, а затем отпускает, и тогда другой ряд тянет [за канат со своей стороны]. При этом они поют красивыми голосами, как правило, повторяя: «*Ла 'лā, ла 'лā*».

Мы провели в этом море тридцать семь дней, и моряки поразились легкости, [с которой мы пересекли его]. Ведь обычно они проводят там от пятидесяти до сорока дней, причем в последнем случае [переход] считается у них легким. Затем мы прибыли в страну Таўāлисй, а Таўāлисй – это имя ее правителя. Это большая страна, а царь ее подобен императору Китая. Он владеет многочисленными джонками, при помощи которых воюет с китайцами, пока те не заключат с ним мир на выгодных условиях. Жители этой страны идолопоклонники, они имеют приятную наружность и видом своим напоминают турок. Большинство из них имеет красноватый оттенок [кожи], и им свойственны мужество и отвага. Их женщины ездят верхом, прекрасно стреляют и сражаются наравне с мужчинами.

Мы встали на якорь в порту города Кайлўкарй, а это один из самых красивых и больших городов [Таўāлисй]. Там жил сын их правителя. Но когда мы бросили якорь у пристани, появились воины, и капитан сошел к ним с подарками для царского сына и спросил о нем, то ему сказали, что отец поручил тому управление другой областью, этим же городом теперь правила его дочь, которую звали Урдуджā.

Рассказ об этой правительнице

На второй день после нашего прибытия в порт Кайлўкарй правительница пригласила капитана – владельца корабля, *ал-карāнй* – секретаря, а также купцов, командиров, *тандйла* – предводителя воинов и *синāхсāлāра*, командующего стрелками, на прием, который устроила для них по своему обычаю. Капитан предложил мне присоединиться к ним, но я отказался, поскольку [местные жители] были язычниками, и недозволительно есть их пищу. Когда [гости] пришли к [Урдудже], она спросила: «Есть ли кто-то из вас, кто не явился?». И капитан ответил: «Отсутствует лишь один человек – *бахшй* (а это *кāди* на их языке), который не ест вашей пи-

щи». Тогда она сказала: «Приведите его». Тогда ее люди пришли [ко мне] вместе с товарищами капитана и сказали: «Ты должен повиноваться правительнице!». Я отправился [на прием] и увидел ее сидящей в большом тронном зале. Перед ней стояли женщины, держа в руках записи, которые они ей подносили. Вокруг сидели ее советницы в креслах из сандалового дерева, расположенных ниже трона, а впереди стояли воины. Сиденье [правительницы] было покрыто шелком, над ним был шелковый балдахин, а само оно было из сандалового дерева, украшенного золотыми пластинами. В зале были резные деревянные скамьи, на которых стояло множество сосудов из золота, больших и маленьких, в том числе чаны, кувшины и кубки. Капитан рассказал мне, что они наполнены напитком, изготовленным из смеси сахара и пряностей, что пьют его после еды, и он имеет приятный запах, сладок на вкус, приносит радость, освежает дыхание, улучшает пищеварение и помогает в любви.

Когда я поприветствовал правительницу, она обратилась ко мне по-турецки: «*Хасан мисан йахшй мисан?* (*Хушмйсан йахшймйсан?*)», что значит: «Как твои дела, как ты?», и усадила меня рядом с собой. Она хорошо знала арабское письмо, и сказала одному из слуг: «*Даӯат уабатак к̄ат̄ур (гат̄ур)*!», а это значит: «Чернильницу и бумагу!». Ей принесли их, и она написала: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». [Урдудж̄а] спросила: «Что это?». Я ответил: «*Тандари (тангари) н̄ам*», что значит «Имя Божье». Она сказала: «*Хушн (хуш)*», т. е. «хорошо», а затем спросила: «Из какой страны ты прибыл?». Я ответил: «Из Индии». «Из страны перца?» - спросила она, и я ответил: «Да». Тогда [Урдудж̄а] стала расспрашивать меня об этой стране и ее делах, я отвечал ей, а затем она сказала: «Я непременно совершу поход и захвачу [Индию], поскольку меня поражают ее богатство и многочисленность войск». Я сказал ей: «Так и сделайте». Она подарила мне одежды, груз риса с двух слонов, двух буйволиц, десять овец, четыре *ратла* розовой воды (*джулл̄аб*) и четыре *мартаб̄ан̄ат* – больших сосуда, наполненных имбирем, перцем, лимонами и манго. Все это было засолено и заготовлено для плаванья.

Капитан рассказал мне, что в войске этой правительницы есть женщины, служанки и рабыни, которые сражаются как мужчины, и что она выступает с армией, состоящей из мужчин и женщин, и нападает на врага. [Урдудж̄а] наблюдает за сражением и вступает в поединки с лучшими из воинов. Он также рассказал, что однажды между ней и одним из ее врагов шел жестокий бой, многие воины [Урдуджи] были убиты, и [войско ее] было близко к поражению. Тогда она сама бросилась [в бой], прорвалась сквозь [ряды] воинов, добралась до правителя, который был ее противником, и пронзила его смертельным ударом. Тот упал замертво, и войско его сдалось. [Урдудж̄а] вернулась с головой [врага] на копье, а позже народ его заплатил за нее большой выкуп. Когда она вернулась к отцу, тот отдал ей во владение этот город, которым прежде правил ее брат. [Капитан] также поведал, что к [Урдудже] сватаются сыновья правителей, а она

говорит: «Я выйду замуж лишь за того, кто одержит надо мной победу в поединке». [Женихи] же не решаются вступать с ней в бой, опасаясь позора в случае поражения.

Затем мы покинули Таўāлисй, и ветер благоприятствовал нам. Мы шли полным ходом на большой скорости и через семнадцать дней прибыли в Китай.

(Там же: 228-254)

***

Когда я прибыл [в Зейтүн], то нашел там джонки, готовившиеся отплыть в Индию. Среди них была джонка с мусульманской командой, принадлежавшая ал-Малику аз-Зāхиру – правителю Джāўы. Его поверенный узнал меня и с радостью принял [на борт].

Благоприятный ветер сопровождал нас в течение десяти дней. Но когда мы приблизились к [берегам] Таўāлисй, ветер переменился, стемнело, и пошел сильный дождь. Десять дней мы не видели солнца, а затем оказались в незнакомом море. Люди на джонке испугались и захотели вернуться обратно в Китай, но это было невозможно. Сорок два дня провели мы, не зная, в каких водах находимся. На сорок третий день, на восходе солнца, мы увидели гору, [выраставшую] из моря. Мы были на расстоянии около двадцати миль от нее, и ветер нес нас в ее сторону. Моряки удивились и сказали: «Мы далеко от суши и не знаем в этом море никакой горы, если же ветер пригонит нас к ней, то мы погибли!». Тогда люди прибегли к молитве и покаянию. Они стали каяться и обращаться с мольбами к Всевышнему и его пророку, да благословит его Аллах и да приветствует. Купцы дали обеты раздать много милостыни, и я записал их для них своей рукой на полоске кожи. Ветер немного стих, и мы увидели, что гора та поднялась в воздух на фоне восходящего солнца, так что между ней и [поверхностью] моря виднелся свет. Мы подивились этому. Тут я увидел, что моряки плачут и прощаются друг с другом, и спросил: «Что с вами?». Они ответили: «То, что мы приняли за гору, – это Рух, если он увидит нас, то погубит!». Мы были на расстоянии менее десяти миль от него, но затем Аллах Всевышний даровал нам благоприятный ветер, который отнес нас в сторону от [Руҳа]. Больше мы его не видели и так и не узнали его истинного облика.

Через два месяца после того дня мы прибыли на Джāўу и остановились в Сумутре. Ее султан ал-Малик аз-Зāхир как раз вернулся из похода и привел много пленных. Он прислал мне двух девушек и двух юношей и поселил меня, как обычно. Я побывал на свадьбе сына [султана] и его племянницы (дочери его брата).

Рассказ о свадьбе сына ал-Малика аз-Зāхира

Я присутствовал на торжестве и видел, как в центре мишўара установили большой помост и покрыли его шелковыми тканями. Из дворца пешком вышла невеста с открытым лицом.

Около сорока знатных дам из семей султана, его эмиров и везиров сопровождали ее и несли за ней шлейф. Все они были с открытыми лицами, так что их могли видеть все присутствующие – и знать, и простолюдины. Так бывает только по случаю свадьбы и обычно у них не принято. Невеста поднялась на помост, и музыканты, мужчины и женщины, пели и играли перед ней. Затем появился жених на украшенном слоне, на спине которого было сиденье, а над ним – балдахин, напоминающий зонт. На голове у жениха был венец. По обе руки от него ехало около сотни сыновей правителей и эмиров, одетых в белое и верхом на украшенных лошадях. На головах у них были украшенные драгоценными камнями шапочки. Они были сверстниками жениха, и все как один – безбородые. С появлением [жениха] людям стали бросать динары и дирхамы. Султан сидел на возвышении, откуда наблюдал за происходящим. Его сын спешил и поцеловал его ногу, а затем поднялся на помост к невесте. Она встала [жениху навстречу] и поцеловала его руку. Он сел с ней рядом, в то время как знатные дамы обмахивали ее [опахалами]. Затем принесли орехи арековой пальмы и бетель. Жених взял немного в руку и вложил в рот [невесте], а затем и она взяла [немного] двумя руками и вложила ему в рот. Потом жених взял губами лист бетеля и вложил его в рот [невесте], а все это [происходило] на глазах у людей, и она сделала так же, как сделал он. Затем [невесту] накрыли покрывалом, и помост с [новобрачными] подняли и внесли во дворец. Люди поели и разошлись. На следующий день они собрались, и отец провозгласил [сына] своим преемником. Люди присягнули ему, и он щедро одарил их одеждами и золотом.

Я провел на этом острове два месяца, а затем отплыл на одной из джонок. Султан подарил мне много алоэ, камфары, гвоздики и сандала, а также снабдил провизией.

(Там же: 304-309)

***

Я прибыл в Фес и предстал перед Абӯ ‘Инāном... Его знания заставили меня забыть о знаниях правителя Джāўы.

(Там же: 332-333)